

Схватка с древним Злом все ближе!...

Патриция
Бриггз

Патриция Бриггз

Бел
Дракона

УДАР
ВОРОНА

УДАР ВОРОНА

PATRICIA BRIGGS

«Raven's Strike»

Патриция Бриггз

УДАР ВОРОНА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Б87

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Patricia Briggs
RAVEN'S STRIKE

Перевод с английского Д. Арсеньева

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилиной

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Virginia Kidd Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Подписано в печать 25.03.08. Формат 84х108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3 000 экз. Заказ № 8162.

Бриггз, П.

Б87 Удар Ворона : [фантаст. роман] / Патриция Бриггз; пер. с англ.
Д. Арсеньева. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 378, [6] с. —
(Век Дракона).

ISBN 978-5-17-049246-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-8052-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Говорят, некогда маги из Города, одержимые жадой познания, вызвали из тьмы страшного Сталкера — и лишь чудом сумели обуздать его и заточить в городских стенах, сами же бежали и превратились в неприкаянных бродяг — Странников. Говорят, чтобы помешать Злу вырваться из Города-темницы, Странники основали пять магических орденов, каждый из которых носит имя птицы.

И еще говорят, ни один из тех, кто по праву рождения принадлежит к Странникам, не избежит предначертанной ему судьбы...

И теперь судьба настигла целительницу Сэру из рода Ворона и ее троих детей, в каждом из которых в означенный час пробудились магические способности.

Им и их спутникам — таинственной красавице Хенне, не помнящей своего прошлого, и жалкой горстке отважных молодых воинов — предстоит вступить в схватку с порождением Зла — чернокнижником, задумавшим освободить из заточения Сталкера...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Patricia Briggs, 2005

© Перевод. Д. Арсеньев, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

*За вечера, полные песен и смеха, Дебби и Тому Ленцам,
Тео Хиллу Джейсону, Саре, Джейлен и Крису Стейскалам,
Джоан и Сью Уилсонам
и моему собственному Барбу Майклу
эта книга посвящается с любовью.*

Благодарности

Следующие люди прочли эту книгу или ее части в самой первоначальной форме и дали полезные советы: Майкл Бриггз, Колин Бриггз, Ди Энсвайлер, Майкл Энсвайлер, Джин Маттуччи, Дэн Маттуччи, Энн Питерс, Кей Роберсон, Кайл Роберсон, Клайд Роулэнд и Джон Уилсон.

Мне хочется также поблагодарить Робин Уокер за ее замечательные рисунки и Майкла Энсвайлера, составившего карту Колосса, которую нашла Ринни.

ПРОЛОГ

В восьмой год правления Форана, двадцать шестого носителя этого имени, умер септ Легея. Его сын Авар, много лет живший в Таэле и бывший ближайшим другом молодого императора, отправился в поместье, которое унаследовал от своего отца септа. Среди тех, кто путешествовал с новым септом, оказались и несколько колдунов, прибывших с тайной целью.

Один из них, маг-священник, остался, чтобы утвердить в Легее, земле древней силы, хорошо хранящей тайны, новую религию. Эту задачу колдуны считали наиболее важной.

Вторая задача заключалась в том, чтобы похитить мужчину — Барда, наделенного даром ордена Орла, — только что вернувшегося к своей семье с зимней охоты. Знакомое дело было не труднее многих предыдущих, — может, даже легче, потому что, например, ордены Мага и Охотника могли успешнее сопротивляться нападению колдунов, чем орден Барда.

У них не было причин считать, что этот мужчина чем-то отличается от десятков других мужчин и женщин, которых они похищали раньше. Я тоже так не считал, а должен был бы, потому что Таераган из Редерна был мне знаком.

Мысль о его неизбежной смерти, как ни странно, печалила меня. То, что эта смерть вообще что-то для меня значит, говорило мне, что я слишком долго ее откладывал. И в тот день, когда я послал за ним колдунов, я знал, что мне будет не хватать его пения. Несколько утешало меня сознание того, что, если бы он выжил, я все равно не мог бы слушать его песни: он сам или его родичи поняли бы, кто я такой. Однако я забыл, кем он был раньше, и помнил только фермера, который иногда по вечерам зарабатывал несколько лишних монет пением в «Добро пожаловать, герой».

Я не смогу наслаждаться его искусством, и поэтому будет правильно, если вообще никто не услышит музыку Таера. Так я говорил себе и перестал думать о его смерти. Поэтому я предоставил Таера своим колдунам, которые всегда хорошо служили мне, и занялся распространением своей религии.

Прошло почти сто лет, прежде чем я понял, что могу использовать не только силу смерти. Смерть притягивает меня, но я не хочу использовать ее чаще, чем необходимо. Она привлекает слишком много внимания, и к силе, которая несет разрушение, слишком быстро привыкаешь. Это делает меня безрассудным, а я хочу действовать тонко и осторожно. И поэтому я научился использовать очень сильные чувства: зависть, ненависть и похоть.

Мои храмы дают бесконечный приток таких чувств. В конце концов о чем молятся люди своим богам?

«Пусть мой отец умрет, чтобы я мог унаследовать его богатство», — говорит один, в то время как другой склоняет голову и просит: «Пусть жена Торена посмотрит на меня с желанием». Молитвы некоторых еще отчаяннее. «Пусть никто не узнает, что я украл золото своего господина. Я не хочу умирать». Я питаюсь такими желаниями, как когда-то боги. Эти желания делают меня сильным.

Я не Безымянный король. Его иногда считают единственным Черным. Но он был не первым Черным и, как свидетельствует мое существование, не последним. В отличие от него, мне не нужно поклонение и атрибуты власти, когда мне принадлежит сама власть. Я не хочу быть императором мира. Мне достаточно того, что другие осуществляют мои планы. Меня это забавляет.

Я горжусь тем, что знаю, кто из людей будет лучше других служить мне. И мне нравится это. Нравится, что люди всегда повиновались мне, всегда осуществляли то, что я им поручал.

Если бы я внимательнее следил за колдуном-священником Волисом, я бы увидел, что его честолюбие начинает мешать моим планам. И мог бы предотвратить разрушение моего храма в Редерне.

Однако он был удобен, но не необходим. Он был создан, главным образом, чтобы отвлечь честолюбивого и могучего колдуна Волиса и отстранить его от других моих дел. В моих

храмах в Таэле собирались тысячи. Я не нуждался в редернском храме и потому не охранял его так, как следовало бы. Да, это моя вина. Но в целом я считаю смерть Волиса таким же благом для меня, какой бедой была потеря храма. Волис стал слишком честолюбив и любопытен. И слишком много знал.

Уничтожение Тайного Пути в Таэле стало гораздо большей потерей, но тут я не виноват. Никто не ожидал, что Таер, который не был даже магом, сможет за несколько месяцев уничтожить то, что создавалось столетиями. Никто.

Это унижение до сих пор жжет меня.

Я мог бы их победить: разрозненная толпа Странников и личная армия септа не могли бы противостоять моему могуществу. Но это стало бы первым шагом в войне, которой я не хочу. Что хорошего в том, чтобы править миром, где нет подданных? Этот вопрос должен был бы задать себе Безымянный король. Но я думаю, что к тому времени он сжег большую часть того, чем был когда-то, и стал всего лишь исходом силы Сталкера. У меня есть план лучше.

Я могу исправить ошибку. Восстановить храм, восстановить мой Тайный Путь. Уничтожение не было таким абсолютным, как кажется: всегда найдутся честолюбивые люди, готовые служить мне. Таер не причинил мне непоправимый вред: он слишком ничтожен для этого.

Но за то, что сделал, что сделала его семья, он должен быть наказан. И он пожалеет, что не умер, до того как я с ним покончу. И, может, я удовлетворю его желание.

Глава 1

— Принеси ведро воды, Лорра. Толу, нужно больше угля.

Аливен знал, что голос его звучит слишком резко, но мир суров, и в нем нет места тем, кто не работает.

Краем глаза он видел, как дочь взяла деревянное ведро, стоявшее на своем месте у горна, и быстрым шагом пошла к колодцу.

Перебирая запас металла, он думал о том, что скоро потеряет ее. Уже два соседних фермера просили ее руки, но Лорра еще не решила. Он надеялся, что она выберет Дэнии-

ла, который всегда мягок, но уже успел доказать свою храбрость. Однако Лорра, кажется, предпочитает младшего Совернта.

Он будет рад, когда она выйдет за любого из них, хотя тогда у него останутся только Тол и Нона, а они еще малы, чтобы нести полное ведро воды и выполнять десяток других работ, необходимых в действующей кузнице.

— Побольше, Тол, — сказал он сыну, который только наполовину покрыл дно горна углем. — Утро не ждет, пока ты раскачаешься.

— Да, папа, — ответил мальчик тоном, едва скрывавшим недовольство.

— Следи за...

Его прервал крик Лорры.

— Непохоже на деревню, папа, — сказал Лер.

Таер улыбнулся младшему сыну, который за последние несколько месяцев превратился из мальчика в мужчину. Пепельно-светлые волосы, наследие народа матери, спрятаны под шапкой, но наблюдательный человек сразу определит, что в нем есть кровь Странников.

Лер, широко шагая, без труда держался наравне со С্কью, хотя старый боевой конь Таера шел быстро. Таер поменял позу в седле, пытаясь облегчить боль в правом колене. Он верил пословице, утверждающей: если у тебя что-то болит, значит, ты еще не умер, но это не означало, что боль его радует. Он глубоко вдохнул свежий лесной воздух, напоминая себе, что он свободен и направляется домой: немного боли — не слишком дорогая плата за это.

Он, прищурясь, посмотрел на кучку домов в небольшой зеленой долине.

— Деревня маленькая, но видишь первое здание? Рядом с ним печь. Это гончарная мастерская или пекарня.

— Но, папа, — сказал старший сын Таера Джес, который шел по другую сторону от отца, — Бенрольн говорит, что нам нужно зерно, а не посуда или хлеб.

— Это правда, — согласился Таер. — Сюда привезут зерно, если поймут, что здесь можно получить больше прибыли, чем на крупных рынках.

Джес удивленно нахмурился. Возможно, находил объяснение слишком сложным — или его отвлекло что-то другое.

Странно, что именно Джес, который выглядит точно так же, как любой деревенский парень из Редерна, дороже всех платит за кровь Странников, кровь своей матери. И меньшая часть этой платы в том, что он медлителен в мыслях и словах, отчего многие считают его недалеким, хотя это совсем не так.

— Что-то здесь не так, — сказал Джес немного погодя.

— Что именно? — спросил Таер. За словами Джеса иногда следить так же трудно, как за пересмешником в полете.

— Дома.

Джес неожиданно остановился и посмотрел вперед.

Таер остановил С্কью и попытался понять, что привлекло внимание Джеса.

— Над кузницей нет дыма, — сказал Лер.

— Вот именно, — сказал Джес, как всегда, кивая преувеличенно энергично. — В кузнице должен быть дым.

— Может, кузница сегодня просто не работает, — сказал Таер. — Скоро будем там.

Он слишком энергично сжал ногами бока коня и не смог сдержать болезненного вскрика.

Тень, истощившая его, колдуны, сломавшие ноги, и Странница-Целительница, не сумевшая залечить их быстрее.

Последнее несправедливо, и он это знал. Брюидд предупредила его, что поездка верхом, а не в фургоне, приведет к тому, что колени будут дольше восстанавливаться. Но и так плохо, что он едет верхом, когда все остальные тащатся пешком, — он ни за что не сядет в фургон.

— С тобой все в порядке? — спросил Джес, приближая руку к ногам Таера. — Мама велела мне присматривать за тобой.

— Это колени. — Таер, несмотря на боль, улыбнулся старшему сыну. — Слишком долго они приходят в норму. Должно быть, я старею.

— Мама говорит, что ты их слишком напрягаешь, — ответил Джес, нахмурившись. Очевидно, улыбка Таера была не такой убедительной, как он надеялся.

Все они суетились вокруг него, и Таер находил это одновременно трогательным и раздражающим. Он предпочел бы переживать свою боль в одиночку.

— Брюидд говорит, что твоя мать слишком нервничает, — ответил Таер.

— А мама говорит, что лечение нужно предоставить Жаворонку, — добавил Лер, хотя тоже выглядел озабоченным. — Брюидд знает, что делает.

Джес нахмурился.

— Со мной все в порядке, — повторил Таер.

Леру он мог бы сказать, чтобы тот оставил его в покое, но Джес, если что-нибудь взбредет ему в голову, становится удивительно упрямым. Поэтому Таер посмотрел ему прямо в глаза и твердо сказал:

— Даже твоя мать согласилась с тем, что я вполне могу отправиться в деревню, чтобы договориться о продуктах: ведь именно это и должны делать Барды. Мы должны этому клану Странников больше, чем можем заплатить, но я могу купить для них припасы дешевле и обеспечить благоприятный прием, когда они будут здесь в следующий раз. Колени все еще беспокоят меня и будут беспокоить еще с месяц или два, но постепенно мне становится лучше.

Помогало то, что он говорил правду. Джес это услышит.

— Мне не нравятся эти колдуны, — сказал Джес, и на мгновение в его голосе прозвучало нечто мрачное и чуждое.

— Мне тоже, — согласился Таер. Ему трудно было забыть о связи между больными коленями и колдунами, которые приказали их разбить. — Но они ушли навсегда и больше никому не причинят вреда.

— Мы тебя спасли, — с неожиданным удовлетворением сказал Джес. — И ты выздоровеешь, и мы идем домой. Ринни нам обрадуется. Я не хотел бы оставаться с тетей Алиной.

— Твоя тетя — хороший человек, — укорил его Таер. Его сестра с трудом воспринимала странности Джеса и поэтому хуже всего обращалась именно с ним. Тем не менее она его сестра, и он ее любит.

Джес с вызовом вскинул голову.

— Она груба и любит приказывать.

— Как мама, — сказал Лер с солнечной улыбкой, которая у него бывает так редко.

— Мама — Ворон, — сказал Джес, как будто это объясняло и оправдывало ее недостатки, что, знал Таер, в основном справедливо. — И она груба только с дураками.

Лер рассмеялся.

— К ним относится¹ большинство людей, которые ей встречаются.

Таер покачал головой.

— Обычно она не груба, просто страшна.

— Как скажешь, — ответил Лер. — Разве мы не собираемся торговаться за зерно? Или весь день простоим здесь, сплетничая, как старухи?

Джес застенчиво улыбнулся и наклонил голову.

— Папа будет торговаться, а мы смотреть. Я люблю смотреть.

— Хорошо. Только не скажи ничего о Странниках, пока не скажет сам папа.

Таер снова послал С্কью вперед, на этот раз всей своей тяжестью и цокая языком. Пестрый мерин пошел своим обычным ровным шагом.

В деревне, куда послал их Бенрольн, всего три дома, кузница, небольшая пекарня и несколько более мелких сооружений. Но когда Лер постучал, из пекарни никто не ответил, никто не вышел на его окрик. Лер открыл дверь и заглянул внутрь.

— Никого.

Поэтому они направились к соседнему дому.

Кузница — навес с тремя стенами и открытой четвертой стороной — оказалась такой же пустой, как пекарня. Таер перебросил ногу через спину С্কью и сполз — осторожно из-за больных коленей — на землю. Привязал поводья коня и хромая направился в кузницу. Лер и Джес шли за ним.

Внутри инструменты были развешаны по стенам, в углу у горна лежали куски металла, как будто их только что бросили. Таер протянул руку к углям печи, потом осторожно коснулся их, но не почувствовал даже слабого тепла.

— Что скажешь об этом, Лер? — спросил он. — Давно они ушли?

Даже самый опытный следопыту вряд ли ответит на такой вопрос. Крыша не пропускает дождь, стены предохраняют земляной пол. Таер не мог бы сказать, сколько времени пролежала здесь сталь, оставленная из-за какого-то чрезвычайного происшествия.

Но Лер, как Джес и как сам Таер, — носитель ордена, а его орден Ястреб — Охотник.

Лер ястребиным глазом обвел сцену, и Таер почувствовал прилив магии: сын читал следы живших здесь людей.

— В этом здании никого не было по меньшей мере два дня, может, три, — сказал он наконец. — Но до вчерашнего дня здесь были куры.

Подъезжая, они никаких кур не видели.

— Люди по-прежнему здесь, — резко и настороженно сказал Джес немного погодя. — Я чувствую их запах.

Что-то встревожило его старшего сына. Джес, медлительный добродушный Джес, исчез, словно никогда не существовал, и место его занял смертоносный хищник, который иногда глядит глазами Джеса. Орден Джеса — более тяжкая ноша, чем остальные. Джес — Защитник, и волшебная способность внушать безотчетный страх сопровождает его вторую сущность; эта сущность — уникальный признак ордена Орла, и от нее у Таера холодок бежит по коже.

Лер не отрывал взгляда от земли за пределами кузницы.

— Что-то сожрало кур.

— Что именно? — спросил Таер.

— Не знаю, — ответил Лер. — Не очень крупное, с небольшого волка. Видишь отпечаток?

Таер всмотрелся в слабый след на пыли. На его взгляд, это могло быть любое животное.

— Может, енот?

Лер покачал головой.

— Нет. У енота нет таких когтей.

— Можешь определить, куда ушли люди?

— Кто-то здесь есть, папа, — сказал Тол, прижимаясь лицом к трещине в стене. — У кузницы. На этот раз чужаки.

Аливен поднял голову, прервав свое занятие: он влажной тряпкой обтирал жене лицо. С тех пор как он принес ее два дня назад, она ни разу не открыла глаза.

Так как их дом ближе к колодцу, чем кузница, жена быстрее отозвалась на крик дочери. К тому времени как он добежал до колодца, Лорра была мертва, а жену придавил к земле какой-то темный зверь. Заметив Аливена, тварь сразу исчезла; вначале он решил, что зверя напугал его крик и вид молота, но теперь он понял, что думать так глупо. Вероятно, зверь просто не хотел убивать свою добычу слишком быст-

ро, чтобы она не испортилась. Во всяком случае, когда Аливен отнес Ирну в дом и вернулся за Лоррой, зверь утащил ее тело.

Он послал сына за Толли, двоюродным братом жены, который был так поглощен работой в гончарной мастерской, что не слышал крика Лорры. И когда второй мужчина прибежал, зверь снова напал, на этот раз из-за садовой хижины. И если бы у Аливена по-прежнему не было с собой молота, зверь убил бы их обоих. А так он лишь изуродовал лицо Толли.

Аливен никогда не видел, чтобы зверь двигался с такой скоростью. Кузнец затащил Толли и детей в дом и закрыл окна и двери. Пока зверь не смог прорваться сквозь деревянные стены, но Аливен был уверен, что они долго не выдержат, когда хищник решит добраться до добычи.

Зверь аккуратно заставил его зайти в дом, словно обученная собака, направляющая в загон овец. Вчера два фермера приходили за плугом, который он для них чинил. Он вышел, чтобы предупредить их, но опоздал. Он нашел их обоих за домом гончара мертвыми.

Какое-то время зверь ничем себя не обнаруживал. Но когда Аливен встал, хищник, оставаясь вне поля зрения, ворчанием и воем прогнал его назад в дом. Аливен понадобится ему, когда тот проголодается.

Ирна и Толли умирали. Достаточно серьезны были раны, но инфекция убивала их с ошеломляющей быстротой. Ирна уже полтора дня не шевелится, а Толли с утра лежит без сознания.

Захваченный в маленьком доме, Аливен вынужден был обходиться тем, что есть. Он осторожно снова смочил тряпку: вода кончалась.

Может, люди, которых увидел Тол, смогут им помочь. Септ рассылает вооруженные патрули; возможно, они знают, как справиться со зверем.

— Кто они? — спросил он сына.

— Темный мужчина, в волосах немного серого, как у Дэниила. Он сильно хромает. У них лошадь, пятнистая, как корова, папа. С ним еще двое мужчин, помоложе. Похожи на близких родственников. Они могут нам помочь?

Тол с надеждой посмотрел на отца: Аливен не рассказывал сыну о мертвых фермерах.

Он отошел от жены и с минуту смотрел в щель. Тол, хотя ему нет еще двенадцати, обладает острым глазом. Старший мужчина и один из молодых выглядят как отец с сыном. Второй молодой похож на них, но его волосы...

Аливен распрямился и плюнул.

— Странники!

— Странники? — Нона, младшая, подняла голову; она ухаживала за Толли.

— Ты слышала, что рассказывала твоя мать. — Разочарование сделало голос Аливена еще грубее, чем обычно. — Странники помогают только себе, и помогают любыми способами.

Тем не менее он открыл дверь и высунул голову. Он не хочет, чтобы еще кого-нибудь убили, пусть даже Странника, если сможет это предотвратить.

— Уходите, Странники!

Таер поднял голову: Лер показывал ему следы борьбы на земле. Он сказал, что тут были два человека, и их обоих утащили за пекарню.

— Вот твои люди, — сказал Таер Джесу, увидев мужчину, выглядывающего из двери дальней хижины. — Мы не причиним вам зла, — обратился он к незнакомцу, хромая к дому. — Мой сын говорит, что здесь зверь убил несколько человек.

— Уходи, Странник, — повторил мужчина. — Из этого тебе не извлечь никакой выгоды. Не хочу, чтобы и твоя смерть была на моей совести.

Голова исчезла, дверь закрылась.

Лер и Джес шли за отцом, с обеих сторон от него. Лер изучал следы, а Джес непрерывно рассматривал окружающее.

— От этого места несет страхом и кровью, — сказал Джес. — Страх, кровь и что-то неправильное.

Таер искоса посмотрел на старшего сына.

— Когда подойдем, не приближайся к хижине. Этот человек кажется очень испуганным. Твое присутствие еще больше испугает его.

Джес встретил его взгляд, но промолчал.

— Бесполезно, папа, — сказал Лер, не поднимая головы. — Он не отойдет от тебя, если считает, что возможна опас-

ность. Если постараться его прогнать, только сам расстроиться.

— Вероятно, тебя я тоже не удержу подальше, — сказал Таер.

Лер поднял голову и улыбнулся.

— Не забудь, мама велела нам присматривать за тобой. — Он увидел навес за пределами строений и резко выдохнул. — Вот где он залег. Под навесом колодца. Там десяток его следов — туда и обратно. И Джес прав, я чувствую запах. Кем бы ни был этот зверь, он тронут тенью.

Таер посмотрел туда, но увидел только узкую тропу в зарослях пожелтевшей травы.

— Можешь сказать, кто это?

Лер покачал головой.

— Ничего такого мне не встречалось.

Таер немного помолчал, нахмурившись. Высвободил меч, чтобы быстро выхватить его.

— Лер, следи за колодцем, пока я разговариваю. Мама сживет нас со света, если я допущу, чтобы тебя убили.

Лер снял с плеча лук и натянул его.

— Послежу.

Таер постучал в дверь серой хижины.

— Мы вам попытаемся помочь, — сказал он, вкладывая в голос как можно больше убедительности. Приходится заставлять этого человека действовать, вопреки его желанию. — Расскажи, что здесь произошло.

Дверь распахнулась, выплеснув волну зловония, запахов гниющей плоти и пота. Выглянул жилистый мужчина, такой же темноволосый, как Таер. Он прищурился от яркого света. Это был тот человек, что пытался предупредить их. Борода у него еще черная, но на лысеющей голове много седины. Руки мозолистые и покрыты шрамами, какие бывают при работе по металлу. Должно быть, кузнец.

— *Странник*, — плюнул этот человек. — Я знаю таких, как ты. Портите погоду, а потом требуете с фермеров денег, чтобы она стала хорошей. Насылаете проклятие и снимаете его за деньги. Если вы ради золота наслали на нас эту тварь, я сам тебя прикончу. Если же нет, говорю тебе снова. Если останетесь, он убьет и вас. Хотя, вероятно, предупреждать уже поздно.

— Мы не такие Странники, — спокойно ответил Таер. — Хотя я знаю, что не один клан делает то, что ты сказал. Меня зовут Таераган из Редерна, а эти, — он обнаружил, что не видит Джеса, — обычное происшествие, когда тот настороже, — и изменил формулировку на середине фразы, — это мой сын Лер.

Кузнец нервно огляделся. Таер его не винил, он тоже это чувствовал, но, в отличие от кузнеца, он знал источник своей тревоги. Джес где-то поблизости. Как будто угрозы, исходящей от Защитника, недостаточно, он еще вызывает тревогу и страх у всех окружающих.

— Меня зовут Аливен, — неохотно ответил кузнец, реагируя на добрую волю, изо всех сил излучаемую Таером.

Таер сделал шаг вперед, и кузнец Аливен отступил, давая ему возможность войти в хижину.

Двое детей — мальчик чуть моложе младшего сына Таера и девочка еще на несколько лет моложе — жались у столба в центре хижины; их грязные лица были едва видны при свете, пробивавшемся сквозь щели в стенах. Мальчик рукой обнимал девочку и настороженно следил за Таером. В хижине были еще двое взрослых, мужчина и женщина, они лежали на полу на матрацах.

Лер вошел вслед за Таером и склонился к накрытому одеялом мужчине.

— Кто это сделал? — спросил он, глядя на то, что при слабом свете Таеру не было видно.

Справа находилось закрытое ставнями окно. Таер отодвинул задвижку и распахнул ставни, чтобы увидеть, что удивило Лера.

При свете ему стали видны раны женщины и острые порезы на лице мужчины.

— Он пользуется тремя когтями, — сказал Лер, — как та тварь, что убила кур и двух человек за гончарной мастерской.

— У тех, кто защищал Фаларн, были трехрогие вилы с заостренными концами, которые наносили похожие раны, — сказал Таер, наклоняясь, чтобы лучше видеть. — Но видишь, как разрезана кость? То, что нанесло эти раны, острее оружия Фаларна. Таких острых когтей я никогда не видел.

С волной холодного воздуха, чуть разогнавшего вонь, в хижину вошел Джес. Аура ужаса, окутывавшая его, бросила кузнеца на колени, как топор валит дерево.

— Что с ними случилось? — спросил Таер.

— Зверь, — прошептал Аливен. — Сначала он убил мою дочь и изувечил жену, которая прибежала на крик Лорры. Потом напал на Толли. — Он показал на мужчину, к которому склонился Лер. Поколебался, глядя на детей, потом негромко добавил: — Когда Каор и Хабреман пришли за плугом, который я починил, он убил и их.

— На что он похож? — спросил Таер.

Кузнец вздрогнул — от воспоминаний, а может, от холода и страха, покрывавших Джеса, словно плащом.

— Он слишком быстрый. Не могу сказать, был ли это волк, медведь или барсук. Он быстрее лиса и раза в два крупнее. У него четыре лапы и короткий хвост, который кажется пушистым и светлым. А в остальном он серо-коричневый.

Он посмотрел на Джеса, потом на светлые волосы Лера.

— У меня нет серебра, — медленно заговорил он. — У двоюродного брата есть золотая монета, оставшаяся с тех времен, когда он воевал за императора, но я не знаю, где она. Можете обратиться к моему септу, потому что мы пользуемся его колодцем, но сомневаюсь, чтобы он за что-нибудь заплатил Странникам. По его приказу стражники гонят Странников с его территории.

Таер раскрыл рот, собираясь отказываться от любой платы, но остановился. В клане Странников, который провожает их домой, много ртов, и именно так — помогая таким людям, как кузнец, — клан зарабатывает на пропитание.

— Не знаю, какова будет плата, если мы прогоним зверя, — сказал он наконец. — Это не мне решать. Но будет не больше, чем ты сможешь заплатить, даю тебе слово.

Если придется, он сможет уговорить Бенрольна.

Джес опустил на четвереньки и приблизил лицо к раненому. Кузнец вздрогнул от этого неожиданного движения.

— Это туманник, — прошептал Джес. — Я чувствую его запах.

— А что такое туманник? — спросил Лер.

— Водяной дьявол, — ответил Таер. — Туманниками их называют, потому что они никогда не показываются, и большинство людей замечают только что-то расплывчатое. Я слышал, что они опасны, если загнать их в угол. Но никогда не слышал, чтобы они были тронуты тенью. Впрочем, большин-

ство людей не отличают одно от другого. Твоя мать знала бы точно.

Туманники не живут там, где выпадает глубокий снег. Сам он видел их пару раз, когда был солдатом, но не мог понять, когда с ними встречался Джес.

— Откуда ты знаешь, как они пахнут, Джес? — спросил он.

Темные глаза посмотрели на него, и он увидел, как в ответ на вопрос распрямляется Джес, его Джес.

— Н... н... не знаю, — чуть запинаясь, ответил он. — Мы просто почувствовали этот запах и узнали.

Еще мгновение — и глаза его снова стали глазами Защитника.

Таер раньше никогда не видел, чтобы он переходил от Защитника к Джесу и снова к Защитнику, хотя наоборот время от времени случалось. И подумал, почему понадобилось, чтобы ответил именно Джес, а не Защитник.

Все его дети знали, что отец, будучи Бардом, распознает ложь, как фальшивую ноту. Неужели Защитник вынужден был бы солгать и потому передал ответ Джесу?

— Хорошо, Джес, — сказал Лер. — Это неважно. Теперь мы знаем, с кем имеем дело.

Лер прав, о Джесе можно будет волноваться, когда с этим делом будет покончено. Предполагая, что Защитник не ошибается — а относительно породы зверя он определенно не лжет, — у них и так достаточно неприятностей.

Таер осмотрел хижину, составляя план нападения.

— Джес, я хочу, чтобы вы с Лером вернулись в клан и рассказали Бенрольну, что мы здесь обнаружили. Скажи, что Брюидд нужна раненым; нужны также люди, которые помогут избавиться от тронутого тенью туманника.

— Мы оба? — переспросил Лер. — Джес может остаться, чтобы ты был в безопасности.

Таер покачал головой.

— Оба. — Не стоит говорить, что его работа — успокоить кузнеца — лучше будет сделана без сыновей. Поэтому он выбрал другое объяснение. — Если Джес останется, я не смогу удержать его подальше от туманника до появления матери. Возьмите с собой Скью, чтобы его не сожрали, пока мы ждем.

— А кто будет охранять тебя? — спросил Джес.

— Если эти люди прятались здесь два дня, думаю, что несколько часов я продержусь, — ответил Таер.

Джес недовольно нахмурился, но в конце концов подошел к Скью и взял повод. Немного поспорив, кто поедет верхом, они двинулись быстрым шагом, ведя лошадь в поводу.

Как только сыновья ушли, Таер закрыл дверь и затворил ставни, потому что открытое окно явно заставляло кузнеца нервничать. Потом сел на пол, прислонившись спиной к стене, и облегченно вздохнул: можно не напрягать колени.

Он отвел взгляд от искаженного страхом лица кузнеца. Страх перед тварью в колодце сильнее неприязни к Странникам, но и счастливым кузнец себя не чувствовал, оказавшись запертым с Таером в тесной хижине.

Таер решил дать ему время успокоиться.

— Привет, — обратился он к детям, жавшимся к противоположной стене.

Мальчик ответил осторожным кивком, девочка только крепче прижалась к брату.

— Придет Целительница и позаботится о ваших раненых. Мы уничтожим зверя, который ранил их, — сказал Таер. — Я знаю, зверь страшный, но моя жена еще страшнее.

— Твоя жена страшная? — спросил мальчик.

Таер серьезно кивнул.

— Очень.

— Этот человек был страшный, — прошептала девочка, прижимаясь лицом к руке мальчика. — Холодный.

— Джес? — спросил Таер. — Не бойтесь Джеса, его работа — защищать людей. У него просто особое волшебство, которое заставляет всех окружающих нервничать. Вы ведь знаете, что у Странников другое волшебство, не такое, как у нас.

— У нас? — переспросил кузнец. — Разве ты не Странник?

Таер отрицательно покачала головой.

— Нет. Моя жена Странница, а я сам из Редерна, септа Легея за Рваными горами.

Его потянули за рубашку, и, повернув голову, он увидел, что девочка отошла от стены, чтобы привлечь его внимание. Таер улыбнулся ей.

— Да?

— А какое волшебство у холодного человека?

— Джес — Защитник, — объяснил Таер. — Его волшебство охраняет от всех видов зла. Он может превратиться в животное или, если захочет, сделать так, что его никто не сможет увидеть. Второй человек, мой сын Лер, Охотник, у него другое волшебство. Он может выслеживать зверей, и магия направляет его стрелы.

— Маги Странников не такие хорошие, как наши, — сказал мальчик. — Наши маги могут сделать все, что захотят.

— Я бы так не сказал. — Таер не чувствовал вины, говоря о том, что сами Странники предпочитают держать в тайне. — Они просто другие. Моя жена Сэра ближе всего к нашим колдунам. Странники называют ее орден Магом или Вороном: каждый орден связан с определенной птицей.

— И сколько этих орденов? — спросил мальчик.

Напряжение в хижине спало. Теперь девочка прижималась не к брату, а к Таеру, а мальчик перестал цепляться за столб как за единственное, что способно его спасти. Таер знал, что отчасти это объясняется тем, что он отвлек их от мыслей о страшном звере. Частично это собственная магия Таера, магия Барда, смягчает их страхи.

— Шесть. — Таер стал пересчитывать по пальцам. — Защитника вы видели — это Орел, а Охотник — Ястреб. Есть еще Ворон — Маг. Жаворонок — Целитель, и вам повезло: в клане Странников, с которым мы идем, есть Жаворонок, чтобы помочь вашей матери. Большой Баклан — Чародейка Погоды, и Сова — Бард.

— Все птицы? — спросила девочка. — А почему не рыбы?

Мальчик закатил глаза.

— Нона, не говори глупости. Зачем им называть свою силу рыбами? Тебе понравилось бы, если бы тебя называли форелью? Это глупо.

— Я спрашивал жену, почему они использовали птиц, — быстро сказал Таер, прежде чем дети передрались. — Она не знает.

— Ты говоришь как Странник, — заметил кузнец с оттенком прежней враждебности.

— Я тебе сказал, — улыбнулся Таер, — что я не Странник.

Эта улыбка заставила Аливена успокоиться. Если работа Джеса — защищать, работа Таера — завоевывать располо-

жение враждебно настроенных чужаков, и он умеет ее выполнять.

«Не Странник, но Сова и Бард», — подумал он, глядя, как успокоившийся кузнец садится у противоположной стены. Но нет смысла запутывать проблему.

Его жене понадобились долгие годы, чтобы примириться с мыслью, что хоть в его жилах нет ни капли крови Странников, он, тем не менее, Бард. Похоже, не только Странники могут быть носителями орденов.

Таер был на середине рассказа о герое-Страннике, который спас детей от рыщущего демона-волка, когда они услышали стук копыт.

Таер попытался подняться, но снова опустился со стоном: затекли колени. Перед его лицом показалась рука, и после некоторого колебания он схватил ее и позволил кузнецу помочь ему встать.

— Спасибо, — сказал он.

— Что у тебя с коленями? — спросил тот.

Таер улыбнулся.

— Когда я пытался спасти императора, несколько колдунов приложились к ним с дубиной.

Он говорил правду, но не удивился смеху кузнеца. В конце концов, он несколько часов подряд рассказывал не более правдоподобные истории.

— Как будто колдунам нужна дубина, — сказал кузнец, качая головой и выпуская руку Таера, который теперь мог держаться за стену.

— Они сказали, что дубина — это большее, — небрежно ответил Таер.

После нескольких дней в темной хижине, Аливен, выйдя на яркий свет, сначала ничего не мог разглядеть. Таер оперлся на его плечо.

Опустив взгляд, чтобы уберечь глаза, Аливен вначале увидел только конские копыта. Это удивило его: он раньше никогда не видел так много конных Странников. Обычно они приходили пешком и уходили так же; они презирали тех, кто заставлял лошадей работать на себя.

Когда глаза немного привыкли, Аливен разглядел группу примерно из десяти мужчин и трех женщин. Все, за исключе-

нием сына Таера Джеса, светловолосые: у одних волосы желтоватые, у других пепельного цвета, который бывает только у Странников. Одна женщина старая, такой старой кузнец еще не видел. Все они казались мрачными и холодными, как всегда выглядят Странники, — резкий контраст с теплой улыбкой Таера.

Аливен, медленно приближающийся к ним под мягким нажимом руки Таера, остановился.

— Бенрольн, — сказал Таер, выходя вперед, — я не думал, что ты сам придешь. Не знал, что туманники здесь так опасны, что требуется половина клана.

В устах кого-нибудь другого эти слова позвучали бы саркастично или насмешливо, но Таер произнес их добродушно.

Один из молодых людей — очевидно, Бенрольн, к которому обращался Таер, — улыбнулся и ответил:

— Наши специалисты говорят, что туманник, попробовавший человеческой крови, становится крайне опасен: хитер, умен, владеет кое-какими магическими трюками... — Он нервно посмотрел на старуху, сидевшую на пятнистой лошади, которую Таер отправил с сыновьями, и откашлялся. — Ну, кое-какой магией, короче. Твоя жена заверила меня, что Ворон и Ястреб вдвоем сумеют с ним справиться, но остальные решили, что тоже имеют право позабавиться. Будь у нас больше лошадей, здесь был бы весь клан.

Таер слегка отступил.

— Бенрольн, позволь представить кузнеца Аливена. Аливен, это Бенрольн, глава клана и Баклан из клана Ронжера Библиотекаря.

Аливен с некоторым запозданием припомнил, что Баклан — одна из волшебных птиц, о которых рассказывал Таер, хотя он не помнил, какая именно. Он не знал, как ответить на представление, не оскорбив Странника, поэтому только наклонил голову, надеясь, что этого достаточно.

Очевидно, так и было. Молодой человек слез с лошади и крепко пожал руку кузнеца.

— Мы знакомы, — сказал он. — Хотя нас не представляли друг другу.

Аливен знал, что это возможно. Но все эти светловолосые головы и чуждые лица казались ему одинаковыми.

Таер пристально взглянул на молодого человека.

Бенрольн рассмеялся и, чуть покраснев, пожал плечами.

— Всего лишь покупали зерно, Бард. Ничего больше.

Лошади переступали с ноги на ногу. Один из мужчин подошел к старой женщине. Аливен был почти уверен, что это светловолосый сын Таера, хотя мог быть и любой другой Странник, — кузнец не обращал особого внимания на второго сына Таера после того, как в дом вошел темноволосый.

— Мне понравился этот конь, Бард, — сказала старуха Таеру. — Как и я, он еще держится на ногах, хотя у всех его сверстников хватило самоуважения, чтобы умереть.

Теперь, приглядевшись, Аливен увидел запавшие глаза коня: это сказало больше, чем мускулистые ноги и бодрая осанка.

Таер низко поклонился женщине.

— Вы оба слишком упрямы, чтобы уделять себе больше времени, чем другим. Брюидд, это кузнец Аливен. Аливен, это наш Жаворонок Брюидд.

Повернув голову так, чтобы только Аливен мог видеть его лицо, он только губами произнес: «Целительница» — и подмигнул.

— Лер, сними меня со спины этого бедняги, пока мы оба не упали замертво и оказались никому не нужны.

Старуха отозвалась на представление только коротким взглядом.

Сын Таера — старуха обратилась к нему по имени, — поднял руки и придерживал старую женщину, пока она с удивительным изяществом перекидывала ногу. Когда обе ее ноги оказались по одну сторону, Лер подхватил ее за талию и осторожно поставил на землю.

Тут она впервые посмотрела на Аливена и мягко улыбнулась.

— Пусть эта банда не волнует тебя, парень, — сказала она, беря кузнеца за руку. — Они просто хотят увидеть туманника.

Аливену понадобилось некоторое время, чтобы понять, что парнем она назвала его. После смерти отца пятнадцать лет назад никто не называл его так.

По причине, которую Аливен не понял, слова старухи, повидимому, послужили сигналом для всего отряда Странников снова вестъ верхом и отъехать в сторону, чтобы привязать лошадей.

— Больше никогда не отпущу тебя одного, Таер, — сказала молодая женщина, передавая повод своей лошади темноволосому сыну Таера. Она не очень высока, но кажется выше, потому что в ней видны властность и сила. Если Странники стареют так же, как обычные люди, она моложе Таера. И только тонкие морщинки у глаз свидетельствуют о ее возрасте.

Таер рассмеялся и быстрым шагом, без следов хромоты, подошел к ней, обнял за талию и поднял.

Снова оказавшись на земле, она продолжила с таким же самообладанием, как и до того, как Таер попытался на ее достоинство:

— Я отпускаю тебя на охоту, и тебя похищают. Я разрешаю тебе поиграть с мальчишками-солдатыками, и, если бы не помощь Жаворонка, ты остался бы калекой. Ты уезжаешь за зерном и находишь туманника, который ест не лягушек и рыбу, а людей.

— Ну, либо мне разрешат торговаться, либо какого-нибудь бедного члена клана заговорят насмерть, — насмешливо ответил Таер и смачно поцеловал женщину в лоб.

Аливен увидел, что несколько Странников, забыв о своей обычной холодности, улыбнулись.

— Ублюдок *солсенти*, — сказала женщина без злобы, глядя на Таера так, словно нашла его в навозной куче.

— Вовсе нет, — заверил он ее. — Мои родители были женаты. Смелый человек был мой отец, точно как его сын.

Она пыталась скрыть улыбку, но Аливен видел, как дернулись вверх уголки ее рта.

— Где Гура? — спросил Таер, оглядываясь.

— Мы не взяли ее собой, — ответила женщина. — Туманник быстро расправится с любой собакой, какой бы большой и свирепой она ни была. Гура не радовалась, когда мы ее не взяли.

— Еще бы, — сказал Таер. — Сэра, это кузнец Аливен. Его дочь убил этот зверь. Аливен, это моя жена Сэра, Ворон из клана Изольды Молчаливой. Впрочем, сейчас мы идем с кланом Библиотекаря.

К смущению кузнеца, жена Таера сделала шаг вперед и коснулась его лица. Он подумал о грязи, которая за последние дни покрыла его кожу.

— Мы справимся с туманником, — сказала она, — он больше не потревожит ни тебя, ни твоих близких.

Она говорила так убежденно, что он ей поверил.

— А мы с тобой займемся твоими ранеными, — сказала старуха, беря кузнеца за руку. Она властно потащила его, ткнув пальцев в одного из мужчин. — Ты тоже пойдешь. Больше поможешь мне в лечении, чем при охоте на туманника. Принеси мои сумки.

В ее голосе не было резкости, но не было и вежливости. Аливен с удивлением увидел, что мужчина почтительно поклонился и снял с пятнистой лошади две большие седельные сумки.

— Брюидд.

Старуха остановилась и взглянула на Таера.

— Там двое детей, которые много испытали. Будь с ними помягче.

Целительница улынулась, показав удивительно здоровые зубы.

— Я буду помнить об этом, мой мальчик.

Подождав, пока Целительница и Аливен не скроются в хижине, Таер сказал:

— Что-то говорит мне, что от этого туманника так легко избавиться не удастся.

Сэра кивнула.

— С ними вообще нелегко справиться. Они сильны и хитры.

— Никогда не слышал, чтобы они убивали людей, — сказал Таер. — Хотя знаю, что те, кто живет поблизости от них, предпочитают оставлять их в покое.

— Молодые туманники питаются лягушками, рыбами и мелкими животными, — сказала Хенна; она вернулась, привязав лошадь.

Хенна, как и жена Таера, Ворон. Она выглядит лет на десять моложе Сэры и гораздо красивее ее. У нее мирное выражение лица, какого никогда не бывает у Сэры: темперамент жены Таера не всегда позволяет ей сохранять хладнокровие.

— Вырастая, — продолжала Хенна, — они начинают охотиться на более крупную добычу. Обычно уходят к морю и

ловят крупную рыбу, но некоторые остаются на суше и охотятся на енотов и выдр. Но никогда не нападают на людей.

— Этот тронут тенью, и это все объясняет, — сказала Сэра. — Туманники не так умны, как люди. Но у них есть несколько столетий, чтобы набраться опыта.

— Столетий? — переспросил Таер.

— Туманники живут до четырехсот лет и больше, — ответила Хенна. — А так как Джес говорит, что этот тронут тенью, он может быть еще старше. Некоторые колдуны доживают да ста пятидесяти лет, а колдуны Колосса жили до четырех-пяти столетий.

— Или так говорят. — Сэра уловила взгляд Таера и рассмеехлась. — Нет, меня это не касается. Ордены не продлевают жизнь. — Она задумчиво посмотрела на хижину, в которой исчезла Брюидд, и добавила: — Кроме Жаворонка, может быть. Когда ты состаришься, любимый, я тоже буду старухой.

Сэра и Хенна дважды обошли вокруг колодца, в котором, по словам Лера, жила тварь. Хенна шла по внешнему кругу, Сэра — по внутреннему.

— Он легко убивал, — сказала Сэра.

— Значит, делал это и раньше. Несомненно, Лер смог бы проследить его до какой-нибудь изолированной фермы или маленького поселка. Если бы мы не натолкнулись на него здесь, он продолжал бы еще одно-два столетия, прежде чем привлёк внимание Странников.

— Вы уверены, что он сейчас в колодце? — спросил Таер.

Странники из клана Бенрольна расположились неподалеку в тени и наблюдали за происходящим. Не желая подвергать Сэру риску, Таер пошел с женщинами, но старался не мешать им и не наступать на создаваемый ими круг.

Он продолжал внимательно наблюдать за колодцем и видел, что Джес делает то же самое. Лер расположился недалеко от Странников, и ему хорошо был виден колодец. Он держал наготове лук с наложенной стрелой.

— Мы с Сэрой надеемся создать сеть, — Хенна взмахом руки показала на тропу, которую они создавали, — которая приглушит его магию.

— А что за магия у туманника?

Хенна пожала плечами.

— Иллюзии, водная магия.

— Они и без магии отвратительны, — сказала Сэра. — Мы попытаемся его сдержать, если сможем. Труднее всего будет выманить его из колодца: он знает, что мы здесь. И кормился недавно, так что долго не проголодается.

— У меня нет желания лезть в колодец к туманнику, тронутому тенью. Что же нам делать с колодцем? — спросила явно озадаченная Хенна.

— Подойдет огонь, — ответила Сэра. — Сам колодец от него не пострадает.

— А он не может просто уйти под воду? — спросил Таер. Сэра поджала губы.

— Без магии не может. Туманники не умеют дышать под водой или надолго задерживать дыхание. Если я обожгу его быстро, он не успеет использовать магию.

Она остановилась, и колени сообщили Таеру, что это произошло как раз вовремя.

— Мы обошли кругом, — сказала Сэра. — Хенна, ты готова?

Таер не видел, что они делают, но почувствовал прилив магии, словно порыв холодного ветра.

— Мне казалось, вам для магии не нужны ритуалы, — сказал он. — Разве не в этом главное отличие вашего волшебства от магии колдунов *солсенти*?

— Да, не нужны, — подтвердила Сэра. — Но иногда несколько рун или ритуальный обход при установлении защиты более эффективны, чем грубая сила.

— Давайте поближе посмотрим на колодец, — предложила Хенна.

Они пошли к колодцу, Таер обнажил меч и не отставал от Сэры. Рядом с Хенной шел волк: Джес может стать любым хищником, каким захочет.

Колодец, на взгляд Таера, выглядел вполне обычно. Сооружение с тремя стенами — меньшая версия кузни, — защищавшее колодец от пыли и непогоды. Сам колодец окружен прочной каменной стеной высотой Таеру по пояс. Джес подошел первым, положил передние лапы на край и зарычал.

— Хорошо, — сказала Сэра. — Он там. — Она повернулась к Хенне. — Я сотворю огонь, а ты займись туманником.

Хенна обычно сохраняла спокойствие и невозмутимость, и Таера удивила ее свирепая улыбка.

— Всегда хорошо заранее составить план, — сказала она.

Стена колодца невысока, но и Сэра тоже. Таер поставил ее на стену, держа обеими руками. Сама она одной рукой держалась за столб, который поддерживал крышу.

Сэра слегка улыбнулась в ответ на его помощь и заглянула в темный колодец. Стоя на старинной стене, она вынуждена была чуть нагнуть голову, чтобы не задевать крышу.

Она была великолепна.

Ее волосы цвета лунного света были забраны в высокую прическу, какую, как видел Таер, носят другие Странницы. До последнего месяца она всегда убирала волосы просто, как другие женщины Редерна. «Новая прическа ей подходит», — подумал Таер. И одежда на ней такая же, как у Странников: свободные брюки и длинная просторная рубашка, завязывающаяся под коленями.

Хенна прекрасна, но Сэра казалась ему более привлекательной: в ней не только красота. В ней такая внутренняя сила, что иногда Таер удивлялся, как она умещается в такой маленькой женщине. Он видел, как она несколькими резкими словами смирila целую толпу разъяренных мужчин.

Глядя на то, как она дрожит в ожидании борьбы, как породистая собака в ожидании охотничьего рога, он неожиданно почувствовал, что лучше понимает ее теперь.

Это его жена, его Сэра; она отдала все, чтобы уйти от бесконечной борьбы, которую ведет ее народ с такими тварями, как туманник. Она вышла за него, надеясь, что и его это удержит от сражений, таких, как это. О, она говорила, что делает это из любви к нему, но он знал Сэру. Если бы она не страшилась возвращения к обязанностям Ворона, она никогда не приняла бы его предложения выйти замуж.

Он всегда чувствовал, что помог ей спастись от чего-то ужасного, хотя она и не похожа на человека, которого нужно спасать.

Она протянула руки над колодцем ладонями вниз: напряжение охватило ее тело с ног до головы; резкое, острое ощущение, колющее кожу, прокатилось по Таеру, как всегда при призыве магии. С глухим звуком, от которого дрогнула земля, из колодца разрушительной огненной волной вырвалось пла-

мя. Крыша вспыхнула, загорелись стены и заросли сорняков, окружавшие колодец; последним занялся столб, за который держалась Сэра.

Не обращая внимания на боль в коленях, Таер нырнул в огонь, схватил Сэру за талию, стащил со стены и отнес подальше от огня. Упал на землю вместе с ней и дважды перевернулся, прежде чем понял, что ее одежда не загорелась и что она смеется.

Таер резко выпустил ее, но она села и принялась руками гасить дымящуюся ткань его рукавов.

— Кажется, я перестаралась, — сказала она с радостной улыбкой, какая бывает у опьяневших от борьбы воинов в самый разгар битвы. Никогда она не казалась ему такой великолепной.

И никогда он так на нее не сердился: она едва не убила себя.

За ними послышался резкий треск, Таер оглянулся и успел увидеть, что пламя гаснет так же быстро, как возникло; стена вокруг колодца и защитные стены сооружения почернели, но уцелели.

Хенна, погасившая огонь, опускала руки, и в это мгновение что-то темное и дымящееся перебралось через край колодца. Оно мелькнуло мимо Таера в попытке добраться до ближайшего леса; двигалось оно так стремительно, что лишь смутно виднелись редкие жесткие волосы поверх сморщенной кожи, да сапфировые глаза. Волк, которым был Джес, был чуть медленней.

— Туманник! — закричал Бенрольн.

Не успел он произнести последний звук, как зверя пронзила стрела. Тварь несколько раз перевернулась, и Джес навалился на нее.

Пыль, мех, тьма — все смешалось, так что Таер не мог различить сражающихся. Но, очевидно, у Лера такой проблемы не было. Вторая стрела попала в цель, за ней третья и четвертая.

Джес оторвался и встряхнулся, чтобы избавиться от грязи и сухой травы. Туманник еще несколько секунд слабо дергался; из его бедра, шеи и ребер торчали три стрелы Лера. Четвертая, сломанная у наконечника, пронзила глаз. Ребра еще дважды поднялись — и зверь затих.

Мертвый, туманник занимал как будто гораздо меньше места, чем живой.

Сэра откинулась и рассмеялась. Она повернулась к Таеру, и улыбка исчезла с ее лица.

— В чем дело, Таер?

Он принужденно улыбнулся и покачал головой. Она не заслужила его гнев. Не ее вина, что она так наслаждается ощущением опасности — ему и самому знакомо это чувство, но то, что эти ощущения не чужды и его жене, расстроило Таера. И не только потому, что она рисковала жизнью.

— Ничего, любимая. Помоги мне встать.

«Вот для чего она рождена», — думал он, когда они, как маленькая победоносная армия, возвращались к хижине кузнеца, после того как Хенна еще одним огненным языком избавилась от тела туманника.

Он видел, что она переросла дом, который они создали вместе. Пытался не замечать перемен, которые произошли в ней после того, как она с сыновьями направилась спасать его, но сегодня пришлось взглянуть правде в глаза. Чтобы спасти его, Сэра вынуждена была снова набросить на себя мантию своего ордена.

И он не мог себе представить, как она снова снимет эту мантию, и вернется к жизни на ферме, и будет всего лишь женой фермера. Даже если она постарается вторично отказаться от своей силы, он был уверен, что не позволит ей: он помнил, какая радость была у нее на лице, когда она зажгла пламя.

Глава 2

— Неудивительно, что он поселился в такой глуши. Если бы поблизости жил хороший кузнец, он умер бы с голоду, — ворчал Бенрольн, сидя на своем крепком гнесте, который шел рядом с низкорослой лошадью Таера. Брюидд, с разрешения Таера, возвращалась в лагерь клана на Скью. Леру пришлось нести уставшую старуху к лошадям, но раненые кузнеца выздоравливают.

— По местным стандартам работа кузнеца достаточно хороша, — ответил Бенрольну Таер. — Нельзя ждать мастерства

в изготовлении мечей от того, кто в основном занят гвоздями и плугами. Если бы ты попросил плуг, несомненно, остался бы доволен.

— Плуг нам совершенно не нужен, — проворчал Бенрольн. — И гвозди тоже. Но и то и другое было бы лучше трех пар плохо уравновешенных, с грубыми ручками ножей.

— Тогда ваш кузнец использует металл на что-нибудь более полезное, — успокаивал его Таер. — Ты знаешь, как и я, что главная прибыль — когда в следующий раз ты или любой другой Странник окажется здесь, вас примут доброжелательно и обойдутся с вами справедливо.

— Бенрольн все еще жалуется? — Сэра подъехала к Таеру и пристально взглянула на Бенрольна. — Если бы ты хотел выгоды, заключил бы сделку до того, как мы убили туманника, а Брюидд вылечила семью кузнеца. А так тебе приходится брать что дают и благодарить.

Бенрольн пробормотал какое-то извинение и отъехал к тем, кто более сочувственно будет слушать его жалобы.

— Ножи вовсе не плохи, — заметил Таер. — Просто они не соответствуют стандартам кузнеца клана.

Сэра внимательно посмотрела на него.

— Что случилось?

— Колени, — солгал он. Она слишком многое замечает своим ясным взглядом. — Но это пройдет.

Он ее потеряет, казалось Таеру. Она еще какое-то время останется с ним — пока дети в ней нуждаются и потому что дала ему слово. Но мальчики уже молодые мужчины, а их дочь больше не беспомощное дитя. И долго ли еще любовь к нему будет удерживать ее от возвращения к жизни, для которой она родилась?

Она стала женщиной, которая сумеет справиться с обязанностями, от которых хотела уйти, когда пришла к нему. Она Ворон, и ему показалось, что он впервые понял, что это значит.

— Можем ненадолго остановиться, чтобы у тебя отдохнули ноги, — сказала Сэра. — Брюидд, вероятно, отдых тоже не помешает.

— Нет, — покачал он головой, — Брюидд устала, но усидит на Скью, пока мы не доберемся до лагеря. А что касается моих коленей, я просто слишком много ходил сегодня. Все

будет в порядке. Конечно, не скоро, но и сейчас вполне терпимо.

Нестерпимо то, что он не видит, как удержать Сэру, не погубив ее; по сравнению с этим колени — ерунда.

— Все будет хорошо.

Утром следующего дня они вышли на перекресток дорог, и Бенрольн приказал сделать привал. Как только все остановились, он направился с Таеру и Сэре.

— Нас призывают на южную дорогу, — сказал он напряженным голосом.

Сэра улыбнулась ему.

— В первый раз?

Он резко кивнул.

— Некоторые предводители кланов никогда не слышат призыв, — сказала она ему, потом посмотрела на Таера и объяснила: — Когда один клан нуждается в помощи, предводитель другого клана знает это. Это чувствовал мой брат. Он говорил, что похоже на шепот или словно потянули за струну.

— Струна, — подтвердил Бенрольн, и лицо его слегка покраснело. — Она тянет мое сердце. Отец говорил, что его отец это чувствовал... но я ему не верил.

— Тогда идите, — сказал Таер. — Мы сами продолжим движение на запад. Осталось немного.

Отсутствующее выражение исчезло с лица Бенрольна.

— Вам надо идти с нами. Без вас у нас только я и Целительница. А Брюидд говорит, что есть еще один тронутый тенью.

Таер осмотрелся.

— Но я вижу много людей. Ты ведь не считаешь тех, кто не принадлежит к ордену, бесполезными.

Бенрольн раздраженно фыркнул.

— Ты знаешь, о чем я.

Таер кивнул.

— Знаю. Но моя младшая дочь осталась у родственников... которые вообще не владеют магией. Теперь, когда мои сыновья преследуют Черного...

— Мы точно не знаем, Черный ли он, — поправила Сэра.

— Ну хорошо, — согласился Таер. — Но если он и не второй Безымянный король, то все равно носит одеяние одного из мастеров Тайного Пути, так что он должен быть колдуном. И не забывайте, что он убивал Странников и похищал их ордены, как все остальные колдуны. И он не будет расположен к тем, кто уничтожил его работу. У меня подозрение, что винит он в этом в основном меня, хотя почти всю битву я просидел в цепях и оставался беспомощным. Бенрольн, моя дочь Ринни в Редерне все равно что приманка в ловушке на горного льва. И я не оставлю ее одну.

— Откуда ты знаешь, что ему вообще известно о твоей дочери? Колдун, Черный он или нет, оставался в Таэле, а это очень далеко от Редерна.

— Путь послал кого-то следить за моей семьей, — ответил Таер, чувствуя тот же гнев, что и в тот раз, как он впервые это понял. Что, если теперь решат похитить не его, а одного из его детей? Что, если он умрет? Будет ли Путь забирать одного за другим его детей? Эта мысль вызвала сильное желание собрать семью вместе, где он сможет видеть всех. Ему необходимо в Редерн. — Он знает о Ринни, — твердо сказал Таер. — Извини, Бенрольн, но я не могу рисковать ею.

— Ты найдешь способ сделать то, ради чего призван, и без нас, — сказала Сэра.

Хенна, другой Ворон, тоже не из клана Бенрольна, она пришла к Сэре в Редерн и вместе с ее семьей отправилась на поиски Таера в Таэлу, столицу империи. У нее нет кровных связей с ними.

— Может, Хенна пойдет с вами, — предположил Таер.

Подошел Джес, чтобы выяснить, из-за чего задержка. Рядом с ним бежала Гура. Когда они вернулись после стычки с туманником, собака отказывалась выпускать членов семьи из поля своего зрения и бегала от одного к другому — как Джес.

Прежде чем Бенрольн смог ответить на предложение Таера, Джес покачал головой и решительно сказал:

— Хенна останется с нами.

Таер приподнял брови, скрывая озабоченность: развитие взаимоотношений сына с Хенной его тревожило.

— Хенна Ворон, Джес, и поступит как захочет. Мне казалось, ты это знаешь: ты ведь вырос рядом с матерью. Почему бы тебе просто не спросить ее?

* * *

В пути Хенна обычно держалась в тылу клана. Джес здесь ее и нашел, она разговаривала с несколькими людьми и Лером, от которого пахло мятой и травами: должно быть, собирал их для Целительницы.

Лер увидел Джеса и спросил:

— Почему мы остановились?

Джес почувствовал, как на нем сосредоточилось всеобщее внимание; страх, смешанный с любопытством, обрушился на него. Это не понравилось ни ему, ни Защитнику. Джес опустил взгляд и постарался не чувствовать окружающих, не видеть, как они пьются от него.

— Бенрольна призывают на юг, — сказал он земле. — А мы идем в Редерн, потому что папа опасается, не причинит ли Черный вреда Ринни.

Защитник согласен с папой. Он тоже считает, что тот, кого они преследуют, не просто тронут тенью — он Черный.

Джес пропустил первые слова Хенны, но то, что услышал («я должна идти с Бенрольным»), заставило Защитника активизироваться.

— Нет, — сказал Джес, но рычание Защитника, которое больше никто не слышал, помешало ему сказать еще что-нибудь.

<Она пойдет с нами! Она моя!>

Джес был согласен с этим утверждением, но был уверен, что, если Защитник скажет это Хенне, произойдет катастрофа. Поэтому он постарался сохранить контроль. Мешало то, что Защитник был возбужден и ледяной ужас, охватывавший людей в его присутствии, все усиливался. Эмоции окружающих накатывались на него, как волны в бурю, но тут Хенна накрыла его руку своей, принесла прохладное облегчение, бывшее ее частью. Он по-прежнему чувствовал всех, но каким-то образом присутствие Хенны защищало от самого опасного.

— Отведи его куда-нибудь в сторону, — услышал он спокойный голос Лера. — Среди всех этих людей от него толку не добьешься.

Хенна, должно быть, согласилась с ним, потому что Джес обнаружил, что идет вслед за ней меж деревьями. Как только

другие люди стали не видны, их чувства превратились в глухой шепот, но Хенна уводила его дальше.

— Мне нужно, чтобы ты пошла с нами, — сказал ей Джес.

Она потрепала его по руке — материнским жестом, потом скрестила руки на груди и отвернулась. Нашла что-то интересное в коре дерева и принялась пальцем проводить по трещинам.

— С тобой все будет хорошо, — сказала она дереву, хотя Джес был уверен, что она обращается к нему. — Мне не нужно идти с вами. Я отдала долг твоей матери за то, что заманила ее и вынудила участвовать в убийстве священника Волиса. Мы сделали так, что Тайный Путь больше не будет убивать Странников и похищать их ордены.

Джес смотрел на нее. Неужели он для нее ничего не значит? Конечно, это не так. Она была добра к нему, спасла его и даже поцеловала. Но он не единственный, кого она целовала.

Как она может интересоваться им? Разве он забыл, кто он такой? Умственно отсталый безумец, который в мгновение может превратиться в дикого зверя. Он должен считать себя счастливым только потому, что она не бежит от него с криком.

<Позволь мне поговорить с нею>.

Защитник раньше никогда не просил его, он просто брал на себя контроль. Джес колебался, вспоминая тот первый рев — рев собственника. Но в тех редких случаях, когда он оставался спокоен, Защитник говорил лучше Джеса. Может, он сумеет убедить ее передумать.

<Пожалуйста. Она должна идти с нами>.

Со вздохом Джес уступил место Защитнику.

— Ты не можешь заставить меня, — сказала Хенна.

— Не могу, — согласился он, отступая, потому что подумал, что может испугать ее, хотя лицо ее оставалось спокойным. Он не хотел, чтобы она боялась. — А что ты собираешься сделать — теперь, когда отдала долг моей матери и Путь безвреден?

— Буду искать Черного, — сказала она. — Возможно, тот человек, за которым ты гнался по туннелям императорского дворца, был всего лишь еще один колдун *солсенти*. Но если нет, было бы катастрофой позволить ему оставаться на свободе.

Защитник прикрыл глаза, стараясь не выглядеть угрожающим. В этом у него особой практики не было.

— Отец сказал Бенрольну, что Черный попытается отомстить нам за уничтожение Тайного Пути, — сказал он. — Если хочешь найти его, то скорее найдешь в нашем обществе.

— Или в обществе Бенрольна, который пойдет на призыв, — возразила она.

Но говорила она уже не так уверенно.

— В бумагах, оставленных Путем, нет никаких указаний на личность Черного, — сказал Защитник. — Ничего не знали ни слуги, ни те люди, которых допрашивал император. Только колдуны могли знать, кто он, но они все были убиты в ночь падения Пути. Возможно, какие-то документы есть в храмах, но император ничего не мог предпринять против них, потому что храмы Пяти Богов ничто не связывало с Тайным Путем. А вот в Редерне есть храм, который можно обыскать.

— Мы уже обыскивали его, — сказала Хенна.

— Неужели? Мне казалось, два усталых Ворона искали только драгоценные камни, связанные с орденами, и все, что может причинить вред жителям деревни. Вы прочли переписку Волиса? Искали его записи? Искали упоминания о новом Черном?

Он знал ответ на все эти вопросы — она, видимо, тоже, потому что ничего не ответила.

— И еще эти драгоценные камни Пути, — продолжал он, пытаясь подавить торжествующие нотки в голосе. Не показать свое облегчение. Он должен защищать ее, как и свою семью. Если они разделятся, он не сможет защищать их всех. Ему нужно, чтобы они держались вместе. — Сэра постарается разгадать их тайны и освободить ордены, привязанные к этим камням. Она не отдаст их тебе — я хорошо ее знаю и понимаю, что она ни за что не передаст свой долг другим, как и ты не можешь этого сделать. Для нее это так много значит.

И для тебя тоже.

Она слегка наклонила голову.

— Ты прав, — сказала серьезно, — я пойду. Но не останусь в Редерне, Джес. — Потерла лицо руками, и Джесу показалось, что она тем самым стирает с себя сдержанность и собранность. — Я не могу быть для тебя большим, чем сейчас. Ты так молод. Найдешь кого-нибудь другого. А я... — Она

замолчала. Глубоко вздохнула. — Я была любовницей Волиса, Джес.

Голос ее при упоминании этого страшного священника дрогнул, хотя Джес видел, что она старается сохранить хладнокровие. Священнику повезло, что он мертв.

Должно быть, она почувствовала его реакцию, потому что торопливо продолжила:

— Я сделала это, потому что мне казалось, что это лучший способ спасти свой народ. И я поступила бы так снова. Я не твоя мать, Джес, которая предпочла семью своему долгу. Я прежде всего Ворон — а Вороны не бывают хорошей парой. Сильные эмоции для нас почти так же опасны, как для Защитника. Я предпочла не любить, Джес. Никогда. Я не могу позволить себе это. А ты заслуживаешь того, чтобы тебя любили.

Защитник схватил ее, но она упорствовала, даже когда он положил одну руку ей на шею, вторую — на плечо, чтобы удержать девушку на месте. Наклонился и поцеловал ее — вначале мягко и осторожно, хотя ему это не свойственно. Потом, когда ее плечи под его рукой обмякли, а губы распахнулись, позволил Джесу вернуться и взять на себя контроль над поцелуем.

Джес наслаждался прикосновением, но отстранился раньше, чем эмоциональный всплеск Хенны не сделал положение еще более сложным.

Он не смотрел на нее, не пытался прочесть ее чувства. И не знал, какие чувства она читает в нем, потому что сам был в них не уверен.

Отец сказал бы, что их разговор закончился неоднозначно. И добавил бы, что иногда это лучший результат, на какой можно надеяться. Джес был уверен, что это как раз один из таких случаев.

Он ничего не сказал, отступил и позволил Хенне вернуться туда, где ждал клан. А сам пошел за ней, чтобы быть уверенным, что с ней ничего не случится.

Таер нервничал, потому что, расставшись с Бенрольным и его кланом, они двигались медленнее: Сэра настаивала на частых остановках, чтобы у Таера отдохнули колени. Брю-

идд как Целительница не была такой строгой. По вечерам Сэра и Хенна долгие часы проводили в иллюзорном доме одного из колдунов Колосса, как делали вместе с Брюидд раньше, когда вышли из Таэлы. Они пользовались *мермори* Сэры — домом, который когда-то принадлежал Изольде Молчаливой.

Таер уже много лет знал о *мермори*, но обычно Сэра только поглядывала на изящные серебряные предметы, которые напоминали Таеру кинжалы. Раз или два он видел дом Изольды, но это не делало неожиданное появление дома посреди дороги менее фантастическим.

Женщины искали способ освободить ордены, которые Путь привязал к камням.

— Было бы легче, — сказала ему однажды вечером Сэра, — если бы Путь действительно сделал то, что собирался. Если бы он сумел полностью отделить орден от убитого колдунами Странника, камень, вероятно, можно было бы просто уничтожить и тем освободить орден.

— Но сейчас ты не знаешь, как это сделать.

Сэра передвинулась рядом с ним, укладываясь удобнее. Он не сказал ей, что она локтем уткнулась ему в грудную клетку, где все еще побаливают ребра, — не сказал, потому что тогда она совсем бы от него отодвинулась. Прежде чем уснуть, она еще немного поворочалась.

— Нет, — сказала она, зевая. — Брюидд говорит, что в мире всегда существует определенное количество орденов. Когда носитель ордена умирает, орден очищается и переходит к новому носителю. Но из-за вмешательства Пути эти ордены не очищены.

— Что это значит? — спросил он. Ему не хватало этих ночных разговоров. Когда они только выехали из Таэлы, он слишком уставал за день и вечером сразу засыпал. Сегодня он тоже устал, но не настолько, чтобы впадать в забытие, как только кончается движение.

— Большинство камней не действуют правильно, — ответила Сэра. — Что происходит, когда камень попадает в руки колдуна и тот начинает пользоваться его силой, как носитель, у которого его украли? Брюидд считает, что орден забирали слишком поспешно: он не успевал очищаться после смерти прежнего носителя.

— Значит, камни сохраняют след прежнего владельца? — спросил Таер.

Сэра кивнула.

— Так мы предполагаем. Волис говорил, что ни один из камней Целителей не действует нормально.

— А если разломать камни, освободятся ли ордены?

Сэра пожала плечами.

— Возможно. Но в них все равно сохраняются остатки опыта прежних носителей, может, даже часть их личности. Брюидд считает, что это помешает ордену связаться с новым носителем или, что еще хуже, он будет действовать как тронутый тенью. — Она глубоко вздохнула. — Может, как орден Защитника.

— Понимаю, почему ты не можешь просто уничтожить камни, — сказал Таер, приглаживая ее волосы.

— Может, со временем придется, — сказала Сэра. — Но пока я еще не готова рисковать.

«Горы — две стороны медали, — думал спустя несколько дней Таер. — Их появление означает, что путники приближаются к дому. Но в то же время передвижение замедляется».

Лер и Джес обычно уходили вперед, искали добычу, следили за возможными грабителями, предоставив женщинам плестись с калекой и его старым боевым конем, как думал о себе и С্কью Таер. Путешествуя с кланом Бенрольна, он привык ехать верхом, пока остальные идут пешком, но теперь, когда его спутницами были только женщины, это его мучило.

Когда они вышли на относительно ровный участок дороги, Таер со стоном спустился на землю.

— Что ты делаешь? — Сэра, подбоченившись, хмуро посмотрела на него.

— Хочу немного пройтись, — ответил он, сопровождая слова соответствующим действием.

— Брюидд велела тебе беречь колени.

Сэра взяла его под руку и пошла рядом.

— Это было неделю назад, — сказал Таер. — Я буду идти, только пока дорога ровная. С্কью должен отдохнуть.

— Нет, не должен, — упрямо сказала она. — Таер... — Она замолчала. Потом продолжила мягче: — Я знаю, что

слишком тревожусь. Но мне это ненавистно. Ненавистно то, что ты ранен. Ненавистно потому, что я не принесла в жертву людей, которые это сделали: они просто умерли.

Он погладил ее локоны и наклонился, чтобы поцеловать.

— Ты не отвечаешь за все, что происходит, мой Ворон. Не можешь избавить нас от боли и тем более смерти. Это не в твоих силах. Тебе лучше принять это, любимая.

Она ничего не ответила, только плотнее прижалась к нему на ходу.

— Но это трудно, — сказала она, когда ровный участок кончился и Таер остановился, чтобы сесть верхом.

— Что трудно? — спросил он с гримасой боли. Идти было достаточно тяжело, но садиться верхом вообще ужасно. Колени не сгибались, он не мог продеть ногу в стремя, а правое колено особенно болело, потому что на него пришлась вся нагрузка. Таер терпел, он сумел сесть в седло, но с огромным трудом.

Сэра ждала, пока он не сел, потом ответила на его вопрос:

— Моя задача — обеспечивать безопасность других. Для этого я выросла, и отчасти это и значит быть Вороном.

Он удерживал Скъю на месте, сверху вниз глядя на жену. Она крепка и, боги знают, сильна. Он это знал, но в глубине души видел, как легко причинить ей боль и сколь непрочна ее плоть. Он видел женщину, которая весила меньше его самого и любого из его сыновей.

Он любил в ней все. Если бы она не была Вороном, она не была бы его Сэрой. И он не хотел ничего менять в ней, даже если это значит, что она должна будет принять свои обязанности и оставить ферму, оставить его. Но ему это, конечно, не нравилось.

— Правда? — негромко спросил он. — Может быть. Но эти рассказы такие древние, Сэра. Они древнее империи, древнее орденов и Падения Безымянного короля. Ты уверена, что права? Может, существует что-то другое, что должны делать Вороны, Совы и все остальные ордены? Может, есть причина, почему Джес страдает от когтей Орла. Надеюсь, что она есть. Может, какие-то неразумные колдуны решили, что дети детей их детей должны за что-то платить. Ведь ты пла-тишь слишком дорого.

* * *

Хенна остановилась, подняла камешек, который привлек ее внимание, и положила его в карман. Небо затянуто тучами, но дождя еще нет. Может, ей стоит вернуться на дорогу и присоединиться к Сэре и Таеру.

Когда парни уходили на охоту, Хенна старалась оставить Сэру с Таером наедине. Между ними возникло какое-то напряжение, в котором им нужно разобраться, а бродить в одиночку Хенне не трудно. Ей нравится одиночество: оно дает возможность подумать.

У нее было достаточно времени, чтобы понять, что решение отправиться с семьей Джеса было верным. Человек, отказавшийся от своей человеческой сущности ради власти, никогда не простит удар, нанесенный Таером его планам. Рано или поздно Черный отыщет их, и Хенна намерена была присутствовать, когда это произойдет. В конце концов, ведь в этом цель ее существования — не подпускать тени к людям.

Да, решение ее было верным, но не для Джеса. Не для Джеса. И она намерена была прекратить причинять ему боль.

Достав камешек из кармана, она как можно дальше бросила его. Камень попал в ствол дерева, отскочил от коры и с глухим стуком упал на землю.

— Что случилось? — спросил Джес, заставив ее вздрогнуть. Защитники все такие.

— Ничего, — ответила Хенна, не поворачиваясь к нему. — Я просто подумала, что пора вернуться к твоим родителям. Они будут гадать, где мы.

— Я не отец, — сказал Джес. Теперь он был так близко, что она кожей ощущала тепло его тела. — Я не могу определить, когда ты лжешь.

— Я всегда лгу, — ответила она. И сказала правду, хотя постаралась говорить как можно небрежнее.

Медленно, чтобы у нее было время отодвинуться, Джес прислонился к ее спине, обнял руками за плечи и привлек к себе. От его дыхания шевелятся ее волосы, и она закрыла глаза, чтобы лучше это чувствовать. Очень давно никто к ней так не прикасался. В этом объятии не было ничего сексуального — если бы было, она бы высвободилась. Но она не могла отказаться от предлагаемого им утешения.

Глаза ее жгло от слез, хотя она сама не понимала почему.

— Ты устала, — прошептал Джес и обнял ее крепче.

— Мы с Сэрой легли спать слишком поздно, — ответила она.

Он покачал головой.

— Нет. Ты не сонная. Усталая.

Она устала от тщетной битвы, которая никогда не кончится. Они сумели уничтожить Путь — эта задача казалась неосуществимой, когда она с Сэрой и ее сыновьями направилась в Таэлу. Но они как-то ее решили, хотя торжества в этой победе не было: Черный уцелел. И даже если они смогут уничтожить этого Черного, появится другой. Пройдет десять лет или два столетия, но появится человек, обезумевший от стремления к власти, и захочет жить вечно. Что бы она ни делала, этого никогда не будет достаточно.

— Очень устала, — повторил Джес, слегка покачивая ее. — Ш-ш-ш. Не плачь...

Ей хотелось утонуть в его объятиях. У него такие сильные руки; она не помнит, чтобы чувствовала себя в такой безопасности, как в его руках. Только с Джесом. Ей нравится запах дерева и земли, которым пропитана его кожа. Нравится...

Но она не хочет причинять Джесу боль.

Она высвободилась и повернулась к нему лицом.

— Я не плачу. Просто дождь начался.

Он наклонил голову, поднял руку, и на ладонь ему упало несколько редких капель. Джес мягко улыбнулся.

— Отец знал бы, что ты лжешь.

Хенна нетерпеливо вытерла лицо.

— В таком случае хорошо, что ты не твой отец.

Улыбка его стала шире, он кивнул.

— Особенно потому, что моя мать очень расстроилась бы, если бы отец испытывал к тебе то, что испытал я, когда обнимал тебя.

Он эмпат. Как она могла забыть?

Она не знала, отразилось ли это на ее лице, но Джес рассмехался. И хоть лицо ее горело, она все равно почувствовала, что смех Джеса растопил холод у нее внутри. И ей захотелось прикоснуться к нему.

* * *

— Посмотри, — сказал Таер, показывая на горы. — Видишь ту вершину? Я ее знаю. Мы ближе к дому, чем я думал.

— Уже с час Скью идет быстрее, чем обычно, — ответила Сэра, и в этот момент упали первые капли дождя. — Думаю, до дома осталось не больше часа пути. Может, и меньше. Я только раз была на этой дороге.

Она посмотрела на мужа и улыбнулась, видя напряженное выражение его лица. Он последний раз видел Ринни осенью, полгода назад.

Откуда-то сбоку послышался громкий смех Джеса. Зашуршали, закачались ветви, и на дороге показалась Хенна. Выглядела она необычно взволнованной.

Она подошла к Сэре и погрозила пальцем.

— Скажи своему парню, что он для меня слишком молод. Я не беру детей, только что отлученных от материнской груди.

— Я ей нравлюсь, — сказал Джес с широкой улыбкой, появляясь вслед за Хенной.

— Вижу, — сказал Таер. — Но послушай меня, сын. Ей пора поправить крылышки.

Хенна перевела взгляд на Таера.

— Не поощряй его!

Сэра никогда не слышала, чтобы Защитник был настолько стабилен, что мог поддерживать романтические отношения. Слишком много возникает проблем. Даже простое прикосновение затруднительно — когда Защитник спит, носитель ордена, который всегда эмпат, слишком напряжен, чтобы позволить кому-то коснуться его. Когда контроль у Защитника, безымянный ужас, который всегда сопровождает его, отпугнет самого пылкого влюбленного.

Но подготовка Хенны как Ворона позволяла ей полностью себя контролировать, и это защищало Джеса от эмоций, так что он мог наслаждаться ее прикосновениями. А что касается Защитника, он как будто несколько не пугал Хенну.

И это внушало Сэре надежду.

Пока Таер и Хенна обменивались репликами, резкими с ее стороны и насмешливыми с его, Сэра наблюдала за Джесом и радовалась его смеху, пока этот смех неожиданно не прервал-

ся. Улыбка еще задержалась во взгляде, но скоро исчезла и она, и теперь казалось, что он никогда не смеется.

Прежде чем Сэра смогла спросить, что случилось, из-за деревьев вместе с Гурой появился Лер.

— Папа, мама, что-то...

Его прервало резкое ржание жеребца. Скъю полувстал на дыбы и ответил.

— Спокойнее, — сказал Таер, и старый боевой конь послушался его. — Что случилось?

В этот момент буря из легкого дождя превратилась в сплошной поток; Сэра невольно нагнула голову. А когда подняла, прямо перед ними на дороге стояла лошадь.

Бледная как смерть, мертвенно-белого цвета, с облезлым желтоватым хвостом, лошадь была страшно худая, у нее торчали ребра, а глаза смотрели из глубоких впадин.

— Что случилось? — спросил Джес, и Сэре вначале показалось, что он просто повторяет вопрос отца.

Но тут лошадь ответила голосом хриплым и страшным, как завывание бури.

— Идем, — сказала она и исчезла за деревьями.

Оба парня и собака исчезли вслед за ней. Скъю сделал скачок, прежде чем Таер придержал его и посмотрел на Сэру и Хенну.

— Это лесной царь, — сказала Сэра, как только поняла сама. — Иди вперед. Мы с Хенной догоним.

Он не стал ждать повторения.

— Это и есть лесной царь Джеса? — спросила Хенна, торопливо идя вместе с Сэрой за Таером. — Не то, чего я ожидала.

— Он редко бывает таким, как ожидаешь, — согласилась Сэра, выбирая дорогу в подлеске.

— Мы должны следовать за ними, или ты знаешь, куда мы идем?

— Разве ты не чувствуешь? — спросила Сэра. — Я не обращала внимания, пока не стало хуже, но эта буря вызвана.

— Ринни?

— Если только поблизости нет другого Баклана. Что-то неладно.

Они замолчали; Сэра всю энергию тратила на движение. Кратчайший путь к дому крут, и им пришлось еще на полпути пойти медленнее.

— Я иду на ферму, — объяснила Сэра, отдуваясь. — Кажется, Ринни там. Смогу сказать точно, когда окажемся на вершине.

Хенна даже не пыталась говорить.

На вершине хребта Сэра остановилась. Ферма прямо под ними, но из-за деревьев и потемневшего неба ее не видно. Однако в распоряжении Сэры не только зрение.

Первое, что сделала Сэра, когда они с Таером здесь поселились, — вокруг фермы установила защиту. Ферма слишком близко к полю древней битвы — к месту Падения Черного, чтобы не иметь защиту от тварей, которых притягивает тень. В течение двадцати лет по несколько раз в году Сэра укрепляла защиту.

Защита проходит по вершине как раз здесь.

Сэра наклонилась и коснулась еловых иголок. Мгновенно в нее устремилась волна силы — что-то тронутое тенью именно в этот момент пытается преодолеть защиту. Она ждала, как паука в паутине, затаив дыхание, ожидая, что защита скажет ей больше.

Волна откатилась, хотя Сэра чувствовала, что то, что пыталось преодолеть защиту, все еще здесь. Она заметила, что в защите есть слабые места, словно прошло гораздо больше шести месяцев с тех пор, как она в последний раз укрепляла ее: пока она отсутствовала, защиту не раз пытались преодолеть.

Над головой почти непрерывно гремел гром, сверкали молнии, один удар следовал за другим, ветер усилился и завыл.

Видя эти свидетельства тревоги Ринни, Сэра решила больше не ждать информации, она всю свою силу направила в защиту, укрепляя ее, как рыбак чинит сеть. Это не ликвидирует все слабые места, но с остальным придется подождать, пока не будет больше времени.

Сэра встала и начала спускаться по склону.

— Что ты узнала? — спросила Хенна.

— Не очень много, что-то тронутое те... — Ее прервал дикий вой, принесенный ветром.

— Тролль, — сказала Хенна.

Чувствуя, как сердце бьется в горле, Сэра побежала.

Миновав рошу и глядя вниз, Сэра увидела ферму, которая выглядела совсем не так, как в те дни, когда Сэра ее покидала.

Вместо полувспаханых полей и пустого дома она увидела множество палаток, а дом освещен изнутри и снаружи десятками фонарей. Для храбрости, поняла она, потому что было еще недостаточно темно, чтобы лампы требовались для освещения. Впрочем, в такую бурю совсем скоро станет темно по-настоящему.

Среди происшедших перемен и толпа, состоящая как будто из всех жителей деревни, и все они смотрят на тролля, который стоит на дороге, ведущей в Редерн.

Рядом с Сэрой стояли в основном женщины и дети. Она вышла на открытое место перед ними и призадумалась, оценив грандиозность задачи.

Это был лесной тролль, зеленый от мха и более крупный, чем его многочисленные родичи — горные тролли.

У троллей две руки и две ноги — это породило слухи, будто они отдаленные родственники человека. По мнению Сэры, всякий, кто так говорит, никогда тролля не видел. Маленькие красные глазки посажены глубоко и расположены близко друг к другу на голове, широкой, как у Скъю, над носом, представляющим собой две вертикальные щели в бугристой коже. Из нижней челюсти торчат длинные изогнутые клыки, они оттягивают вниз нижнюю губу, обнажая острые, размером с кулак, зубы, которые легко могут раскусить череп коровы.

Давний учитель Сэры утверждал, что Черный превратил в троллей хобгоблинов или какие-то другие мелкие существа. Он говорил Сэре, что первые упоминания о троллях в книгах появились вскоре после Падения Черного.

Каково бы ни было их происхождение, Сэра хотела бы, чтобы этот тролль был далеко, а не расхаживал взад и вперед по дороге, ведущей в Редерн, возвышаясь головой над деревьями.

Насколько могла судить Сэра, все мужчины Редерна, способные носить оружие, собрались вдоль защиты, чтобы помешать троллю приблизиться, как будто знали, где эта защита проходит. Они родились и выросли в Рваных горах, и Сэру не удивило бы, если бы они действительно могли ощущать присутствие защиты; впрочем, вероятно, просто опыт подсказал им, как далеко может пройти тролль. Некоторые были вооружены луками и мечами, но большинство схватило то, что по-

пало под руку. Сэра увидела Бандора, мужа сестры Таера, с большим ножом, которым режут хлеб.

Ни лесного царя, ни Джеса она не видела, но это ее не удивило. Если они и здесь, то в лесу, а не в толпе.

Таер был в первой линии защитников. Сэра легко разглядела его, потому что он был единственным всадником в толпе. Лошадь нелегко подвести к троллю, но Скъю выращен и воспитан для схваток.

Мерин заржал, как могут только боевые кони — очевидно и мерины тоже. Его грудь и шею покрывала пена, а все остальное было залито потом и дождем. Прижав уши, он медленно, управляемо поднимался на дыбы. Таер как-то сказал Сэре, что боевых коней учат превращать страх в ярость — точно как делала сама Сэра.

В руке Таера был меч, он не размахивал им, но держал наготове.

Среди взволнованно передвигающихся людей на мгновение показалась Ринни; девочка стояла сразу за Скъю. Еще ребенок, в котором лишь с трудом можно было разглядеть будущую женщину, она должна бы выглядеть жалкой рядом с воином и троллем, но тело Ринни сверкало ярче, чем фонари, которые только что миновала Сэра.

На мгновение она была потрясена красотой силы, которую способен призвать Баклан.

Но это было только мгновение, потому что Ринни еще не обладала способностью контролировать такую силу — да и ничего не могла противопоставить троллю. Сэра начала пробиваться к дочери через толпу; люди расступались, как только видели ее.

Ударила молния и попала в тролля. Тот закатил глаза и затряс головой, но молния ему не навредила. А пока он отвлекся, стрела попала в цель, и тролль с болезненным криком сделал несколько шагов назад. Подняв руку, он вытащил стрелу из ноздри. Потряс ею, прежде чем отбросить, и снова двинулся вперед гулкими шагами, почти такими же громкими, как его крики.

Лер, стоя слева от Ринни, приготовил еще одну стрелу и ждал.

Тролль дошел до защиты Сэры; вспыхнули разноцветные огни, но защита выдержала. Тварь оставалась на месте столь-

ко, что можно было сосчитать лишь до двух, потом отступила, закрыв глаза; но Сэра яснее всех было очевидно, что защита долго не выдержит.

— Ринни! — закричала она, как только оказалась достаточно близко, чтобы дочь услышала ее сквозь рев бури. Сэра остановилась возле девочки, насколько могла близко. — Ринни, отпусти бурю. Твои молнии не причиняют ему вреда, а темнота ему только на пользу. Лер, в глаза, уши, ноздри и брюхо — если возможно, пусть кто-нибудь сделает для тебя горящие стрелы. Тролль отчасти неподвластен магии, поэтому я не могу его поджечь, но настоящий огонь иногда действует.

Иногда.

Хотя блеск ее не потускнел, Ринни, должно быть, слышала слова матери: дождь и ветер прекратились, наступила зловещая тишина, но буря со всем ее грозным потенциалом все еще нависала над головой.

— Есть несколько заклинаний, способных навредить ему, — сказала Хенна.

В тревоге за семью Сэра почти забыла о другом Вороне.

Повернувшись, она увидела, что Хенна свела руки кругом, будто держала в них большой шар, а потом бросила его. Как только невидимый шар миновал линию защиты, колдовство превратило его в огненный, такой горячий, что он казался голубым. Шар попал троллю в лоб, и звук удара Сэра расслышала со своего места.

Ослепленный светом огня, тролль сбросил раскаленный шар, и от прикосновения магии шар погас, оставив только большое почерневшее место на морде тролля. Тролль гневно заревел.

— Ты должна научить меня этому, — сказала Сэра. — Но сейчас это мало чем нам поможет. Тролли охотятся по запаху и слуху. Слепота только разъярит его.

Кто-то услышал, как она велела Леру использовать огонь; Сэра услышала крик: «Вот огненные стрелы!» Кто-то другой крикнул:

— В глаза, в рот и в интимные места, парни!

Тролль снова навалился на защиту. Сэра прошла мимо С্কью и принялась укреплять защиту, не обращая внимания на крики ужаса со стороны Таера. Тролль тоже увидел ее и побрел вдоль защиты, чтобы подобраться ближе.

Тролли умнее, чем кажутся.

С верхушки дерева на тролля прыгнула большая горная кошка, она приземлилась ему на голову, и тролль отступил от Сэры и защиты.

Джес. Черная горная кошка — одна из любимых его форм, да и настоящая горная кошка никогда не нападет на тролля.

Гневное рычание кошки присоединилось к крикам толпы. Прежде чем тролль смог восстановить равновесие, к нападению присоединилась Гура, вцепившись в сухожилие на ноге чудовища сзади.

Троль отчаянно пинался и задел Гуру ногой. Собака крикнула, прокатилась с десятков футов, ударилась о ствол дерева. И лежала неподвижно.

Задними лапами Джес уперся в спину троллю, а когтями впился ему в лоб, потом потянул — заставив тролля раскрыть пасть.

Суставы тролля устроены не так, как у большинства животных. У него нет шеи, и нижняя челюсть неподвижна относительно тела. Поэтому тролль жует, действуя верхней частью головы. Держа его голову, Джес эффективно контролировал все движения тролля.

«Умно, — подумала Сэра, — но откуда Джес знает, как использовать против тролля его слабые места?»

Кто-то воспользовался ее советом, потому что горящая стрела попала троллю в открытую пасть. Он попытался освободиться, и Сэра поняла, что уже несколько минут ощущает запах горящего масла. Повернувшись, она увидела двойную линию лучников; все они, включая Лера, пользовались неловко завернутыми в промасленные тряпки горящими стрелами, и ими нелегко попадать в цель.

Несколько стрел тлели во влажной почве перед троллем, но на глазах Сэры стрела, пущенная Лером, попала в раскрытую пасть, рядом с первой. Лер быстро послал еще две стрелы. Обе под радостные крики защитников попали в цель. Остальные лучники тоже стали стрелять более метко.

Разъяренный, тролль пытался закрыть пасть. Когти Джеса разрезали прочную кожу, образовались огромные раны, но это позволило троллю сомкнуть челюсти. Троль опустил на землю и покатился, заставив Джеса спрыгнуть. Пахло горелой плотью: тролль снова встал и пытался погасить десяток стрел.

Пантера зарычала и попятилась, остановившись возле Гуры, которая неуверенно встала. Как только стало ясно, что огонь отвлек тролля, большая кошка исчезла в лесу, гоня перед собой собаку.

Сэра услышала слова Хенны:

— Молодец Джес. На время ушел от нас. Меньше всего нам сейчас нужно, чтобы люди еще больше запаниковали.

Поднялся ветер, вначале слабый, потом он неожиданно усилился, раздувая огни стрел, попавших в траву. Кто-то, должно быть, Хенна, поддерживал этот огонь магией.

— Ринни, — резко сказала Сэра. — Достаточно!

Но резкий тон не подействовал: сила продолжала сотрясать маленькое тело девочки.

— Что случилось? — спросил Таер.

— Позови ее, Таер, — сказала Сэра. — Быстрее.

— Ринни? — произнес он.

— Не так, — сказала Сэра. — Как ты позвал Скью в ту ночь, когда медведь забрался в амбар. Она призывает бурю, и буря убьет ее, если ты не сможешь ее отвлечь.

Он не стал дожидаться дальнейших объяснений.

— Ринни, — сказал Таер, и голос его каким-то образом перекрыл грохотание грома.

Не только дети кое-что узнали о своих орденах с прошлой весны. Голос Таера звучал громче, чем обычно; Сэра чувствовала, как он проникает ей в сердцевину костей, хотя звал Таер не ее. Даже тролль на мгновение перестал отбиваться.

Еще до того, как снова пошел дождь, Сэра почувствовала перемену погоды; на этот раз дождь был мелкий и частый, такой способен поглотить всю энергию бури. Она облегченно вздохнула.

— Хенна, держи тролля сухим, чтобы он сгорел дотла.

— Сделано.

— Папа, — сказала Ринни, ошеломленно глядя на Таера. — Он умер?

Таер вложил меч в ножны и слез с коня, хмыкнув, когда коснулся земли. Но колени не помешали ему подхватить Ринни и крепко обнять ее.

— Ш-ш-ш, — сказал он. — Ты теперь в безопасности.

Но он слишком поторопился.

Тролль перекатился через защиту и теперь приближался.

Таер, стоя спиной к нему и глядя на Ринни, не получил никакого предупреждения. Умирающее чудовище нанесло ему скользкий удар и сбило с ног. Таер изловчился упасть так, что Ринни оказалась под ним, он защищал ее своим телом.

Но теперь тролль знал, где они; протянув трехпалую лапу, он схватил Таера за ногу.

Тролль по-прежнему лежал поперек защиты Сэры, и она впервые в жизни использовала Слово, одно из тех, что колдуны Колосса передали своим потомкам — Странникам:

— *Сюла-евра-килин-фаурат!*

Слова прокатились и, призванные к жизни ее волей и древним колдовством, превратились во что-то иное.

Двадцать лет по ночам, пока семья спала, Сэра обходила всю ферму. Она закапывала в землю свои волосы и орошала своей кровью, произнося заклинание, которое должно было уберечь семью от зла. В кульминационный момент своим Словом она собрала всю силу, все то, что делала долгими ночами, всю свою магию.

Огонь Лера погас, оставив тролля почерневшим, обожженным, но живым. Тролль торжествующе взревел и крепче стиснул ногу Таера.

Кто-то отчаянно крикнул.

— Умри! — сказала Сэра хриплым, совершенно незнакомым голосом, который исходил словно не из ее глотки. И когда она коснулась тролля, в ней не оставалось ни гнева, ни страха, только сила.

Почерневшая плоть посерела и растрескалась вокруг зеленых, как трава, костей. Серое превратилось в белый пепел, и дождь начал смывать его в траву. А С্কью ударами подкованных копыт разбрасывал остатки, защищая хозяина, как положено боевому коню.

Сэра глубоко вздохнула и постаралась успокоиться, однако силы было слишком много.

— Не трогай ее, Лер, — сказала Хенна. — Присмотри за Таером и девочкой. Сэра, Сэра!

Сэра медленно повернула голову и взглянула на второго Ворона — та отвела взгляд.

— Что ты собираешься делать с этой магией?

Хенна не смотрела на Сэру, но вопрос ее прозвучал спокойно.

И Сэра уцепилась за это спокойствие.

— Ее слишком много, — сказала она. — Неразумно убивать такое древнее существо Словом.

— И что ты с нею сделаешь?

Сила Слова, пронизывавшая Сэру, обжигала и одновременно была восхитительна. Тролль был стар, очень стар. Сила магии его смерти разрывала Сэру, как и магия ее Слова. Слишком много силы, чтобы быть в безопасности.

— Защита, — сказала она хриплым и необычно низким голосом. — Мне надо защищать...

— Папа?

Голос Лера отвлек Сэру от Хенны и напомнил, из-за чего был убит тролль.

— Таер? Ринни?

Сэра повернулась и увидела, как Лер и несколько самых храбрых жителей деревни оттаскивают от Таера кости чудовища.

— Они живы, — спокойно сказала Хенна. — И останутся живыми, если ты сдержишь свою магию. Возьми себя в руки, Ворон.

— Позаботься о них, — резко сказала Сэра. Она негодовала и одновременно понимала, что Хенна права. Ей надо избавиться от этой магии. — Я пройду вдоль защиты.

Глава 3

Не позволяя себе оглядываться, Сэра быстро шла по опустошенному бурей полю, не обращая внимания на людей, которые торопливо уступали ей дорогу. Чтобы не встречаться с ними взглядом, она смотрела в землю, пока не добралась до леса, граничащего с фермой.

Что она собиралась сделать?

Сэра долго стояла неподвижно.

Она должна защитить... во имя Жаворонка и Ворона, она перенасыщена силой. Не может ясно думать.

Защита. Она должна восстановить защиту. Сэра медленно подошла к тому месту, где находилась защита, и склонилась к земле.

«Есть два способа установки защиты. — Голос ее старого учителя звучал так ясно, словно тот стоял у нее за плечом. — Установка защиты на одну ночь — дело простое: веревка, окружающая палатки и фургоны, обеспечит им безопасность. Но на долгий срок или против серьезного нападения защиту лучше всего создавать как цепь переплетающихся звеньев, каждое звено должно слегка отличаться от остальных, так, что если оно не выдержит, остальные сохраняют свою надежность».

Сэра прижала руки к земле и начала, не обращая внимания на отвратительный шепот, призывающий ее воспользоваться силой. Если она одним словом убила тролля, как много могла бы она сделать, используя свою силу.

Руки, когда она проводила изогнутые линии, покалывало. У нее никогда не было такой силы.

Только когда несколько ослабло ужасное впечатление от смерти тролля, Сэра поняла, каким древним было это существо. Она чувствовала этот возраст в обжигающем действии магии, которое не проходило, хотя защита уже была укреплена так, что несколько поколений будет отгонять тронутых тенью.

Сэра опасалась, что установка защиты не сможет поглотить столько энергии, и поэтому начала передавать ее лесу. Если передать слишком много, она причинит большой вред, но маленький ручеек магии не должен вызвать проблем.

Постепенно ее поглотила задача восстановления защиты. Она была одновременно математической и артистической и требовала полного внимания; и со временем голос силы стал негромким, ослаб, и Сэра могла не обращать на него внимания.

Постепенно она осознала, что он рядом: светлая фигура спокойно пасущегося животного. Стук дождя теперь сопровождался скрипом зубов и шелестом срываемой травы. Эти знакомые мирные звуки помогали, и Сэра почувствовала глубокое внутреннее удовлетворение.

Она дома.

Закончив звено, над которым она работала, и закинув руки за спину, она потянулась.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она.

— Одна из тронутых тенью тварей напала на священника, — ответила светлая лошадь — лесной царь Джеса. Гово-

рил он бархатистым и очень низким голосом. — Я спас его, но едва успел. По стандартам Редерна, Карадок не молод, и с тех пор он болеет. Сражаться с тронутыми тенью без священника утомительно, даже с помощью твоей дочери.

Сэра осознала услышанное и попыталась сформулировать вопрос. Мысли ворочались медленно, и она поняла, что еще не избавилась от влияния силы.

— Значит, тролль не первое тронутое тенью существо, появившееся здесь? — спросила она. Ей не нужны подсказки Лера или Джеса, чтобы понять это. Больше того, в отличие от туманников, тролли порождены тенью, у этих тварей единственная задача — разрушать и убивать.

— Да, были и другие, существа, которых я не видел с Падения, хотя и не такие опасные, как тролль. Они пришли уничтожать живых и подкармливать Черного.

Сэра застыла.

— Я надеялась, что мы ошибаемся. Ты уверен, что есть еще один Черный? Этот Волис не мог призвать его.

Лошадь фыркнула.

— Такие твари, как этот тролль, приходят только по зову Черного.

Он потер носом колено.

— Ты хочешь сказать, что Черный здесь? — спросила Сэра и вздрогнула: ее контроль над магией ослаб. Она несколько раз глубоко, ровно вдохнула; постепенно все успокоилось.

Лесной царь подождал, пока она справится, потом сказал:

— Думаю, не сейчас. Но он был здесь. Оставил в старом храме руну, которая пришла в действие несколько недель назад. — Он поднял голову, приняхался, потом взмахнул гривой и снова обратился к Сэре. — Я тогда не уделял городу внимания. Если бы Карадок не призвал меня, когда появилась первая тварь, мне потребовалось бы немало времени, чтобы самому отыскать руну. Уничтожив руну, я не мог помочь жителям в каменном городе, поэтому привел их сюда, где твоя защита действовала бы, пока я справлюсь с тронутыми тенью. Тролля я не ожидал, поэтому занялся лечением священника и прогнал меньших тварей. Тролль... — Он вздохнул. — С обычным троллем справиться было бы нетрудно, но этот... Твоя защита раньше не позволяла ему приблизиться к жителям деревни.

— Значит, в храме была руна? — сказала Сэра.

— Она пробуждала и призывала тварей, на которых ошейник Черного, — объяснил лесной царь. — Священник отвел меня в храм, и мы уничтожили руну. Но недостаточно быстро.

Руны — в основном заклинания колдунов *солсенти*. Сэра лишь поверхностно знакома с теорией, на которой они основаны, хотя есть несколько полезных рун, которыми она иногда пользовалась. Она не знала, что руну можно приготовить и она будет ждать, пока что-нибудь не приведет ее в действие. Храм был построен только прошлой зимой, так что Черный побывал в Редерне после этого.

Вместе с Волисом, колдуном-священником, которого она убила в новом храме деревни, приходило несколько колдунов Пути, которые похитили Таера и вместе с ним вернулись в Таэлу. Черный мог быть среди них.

Может быть, туманник, убивший дочь кузнеца, был вызван из того места, где скрывался, и направлялся в Редерн. После того как лесной царь остановил призыв, туманник поселился в колодце. Сэра думала, сколько еще других тварей в эту минуту охотятся на беззащитных жителей деревень. Может, именно поэтому призывали Бенрольна.

Жжение силы замедлило течение мыслей Сэры, и она вернулась к защите. Лесной царь шел за ней, продолжая пощипывать траву.

В лесу стемнело, хотя Сэра видела полосы света там, где деревья редееют. Птицы, укладываясь спать, стихли, но от фермы доносилась музыка. Сэра улыбнулась: стоит собраться больше чем двум редерни, и обязательно будет звучать музыка.

Она критически осмотрела результаты своей работы и осталась довольна. Мысли слегка прояснились, а защита вновь стала прочной и тщательно скрепленной.

— Таер однажды сказал мне, что, по его мнению, лесной царь Джеса имеет много общего с Эллеваналом, — небрежно сказала она лошади.

Эллеванал — это бог, которому поклонялись жители гор, включая редерни. Хотя сегодня Сэра видела его лишь во второй раз, Джес несколько лет, с тех пор как смог уходить самостоятельно, бродил по лесам в сопровождении этого существа, которое называет лесным царем.

— Барды видят то, чего не видят другие, — согласился лесной царь, беря в рот новый клочок травы.

— Что сказали бы редерни, если бы увидели, что их лесной бог ест траву? — спросила Сэра.

— Они не Странники, — ответил бог, кончив жевать. — Они не увидят того, что видишь ты.

Она невольно рассмеялась.

— Не очень мистический ответ.

— Пожалуй, — сказал он, — но он все равно правдив.

— Боги не кажутся верующим истощенными и больными?

— Ты не веришь в богов, — сказал Эллеванал. — Откуда тебе знать, что могут и чего не могут верующие? — Насмешливые нотки ушли из его голоса. — Говорят, Странники не верят в богов, потому что убили и съели своих.

— Никогда такого не слышала.

— Конечно, нет, — сказал Эллеванал. — Ты Странница, не верящая в богов.

— А сколько времени ты здесь, страж леса?

Лошадь подняла голову и принялась к ветру; ее грудная клетка вздымалась и опадала, как будто лошадь быстро бежит, а не пасется спокойно в лесу. На ее ногах и брюхе была грязь.

— Очень давно, — сказал лесной царь. — Задолго до того, как пришел Черный король и опустошил мир. До того, как сюда после Падения пришли остатки победоносной Армии Рода Человеческого, нашли здесь безопасное убежище и в знак благодарности назвали меня богом. — Он искоса взглянул на Сэру. — До того, как произошло немыслимое и пекарь Таераган родился принадлежащим к ордену и перевернул мир Странников.

— Он не перевернул мир Странников, — возразила Сэра.

— Неужели? — Лошадь фыркнула и покачала головой. — Подожди, и еще увидишь, что может сделать наделенный орденом редерни. Известие уже разошлось, и скоро начнутся попытки уничтожить то, чем вы можете стать.

Сэра вопросительно подняла бровь.

Лошадь опустила голову.

— Бог, если пожелает, может говорить загадками.

Сэра покачала головой и снова занялась работой, потому что сила опять запела в ней. Лесной царь продолжал есть.

Добравшись до места, откуда видна ферма, Сэра заметила, что в лагерь покой и полный порядок, и напряжение покинуло ее.

Несколько мужчин натягивали веревки палаток и набрасывали грязные полотнища. Другая группа готовила кухонные костры; чтобы накормить такое количество людей невозможно рассчитывать лишь на кухни фермы. Сэра никого из членов своей семьи не видела, но в движениях жителей деревни была видна жизнерадостность и энергичность, и это говорило Сэре, что никто серьезно не пострадал. И звучала музыка.

— Если ты бог, — сказала Сэра, — разве ты не мог справиться с троллем гораздо лучше нас?

— Я только малый бог, — ответила лошадь; в голосе ее слышалась улыбка. — Я не мог уничтожить тролля — такого тролля, который был слугой Черного, пережил Падение и прожил гораздо больше столетий, чем обыкновенный. Уничтожить его и при этом сохранить жизнь священнику. Смерть нелегко отказывается от того, что по праву принадлежит ей, а лечение — не мое дело.

— Почему ты не позволил ему умереть? — спросила Сэра, хотя и сама не хотела бы смерти Карадока. — Никто не утверждает, что жрецы Эллеванала бессмертны.

Он рассмеялся в ответ на ее ядовитый тон.

— Карадок отлично играет в скири, что для священников большая редкость. Большинство из них не отличаются остротой ума. — Картина, где священник играет за доской с богом, показалась Сэре очень странной, но, прежде чем она могла расспросить об этом, лесной бог заговорил серьезно. — Ничто не может занять его места. Через несколько лет это станет возможно, но сейчас мне необходим мой священник.

Дождь прекратился, и повышающаяся температура превратила влагу на траве в туман; последние лучи солнца осветили поляну, на которой стоял бог. С боков белой лошади поднимался пар, ребра ее теперь торчали не так заметно, как в тот час, когда бог впервые присоединился к Сэре.

— Ты поправляешься, — сказала она.

Лошадь опустила нос к пучку травы и сорвала его. Подняла голову и стала шумно жевать.

Сэра покачала головой.

— Трава не может помочь так быстро набрать вес.

— А куда, по-твоему, пошла твоя сила, которую ты направляла в лес? — Он снова рассмеялся. — До того как родился первый Бард редерни, я был всего лишь старым кабаном, бродившим по округе. Но Бард — очень мощное явление, хотя и тонкое. Может существовать не одна причина того, что Странники никогда надолго здесь не задерживаются.

Сэра смотрела на него. Конечно, Таер не единственный Бард, родившийся в Редерне; у редерни музыка как кровь в жилах.

— Ты кормишь их магией? — спросила она, откладывая на потом вопрос о других *солсенти*, наделенных орденом.

— Разве я это сказал? — спросила лошадь. — Я никогда не лгал тебе, Ворон. Я кормлю только землю. — Сэра раздраженно фыркнула, и он насмешливо рассмеялся. — Осторожней, Ворон. Гнев и магия — опасное соединение. Я сам его не вполне понимаю.

— А что ты понимаешь? — спросила она.

— Странники очень долго не приходили сюда, — ответил он. — После Падения. Да и до него они здесь редко бывали. Только когда ты поселилась здесь с Таером, я заметил, что в орденах есть нечто... делающее землю более живой. Это не магия, насколько я могу судить. Вот. — Он покачал головой. — Я сказал тебе все, что знаю. Лес — мое царство, и его тайны принадлежат мне. Странники не принадлежат никому из богов, и, мне кажется, у них больше тайн, чем у других.

Он оставался с ней, пока она не завершила круг, а потом ушел, помахивая хвостом.

Сэра с трудом выпрямилась, сочувствуя Таеру: у нее болели колени и ныла спина. Она порвала брюки, но это неважно. Они дома, и ей снова предстоит носить одежду редерни.

Когда Сэра спускалась по склону к дому, к ней подбежал Джес. Сэра услышала его до того, как увидела: он негромко напевал.

— Я ее нашел! — сказал он.

Он смеялся, когда остановился перед ней.

— Я тебя нашел, — сказал он. — Нашел раньше Лера.

Она легко коснулась его плеча.

— Да, нашел. Все в порядке?

Он кивнул и пошел с ней рядом.

— Нас послала Хенна. Сказала, что сейчас уже безопасно быть с тобой. Сказала, что если никто тебя не найдет, папа пойдет сам и испортит все то хорошее, что она сделала для его коленей.

Сэра вспомнила кулак тролля, сомкнувшийся на ноге Таера.

— Он здоров?

Джес кивнул.

— Ворчит насчет коленей, так что, должно быть, все в порядке.

Сэра улыбнулась.

— Наверно. — Если бы они действительно болели, он не сказал бы ни слова. — А Ринни?

— Спит рядом с папой, который играет с Циро. У нее шишка на голове и синяк на плече такого размера. — Джес развел руки, показывая размер, и Сэра понадеялась, что он преувеличивает, хотя это к числу недостатков Джеса не относится.

— Лер завидует, — продолжал Джес. — Говорит, что у него никогда таких синяков не было. А у меня были. Помнишь, как я упал с амбара? Тогда синяк был больше, чем у Ринни.

— Надеюсь, больше ни у кого из вас таких синяков не будет.

Джес кивнул.

— Я тоже. А вот и Лер. Я первым ее нашел, Лер. Увидимся дома.

Джес исчез в темноте, оставив Сэру с Лером.

— Как только я перестал выслеживать тебя и пошел на голос Джеса, найти было нетрудно. Джес рад быть дома, — сказал Лер. — Ты выглядишь усталой, мама. Все в порядке?

Сэра кивнула.

— Отлично. Немного истощена: я не привыкла к такому объему магии. Джес говорит, что отец и Ринни не очень пострадали.

— Они в порядке — только синяки и шишки, — согласился Лер, и Сэра окончательно успокоилась. — Циро заставил папу рассказать обо всем, что случилось с ними после ухода.

Циро, отец красильщика, был близким другом деда Таера; это он научил Таера любить музыку. Впрочем, Таер в специальном подталкивании не нуждался.

— Циро сказал, что превратит папин рассказ в песню. И они устроили соревнование, у кого лучше получатся стихи. — Лер немного отвлекся, следя за неровной местностью, по которой они шли, потом сказал: — Неприятности здесь уже несколько недель. Тролль был хуже всего, но были и гоблины, и другие твари.

— Лесной царь отыскал меня, когда я пыталась избавиться от смертной магии тролля, — сказала Сэра. — Он рассказал, что колдун-священник Волис как-то призвал слуг тени. Должно быть, мы с Хенной что-то пропустили, когда осматривали храм. Карадок прервал призыв, но сам пострадал при этом.

Она посмотрела на сына.

Лер кивнул.

— Он сейчас в доме. — Он откашлялся. — Он находился в твоей комнате. Папа велел его оставить там и на эту ночь. Выглядит он плохо, бледен и избит, но его вынесли, чтобы он послушал музыку, так что, должно быть, не так он плох, как кажется.

Сэра устала, одежда ее промокла, и ей не терпелось лечь в собственную кровать.

— Карадок уже не молод. Если он ранен, ему лучше оставаться в нашей постели, пока его не перенесут в город. Это произойдет скоро. Лесной царь рассказал, что Карадок помог уничтожить руну, которая призывала сюда тронутых тенью зверей. Тролль должен был со всем покончить. Думаю, завтра или через день все вернутся в Редерн.

Она надеялась.

— Джес будет рад это слышать, — сказал Лер. — Он только посмотрел на тетю Алину и спрятался за Хенной.

— Она заботилась о Ринни, — сказала Сэра и споткнулась о невидимую ветвь.

Лер взял ее за руку.

— Знаю. Но с Джесом она не умеет обращаться.

— Она не была бы такой, если бы Джес переломил себя и отнесся к ней получше.

Лер фыркнул.

— Папа то же самое говорит о тебе и тете Алине.

* * *

Перед домом собрались люди; кто-то, несмотря на влагу, разжег костер. Таер, с плотно перевязанным коленом, вытянув перед собой ногу, играл на лютне, которую привез из Таэлы. Закутанная в одеяла Ринни положила голову на другое колено отца и спала.

Циро играл на небольшом барабане, и они вместе с Таером пели. Голос старика был по-прежнему верен, а голос Таера... Сэра всегда считала, что Таер способен своей интонацией приспособиться к любой обстановке. Он мог петь любовные песни голосом, полным теплого масла и сахара, а потом переключиться на жесткую военную песню, и тогда его голос мог резать камни. Сейчас он предоставил вести старику, а сам подпевал, мягко, чтобы польстить Циро. Впрочем, тот не нуждался в подбадривании.

На краю освещенного пространства Сэра остановилась.

— Ты проверил, нет ли среди редерни тронутых тенью?

Черным может быть кто-нибудь из знакомых.

Лер кивнул.

— Хенна проделала это со мной и Джесом. Но даже у дяди Бандора никаких признаков. Хенна говорит, что, если бы кто-то был тронут тенью, он не смог бы преодолеть твою защиту, а здесь собралась вся деревня.

— Хорошо.

Сэра на самом деле не слишком тревожилась из-за этого, хотя, наверно, следовало тревожиться: Черный сумел скрывать от них свою истинную сущность до самого конца охоты. Возможно, он вообще может укрыться от ее сыновей.

Но ей все же казалось невероятным, что Черный — кто-то из тех, кого они знают в деревне. Она отложила мысли о Черном на другое время, когда будет не такой усталой.

Голос Таера дрогнул, когда он ее увидел. Прикрыв струны лютни рукой, он замолк. Немного погодя Циро тоже остановился.

— Что-то случилось? — спросил он.

Таер покачал головой, но не отрывал взгляда от Сэры.

— Просто устал. Поиграй без меня.

— Если Карадок в нашей постели, нам нужно поискать, где можно поспать, — прошептала Сэра, чтобы не мешать иг-

рающему Циро. Она коснулась лица Ринни, потом посмотрела на Таера. Даже в темноте он выглядел бледным и измученным. Должно быть, колени все-таки его беспокоили.

— Что-нибудь поуединеннее, — согласился Таер. — Но дом полон.

Сэра внимательно посмотрела на небо: буря миновала.

— Наверно, я что-нибудь придумаю. Лер, можешь найти наши спальные мешки и сумку? И убедись, что у тебя, Джеса и Ринни есть место, где спать.

Он кивнул.

— Сейчас вернусь.

И выполнил обещание: протянул Сэре два спальных мешка еще до того, как Циро закончил второй сольный номер.

— Ринни будет спать на своей кровати в доме, я ее отнесу. — Лер говорил негромко, хотя Циро отдыхал перед следующей песней. — А мы будем спать в амбаре. Тебе нужна помощь, папа?

Таер встал и покачал головой.

— Если только не нужно далеко идти, я в порядке.

Сэра кивнула Леру и, наклонившись, поцеловала Ринни в голову.

— Увидимся утром, — сказала она сыну.

Она повела Таера за дом, где местность поднималась к узкому плоскому лугу, окруженному невысокими деревьями и кустами. Таер сильно хромал. Сэра невольно морщилась вместе с ним на каждом шагу.

Она расстелила свой мешок на плоском камне, где он не промокнет, но остановила Таера, когда тот наклонился, чтобы расстелить свой.

— Нет. Подожди минутку. У меня есть для нас кое-что получше.

Она раскрыла сумку и достала оттуда мешочек с *мермори*. Быстро перебрала, отыскиала *мермори* Изольды и воткнула острым концом в землю. Отступила и произнесла слова, которые вызовут древний дом Изольды Молчаливой.

Наступила пауза: магия концентрировалась. Сэра чувствовала знакомую волну заклинания Хиннума; заклинание разворачивалось, вспоминая вид дома Изольды, восстанавливая

давно истлевшие комнаты. И не только видела, но и чувствовала, как в лесу за их домом снова возникает это древнее строение.

Дом Изольды не из самых больших домов, некогда принадлежавших колдунам Колосса, хотя он больше того, что Таер построил для Сэры. Фасад дома Изольды рассчитан на то, чтобы было приятно на него смотреть, он покрыт декоративным кирпичом. Боковые стены гладкие и плоские; Сэра была уверена, что когда-то они стояли вплотную к стенам соседних домов. Контраст между нарядным фасадом и блеклыми боками делал дом странным, особенно когда он в одиночестве стоит в лесу, а не на оживленной городской улице.

— Сегодня будем спать здесь, — сказала Сэра.

— Мне казалось, ты этого не делаешь, — ответил Таер, хотя вслед за женой поднялся по ступеням крыльца и прошел в дверь черного дерева.

— Это может быть опасно, — сказала она, внимательно наблюдая за медленными движениями мужа. — Это иллюзия, очень хорошая иллюзия, но если погода плохая, можно замерзнуть насмерть, даже не поняв этого. Впрочем, дождь прекратился, а чтобы согреться, у нас есть спальные мешки.

— А почему мы им не пользовались по пути домой? — спросил Таер.

— Магия, любая магия, обычно привлекает разных отвратительных существ, которых я предпочла бы оставить в покое, — ответила Сэра, передвигая кресло, чтобы Таер смог пройти. — И иллюзия очень прочная: изнутри не слышно, если кто-нибудь подкрадется. Сегодня — ну, тут было достаточно магии, так что дом Изольды особой роли не сыграет. Моя защита возобновлена, и не думаю, чтобы кто-нибудь сумел через нее пробраться. Здесь мы в безопасности и наедине.

Дом освещался небольшими фонарями. Таер вслед за женой, хромая, прошел через гостиную в самую маленькую спальню. Здесь было меньше личного, чем в других спальнях. Сэра всегда считала, что это комната для гостей, и чувствовала себя в ней комфортабельнее: здесь она не непрощеный нарушитель, а скорее гость.

— Не хочется класть грязные мешки на постель, — сказал Таер.

Сэра понимала его: кровать заправлена белоснежными простынями.

— Все в порядке. Когда в следующий раз *мермори* вызовет дом, никакой грязи не будет.

Таер покачал головой, но развязал спальные мешки и разложил их на постели. Сэра видела, что сегодня его тревожат не только колени.

— Тебе больно, — сказала она. — Разденься и дай мне взглянуть.

То, что он без возражений подчинился ее резкому приказу, показывало, как он на самом деле устал. Чтобы лучше видеть, Сэра сделала свет прикроватной лампы ярче.

Таер двигался медленно, и Сэра увидела, что, вдобавок к новым повреждениям на ногах, у него ранено плечо. Когда он разделся, она обошла его, оценивая повреждения привычным взглядом матери, трое детей которой непрерывно забирались на деревья, амбары и другие места, скорее подходящие для птиц, чем для людей.

— Ничего такого, что не прошло бы после нескольких дней отдыха и хорошей бани, — сказала она наконец с облегчением. Что бы ни говорил Лер, состояние мужа тревожило Сэру. — Ложись, и я посмотрю, что можно сделать.

Он с облегчением сел на кровать, и она помогла ему подняться и уложить ноги.

— А теперь, — сказала она, сбросив собственную промокшую одежду, — посмотрим, смогу ли я помочь тебе лучше себя почувствовать. Боль — это способ твоего тела сказать, что тебе нужен отдых, иначе повреждение станет серьезным. Вылечить тебя быстрее я не могу, но могу сделать так, чтобы этой ночью ты боли не чувствовал.

Она коснулась подъема ног, потом лодыжек и медленно поднималась выше, лишь с легким призывом магии.

Когда дошла до коленей, тело Таера расслабилось.

— Замечательное ощущение, — выдохнул он.

— Будет еще лучше, когда я закончу, — сказала она, мягко целуя его в губы. — Но утром, когда я сниму магию, ты меня проклянешь.

Она провела руками по его бедрам.

— Я говорил тебе сегодня, что люблю тебя? — спросил он, блаженно закрыв глаза.

— Ты просто боишься того, что я с тобой сделаю, если не скажешь.

Она говорила с отсутствующим видом, занятая приложением магии к его ранам.

Он открыл глаза и взял ее рукой за подбородок.

— Я тебя не боюсь, — сказал он, притягивая ее к себе для нового поцелуя, на этот раз страстного и опытного. — Я люблю тебя, — сказал Таер, когда Сэра снова подняла голову.

Она обнаружила, возвращаясь к работе, что губы ее невольно изгибаются в улыбке.

— Лесной царь сказал мне, что тронутых тенью тварей призывала руна в храме. Он говорит, что эту руну мог начертать только Черный.

— Ах, — сказал Таер, — я знаю: ты надеялась, что это не так.

Она прекратила применять магию, сдула упавший на глаз локон.

— Черный несет за собой горе в одеяле смерти.

— Этот Черный — вернувшийся Безымянный король? — спросил Таер.

— Нет, — ответила она. — Это человек, ставший рабом Сталкера и в качестве платы получивший власть и бессмертие.

— Значит, были и другие?

Она кивнула, проводя пальцем по шраму на груди Таера, полученному в битвах до встречи с нею. Это след почти смертельной раны, о которой Таер никогда не говорил.

— Немного.

— Сталкер — это тот, кого колдуны Колосса заточили ценой уничтожения своего города?

Сэра прижала ладонь к его коже, согревая ее.

— Они не уничтожили свой город, Таер. Они принесли его в жертву.

Он беспокойно зашевелился под ее рукой.

— Ты мне рассказывала об этом. Ты хочешь сказать, что они убили всех, кто жил в городе, кроме колдунов, создававших заклятие?

— И да и нет. — Это старая история, и Странники редко ее рассказывают. — Каждое утро Алина встает и разжигает огонь в печи, как всегда делала твоя семья с тех пор, как несколько столетий назад была основана пекарня. У каждого

жителя деревни есть дела, которые он совершает ежедневно, — это ритуалы жизни. И в этом сила, Таер, как и в той искре жизни, которая отличает твое тело от глиняного горшка. Колдуны извлекли силу из повседневных ритуалов, из поколений живших и из смерти своих семей и друзей, веривших им. Маги убивали тех, кого любили, и в этом тоже была сила, гораздо бóльшая, чем в простой смерти. Они использовали эту силу, зная, что ее не хватит, чтобы уничтожить их создание. Они могли только заточить его.

— А чего хочет Сталкер? — спросил Таер, сам опытный рассказчик. — Чем он так напугал колдунов, что они перебили свои семьи?

— Слово языка Странников, которое переводится на общий язык как Сталкер, означает также смерть добычи, которую преследует Сталкер, — преследует не ради пищи, а из любви к уничтожению. — Сэра расстроенно пожала плечами. — Это все, что мы знаем: только то, что колдуны назвали его Сталкером, когда погубили свои семьи, чтобы сдержать его.

— Безымянный король едва не погубил человечество.

Сэра кивнула.

— Туманники питаются мелкой добычей. Они не играют с пищей, как кошки. Тронутый тенью, которого мы обнаружили, сознательно наводил ужас на кузнеца, потому что наслаждался этим. Так и Сталкер, должно быть, принуждает тех, кто ему служит, к ужасным деяниям. Несомненно, смерть следует за Черным и теми, кто ему служит.

— Ты сказала, что Бандор затронут тенью.

Она кивнула.

— Да, это необычно. Большинство тронутых тенью, которых мы, Странники, видим, результат деятельности Безымянного короля.

— Но как это случилось?

— Сначала я думала, что это сделал Волис, — ответила она. — Сам он, несомненно, был тронут тенью, как и все мастера Пути. Но мой старый учитель Аграв как-то сказал, что Сталкер был заточен, потому что навязывал свою волю другим. Почему-то с Черным того же не произошло. Если это так, то именно Черный виноват в том, что тень затронула колдунов Пути и Бандора.

— Какая разница между тем, кто просто затронут тенью, и Черным?

— Тень тебе навязывают, — ответила Сэра. — Нужны небольшие грехи, нужно негодование, гнев, все это усиливается и извлекается на поверхность. Бандор ударил твою сестру — спокойнее, Таер, это не его вина. Я привожу это просто как пример того, насколько прикосновение тени может изменить личность. Если будешь сопротивляться тени, она выест тебя изнутри, так что останется зверь, который больше не сможет скрывать свое безумие. Насколько я могу судить, мастера Пути жили с этим долгие годы.

— А Черный?

— Мы не знаем, как возникают Черные. Если бы знали, могли бы этого не допустить. Все Черные были колдунами. Думаю, они каким-то образом связывались со Сталкером; может, в книгах *солсенти* есть какое-то заклинание. А может, Сталкер умеет призывать колдуна, который соответствует его нуждам. Во всяком случае, с готовностью жертвует жизнями окружающих, чтобы получить власть и бессмертие. Не знаю, что при этом получает Сталкер или чего он хочет, кроме смерти и разрушения. Может, этого ему достаточно. Люди, тронутые тенью, со временем — за годы или даже за месяцы — становятся безумными, но сам Черный нет.

Таер молчал, и немного погодя Сэра возобновила свою работу по смягчению его боли. Много магии для этого не требовалось, только нежность.

Она коснулась красного пятна в районе ребер, где завтра будет синяк, и облегчила боль магией. Хоть он и изранен, она любила его тело, мускулистое и жилистое, со множеством старых и новых шрамов. Закончив с заклинаниями, она провела пальцами по его коже.

Она вернула его домой. Он дома и наконец в безопасности.

Пальцы ее двинулись ниже, и он перехватил ее руку.

— Если хочешь, чтобы мы поспали, ложись рядом, перестань ласкать меня.

Она села на него, тонкая ткань ночной сорочки была единственной преградой между ее кожей и его.

— М-м-м, — сказала она, — кажется, сон тебя еще не очень интересует.

Он рассмеялся — низкий смех исходил словно не изо рта, а из живота.

— Не двигайся, — сказала она, прижимаясь к его губам своими. — Можешь навредить себе, если будешь шевелиться.

Много, очень много времени спустя Таер довольно сказал:

— Как мне этого не хватало.

— Мне тоже, — ответила Сэра. Она неохотно откатилась и пригасила свет. — Свет полностью не погаснет. В комнатах *мермори* не может быть совсем темно — я думаю, это имеет какое-то отношение к природе иллюзии.

— Так хорошо, — сказал он. — Я хочу немного поговорить с тобой, а если будет темно, я не выдержу и усну.

— Да? — Она взяла свой спальный мешок, укрыла Таера, а потом забралась к нему. Со вздохом свернулась в тепло и зевнула. — Говори быстрее.

— Расскажи мне о Хенне.

Она подняла голову, но свет находился за ним, и она не видела выражения его лица.

— О Хенне?

Он рассмеялся.

— Если бы ты сама себя слышала. Просто я заметил в ней кое-что странное, и поскольку наш сын очень ею интересуется, я хотел бы больше о ней знать.

Она снова устроилась рядом с ним.

— Что именно странное?

Он рассмеялся.

— Сначала расскажи ты. Потом я объясню, почему спрашиваю.

— Она Ворон из клана Ривилены Лунноволосой, — осторожно начала Сэра. — Это общее наследие всех Странников. Последний раз я слышала, что в пределах империи есть три или четыре клана Ривилены и еще несколько за пределами империи. Она пришла к нам... — Сэра остановилась. — Хочешь, чтобы я пересказала всю историю? Я тебе уже рассказывала.

— Пожалуйста, расскажи еще раз, — попросил он.

Она пожала плечами.

— Она пришла к нам, потому что предположила, что Путь захватил тебя и тебя отвезли в Таэлу. Она была свидетельни-

цей того, как убили ее возлюбленного. И хотела отомстить. И еще она хотела остановить Путь.

— Но она не пошла сразу на ферму.

— Верно. Сначала она пошла на то место, где предположительно ты умер. И шла к нам, когда лесной царь усыпил ее, а потом послал Джеса, чтобы тот принес ее сюда.

— Лесной царь не хотел, чтобы она оставалась в его царстве? — нейтральным тоном спросил Таер.

— Не знаю, чего он хотел, — ответила Сэра. — Спроси его сам, и увидишь, сможешь ли получить прямой ответ. Если бы он считал, что она может причинить вред, вряд ли он посылал бы Джеса принести ее сюда.

Таер не спорил, и Сэра снова расслабилась и прижалась к нему.

— Она помогала мне учить мальчиков, пока мы были на пути к Таэле. И она спасла Джеса.

— Ты мне об этом не говорила. Как?

— Ты знаешь, что такое *фаундрейл*? — спросила она.

— Нет... подожди. Это не та штука, о которой говорил мне Защитник? Та, что должна держать Защитника под контролем, но вместо этого сводит его с ума.

Сэра кивнула.

— С самого начала их было десять — теперь осталось девять. Бенрольн... я тебе рассказывала, что его клан из тех, что зарабатывают на *солсенти*. Он считает, что имеет на это право: *солсенти* убили его отца и всех остальных носителей орденов клана. Он решил, что заставит меня помогать ему, если захватит Джеса и будет удерживать его с помощью *фаундрейла*. Пока я разбиралась с Бенрольном, Хенна сумела уничтожить *фаундрейл*.

— Это было нелегко?

Голос Таера звучал нейтрально.

Сэра покачала головой.

— Не знаю. Никогда не пробовала.

— Насколько сильна Хенна?

— Не знаю. Для магии нет мерной линейки. — Она нахмурилась и раздраженно продолжала: — хотя колдуны *солсенти* считают, что она должна быть. На самом деле тренировка значит не меньше, чем сила, хотя для Воронов в меньшей степени, чем для колдунов, которые не являются но-

сителями ордена. Хенна очень хорошо подготовлена; это видно по ее поведению. Люди говорят «владеющий собой, как Ворон», и ее спокойствие, хладнокровие и миролюбие ясно это подтверждают.

Но она не могла скрыть тоскливые нотки в голосе.

Таер услышал это, потому что игриво потер ее нос.

— Ты так хорошо себя контролируешь, что многие думают, будто ты вообще не способна на необдуманное поведение. А что касается меня, то я обожаю время от времени всласть подраться.

Сэра рассмеялась.

— Ничего подобного. Мне приходится стараться расшевелить жалкого Барда, чтобы подраться с ним. — Она немного подождала. — Так что ты думаешь о Хенне?

— Сколько ей лет? — спросил он.

Она не это ожидала услышать, хотя Хенну, по-видимому, беспокоит, что она старше Джеса.

— Не знаю, — ответила Сэра. — Она выглядит лет на десять моложе меня. Двадцать четыре, двадцать пять, может быть. У них разница в возрасте меньше, чем у нас.

Он повернулся так, что ее голова оказалась у него на плече.

— Мне кажется, она гораздо старше, чем выглядит.

— Почему?

— Это у нее во взгляде. Когда мои глаза не говорят мне о ее молодости, я чувствую, что она старая, старая женщина.

Сэра какое-то время думала о его словах.

— Владение собой, которого стремятся достичь Вороны, обычно достигается в очень пожилом возрасте, — сказала она. — Я видела его у других Воронов, не только у Хенны, хотя сама никогда по-настоящему им не владела. — Сэра знала, что люди считают ее холодной, но ей было очень трудно сдерживать эмоции. А если она этого не сделает, то может стать очень-очень опасна для всех. Магия требует хладнокровия, а она очень вспыльчива. — Думаю, именно благодаря этому контролю Хенны Джес выдерживает ее прикосновения, хотя не переносит этого от других.

— Магия может позволить человеку прожить дольше, — сказал Таер. — Однажды я встретил семидесятидвухлетнего колдуна, который выглядел не старше сорока.

— Колдовство — да, но я тебе уже говорила, что ордены действуют не так. Целители, такие, как Брюидд, возможно, могут продлить себе жизнь, но лишь в разумных пределах.

— Ты говорила, что колдуны встречаются и в кланах Странников, — сказал Таер. — Может Хенна быть колдуньей?

Сэра села, скрестив ноги, и в тусклом свете посмотрела ему в лицо.

— Ты как будто совершенно уверен, что она стара.

Совы могут почувствовать, когда другие лгут, но дальше этого их способности не заходят — так она всегда считала.

— Это просто ощущение, — почти виновато сказал он.

— Все носители Ворона колдуны, — сказала Сэра. — Точно так же, как все Защитники — эмпаты. Поэтому да, Хенна в определенном смысле колдунья. Но Вороны воздерживаются от использования колдовства за пределами своего ордена... это было бы похоже на то, что ты при пении заткнул бы уши ватой.

— Я знаю разницу между колдунами и Воронами: колдуны используют ритуалы, а Воронам это не нужно, — сказал Таер. — Но я видел, как ты пользуешься ритуалами.

Сэра кивнула.

— Верно. Колдун — это знания, а Ворон — интуиция. Насколько нам известно, это справедливо, но на практике особой разницы нет. Истинная разница в результатах. Это все равно что сказать: разница между собакой и кошкой в том, что собака послушна, а кошка независима.

— Ты можешь объяснить мне это?

Сэра немного подумала.

— У меня есть не очень близкая аналогия. Представь себе, что магия — это работа пекаря, которую могут выполнять лишь немногие. Но у этих людей нет ни обоняния, ни вкуса.

— Так печь хлеб трудно, — заметил Таер.

— Очень трудно. Но они умудряются это делать, потому что тщательно изучают книги рецептов и учатся измерять каждую чашку муки и каждое зернышко сахара.

— Колдуны *солсенти*.

Таер взял ее руку и принялся перебирать ее пальцы.

— Верно. Но некоторые из этих колдунов получают кольцо, которое позволяет им обонять и ощущать вкус.

— И это кольцо называется орден Ворона.

— Правильно.

— Но они могут снять кольцо.

Сэра раздраженно закатила глаза и быстро заговорила:

— Только с помощью обжигающего каустического мыла.

А работа пекаря горяча, настолько горяча, что некоторые от нее умирают. Другие научаются управляться с высокой температурой и переносить ее долгое время — но потому, что занимаются только выпечкой хлеба и не могут прекратить это делать, иначе умрут. Это колдуны, живущие многие столетия. А кольцо защищает тебя от жара.

Он обнял ее за талию, придвинул к себе и рассмеялся.

— Хорошо, хорошо. Ни один Ворон не подумает заниматься колдовством, и Вороны не живут столетия.

— Правильно, — сказала Сэра, прислонившись лицом к его шее. — Поэтому Хенна не столетняя колдунья. И она не Черный. Мы бы знали — Джес знал бы.

Таер перекатился на свое место и какое-то время лежал неподвижно. Она подумала, что он уснул, и сама уже засыпала, когда он заговорил снова.

— Если Хенна присоединилась к тебе, чтобы уничтожить Путь, почему она еще с нами? Почему не ищет свой клан, чтобы воссоздать его? Ты говорила, что убили весь ее клан, кроме нее и ее возлюбленного Ворона.

Сэра хотела ответить, но он продолжил:

— Меня заставляет спрашивать об этом Джес. Если бы она считала себя свободной, чтобы уйти, она ушла бы как можно скорее — из-за Джеса.

— О чем ты? — спросила Сэра, нахмурившись. Таер лучше разбирается в чувствах людей, но она была уверена, что Хенну влечет к Джесу. — Джес ей нравится.

— Она его любит, — сказал Таер с уверенностью, которой сама Сэра не чувствовала. — И именно поэтому она должна была бы уйти.

— Это бессмысленно. — Она терпеть не может, когда Таер так говорит. Она не сомневалась, что он прав — он никогда не ошибается в оценке людей, просто ей не нравилось, когда он начинал выражаться загадочно, а он именно поэтому так поступал.

Таер улыбнулся, зубы его сверкнули в тускло освещенной комнате.

— Не для тебя, любимая. Ты берешь мир и делаешь его таким, как тебе нужно. Большинство из нас гораздо менее уверены в себе. Хенна тревожится о Джесе. Он не просто слишком молод, он Защитник. Он меняется — ты должна была заметить это.

— Да. — Сэра подавила страх, который вызывала у нее эта мысль. — Он чаще переходит из одного состояния в другое, и это происходит быстрее. — Она говорила торопливо, как будто это могло сделать ее слова неверными. — И не думаю, чтобы теперь Защитник когда-нибудь совершенно оставлял его.

— Джес как Защитник сказал нам, кто живет в колодце кузнеца, — сказал Таер Сэре. — Он мне сказал, что почувствовал его запах. Разве Джес когда-нибудь сталкивался с туманником?

Пальцы Сэры нервно дергали край одеяла.

— Я о таком не знаю. Здесь их мало, и на всем пути из Таэлы мы ни с одним не встретились.

— Так я и думал. Я спросил, откуда он знает, и Защитник уступил место Джесу лишь настолько, чтобы тот сказал, что не знает, и тут же вернулся назад.

— Зачем он это сделал?

— Я думаю, если бы Защитник сам сказал, что не знает, он солгал бы.

— Защитник знает то, чего не знает Джес? — Сэра искала руку Таера; найдя, сжала. — Это плохо. Чтобы выжить, Джес должен быть един с Защитником.

Так говорил отец ее брату, Защитнику.

— Я поговорю с ним, — сказал Таер, как будто разговор мог решить проблему.

Сэра все равно почувствовала себя от этого лучше. Таер разговорами решал проблемы гораздо чаще, чем она.

Таер обнял ее, так что ее голова оказалась на его плече, потом укрыл ее одеялом.

Хенна любит Джеса. Сэра была вполне уверена, что Джес отвечает ей тем же, хотя относительно Джеса утверждать что-либо труднее.

— Она никогда этого не говорила, но думаю, ей некуда идти, — сказала Сэра. — Не знаю, как Джес убедил ее идти с нами, потому что Лер рассказал, что вначале она хотела уйти с Бенрольном. Но я знаю, что заставляет ее оставаться.

— Что же?

— Долг. Она Ворон, Таер. У нее есть долг, который выше любви и семьи. Где-то здесь Черный, который хочет нас уничтожить, любимый. Несомненно, он охотится за тобой. И ее долг оставаться здесь, чтобы убить.

Таер рассмеялся, мягко покачивая ее голову.

— Его или меня?

— Спи, — сердито сказала она, чтобы скрыть тревогу.

Когда на следующее утро они подходили к дому, священник с закрытыми глазами сидел на крыльце.

— Ты выглядишь усталым, Карадок, — сказал Таер, помахав людям, которые издали приветствовали его. Они убирали палатки на поле.

Карадок открыл глаза.

— Не тебе говорить. Судя по твоей хромоте, твои ушибы не легче моих.

Таер кивком показал на поля.

— Им безопасно возвращаться в Редерн?

Карадок довольно улыбнулся.

— Эллеванал сказал мне, что деревня в безопасности, поэтому я велел собираться. К вечеру дом будет снова твой.

Предсказание Карадока оказалось излишне оптимистичным, и Сэре и Таеру пришлось еще ночь провести в доме *мермори* Изольды. Жителей больше интересовало празднование победы, чем возвращение. К тому же, казалось Сэре, они немного нервничали от предстоящего возвращения в свои дома. Несмотря на заверения Карадока, пройдет немало времени, прежде чем они в своей деревне почувствуют себя в безопасности.

— Еще раз спасибо за то, что присмотрела за Ринни, — сказала Сэра, помогая Алине собрать вещи в углу, где обычно спали Лер и Джес.

Была середина второго дня после их возвращения, и Сэра надеялась, что эту ночь они проведут в своих постелях. Для этого она послала мужа и детей подбадривать тех, кто собирается в деревню.

— Ринни хорошая девочка, — ответила сестра Таера, аккуратно складывая рубашку и укладывая ее в тюк. — Пока мы не пришли сюда, она помогала в пекарне. — Она помолчала. — Спасибо за то, что нашла моего брата. Если бы ты со Странниками его не нашла, он был бы мертв.

Сэра, чувствуя себя неловко, пожала плечами. Она не знала, что ответить. Старая вражда ослабла, но она не представляла, чем ее заменить.

— Таер находчив, — сказала она наконец. — Он тебе говорил, что император просил его совета?

Алина улыбнулась, и облегчение на ее лице показало Сэре, что ей тоже нелегко дается этот разговор.

— Да, он что-то говорил, но я думала, он преувеличивает. Сэра покачала головой.

— Нет. Я никогда не слышала, чтобы он что-нибудь преувеличивал, говоря о себе, — скорее как раз наоборот.

— Правда? — Алина ненадолго задумалась. — Он действительно взял молодых хулиганов и превратил их в императорскую армию?

— Они все еще хулиганы. Большинство во всяком случае. Но они восхищались Таером и ради него сражались за императора. Таер умеет обращаться с молодежью.

— Кстати, о молодежи, — сказала Алина. — Ты заметила, что половина деревенских девушек мечтает о Лере? Он герой: сразился с троллем и убил его.

— Он и большинство мужчин деревни, — сухо поправила Сэра. — А убила тролля я.

Алина улыбнулась и стала очень похожа на Таера. Нечасто раньше приходилось Сэре видеть у Алины такую улыбку: она была постоянно недовольна с тех пор, как ее брат женился на Сэре.

— Никто не будет тебя преследовать на этот раз за использование магии. Но не думаю, чтобы кто-нибудь восторгался тобой.

Сэра позаимствовала любимое выражение лица Ринни и закатила глаза.

— Все разбегаются в разных направлениях. Им потребовалось двадцать лет, чтобы забыть, что я едва не сровняла с землей пекарню. Как ты думаешь, еще через двадцать лет они забудут о тролле?

Алина сложила в мешок последнюю рубашку Бандора.

— Не думаю, чтобы вообще когда-нибудь забыли, — серьезно ответила она. — Но неплохо, если они будут помнить, что ты не просто жена фермера.

— Но я жена фермера.

— Нет. — Алина связала тюк и подняла его. — Ты Странница, Ворон из клана Молчаливой.

— Клан Изольды Молчаливой, — поправила Сэра. — И еще я Сэра, жена Таерагана. Клан Изольды мертв уже больше двадцати лет. Редерни я была дольше, чем Странницей.

— Сэра, — сказала Алина. — Ты всегда была Странницей — и Вороном тоже. Мы знали это с того дня, как ты едва не уничтожила пекарню, знали все, и Таер тоже.

Она взяла свои тюки и вышла, оставив Сэру одну.

Немного погодя Сэра постаралась избавиться от воздействия слов Алины. Алина все-таки не Таер, с его удивительной точностью в оценке окружающих.

Сэра отказалась от наследия Странницы, поменяла его на Таера и детей. Конечно, время, проведенное этим летом с кланом Бенрольна, было неплохим, словно спустя много лет найдешь старую рубашку, примеришь и убедишься, что она по-прежнему подходит. Но ее место здесь.

Тем не менее она предпочитала носить брюки Странницы, а не юбку женщины из Редерна.

Резкими движениями Сэра собрала постельное белье, чтобы выстирать. Направилась к лестнице, но обернулась. Комната маленькая и бедно обставленная, треть той камеры, которую занимал Таер в Таэле. В этой комнате родились ее дети.

Через несколько недель начнется сбор урожая. В этом году у них урожая не будет, но это даже к лучшему из-за проблем с Черным и камнями орденов. Это дело Странника, и его нужно завершить, прежде чем снова осесть на месте и стать женой фермера.

И после этого никакой магии, кроме ежегодного укрепления защиты.

— Это мой дом, — вслух сказала она, чтобы подавить удушающее ощущение, охватившее грудь. — Здесь мое место.

* * *

Предоставив сыновьям и мужу присматривать за исходом жителей деревни — Таеру отводилась роль простого наблюдателя, — Сэра с помощью Ринни начала убираться в доме и проводить инвентаризацию.

— Хорошо, что ты присматривала за садом, пока мы отсутствовали, — говорила она, оттирая свежее пятно с пола. — Я думала, что придется посылать Таера в Легей за припасами, но с тем, что даст сад, нам хватит.

— Мы с тетей Алиной и дядей Бандором приходили сюда раз в неделю. — Ринни забралась на стул, чтобы лучше видеть содержимое шкафа. — В пекарне тяжело работать. Я понимаю, почему папа предпочел ферму.

— На ферме тоже нелегко, — ответила Сэра. — А пекарня дает больше денег.

— Но в пекарне все время нужно быть внутри. — Ринни сняла с полки чашку и заглянула в нее. — Я скучала без Гуры, Скью и сада.

— Но не без нас?

Ринни улыбнулась.

— Без вас я тоже скучала. В следующее приключение я отправлюсь с вами.

— Мне кажется, у тебя уже было приключение, — заметила Сэра.

— Мама, Бакланы ни на что не годятся. — Ринни едва не заплакала, ставя чашку на место. — Посмотри, как папа, Лер, Джес и ты сражались с троллем. А я смогла только полить его дождем.

— Ордены разные, — сказала Сэра. — Мы встретились с другим Бакланом — папа тебе рассказывал? Он много зарабатывает, манипулируя погодой. Подбирает богатую деревню и на месяц-два напускает на нее засуху, а потом требует плату за дождь.

Ринни в ужасе распрямилась.

— Странники должны помогать людям, мама.

— Так я ему и сказала, — серьезно ответила Сэра. — Он больше так не делает.

Ринни улыбнулась.

— Хотела бы я, чтобы меня слушались так же, как тебя.

Хлопнула дверь, и вошел Джес.

— Они ушли, а мы вернулись, — сказал он торопливо. — Мы отвели их в Редерн. Я рад, что они ушли.

Сэра подняла брови.

— Обувь? — мягко сказала она. — Я только что подмела пол и не собираюсь делать это снова.

Джес торопливо попятился и сел на крыльце.

— Все трогают, трогают, трогают. «Привет, Джес, — говорят они. — Хорошо, что вернулся». Трогают, трогают, трогают.

— Мне жаль. Надо было попросить, чтобы тебя не трогали.

— Хенна сказала: «Прекратите его трогать, придурки. Ему больно», и они перестали.

Он снял башмаки и с довольным выражением лица поднял голову.

— Хенна на них прикрикнула? — удивленно спросила Сэра.

Он покачал головой.

— Нет, просто сказала, но очень твердо. Она может меня трогать. Я ей сказал.

— В присутствии всех? — с ужасом спросила Ринни.

Сэра с трудом сдержала смех.

К концу рассказа Джеса на крыльце появились Лер и Гура.

— Хенна покраснела и ушла, — сказал Лер. — Папа рассмеялся и сказал Джесу, что нельзя говорить женщине, что она может тебя трогать, в присутствии других. Все поздравляли Джеса с тем, что он нашел такую красивую девушку.

— Бедная Хенна.

Сэра старалась сдержать улыбку.

— Папа просил передать тебе, что он остается на ночь в деревне, чтобы помочь тете Алине и дяде Бандору. Он вернется после утренней выпечки. Пекарня в плохом состоянии. Похоже, какие-то другие звери, кроме тролля, прошли через поселок.

— Все в порядке?

Лер кивнул.

— Пекарня выглядит так, словно в ней играли дети и старались все разбросать. Один из чанов для квашни опрокинут, но папа считает, что это можно исправить. Если же нет,

он местного изготовления, и Алина сможет заказать бондарю другой.

— А как Хенна?

Лер снова улыбнулся.

— Думаю, все в порядке. Не знаю, куда она пошла, но сейчас уже должна справиться с замешательством.

— Где она будет спать? — спросил Джес.

— Мы с тобой можем принести несколько жердей из амбара, — сказал немного погодя Лер. — Отгородим нишу Ринни и повесим занавеску. Ринни и Хенна могут спать за ней. Папа говорил, что все равно это нужно будет сделать.

— Хорошая мысль, — поддержала Сэра. — Кажется, в амбаре есть старый матрац. Его только нужно набить. Можешь снова обуть башмаки, Джес.

Джес вздохнул и сунул ноги в башмаки.

— Снимай обувь, Джес, ты напачкаешь. Потом надевай обувь, Джес, я нашла тебе работу.

— Это ведь для Хенны, — напомнил ему Лер.

Джес вздохнул и завязал шнурки.

Глава 4

Немного погодя пришла Хенна с тонкой книгой в руках. Предупрежденная радостным лаем Гуры, Сэра встретила ее на крыльце.

— Мы не очень хорошо осмотрели в тот раз храм, — сказала Хенна, пошатываясь под тяжестью радостно приветствующей ее собаки. — Лежать. Хорошая собака. Да, я дома. Теперь можешь лечь.

— Ты ходила в храм искать следы Черного? — В голосе Сэры слышались неодобрительные нотки, хотя у нее не было права одобрять или не одобрять. Хенна взрослый человек, к тому же Ворон. Она не обязана советоваться с Сэрой перед тем, как обыскивать храм. Это должно быть вполне безопасно.

Сэра кашлянула и сказала:

— Я знаю, мы не нашли руну, призывавшую тронутых тенью тварей. Может, мы пропустили еще что-нибудь опасное? Там не было камней, привязанных к орденам, не было тронутых тенью предметов.

— Руна — это моя вина, — сказала Хенна. — Я должна была подумать о ней и поискать. — Она протянула принесенную книгу. — И я должна была подумать о библиотеке. Мне просто не приходило в голову, что книги могут быть опасны.

Колдун никогда не покинет храм, не просмотрев все книги. Хенна не колдун, она Ворон. Все Черные — колдуны, так что она и не Черный. Впрочем, Сэра и не верила, что Черный мог жить рядом с Лером и Джесом и они бы ничего не почувствовали.

Сэра не создавала, что ее тревожат наблюдения Таера, в противном случае она не испытала бы такого облегчения. Если Хенна так стара, как считает Таер, должно быть у этого другое объяснение.

— Что ты нашла?

Вместо ответа Хенна протянула ей книгу.

Сидя на скамье на крыльце, Сэра наудачу раскрыла тонкий томик. На левой странице рисунок лугового жаворонка. На правой — рукописный текст на языке, который казался смутно знакомым. *Солсенти* империи говорили на сорока диалектах четырех языков, хотя все владели и общим языком. Сама Сэра владела большинством из них и читала почти на всех.

— Этот язык мне не знаком, — сказала она.

Хенна взяла у нее книгу и начала читать:

— Жаворонку дано лечить все и приводить в порядок сердце и голову. Четырнадцатью умениями благословлены Жаворонки. Первое — сладкое дыхание тому, кто дышит в воде. Второе — прекращение кровотечения...

— Песнь орденов? — прервала ее Сэра. — Но запрещено... прости, я говорю глупости.

Очевидно, кто-то все же записал Песнь. Но если у него была Песнь орденов, почему Волис не понимал, что такое ордены?

— Может, он тоже не мог прочесть, — предположила Хенна. — Или считал ее вздором, как считал, что мы ошибаемся. Книга не полная — есть только Жаворонок, Баклан и Ворон, да и то только частично. Остальное — мешанина легенд Странников.

— Уничтожим книгу?

Сэра обнаружила, что ей не хочется этого делать: пре-
красно переплетенная книга.

— Нет, пока я не прочту все легенды Барду, — сказала Хенна. — Пусть сохранит эти истории и передаст их следующим поколениям. А мы — ты, я и члены твоей семьи из разных орденов — должны сделать вот что: обыскать храм сверху донизу. Будем искать Черного и другие, менее очевидные опасности.

Они пошли на следующее утро, оставив Гуру охранять ферму. Джес не хотел возвращаться и всю дорогу до Редерна ворчал. Ему не нравились города. Но когда Сэра сказала ему, что он может остаться дома, это понравилось ему еще меньше. Она наблюдала за ним, но Защитник все время благополучно спал. Ринни прыгала рядом со старшим братом и пыталась рассмешить его и привести в хорошее настроение.

Хенна шла впереди — видимо, чтобы быть подальше от Джеса. Лер шел рядом с матерью, подавая ей руку. Помимо всего прочего, Брюидд научила его хорошим манерам. Сэре хотелось улыбнуться, но она сдерживалась и послушно опиралась на его руку.

Когда они поднимались по зигзагообразным улицам, редерни приветствовали их застенчивыми улыбками и отводили глаза. Хенна направилась прямо к новому храму, но Сэра схватила ее за руку.

— Нужно поговорить с Карадоком. Надо было это сделать, пока он был в нашем доме, но я об этом не подумала. Эллеванал сказал мне, что использовал Карадока, чтобы уничтожить призывающую руну. Карадок может знать что-нибудь интересное. И еще я хочу рассказать Таеру, что мы делаем.

— Эллеванал? — Хенна застыла и посмотрела на Сэру. — Ты веришь, что бог руководил священником Карадоком?

— Так он мне сам сказал.

— Священник?

— Эллеванал, — с легкой улыбкой сказал Лер. — Разве мама не рассказывала о своей беседе с ним?

— Эллеванал — это лесной царь, — неожиданно сказал Джес. Сэра не знала, что он это понимает. — Впрочем, не знаю, бог ли он.

— Он сам сказал мне, что он только малый бог, — заметила Сэра.

— Богов нет, Сэра, — негромко, почти про себя сказала Хенна. — Все они мертвы.

Странники не верят в богов; в демонов и Черных во всех формах — да, но не в богов.

Сэра пожала плечами. Годы, проведенные в Редерне, смягчили ее отношение к богам.

— Хенна, в этой деревне поклонялись Эллеваналу с самого основания Редерна. Эллеванал, несомненно, лесной царь: «элл ванаил» означает «повелитель леса». Судя по его словам, первоначально он был Хранителем или просто стихийным духом, избежавшим гибели, которую навлек на всех них Безымянный король. Когда после Падения здесь поселились люди, Эллеванал использовал лес, чтобы защитить их от уцелевших тронутых тенью.

— Он не бог, что бы ни говорил тебе, — сказала Хенна.

Сэра пожала плечами.

— Я ему не поклоняюсь, но благодарна за то, что он сражался на нашей стороне, а не против нас. Если он хочет называть себя богом, не вижу в этом никакого вреда. Идем, нужно поговорить с Карадоком, прежде чем займемся храмом.

Карадока они увидели сидящим в одеялах на солнце у храма; несколько человек наводили внутри порядок.

— Приветствую тебя, Сэра, жена Таерагана, — сказал он с озорной улыбкой, от которой по контрасту выглядел еще более бледным и измученным. — Приветствую и вас, Лер и Джес, дети Таерагана, и тебя, Ринни, дочь Таерагана.

Сэра поклонилась.

— Священник Карадок, могу я познакомить тебя с моей соотечественницей Хенной, Вороном из клана Ривилены Лунноволосой?

— Священник, — негромко сказала Хенна.

Карадок склонил голову и ответил:

— Добро пожаловать, дочь. Кажется, я тебя уже видел. В новом храме?

Она кивнула.

— Я прислуживала священнику Волису.

— Пока не заставила мать убить его, — шепотом сказал Лер. Но Карадок его услышал.

— Да, — сказал он. — Ты выглядишь гораздо более здоровой, чем в ту ночь. — Он снова повернулся к Сэре. — Чем могу быть полезен, дочь?

Это «дочь» резало Сэре слух. Даже после всех этих лет, прожитых в Редерне, тенденция мужчин унижать женщин и покровительствовать им тревожила Сэру. Особенно после месяцев, проведенных в обществе Странников.

Рука Лера легла ей на плечо — по-видимому, он знал, что она чувствует, испытав на себе такое же отношение в лагере Странников. Сэра знала, что Карадок не хотел ее унижить, но все равно ей было неприятно.

Она села рядом с ним — она бы не смогла сделать этого, если бы была в одежде Редерна, тем более что в ней трудно вставать, — что позволило ей вести беседу более непринужденно и дало время погасить гнев. Гневу не место в сердце Ворона — хотя в ее сердце он бывает часто.

— Мне нужно, чтобы ты рассказал о новом храме и о том, как помешал призывать тронутых тенью тварей, — прямо сказала она.

Он отклонился назад в своем кресле, и веселое выражение исчезло с его лица.

— Зачем?

— Когда мы с Хенной той ночью были в храме, мы не видели магии, которая могла призывать тронутых тенью. Либо мы ее пропустили, либо ее тогда не было. Руну написал Черный.

— Черный умер пятьсот лет назад, — ответил он, но не потому, что не поверил ей, а потому, что пришел в ужас.

Сэра кивнула.

— Безымянный король умер при Падении Тени. Но он не первый носитель проклятия Сталкера и, к несчастью, не последний. У нас теперь есть новый — спроси об этом Эллевана, если не веришь мне.

Он посмотрел на нее и поджал губы. Но не спросил, кто такой Сталкер, чье проклятие способно создать Черного, просто сказал:

— У нас уже были неприятности — в основном с существами, которые живут далеко от нас: с гоблинами и тому по-

добным. Они убили несколько коз, напугали мальчишек, которые слишком близко подошли к новому храму. Потом начали появляться более крупные твари — огр, которого убил топором внук Циро; он очень этим гордится. Мы не успели похоронить парня, который погиб в битве, как меня позвал Эллеванал.

Он остановился и улыбнулся, вспоминая испытанное удовольствие.

— Я думал, что слишком стар, чтобы он так призывал меня. — Поморгал и вернулся к рассказу: — Он сказал, что что-то в новом храме призывает этих тварей. Он сам не мог войти в храм, только через меня, и поэтому попросил разрешения воспользоваться моим телом.

Хенна свистнула сквозь зубы. Сэра потрепала ее по колену, требуя тишины. У колдунов Колосса когда-то было специальное название такого обладания телом — они называли это «становиться тенью».

— И ты позволил ему сопровождать тебя.

Карадок кивнул.

— Мы пошли в храм — после смерти Волиса я приказал забить двери, но Эллеванал оторвал доски. — Карадок взглянул на свои руки, и Сэра увидела, что ногти на пальцах обломаны до мяса. Он заметил ее взгляд и сказал: — Когда он это делал, было не больно. Он провел меня в храм...

Карадок закрыл глаза. Казалось, он хочет все увидеть снова.

— Мы переходили из комнаты в комнату. Иногда оставались посреди помещения и ничего не делали... у меня было ощущение, что он прислушивается к чему-то, чего я не мог слышать. Наконец мы оказались в комнате, такой маленькой, что в ней трудно было уместиться, скорее это был шкаф. Мы наклонились у двери. Эллеванал водил моей рукой над полом этой маленькой комнаты, и я тоже увидел это... необычные фигуры, похожие на надпись, только они шли не слева направо, как мы обычно пишем, и не по прямой линии. Символы были собраны в необычные сочетания. Эллеванал положил наши руки на них и... — Воздух вырвался у него из легких. — Огонь, — сказал он низким голосом. — Лед и огонь потекли по моим жилам, словно осколки стекла.

— Клянусь Жаворонком, — прошептала Хенна, — удивительно, как он осмелился.

Карадок взглянул на нее.

— Он творил магию через человека, не имеющего к ней склонности, — объяснила Хенна. — Если бы у тебя не получилось, скорее всего, это убило бы вас обоих... — Она пристально посмотрела на Сэру. — Все равно, бог он или не бог.

— Не знаю, сколько времени это заняло, — сказал Карадок. — Казалось, целые годы. Но помню, что знаки на полу побледнели и исчезли, прежде чем я потерял сознание. А когда пришел в себя, Эллеванал был здесь, рядом со мной.

— В храме? — спросила Сэра. — Мне казалось, он не может сюда приходить.

— Он сказал мне, что мы его очистили, — сказал Карадок. — Он поднял меня и в мгновение ока перенес сюда, в его храм. Насмерть перепугал моих учеников. — Он слегка улыбнулся. — После этого появлялись только немногие твари. И только те, что уже были здесь, достаточно страшные. Что-то — не знаю, что именно, — напало на меня в самом храме. Я умер бы, если бы он меня не спас. Тогда Эллеванал велел нам идти на твою ферму, где нам поможет твоя магия Странников. Мы пробыли там всего два дня, как пришел тролль.

— Я не очень разбираюсь в колдовстве, — Сэра повернулась к Хенне, — но думаю, что заметила бы такое заклинание, если бы оно там было, когда мы обыскивали храм. Это означает, что Черный был здесь после нашего обыска храма в день смерти ложного священника.

Хенна кивнула.

— Спасибо, Карадок, — сказала Сэра, вставая.

Священник рассмеялся.

— Рад помочь. — Он кивком указал на храм за собой. — Мне не позволяют в нем прибираться. Я чувствую себя старым и бесполезным.

— Пусть прибираются, — сказала Сэра. — Мне авторитетно сказали: не будь тебя, погибло бы гораздо больше людей.

— Кто сказал?

Сэра улыбнулась ему.

— Он говорит, что ты хорошо играешь в скири.

Карадок помолчал и задумчиво посмотрел на нее, потом заговорщицки улыбнулся.

— Возможно, твой информант прав.

— Поэтому сиди и отдыхай. Можешь еще день-два наслаждаться плодами своей работы. Потом придется потрудиться. Думаю, паства храма Эллеванала сильно вырастет.

Он рассмеялся.

— Возможно, дочь. Возможно.

— Тронут тенью, — сказала Хенна, когда они оставили за собой храм Эллеванала.

— Карадок не запятнан, — возразил Лер.

— Эллеванал не от тени, — согласилась Сэра. — Он уже много лет друг Джеса. Хенна и так это знает.

— Что случилось? — услышала Сэра вопрос Ринни. Девочка спросила у Джеса: — Почему Хенна так расстроена?

— Эллеванал тронул священника тенью, — сказала Хенна, продолжая ровным шагом идти рядом с ними.

— Что? — переспросил Лер. — Лесной царь не от тени. Мы с Джесом знали бы.

Сэра вздохнула.

— Колдуны Колосса знали, как поместить себя в другого человека. То, что проделал Эллеванал с Карадоком, они называли «велаен». Тень, которую можно увидеть в солнечный день, — «лаен». «Велаен» можно перевести на общий язык как «становиться тенью». Это означает, что Старшие колдуны владели гораздо большими магическими возможностями. А для нас только прикосновение Сталкера или Черного означает быть затронутым тенью.

Это она адресовала Хенне.

— Твоя мама имеет в виду, — пояснила Хенна, — что колдуны Колосса могли вселяться в ничего не подозревающих людей, без разрешения захватывать их тела — как это делает Сталкер. Из-за неправильного использования «велаен» колдуны Колосса в конце концов запретили его — а они мало что запрещали.

Сэра забыла бесконечные споры о том, какие виды магии позволительны. Она считала, что это связано с недостатком морали у колдунов Колосса, которые уничтожили собственный город и начали бесконечные блуждания в качестве Странников. Другие ордены просто использовали свои спо-

собности, но Вороны бесконечно спорили о том, что правильно и допустимо.

— А вот и пекарня, — с явным облегчением сказала Сэра. Она всегда была практичным Вороном, особенно после смерти учителя, когда она стала единственным Вороном своего клана. Для выживания иногда нужны такие поступки, которые Хенна не одобрила бы.

Таера они застали по локти в тесте. Он выслушал объяснения Сэры и их планы.

— Через пару часов присоединюсь к вам. Нам нужно накормить голодный народ.

Сэра наклонилась и легко поцеловала его, стараясь не испачкаться мукой.

— Ничего подобного ты не сделаешь. Я не позволю тебе, с твоими коленями, подниматься в гору. Когда закончишь здесь, подожди нас в таверне.

Она видела, что он собирается спорить. Но все-таки сказал:

— Хорошо. Только будь там осторожна. Мне не хочется, придя туда, увидеть, что Джес превратился в лягушку.

— Я не умею превращаться в лягушку, — серьезно ответил Джес. — И в лошадь не умею. Только в животных с когтями и шерстью.

Они пошли дальше. Поскольку Редерн построен на склоне горы, новые здания приходилось сооружать выше остальной деревни, а храм Волиса был самым новым сооружением Редерна.

— Может, Джесу не стоит идти туда? — сказала Хенна. — Там много народу.

Сэра тоже наблюдала за Джесом. Она бы не взяла его с собой, но он не остался бы один дома. Теперь он не обращал на них внимания, только смотрел с задумчивым видом в землю.

— Если слишком долго поддерживать растяжение, можно погубить сустав, — сказал Лер.

— Что?

— Я хочу сказать, — объяснил Лер, — если Джес не будет ходить в город, скоро он вообще не сможет это делать.

— Джес, — сказала Сэра, коснувшись его рукава.

Он, вздрогнув, посмотрел на нее.

— Может, пойдешь домой? — спросила она. — Не слишком ли много здесь для тебя людей?

— Нет, мама. — Джес покачал головой. — Со мной все в порядке. Сегодня все так возбуждены, что у меня словно пчелы жужжат в голове. Но мы считаем, что тебя нельзя оставлять одну в новом храме.

Он использовал местоимение «мы», как это делал священник. Лер попытался заговорить, но Сэра жестом заставила его замолчать: ей нужно было сформулировать возникшую в голове неясную мысль. Существует связь между «становиться тенью» и тем, как действует орден Защитника, теперь она почти видела эту связь.

Эллеванал тронул тенью священника. Та же ли магия присоединяет Странника к ордену? Сэра закрыла глаза и думала, стараясь разобраться в своих инстинктивных ощущениях. Связь между священником и Эллеваналом была временной, связь с орденом постоянная.

— Я вижу ордены, — заговорила она вслух, чтобы формулировать четче. — Но я не вижу тени. Интересно, могли бы Лер и Джес почувствовать, когда лесной царь находился в голове Карадока? Или они чувствуют только злое присутствие Сталкера?

Это предположение казалось правильным.

— Думаешь, есть связь между орденами и тем, как «становятся тенью»? — спросила Хенна.

Сэра кивнула и открыла глаза.

— Думаю, это сходная магия. Они не близнецы и не взаимно дополняющие, но оба типа магии относятся к одному классу. Может, когда мы с тобой снова займемся связанными с орденами камнями, нам придется изучать это умение Старших колдунов Колосса «становиться тенью». В большинстве библиотек *мермори* есть книги об этом. В библиотеке Изольды их четыре или пять, и я их просматривала.

Хенна какое-то время смотрела в летнее небо.

— Да, ты права.

Вероятно, Хенна пришла к тому же заключению. Но Сэра подумала, а не знала ли она это всегда?

— Давно ты об этом знаешь? — резко спросила она.

Сэра, Хенна и Брюидд многие дни пытались определить, каким образом Путь привязал ордены к камням. В биб-

лиотеках орденов об этом ничего не было; эти библиотеки были созданы уже после ухода колдунов из Колосса, когда они перестали фиксировать свои находки. Если Хенна знала, что существует связь между «становиться тенью» колдунов Колосса и орденами, она должна была сказать об этом.

Хенна встретила взгляд Сэры.

— Какое-то время. Но я не могла найти ничего определенного. Колдуны много писали о том, как забраться в чужую голову и как предохранить себя от такого проникновения. Но для нас ничего полезного.

— Но ты не говорила об этом мне и Брюидд.

— Не говорила.

— Почему?

— Это было бы бесполезно.

— Или ты так считала, — холодно сказала Сэра.

Связь существует, она это чувствовала; но не это ее тревожило. Таер часто подшучивал над ней из-за тяги Воронов к таинственности, но Сэра никогда не сталкивалась с этой привычкой, обращенной против себя. И ей не понравилось первое знакомство. Она стала редерни. Тем, кто не умеет хранить тайны, нельзя доверять.

В голове Сэры ожили подозрения Таера относительно Хенны, но она не могла выстроить их в последовательность.

— Таер считает, что ты старше, чем выглядишь.

— Почему он так думает?

Наступила очередь Хенны говорить холодно.

Это не ответ, и у Сэры большой материнский опыт: она видит попытку уклониться от ответа и перевести разговор на Таера.

— Мама? — сказал Джес.

Он переступал с ноги на ногу и не мигая смотрел Сэре в глаза.

— У меня к тебе есть вопросы, — сказала она Хенне. — Но они подождут до другого раза. Джес, все в порядке.

— Ты сердита, — сказал он.

— Мама часто сердится, — сказала ему Ринни. — Если не на тебя, то все в порядке.

Джес посмотрел на Ринни.

— И не на Хенну.

— Что ж, — разумно согласилась Ринни, — ты прав. Но я бы все равно не беспокоилась. Хенна может делать так, как я: держаться подальше от мамы, пока та не успокоится.

Лер посмотрел на лицо Сэры, и ей показалось, что он про себя улыбнулся, прежде чем сказал Ринни:

— Об этом, наверно, лучше поговорить, когда мамы не будет поблизости.

Подымаясь в гору, Сэра продолжала размышлять. Но заключение, к которому она пришла раньше, оставалось непоколебимым. Хенна всего лишь Ворон, хранящий свои секреты, но и это плохо.

Магазин Виллона, последнее здание перед храмом, был темным и пустым, когда они миновали его.

— Он, должно быть, еще в Таэле, — сказал Лер, нарушая неловкое молчание. — Я забыл, что он тоже уехал туда. Собирался нам помочь. Надеюсь, он не ждет нас там.

— Помочь он не мог, но должен был слышать, что группа Странников спасла императора, — сухо сказала Сэра. — Я уверена, он знает, кто это был. Хотя, если бы подумали заранее, надо было послать ему перед уходом из Таэлы письмо. Он все равно ежегодно ездит в Таэлу посмотреть на семью. Туда он поехал не для того, чтобы помочь нам, хотя помог бы, если бы мы попросили. Но ни золото, ни информация нам не понадобились, только магия и мечи; а этим купец вряд ли может нам помочь. Он скоро вернется.

Они миновали фасад магазина и по крутой тропе поднялись к заброшенному храму Пяти Богов.

Храм глубоко уходил в гору Редерн, снаружи виднелась только его вершина.

Одна дверь лежала в нескольких шагах от храма, другая была аккуратно прислонена к стене. Похоже, тролль пытался исследовать храм, хотя, оглядевшись, Сэра не увидела больше никаких признаков присутствия этой твари. Потом она вспомнила рассказ Карадока, как Эллеванал с его помощью открыл двери храма, и удивилась тому, что священник сломал только ногти.

У входа Сэра остановилась.

— Проверь, нет ли здесь следов тени, Лер.

— Уже проверил. Ничего не почувствовал.

— Джес?

Джес молчал. Посмотрев на него, Сэра увидела, что он смотрит на крышу магазина Виллона, которая из-за крутизны склона находилась в нескольких футах под ним.

— Джес. — Хенна протянула руку, но не коснулась Джеса. — Что с тобой?

Он отвернул от нее лицо и посмотрел на Сэру.

— Здесь ничего нет, — коротко сказал он. — Волис мертв. Об остальном позаботились Карадок и лесной царь. Лер говорит, что здесь ничего нет. Зачем спрашивать меня?

Обычно, когда не присутствует Защитник, Джес добродушен и отзывчив. Он редко бывает мрачен и замкнут.

— Хенна, отведи Ринни и Лера в храм, мне нужно поговорить с Джесом, — сказала Сэра, на мгновение забыв, что она обращается не только к своим детям. — Пожалуйста, — торопливо добавила она, видя, как застыла Хенна. — Мы присоединимся к вам через несколько минут.

Она подождала, пока они один за другим не вошли в храм. Потом обратила все внимание на Джеса, который снова смотрел на крышу магазина Виллона.

Она думала, не подождать ли молча, пока он будет настроен говорить, но ведь это Джес. Могут пройти дни, прежде чем он будет готов, а у нее не было терпения Таера.

— Что случилось, Джес?

— Ничего не случилось.

Он не смотрел на нее, но она видела, как упрямо сжаты его челюсти.

Таер в таких делах лучше Сэры, но его здесь нет. Она вспомнила долгий подъем к храму и попыталась определить, когда раздражение Джеса из-за множества окружающих его людей перешло в гнев.

— Хенна имеет право хранить свои тайны, — осторожно сказала она.

— Конечно.

Слово было произнесено четко, но Сэра знала, что Защитник еще спит: она не почувствовала ужаса, который всегда вызывает его присутствие.

— Мне не нравится, когда она скрывает то, что может оказаться важным, — продолжила она. Она не могла понять, сердится ли он на нее или на Хенну. — Прости.

Сэра подобрала камешек и бросила вниз с горы.

— Попадешь в кого-нибудь, — сказал Джес. — Папа велит так не делать.

— Таер обычно бывает прав.

— Папа всегда прав, — с горечью согласился Джес.

«Ага», — подумала Сэра.

— Твой папа не одобряет Хенну, Джес. Он сказал мне, что кое-что заметил в ней. Помни, он знает ее не так хорошо, как мы. Например, он считает, что она гораздо старше, чем кажется.

— Разве это важно?

— Это может зависеть от множества обстоятельств, — ответила Сэра.

— Не говори мне. — Джес пинком отправил кусок грязи на крышу Виллона. — Я слишком глуп. Если это важно, скажи Леру, или Хенне, или Ринни. Или подожди Защитника, он умен.

«Гм-м», — подумала она.

— Мне казалось, что отец ошибается насчет возраста Хенны, пока я не спросила ее об этом. Она не ответила, Джес. Могла бы солгать, но не захотела.

— А почему это важно? — снова спросил он.

— Проблема в том, что мне известны только три причины, по которым Хенна может выглядеть моложе, чем на самом деле. Настолько моложе, что это привлекло внимание твоего отца. — Сэра села на землю, и после некоторого колебания он сел рядом. — Первая причина невозможна, потому что Хенна не Целительница. Вторая так же маловероятна. Черный может прожить много лет и казаться молодым. Но Хенна все время касается тебя. Ты бы знал, если бы она была Черным. А третья причина не лучше. Колдуны — не Вороны, но колдуны *сол-сенти*, — если они очень сильны, живут гораздо дольше обычных людей.

— Хиннуму было несколько сотен лет, когда колдуны покинули Колосс, — сказал Джес.

— Я слышала рассказы, будто ему было не меньше трехсот, — согласилась Сэра. — Но он был величайшим колдуном Колосса, города колдунов. А вообще среди колдунов не редкость возраст в сто и больше лет.

— Хенна может быть колдуньей, — сказал он. — Ты сама говорила мне, что Вороны рождаются магами, как Защитники с рождения эмпаты.

— Не думаю, что она колдунья, — ответила Сэра. — Если бы она была колдуньей, она не оставила бы библиотеку Волиса в ту ночь, когда мы его убили. Колдун, как бы он ни устал, что бы его ни тревожило, не забудет о библиотеке другого колдуна.

— Вы с ней используете библиотеки *мермори*, когда пытаетесь освободить привязанные к камням ордены.

Сэра кивнула.

— Но колдуны одержимы книгами, Джес. Книги для них — единственный способ пользоваться магией. Им нужно все знать о природе огня, прежде чем зажечь свечу. И это делает книги очень важными для них. Хенна знала о библиотеке Волиса, она жила в храме. Но только вчера она поняла, что библиотека может быть опасна.

— Она ушла сюда, когда убежала от меня, — сказал Джес. — Я смутил ее. Но я не хотел.

«Вот оно что, — подумала Сэра. — Вот истинная причина его расстройств. Хенна весь день избегает его». Сэра посмотрела на своего сына. Ей хотелось бы знать, как облегчить ему жизнь.

— Все в порядке.

Но она знала, что ложь о том, что причиняет боль, не смягчает эту боль.

— Но я ее смутил.

Сэра задумалась.

— Предположим, — сказала она, глядя на крышу под собой, — Виллон скажет мне, что я могу трогать его в любое время, когда захочу; как по-твоему, я убегу в замешательстве?

У Джеса широко раскрылись глаза. По-видимому, ему трудно было представить себе Виллона, говорящего его матери такие вещи. Он покачал головой.

— Кусочки Виллона подбирали бы еще много лет.

Сэра улыбнулась.

— Знаешь, что я думаю, Джес? Думаю, если бы она не хотела трогать тебя, кусочки Джеса были бы разбросаны повсюду. Думаю, она хочет трогать тебя, и именно это ее смутило.

Джес тяжело вздохнул.

— Может, ты права, — сказал он. — Но ты не всегда видишь, почему люди делают то или другое. Ты в этом похожа на меня.

— Вероятно, — согласилась она. И оценила возможные последствия, если скажет нечто большее. — Но твой отец знает людей. Если хочешь, скажу тебе кое-что еще: он говорил со мной о Хенне.

Он посмотрел на нее печальными темными глазами.

— Он спросил меня, почему Хенна еще с нами. Она пошла с нами в Таэлу освобождать папу, но и после исчезновения Пути осталась с нами.

— Ради меня? — прошептал он.

— Джес, я хочу, чтобы ты слушал, пока я не кончу. Ладно? Обещай.

— Обещаю.

— Отец сказал, что из-за тебя она не осталась бы.

Джес вскочил и сделал шаг в сторону, но Сэра быстро продолжила:

— Он сказал, что именно из-за тебя она ушла бы как можно скорее, а я сказала, что она осталась, чтобы помочь мне с камнями орденов и из-за Черного.

— Она ушла бы из-за меня?

— Потому что она тревожится о тебе. Будешь слушать?

— Хорошо, — сказал он, не глядя на нее: не смотреть на человека, с которым он говорит, — его всегдашняя привычка. Но на этот раз он *не смотрел* гораздо более решительно.

— Ты знаешь, очень мало Защитников доживают до твоего возраста, — сказала она. — И среди тех, кто перерастает подростковый возраст, большинство составляют женщины. Как ты сам сказал, по какой-то причине орден Орла есть только у эмпатов. Но Орел из всех орденов самый склонный к насилию, а ни один эмпат не может с этим спокойно жить.

— Глупости, — сказал с понятной выразительностью Джес.

Сэра пожала плечами.

— Старшие колдуны создали Сталкера, Джес. Не знаю ничего более глупого. Может, есть основательная причина, по которой окружающим трудно переносить орден Защитника, но я такой причины не вижу.

Он молчал.

— Странники всячески пытались помочь Орлу, — продолжала она. — Когда рождается Орел, ребенка принимает другой клан. Считается, что у приемных родителей не будет

такой сильной эмоциональной связи с ребенком, как у подлинных.

— Жаль, что у тебя не было клана, чтобы отдать меня, — горячо сказал Джес.

— *Джесафи*, довольно! — рывкнула Сэра. Она не может терпеть подобную жалость к себе. Она глубоко вздохнула. — Знаешь ли ты, что, когда мы с папой поженились, я считала, что неправильно поступила, приняв его предложение? Я была Вороном и из трусости отказалась от своего долга.

Джес повернул к ней голову. Он был явно удивлен.

— Да, я струсил, Джес. У меня был долг, но вместо того чтобы выполнять его, я спряталась в тени твоего отца, где была защищена от дальнейших поражений. Я не смогла спасти свой клан. Не смогла спасти брата. И боялась, что больше ничего не смогу.

— Ты пыталась. Этого достаточно, — сказал Джес.

Сэра отрицательно покачала головой.

— Нет, когда люди все равно умирают. Когда умирают, просто стараться недостаточно.

Он задумался.

— Если бы папа умер в Таэле, я бы тоже подумал, что стараться недостаточно.

Она кивнула.

— Но когда я держала тебя на руках и поняла, каким даром наделила тебя, я поняла, что не случайно оказалась в Редерне. — Она наклонилась к нему, хотела, чтобы он почувствовал, какую уверенность она испытала после его рождения. — Я знала: твой отец никогда не позволит мне отдать ребенка из-за ошибочной веры, будто кто-то другой, для кого ты значишь меньше, воспитает тебя лучше. И с этого дня я ни разу не почувствовала, что должна вернуться в кланы. У меня появился свой дом — в лице твоего отца и тебя.

— Поэтому я не умер, как остальные Защитники? — спросил он. — Потому что ты не отдала меня? Значит, остальные ошибались, отдавая младенцев?

— Хотела бы я знать, — сказала Сэра. — Если это способ помочь другим Защитникам, я бы рассказала кланам, но мне кажется, ответ проще. Он слишком прост, чтобы помочь тем, кто носит орден Орла. Ответ в тебе, Джес. Ты силен, Джес, силен достаточно, чтобы вынести тяжесть, непосильную для

других. Ты можешь укрепить орден Защитника, не теряя собственного внутреннего равновесия.

Джес снова сел рядом с ней и какое-то время смотрел на крышу Виллона.

— Хенна знает, что я опасен? — спросил он немного погодя.

— Она знает, что Защитники уязвимы, — решительно поправила Сэра. — Она знает, что есть вещи, очень опасные для Защитников: особенно сильные эмоции, даже положительные. Когда влюбляешься, Джес, у тебя нет ничего, кроме сильных эмоций. Одну минуту ты счастлив, в другую — печален.

Джес кивнул в согласии.

Ей хотелось, чтобы здесь был Таер, чтобы следующую часть сказал он. Но она должна предупредить Джеса, а сейчас самое подходящее время.

— Другая вещь, которая очень трудна для тебя, это секс.

Джес напрягся, и Сэра чуть отвернулась, чтобы не видеть краски на его лице. Она откашлялась.

— Тебе хватает трудностей со сдерживанием непостоянной природы Защитника, а если ты и сам будешь неуравновешен... — И это все, что она ему скажет, решила Сэра. — Хенна знает, что это последнее приключение было для тебя опасно, потому что слишком часто приходилось вызывать Защитника. Орлы живут тем дольше, чем дольше не возникают такие ситуации. Мы зависели от твоих способностей, когда пытались спасти Таера, и у этого были последствия. Ты сам должен был заметить в себе перемены.

— Защитник стал ближе, — подтвердил он. — Раньше он постоянно спал, а теперь всегда рядом. И мы чаще меняемся. — Он поколебался. — Но он лучше слушает меня, а когда берет верх, я по-прежнему могу быть с ним. Раньше я мог проснуться на ходу в лесу и не знать, как я там оказался, но теперь он обычно оставляет меня, если я хочу.

— Я этого не знала, — сказала Сэра. — Кажется, для тебя это хорошо.

Он кивнул.

— Мне тоже так кажется.

— Хенна об этом тоже не знает, — продолжала Сэра. — Она знает только, что сейчас ты очень уязвим. И считает себя

слишком старой для тебя — не знаю, насколько старой. Она считает, что твое чувство к ней, — Сэра двадцать лет говорит на языке редерни, но на этот раз знание изменило ей, и она принялась подыскивать подходящее слово, — юношеская, глупая любовь. Возможно, она эмоциональнее подлинной любви, но она непостоянна. И если Хенна уйдет, ты быстро от этой любви избавишься.

— Она хочет уйти, чтобы спасти меня, — сказал он, и, судя по раздраженному тону, эта идея несколько ему не нравилась.

— Она хочет твоей безопасности, потому что любит тебя. Он вздрогнул.

— Твой отец сказал мне, что она тебя любит, — сказала Сэра, зная, что он поверит суждению отца.

Он глубоко вздохнул, и плечи его расслабились — скорее всего, просто от облегчения.

— Она слишком тебя любит, чтобы довериться твоей силе, когда речь идет о твоей жизни. Она не понимает, какой дар она для тебя: женщина, не боящаяся Защитника; Ворон, обладающий таким самоконтролем, что может притрагиваться к тебе, не раздражая; женщина, достаточно сильная, чтобы полюбить Орла.

По лицу Джеса медленно расплылась улыбка.

— Красиво, — сказал он, и Сэра почувствовала, что тоже улыбается.

— Очень, — согласилась она.

Джес встал и направился к храму, но потом остановился и снова повернулся к ней. Сэра встала — медленно, потому что вставшие дыбом волосы на шее подсказали, что через глаза ее сына на нее смотрит Защитник.

— Почему она еще здесь? — спросил он. — Если хочет уйти, чтобы спасти нас, почему просто не уходит? Неужели загадка камней важнее Джеса?

— Камни не просто загадка, — ответила Сэра. — Защитник, Странники гибнут. Мы не можем потерять слишком много орденов, потому что ордены — единственное, что способно нас спасти. Не знаю, почему она не рассказала мне все, что знала, но думаю, она заслужила, чтобы мы доверяли ее суждениям.

Защитник кивнул и исчез из глаз Джеса.

— Хорошо, что у Хенны есть тайны, — сказал Джес своим обычным добродушным голосом. — Папа говорит, что Вороны счастливы, когда у них есть тайны.

Сэра приподняла брови и пошла рядом с ним к храму.

— Неужели?

Джес рассмеялся.

Глава 5

Идеально чистая прихожая, какую помнила Сэра, исчезла. Пол храма был испачкан грязью, нанесенной через открытую дверь. Не было и мебели, которая была в прошлый раз.

Только когда они с Джесом вошли в большую куполообразную комнату с нарисованными птицами, летящими по нарисованному небу, храм стал соответствовать ее воспоминаниям, вплоть до волшебных огоньков, украшавших стены. Сэра бегло подумала, долго ли будут гореть эти огни: ведь колдун больше не поддерживает их.

Джес остановился, глядя на орла, господствующего в небе.

— Он считал, что Орел — это Сталкер, верно?

— Нет, — ответила Сэра, быстро идя к двери в противоположной стене комнаты. — Он вообще ничего не знал о Сталкере, кроме того, что тот в заключении. Еще меньше он знал об Орле. Ты ведь знаешь: Странники не говорят об Орлах, потому что этому ордену и так приходится слишком многое переносить, и кланы стараются уберечь Защитников хотя бы тогда, когда могут. Волис слушал отрывки этих историй и сложил их вместе, сцепил соломинками, и получился вздор.

Джес вслед за ней вышел из комнаты.

Благодаря Джесу они нашли библиотеку и остальных: Джес по лабиринту ходов и подземных помещений, вырубленных в скале, шел на звук голосов.

Хотя комната была большая, она оставалась почти пустой, как будто Волис только начал ее обставлять. Вдоль одной стены полки, наполовину заполненные книгами. У противоположной стены скамья, сундук и несколько шкафов. Лер и Ринни у одной полки просматривали книги, Хенна у другой делала то же самое.

Когда вошли Сэра и Джес, Хенна оторвалась от работы и посмотрела на них. Увидела Джеса, счастливо напевавшего вполголоса, и вопросительно взглянула на Сэру.

Сэра не могла чуть самодовольно не улыбнуться ей в ответ.

— Вороны любят тайны.

— Сказал папа, — жизнерадостно добавил Джес.

Он встал за Ринни и нагнулся, рассматривая книгу, которую она держала. На раскрытой странице был изображен лагерь Странников.

— Это *кейрис*, — сказал он, показывая на рисунок маленького фургона. — В таком ехала Жаворонок, Брюидд, потому что она очень старая. — Он посмотрел на Хенну. — Очень старая, — повторил он и подмигнул.

Хенна застыла. Потом повернулась, схватила Сэру за руку и вытащила из комнаты в коридор.

— Что ты ему сказала? — спросила она. Обычное спокойствие покинуло ее, словно его никогда не было.

Сэра, напротив, была совершенно спокойна — необычное для нее состояние. И оно ей нравилось.

— У него отличный слух, — напомнила она Хенне. — Хотя он делает вид, что не слышит нас, потому что кое-кто научил его манерам.

Она пристально посмотрела на руку Хенны.

Девушка отдернула руку, словно в ней оказались раскаленные угли.

— Зачем ты это делаешь? Зачем поощряешь его? — шепотом спросила она. — Ты знаешь, что это небезопасно.

— Мой сын не прячется от жизни, — ответила Сэра, не пытаясь скрыть свои слова от троих в соседней комнате, которые, несомненно, затаили дыхание, чтобы лучше слышать. — Можешь довериться ему в том, что он сам знает, что сможет вынести, а чего не сможет. Он не глуп.

Хенна недоверчиво смотрела на нее.

— Ты его поощряешь.

— Я сказала ему только правду, насколько сама ее знаю, — ответила Сэра. — Что он сделает с этим знанием, его дело — и, возможно, твое. — Она посмотрела на другого Ворона и вздохнула, пряча улыбку. — Жизнь иногда бывает трудна, Хенна; легко забыть, что она может быть и удивительной. Не отказывайся от дара, идущего тебе в руки.

Решив, что она дала достаточно советов, Сэра оставила Хенну и вернулась в библиотеку, взяв первую попавшуюся книгу.

— Хенна уже просматривала эту полку, — сказал Лер. — Лучше, если ты перейдешь к шкафу. Мы откладываем книги о Странниках, а вот здесь большая груда книг на языках, которые мы не можем прочесть.

— Спасибо, — сказала Сэра, коснувшись его плеча. Вместо того чтобы перейти к шкафу, она села на пол и стала просматривать книги, пока не нашла такие, которые могла перевести.

Того, кто привык иметь в своем распоряжении библиотеки *мермори*, эта библиотека разочаровала бы. Иллюзорные книги почти так же полезны, как реальные, и не приходится опасаться порвать страницы. Колдуны Колосса были богаты, и, будучи во всех отношениях колдунами *солсенти*, они свои богатства тратили на книги. Даже библиотека Изольды намного превосходила эту, а ведь Изольда считалась одной из младших колдуний.

Сэра перелистала книгу о Странниках, написанную человеком, который утверждал, что прожил с ними целый год. Книга полна была невероятных рассказов и ерунды, и Сэра подумала, что если автор и встречал когда-нибудь Странника, то ненадолго и мог точно лишь описать его одежду.

Пока Сэра просматривала первую книгу, в библиотеку вошла Хенна.

— Ты решила, что мы ищем? — спросила у нее Сэра, как будто разговора в коридоре не было.

Хенна, вернувшаяся к своему обычному дружелюбному, но загадочному настроению, ответила:

— Думаю, книги о Странниках мы должны взять с собой, чтобы иметь больше времени для оценки. Книги о колдовстве, не имеющем к нам отношения, — не знаю. Большинство из тех, что я видела, для нас бесполезны. Кажется неправильным просто уничтожать их, но они могут быть опасны, если попадут в случайные руки. Возможно, есть какая-то корреспонденция, хотя он обычно сжигал письма, прочитав их. Ищи все, что может указать на личность Черного.

— А что если мы ничего не найдем здесь о Черном? — спросил Лер.

— Рано или поздно найдем его самого, если он не найдет нас, — ответила Сэра. — Черный живет за счет смертей других. Там, где он проходит, землю усеивают трупы. Он не может скрываться бесконечно, особенно теперь, когда мы знаем, что он существует.

— Если книги колдуна принадлежали Тайному Пути, — сказала Ринни, меняя тему так, чтобы тоже поучаствовать в разговоре, — разве теперь все эти книги не принадлежат императору?

Сэра на мгновение представила, что потребовалось бы для доставки этих книг о колдовстве императору, — для которого они были бы столь же бесполезны.

— Может, твой отец найдет лучшее решение, — сказала она. — И на всякий случай, если Хенна еще тебе не объяснила: найдешь что-то такое, что кажется *неправильным*, не раскрывай книгу, дай посмотреть ее мне или Хенне.

Лер присоединился к разбору книг, но Джес, взяв несколько штук в руки и тут же отложив, начал беспокойно расхаживать взад и вперед. Читать он умел, Таер об этом позаботился, но книги его не интересовали.

— Осмотри храм, — сказала ему Сэра.

— Можно мне тоже пойти? — спросила Ринни, откладывавая книгу.

Сэра отрицательно покачала головой.

— Нет. Хочу, чтобы ты была со мной.

Джес, задержавшийся, чтобы услышать ответ матери, помахал всем рукой и вышел.

Ринни поджала губы, как ее брат совсем недавно.

— Хотела бы я быть Защитником, или Вороном, или Охотником. Быть Бакланом так скучно.

У Сэры не было терпения на новые капризы.

— Ринни, ты уже большая, чтобы дуться. Прекрати.

— Не хочу смотреть эти скучные старые книги.

Сэра глубоко вздохнула, но Лер ее опередил:

— Почему бы тебе не заглянуть в шкафы и в сундук на той стороне комнаты? Возможно, там есть что-нибудь интересное.

Ринни с видом мученика прошла через комнату и стала открывать шкафы. Сэра вернулась к просмотру книг, хотя продолжала приглядывать за Ринни. Она не была встревоже-

на, просто осторожна. Они с Хенной уже осмотрели храм, чтобы проверить, нет ли в нем чего-нибудь опасного.

Конечно, с тех пор здесь побывал Черный и оставил призывающую руну.

— Будь осторожна, Ринни, — сказала Сэра.

— Тут нечего бояться, мама, — с отвращением ответила Ринни. — Вообще ничего нет. Погоди. — Она глубже сунула голову в шкаф и вытащила пыльную сумку. — Она волшебная.

— Брось немедленно! — Сэра выпустила книгу и направилась к Ринни. — Быть осторожнее — значит, ничего не трогать, Ринни.

— Не очень волшебная, — сказала Ринни, но сумку выронила.

Сэра наклонилась рядом с Ринни и провела рукой над сумкой. Образец заклинания был ей знаком, но в нем есть небольшие отклонения, потому что выполнено оно колдуном, а не Вороном.

— Заговор сохранения. Ты права, Ринни, вреда в этом нет. Открой сумку, посмотрим, что там внутри.

Она вернула сумку дочери.

Ринни расстегнула зажимы и заглянула — держа верх так, чтобы Лер, который тоже подошел, не видел, что внутри.

— Свитки, — сказала она.

Взяла один свиток и развернула.

— Это карта. — Лер смотрел через плечо Ринни. — Но не могу прочесть названия мест. А ты можешь, мама?

Он отодвинулся, чтобы Сэра могла встать на его место.

Сэра покачала головой.

— Хотя язык кажется мне знакомым. Ты его узнаешь, Хенна?

Хенна отложила огромную, в красном переплете книгу из груды «книг колдунов *солсенти*» и подошла.

Первый небрежный взгляд длился всего несколько секунд. Затем Хенна наклонилась и принялась пальцем проводить по линиям карты.

— Я могу ее читать, — странным голосом сказала она.

Как и Сэра, она вначале почувствовала форму заклинания сумки. Затем перевернула ее, высыпав, несмотря на протесты Ринни — Ринни уже считала сумку своей собственностью, — восемь свитков.

На первой развернутой карте был изображен город.

— Торговый район, — сказала Хенна, проведя пальцами по витой надписи. Голос ее дрожал. — Район ремесленников. Старый Город. Высокая башня. Торговые ворота. Низкие ворота. Университетские ворота.

Сэра смотрела на карту с противоположной стороны. Она пыталась сопоставить увиденное с каким-либо из городов, в которых бывала.

— Университет? В империи только три университета, но карта не соответствует ни одному из них.

Хенна перевернула карту и показала надпись внизу, под изображением.

— Можешь прочесть это?

Сэра нахмурилась. Большие буквы показались очень знакомыми. Ее ставил в тупик стиль письма. Пальцем принялась обводить отдельные буквы.

— Первая буква, кажется, «К», а вторая...

Она замолчала, потому что начала понимать.

— Что это? — спросил Лер.

Сэра снова коснулась карты пальцами.

— Колосс. — Благоговейный страх охватил ее. — Когда чертили эту карту, Колосс был процветающим городом. До возникновения империи, до появления Черного, до того, как первый Странник вышел на дорогу, — вот когда начертили эту карту.

— Возможно, это копия.

Голос Лера звучал приглушенно: Лер тоже был поражен.

— Может быть. — Хенна снова провела рукой по карте. — Конечно, это может быть фальшивкой — сказать невозможно.

— Я могу сказать, — медленно произнесла Сэра.

— Как? — спросила Хенна.

— Я хочу прочесть ее прошлое.

Она протянула руку, чтобы коснуться карты, но Хенна оттолкнула ее.

— Если она такая древняя, это может быть опасно.

— Чем опасно? — спросил Лер.

Сэра раздраженно фыркнула.

— Это карта, Хенна. Нам повезет, если кто-нибудь держал ее так долго, чтобы осталось впечатление. Ты умеешь читать предметы?

— Нет.

— Ну тогда... — Сэра взяла из рук второго Ворона карту и расстелила на полу перед собой. — Если я с криком упаду, можешь снова забрать ее.

— Мама! Ты уверена, что сможешь это сделать?

Она искоса взглянула на Лера.

— Позволь мне самой оценивать свои возможности. Если предмет не был объектом поклонения или не использовался для убийства, все будет в порядке.

И прежде чем кто-нибудь успел возразить, Сэра направила щупальца своей магии на карту.

— Все в порядке, — сказала она, слушая шепот прошлого. Оно приходило к ней не могучей волной, а обрывками и кусками.

Помимо нескольких едва видимых образов, первой она увидела новейшую историю карты, хотя так бывает не всегда. Она чувствовала руки Хенны и напряженное спокойствие, которое подсказало бы ей, что карту держит другой Ворон, даже если бы она не знала Хенну.

— Карта принадлежала Волису. — Она чувствовала холодный пот на его ладонях и страх, что его кто-нибудь может увидеть. — Он украл ее. — Еще один образ, ближе, чем воровство, и Сэра поняла, что Волис не сумел прочесть карты. — Он решил, что то, что так тщательно спрятано, может быть ценным, но сам не видел ничего полезного в груде старых карт.

Долгое время карту никто не трогал.

— Она была спрятана, лежала в хранилище. В тайне. Она принадлежала колдуну, это был колдун *солсенти*, но он умел ее читать, потому что у него был дар к языкам. Этот дар хорошо послужил ему в погоне за властью, за...

Она замолчала, потому что не хотела смущать слушателей: впечатления уходили в далекое прошлое и снова возвращались. Но картины были такие нечеткие, что трудно было их удержать.

— Мама?

Сэра, мигая, посмотрела на знакомое лицо Лера.

— С тобой все в порядке?

Она кивнула.

— Карту сделал подмастерье? — Слово не совсем подходило, но было близко. — Может, студент. Он был разочаро-

ван, потому что учитель остался недоволен и велел часть переделывать.

Она коснулась верхней части листа, где пришлось соскрести изображение и сделать новое.

— Она старая, мама? — спросила Ринни. — Действительно из Колосса?

— Да. — Руки Сэры похолодели и потяжелели от глубокого проникновения в прошлое. — После того как она ушла из рук молодого человека, сделавшего ее, у нее было много владельцев. Они держали ее так недолго и так давно, с такой малой страстью, что у меня складывается только впечатление о многих людях.

Она встретила взглядом с Хенной и слегка улыбнулась.

— На вещах остаются следы эмоций, а карта вряд ли вызывает какие-либо эмоции. Я могу определить возраст, но на протяжении долгого времени ничего больше. Карта была спрятана или потеряна.

Сэра легко, кончиками пальцев, коснулась сумки, в которой лежала карта.

— Она была в этой сумке, которая почти так же стара.

Ринни с уважением взглянула на свою находку.

— Она не кажется старой.

— Заклятие сохранения, — прошептала Хенна. Оно может долго хранить вещь, а колдуны Колосса были очень могущественны.

— Карты и сумка многие сотни лет пролежали в хранилище. Потом они оказались в руках женщины, тоже колдуна *солсенти*. Кажется, женщина надеялась с их помощью найти сокровище. Впервые она взяла их в руки совсем молодой, а последнее ее прикосновение сухое и постаревшее. Она держала карты в тайном месте, и там они находились какое-то время. Женщина не пыталась их прочесть, хотя знала, что они очень древние. Примерно двести лет назад они перешли в руки другого колдуна.

Она глотнула, посмотрела на остальные карты и в поисках ответов коснулась и их. Просмотрев их все, сказала:

— У него был дар к языкам. Я вижу врата Колосса, где он искал то, чего страстно желал, — власти? Не совсем, но достаточно близко. — Она вернулась к первой карте, карте города. — Когда он коснулся их в следующий раз, он был во вла-

сти Сталкера; он стал Черным. Карты он спрятал, потому что они больше не были ему нужны. Волис нашел их и взял — но не смог прочесть.

— Ты можешь его видеть? — напряженно спросила Хенна. — Жаворонок говорила, что можешь.

Сэра раздраженно покачала головой.

— Нет. У меня разрозненные впечатления о лице молодого человека, но их слишком мало, чтобы узнать его. Он не оставил от себя достаточно для этого. Могу только сказать, что он превратился в дитя Сталкера около двухсот лет назад.

Хенна постаралась вернуть себе обычное хладнокровие, хотя была бледней, чем всегда.

— После Безымянного короля у нас не было никого такого старого.

— Были еще? — спросил Лер.

Сэра кивнула.

— Я знаю троих... четверых, считая этого. Первый ушел из Колосса вместе со Старшими колдунами, которые стали Странниками.

— Этот шестой, — сказал Хенна. — Из тех, о ком я знаю. После Безымянного короля мы знали, какие признаки ожидать. Смерть следует за Черным. Не понимаю, как этот мог так долго скрываться от нас. Ты уверена, что верно определила время, Сэра?

— Ошибка на десять-пятнадцать лет в обе стороны, но не больше. — Она разделяла опасения Хенны. Черный, как и просто затронутые тенью, с годами становится все сильнее. — Несколько десятилетий назад была чума — в ней погиб весь мой клан, кроме меня и брата. Другие кланы тоже сильно пострадали. — Она помолчала. — И примерно в то же время Тайный Путь начал истреблять Странников.

— Это не совпадение, — согласилась Хенна. — Может, за последние десятилетия нас стало слишком мало, чтобы заметить усиление зла.

— Мама, — неожиданно вмешался Лер, — если Черный притрагивался здесь к другим вещам, ты можешь это определить?

Ответила Хенна.

— Мастера Пути, те колдуны, что похитили Таера, ушли до того, как храм был закончен. Если Черный был среди них,

он здесь не задерживался. Только Волис пользовался помещениями за большой комнатой... — Она прочистила горло. — Только Волис и я. Не думаю, чтобы мы нашли что-нибудь такое, на чем остался бы отпечаток Черного, чтобы его можно было прочесть.

— Если бы мы не убили Волиса, он мог бы рассказать нам, откуда карты, — сказала Сэра.

— Прошу за это прощения, — сказала Хенна.

Сэра удивленно взглянула на нее.

— Я не имела тебя в виду, Хенна. И никогда не говорила, что он не заслуживает смерти.

И она снова занялась поисками следов Черного.

— Однако думаю, если Черный сумел скрыть свою суть от Лера и Джеса, если за двести лет ни один Странник не заподозрил его существование, он научился скрывать, кто он на самом деле. А впечатление от карты восходит к тому времени, когда он был только взят тенью.

— Он пошел в Колосс? — спросил Лер. — Мне казалось, Колосс уничтожен.

— Принесен в жертву, — согласилась Хенна. — Но камни и здания были запечатаны.

Этого Сэра раньше не слышала.

— Что это значит?

Хенна неожиданно улыбнулась.

— Не знаю. А что ты видишь в картах?

— Черный видел Колосс, — сказала Сэра. — Значит, город должен существовать.

— Все Черные должны пойти в Колосс, чтобы стать Черными? — спросила Ринни.

— Не знаю, — сказала Сэра, поворачиваясь к Хенне.

— Я об этом никогда не слышала, — сказала Хенна. — Не знаю, многие ли люди за пределами кланов Странников знают о существовании такого города.

— Кто-нибудь из Черных был Странником? — спросил Лер.

— Нет, — решительно ответила Сэра.

— Первый был, — напомнила ей Хенна. — Если он происходил из Колосса.

— Нет, — сказала Сэра. — Он был колдун из Колосса.

Хенна опять улыбнулась.

— Слишком тонкое различие, тебе не кажется? Мы все потомки колдунов Колосса.

— Я так не думаю, — медленно сказала Сэра. — Мне всегда казалось, что не случайно только колдуны *солсенти* становятся Черными.

— Ты говоришь так, словно они сами делают выбор, — сказала Хенна. — Хочешь подыскать им оправдание?

Сэра не собиралась спорить, слыша неодобрение в голосе Хенны.

— Наверно, тяжело быть колдуном *солсенти*. Любое самое малое колдовство — это комбинация ритуалов и компонентов. Некоторые колдуны всю жизнь знают, что обладают огромным потенциалом, но способны лишь на малое колдовство из-за недостатка знаний. Другим больше везет, но за каждое большое заклинание они должны платить часами подготовки и годами обучения. А мы, Вороны, летаем там, где им приходится ползти.

— Ты ищешь оправданий там, где их нет, — сухо заметила Хенна. — Хотя, вероятно, ты права, и мы должны быть благодарны за то, что колдуны *солсенти* мало знают о Сталкере, иначе они были бы опасны.

Говоря это, она начала сворачивать карту. Сэра взяла другую и тоже свернула. Когда все карты вернулись в сумку, Хенна застегнула пряжки и отдала сумку Ринни.

— Здесь карты всего утраченного мира, Баклан, — сказала она. — Заклятие произнесено одним из Старших колдунов Колосса. Это сокровище доверяется тебе.

В это время в комнату просунул голову Джес.

— Я кое-что нашел.

Таер думал, что таверна будет пуста, но в ней было много незнакомых людей, в большинстве наемников, как он решил. Вероятно, охрана какого-то торгового каравана.

Продвигаясь среди собравшихся, он нашел свободный столик в углу и сел. Регил, хозяин таверны, увидел его и затопился к его столику.

— Таер, добро пожаловать, — сказал он. — Я надеялся, что ты или Циро заглянете и займете народ. Обед сегодня — хлеб из пекарни твоей сестры и свежие сосиски, и ты получишь все это, если споешь.

Таер улыбнулся.

— Я бы с радостью, но сегодня утром я помогал сестре. И не взял свою лютню.

— А моя подойдет? — спросил Регил.

— Конечно, — согласился Таер.

Регил улыбнулся.

— Я боялся, что мне придется самому их развлекать, а у меня есть и другая работа. — Он посмотрел куда-то за спину Таеру. — Мастер Виллон, Таер не даст вашим людям скучать.

Таер повернулся и увидел за собой старого купца.

— Виллон, рад тебя видеть. Я думал, ты еще побудешь в Таэле.

Регил вежливо попятился, потом повернулся и пошел в направлении лестницы, ведущей в его квартиру. Виллон сел за узкий столик напротив Таера.

— Когда я услышал, что Странники уничтожили какое-то тайное общество, я решил, что Сэра сумела выручить тебя без моей помощи. — Виллон улыбнулся. — До меня только дошли слухи, что тебя держат где-то во дворце императора, как по улицам прокатилась новость о разгроме Пути. Сэра явно не нуждалась в моей помощи, чему я нисколько не удивился. Твоя жена — весьма решительная особа. Мой двоюродный брат посылал в эту сторону караван, поэтому я отправился с его людьми. Я становлюсь слишком стар для большого города; и мои кости предпочитают Редерн.

— Я тоже собираюсь здесь состариться, — с улыбкой сказал Таер. Но в сердце его была тревога: Сэра не будет здесь стареть с ним рядом.

— Разочаровывающе, — заметила Хенна, заглядывая в открытую Джесом потайную комнату.

— Ты думала, если Волис так старательно что-то прятал, это должно быть что-то ценное?

Лер вытер руки о рубашку, чтобы избавиться от покалывания: ему пришлось призвать магию, чтобы открыть потайную дверь, найденную Джесом.

Сэра видела, что он использовал магию, но эта была не та магия, что приходит по ее призыву. «Тайны Ястреба», — подумала она и улыбнулась. Хорошо, что Брюидд знала об орде-

не Ястреба больше, чем она. Она забыла, что замки и ворота — тоже из умения Охотников; Брюидд говорила, что это связано с ловушками, которые являются искусством Охотников. Как бы то ни было, Лер легко открывал любые замки. Если бы не это его умение и не способность читать следы и находить дорогу, они никогда не добрались бы во дворец до камеры Таера.

Ринни протиснулась между Лером и Хенной и метнулась в комнату.

— Пусто.

— Какая жалость, — сказал Лер.

— Вовсе нет, — отозвалась Сэра. Внутренность комнаты ей не видна, но если там поместилась Ринни, комната вполне подойдет и для ее целей. — Отличное место для книг по магии, пока мы не решим, что с ними делать. Лер может наложить заклятие на замок, а Хенна или я — заклятие «не замечайте меня» на дверь. Книги здесь будут в безопасности, как ягненок в овчарне.

— Значит, нам не придется их тащить. — Джес радостно улыбнулся. — Мне и Леру, — добавил он. — Нам бы пришлось это делать. Два похода, чтобы перенести все. Через весь город и назад. Книг о Странниках не так много, как книг колдунов. Через город придется проходить только раз.

— Придется еще идти по лестнице, — сухо заметила Хенна, двигаясь по узкому проходу.

— Один пролет. Легко.

Джес протиснулся мимо нее и побежал по лестнице.

Когда Лер решил отправиться на разведку с Джесом, Сэра смягчилась и отпустила с ними Ринни. В библиотеке книг немного, и они с Хенной справятся.

— Одни мы больше сделаем, — сказала она, когда дети вышли.

— Они не плохие, — сказала Хенна.

— Просто не привыкли к тесным помещениям. — Сэра слегка постучала пальцем по книге, которую просматривала. — Кажется, эту я уже видела. — Она закрыла глаза, стараясь вспомнить. — Она была на другом языке, но я узнаю иллюстрации.

— В библиотеке Изольды?

— Не знаю, — сказала Сэра. — В течение десяти лет после рождения Джеса я просматривала библиотеки всех *мермори*, которые попадали ко мне в руки.

Она открыла глаза и отложила книгу.

— Библиотека Изольды попала ко мне после смерти брата. Когда поселилась на ферме с Таером, кажется, приобрела еще три *мермори*. К тому времени, как Джесу исполнилось девять, у меня уже было их двадцать пять. Я просмотрела все двадцать пять библиотек, прежде чем признала правоту отца: он говорил, что ни в одной книге Старших колдунов нет ничего о Странниках.

— Ты ничего не сказала об этом, когда Брюидд показывала нам библиотеку Ронжера на пути к Таэле.

— Ронжер Библиотекарь мог владеть книгами, которых не было в моих двадцати пяти библиотеках, — ответила Сэра. — К тому же вы с Брюидд знаете языки, каких не знаю я. Мы ничего не нашли, но могли бы.

Хенна какое-то время смотрела в пространство.

— Это необычно, не правда ли? Сколько Странников, из какого бы ордена они ни были, знают языки, кроме своего собственного и общего? Для Старших колдунов эти библиотеки были бесценны, но для Воронов они обычно только напоминание о том, кем когда-то были Странники, и годятся лишь для церемоний.

— Мне иногда кажется, большую часть жизни я качала головой и говорила: «Каковы шансы?» — Сэра попыталась подражать спокойствию Хенны и подавить свой гнев. — Весь мой клан погиб, уцелели только мы с братом, последние потомки Изольды Молчаливой. Потом убили и брата, и меня спас относящийся к ордену *солсенти*, единственный, о каком я когда-либо слышала.

— Вероятно, таких больше, — заметила Хенна. — Кто бы мог подумать, что *солсенти* может обладать орденом?

— Даже *солсенти* распознали бы Ворона, если бы попытались обучить его колдовству, — сказала Сэра.

— Неужели? — Хенна наклонила голову. — Я в этом не уверена. Вороны могут использовать ритуалы, формулы и компоненты для производства заклятий. Мы просто не нуждаемся в этом, если только не узнаем что-то, чего не знали

раньше, и не можем обычным путем сотворить заклинание. Важна склонность. Маг, у которого нет склонности к работе с металлом, не сможет придать силу мечу, будь он Ворон или просто колдун. Если Ворон посчитает, что нужно использовать ритуал или компонент, неужели он не захочет ими воспользоваться?

— Я понимаю, к чему ты клонишь.

— А что еще необычного происходило?

Хенна снова обратилась к книге.

Сэра взглянула на свои руки. *Следовало бы оборвать разговор, потому что дальнейшее может быть очень болезненным.*

— У нас с Таером было пять детей, — сказала она своим рукам. — Один родился мертвым, а Мехилла умерла в три года. Джес — Орел. Лер — Охотник. Ринни — Баклан. Таер — Сова. Я Ворон. И как по-твоему, к какому ордену относилась Мехилла, которая умерла от болезни легких?

Задавая этот вопрос, она подняла голову.

Хенна смотрела на нее.

— Жаворонок?

Сэра кивнула.

— Не знаю ни одного клана, в котором были бы все шесть орденов, тем более в одной маленькой семье. Ордены не передаются по наследству. Это одно из того немногого, что мы вообще знаем об орденах. Так почему же вся семья оказалась отнесенной к орденам? И почему все ордены разные? Воронов гораздо больше, чем Жаворонков или даже Бакланов и Орлов.

— Может, дело в крови *солсенти*? — предположила Хенна.

— Или в магии, которая связана с этими горами. Или дело в том, что Странники обычно избегают места Падения, а наша ферма всего в нескольких днях пути от него? Или такова воля богов. Или судьбы.

— Богов нет, — уверенно сказала Хенна. — Это случайность.

— Прекрасно, — ответила Сэра. — А к какому клану принадлежал Керин — Странник Ворон, который сражался рядом с Рыжим Эрнавом у Падения Тени, — ты знаешь?

— К клану Изольды.

— Тебе, возможно, любопытно будет узнать: семья Таера утверждает, что происходит от единственного уцелевшего

ребенка Рыжего Эрнава. — Прежде чем Хенна смогла что-нибудь сказать, Сэра нетерпеливым жестом остановила ее. — Знаю, знаю. Мифология. Каждый дворянин империи, за исключением императора, возводит свой род к Рыжему Эрнаву. Но в пекарне есть камень с грубым изображением меча и именем Вернейра под ним. И камень и надпись очень древние, и человек, который оставил надпись, считал себя сыном Рыжего Эрнава — я трогала этот камень, как трогала здесь карту.

Хенна молчала.

— У меня больше двухсот *мермори*, Хенна. Двести двадцать четыре из пятисот сорока двух. — Сэра почувствовала, как на глаза навернулись слезы, но смахнула их. — Почему я должна нести бремя почти половины *мермори*, изготовленных Хиннумом? Почему они не разбросаны среди предводителей кланов? У Бенрольна их только три. Несомненно, есть среди Странников более близкие родственники Торбера Соколиногозлого или Керии Четырехпалой, чем я. И как моя семья — фермерская семья из маленькой деревушки за пол-империи от Таэлы — как она оказалась связанной с самим императором, как раз когда ему грозила опасность от нового Черного?

Сэра подождала, пока тишина не придавала особого смысла ее вопросам, потом открыла книгу на первой попавшейся странице.

— Я этого тоже не знаю. Но не могу не задумываться над тем, как эти события отражаются на нашей жизни. Надеюсь, я ошибаюсь. Надеюсь, мы все умрем от старости, но не верю в это. — Она смотрела на страницу, не видя ее. — Но, может, мы умрем гораздо раньше от болезни легких или нас убьет тролль.

Приятно было поговорить с тем, кто способен видеть то, что доступно только Страннику. Конечно, Хенна знает обо всем этом не больше Сэры, но все равно приятно рассказать кому-то.

Сэра снова посмотрела на раскрытую страницу и неожиданно вспомнила, где видела эту книгу раньше.

— Ха. Это копия книги, которую я нашла в библиотеке Кийи Танцовщицы, — это была четвертая *мермори* в моих руках. Я тогда вела записи.

Глава 6

Сэра провела рукой по лбу. Несомненно, остался привлекательный пыльный след. Она посмотрела на Хенну, которая с бледным напряженным лицом рылась в сундуке.

Пересмотрев книги в библиотеке и обследовав многочисленные, в основном пустые помещения храма, они позвали Ринни и парней и заставили носить книги о колдовстве *сол-сенти* и те, что они с Хенной не смогли перевести, в потайную комнату, найденную Джесом. А сама Сэра с Хенной занялись последними двумя оставшимися комнатами.

Шкаф, в котором Черный оставил призывающую руну, не сказал им ничего. Через несколько лет окутывающее доски заклятие ослабеет, и тогда Сэра могла бы больше узнать о Черном, но сейчас она сумела разобрать только ту часть, которая рассказывала о том, как Карадок помог войти в храм лесному царю и тот очистил руну.

Кое-что интересное она узнала, хотя оно не имело отношения к их поискам Черного.

Она подумала, что углубление в горе слишком обширное, чтобы быть выполненным за короткое время после появления нового септа Легея, который в своей свите привез Волиса и других магов Тайного Пути и открыл храм Пяти. И она оказалась права.

Нижние туннели, как она выяснила, были выкопаны тайно на много лет раньше, и в них прятали богов от слуг септа. Когда Волис привел в Редерн наемников, чтобы выкопать храм, они, должно быть, случайно обнаружили эти туннели. Сэра подумала, знает ли о них Виллон: нижние туннели расположены на уровне его магазина.

По молчаливому соглашению спальню Волиса они оставили напоследок: Сэра — потому что после библиотеки это было самое вероятное место, где можно найти что-нибудь тайное; но она видела, что Хенна не хочет сюда заходить по другой причине.

Среди подушек постели Волиса Сэра отыскала браслет с желтым сапфиром. Камень не привязан к ордену, поэтому она оставила его здесь. Оставив постельные принадлежности, которые она осматривала, Сэра поглядела на Хенну.

Та просматривала содержимое двух чемоданов у стены и не смотрела на кровать. Если у Сэры и были сомнения относительно того, как использовал Волис Хенну, достаточно было посмотреть на ее лицо, когда они впервые вошли в спальню. Хенна ничего не сказала, а Сэра не спрашивала. Иногда молчание говорит больше.

Когда они закончили, Сэра дала Хенне время запечатать заклинанием комнату, куда сложили книги; тем временем она сама с помощью Ринни паковала книги Странников.

Джес влетел в библиотеку.

— Теперь это настоящая потайная комната, — сказал он; вслед за ним в библиотеку вошли Хенна и Лер.

— Рада, что тебе понравилось, — ответила Сэра Джесу. — Бери пачку, и начнем.

— Я понесу свои карты, — довольно сказала Ринни. Возможно, причина в том, что она сделала самую важную находку в храме, но Сэра подозревала, что причина в другом: сумка с картами самая легкая.

Таверна — очень старое здание, возможно, самое старое в Редерне, и построено у подножия горы. Когда Сэра поставила ногу на нижнюю ступень крыльца, Лер взял ее за руку. Привлек ее внимание и кивком показал на Джеса, который побледнел и чуть качался — это всегда дурной знак.

— Идите домой, — сказала Сэра. — Я заберу Таера, и мы пойдем за вами.

Она отдала Леру свою пачку с книгами. Лер слегка улыбнулся, давая понять, что догадался: ей совсем не хочется объяснять в таверне, что за книги она таскает по деревне.

— Вернуться на ферму — неплохая мысль, — сказала Хенна. Она сделала шаг к Джесу, поколебалась и взяла его за руку. Он вздрогнул, как будто не замечал ее, пока она его не коснулась. — Идем, Джес, — сказала она мягче, чем обычно. — Мы идем домой.

Встревоженная, Сэра смотрела им вслед. Джес никогда не любил город, но таким она его раньше не видела. Вдруг ему становится хуже? Может ли она еще чем-нибудь помочь ему? Она половину жизни задает себе этот вопрос, и ответов на него не больше, чем двадцать лет назад.

В поисках более плодотворных мыслей, она вспомнила слова Хенны. Что если существуют и другие *солсенти*, обладающие орденами? Распознала бы она орден в Таере, если бы встретилась с ним не в чрезвычайных обстоятельствах?

Она задумалась, и шум в таверне заставил ее вздрогнуть. В зале было много народу. «Охранники», — подумала она, судя по количеству оружия. Такое количество незнакомых людей в таверне совсем не редкость: она ближе всего к торговому пути. Сэра порадовалась, что отправила свою пачку с Лером: книги ценны, а некоторые из этих охранников выглядят так, слово могут зарабатывать и другими, гораздо менее достойными способами.

Сквозь разговоры она слышала звуки музыки, но тот, кто играл, делал это чуть фальшиво. И Сэра подумала, не сможет ли Таер тактично помочь играющему.

Толпа расступилась, и она увидела игрока на лютне. У нее перехватило дыхание. Это был Таер. У нее на глазах он покачал головой и отложил лютню.

— Сэра. — Регил, хозяин таверны, протянул руку, чтобы поддержать ее, но не дотронулся. — Что с тобой?

— Все в порядке, — ответила она, приходя в себя. — Прости.

Таер может играть плохо, но только если сам захочет. Первые две недели после его освобождения от Тайного Пути она постоянно осматривала Таера, будто бы проверяя его состояние; на самом деле она хотела убедиться, что колдуны не начали отбирать его орден. Но после первых недель, когда он начал оправляться от ран, она перестала тревожиться, перестала искать.

Воронам дано видеть орден. Она призвала эту магию и *посмотрела*. Тонкая ткань ордена, как всегда, обернута вокруг Таера, но в ней появились дыры.

Она направилась к Таеру, но ее разговор с хозяином привлек к ней внимание нескольких незнакомцев.

Мужчина справа от нее вскочил на ноги.

— Сука из Странников? Я думал, животным нельзя сюда заходить.

Сэра остановилась и посмотрела на него, ожидая продолжения. Любого продолжения. Ее охватил гнев, который принес с собой магию. Таер дома. Он должен быть в безо-

пасности. Этот охранник не имеет никакого отношения к ее гневу.

Ничего общего, и в то же время все.

— Сэра, жена Таерагана, — сказал хозяин, пытаясь отвлечь мужчину от добычи. Смелый человек. — Как видишь, твой муж развлекает нас своими рассказами.

Она не отрывала взгляда от стражника.

— Рада это слышать.

— Сэра, — сказал Таер. — Оставь беднягу в покое.

Если этот «бедняга» попытается так обойтись с другой женщиной из Странников, не Вороном, и в другом месте, возможны неприятности. Бенрольн мог быть прав, говоря, что если бы *солсенти* боялись Странников, не погибло бы столько кланов.

Путь не захватывал бы Странников, и в ордене Таера не было бы дыр. Она ничего подобного не видела, но до того, как Путь похитил Таера, она не слышала, чтобы орден можно было отделить от его носителя.

— Сядь, — приказала она охраннику.

Таер может вложить в свои слова принуждение, которое заставит повиноваться ему. Магия Сэры заставила тело охранника подчиняться ее приказу. Результат тот же самый, но средства разные. Охранник упал на стул, как марионетка, у которой перерезали нити.

— Молчи.

Она не стала усиливать заклятие, так что за час оно рассеется. В таверне наступила полная тишина, хотя Сэра старательно направляла свою магию только на одного человека.

В сопровождении Регила она прошла к Таеру.

Когда подошла к столу, Виллон встал. Она так внимательно смотрела на мужа, что даже не заметила Виллона, пока тот не двинулся. Купец взял ее руку и поцеловал. Раньше он так никогда не поступал, и это на мгновение отвлекло ее.

— Сэра, как приятно тебя видеть. Прошу простить слова охранника моего брата. Он здесь долго не пробудет.

Его слова и необычная вежливость должны показать другим охранникам, что им следует оставить ее в покое, поняла она и почувствовала благодарность.

— Виллон.

Она не могла сейчас болтать с купцом, особенно когда так тревожится о Таере.

Она знала, что Таер уже поблагодарил его за то, что тот отправился в Таэлу помогать им, так что ей это делать не нужно. Она склонила голову, но все ее внимание было устремлено на мужа.

— Таер, дети пошли домой. Ты готов идти?

Он улыбнулся, но в его улыбке было что-то необычное. «Он знает, — подумала она. — Конечно, он знает, что что-то не так».

— Думаю, это будет лучше всего. — Он поднял лютню и отдал хозяину. — Спасибо за лютню, Регил. Пока отсутствовал, я скучал по твоим сосискам.

Он взял Сэру за руку и повел к выходу, где ждала Хенна.

Как только в таверне их не могли услышать, Таер сказал:

— Сэра, я пел, но не мог пасть в лад. — Он покачал головой. — У меня никогда такого не было.

— Что-то неладно с твоим орденом Барда, — ответила она.

Он сбился с ритма шагов, потом вернулся к нему, хотя хромота заставляла его идти медленнее, чем обычно.

— Что-то сделал Путь?

Сэра раздраженно фыркнула и взяла его за руку.

— Кажется. Не знаю, как это наладить. Если только колдуны Пути не нашли чего-то нового, я считала, что ничто не может воздействовать на орден.

— Подслащиваешь пиллюлю? — В голосе Таера звучала легкая насмешка, он чуть не до боли сжал ее руку. — Если не наладишь, я больше не смогу петь в лад?

— Не знаю.

Таер не разжал руку, но замолчал.

Они пробыли в таверне совсем недолго, и дети не могли намного опередить их. Гура еще возбужденно лаяла, когда увидела их. И побежала так стремительно, что не могла затормозить и потереться о ноги Таера.

В доме Хенна разложила карту на столе, мальчики и Ринни собрались вокруг, поглощенные разглядыванием.

— Хенна, — сказала Сэра. — У нас проблема.

— Ты можешь что-нибудь сделать, мама? — спросила Ринни.

Сэра взглянула на Хенну, которая пожала плечами, и ответила:

— Не знаю. Попробуем. Очевидно, Старшие колдуны работали с орденами, после того как создали их. Но в библиотеках *мермори*, которые могли просмотреть Хенна, Брюидд и я, ничего об этом нет.

— Брюидд может знать что-нибудь, что способно помочь, — сказал Лер. — Я могу поискать клан Библиотекаря.

Сэра колебалась. Клан Бенрольна может быть где угодно — и нет никакой гарантии, что Брюидд сможет чем-нибудь помочь Таеру.

— Я Охотник, мама. Я найду их.

— Ему понадобится лошадь, — сказал Таер. Это были его первые слова в тех пор, как они зашли в дом. — Скъю не готов к быстрому шагу.

— Хорошо.

Сэра пошла на чердак за кошельком, который им дал император. Она спустилась по лестнице и протянула Леру кошелек.

— Возьми. Пока еще светло, сходи посмотри, что можно купить у Акавита.

Лер неохотно взял кошелек.

— У Акавита дорогие лошади, мама.

— Он выращивает лошадей для дворян, — согласилась Сэра. — И лошади у него быстрые. Убедись, что он понял: нам нужна лошадь не для охоты и не для работы на ферме. — Она взглянула на Таера, который лучше нее знает старого лошадирика. — Может ли он сказать Акавиту, что поедет за Целительницей из Странников?

Таер кивнул.

— Скажи ему, откуда деньги, хотя он, вероятно, догадывается. После песни Циро история о фермере и императоре разошлась по всем горам. Акавит охотней поможет, если будет знать всю историю. Когда я был мальчишкой, здесь жила тетка его матери, ведьма и Целительница, и он сам не настроен против Странников.

— Скажи ему, что хочешь Кукурузу, — сказал Джес.

Сэра почувствовала, как приподнимаются ее брови.

Джес наклонил голову.

— Я иногда помогаю ему, мама.

— Акавит понимает дикую природу, — сказал Таер.

— О цене не волнуйся, — резко сказала Сэра Леру. — Если слишком дорого, мы сможем продать лошадь, когда она

будет нам не нужна. А теперь иди, пока светло. Возьми Скью: это быстрее, чем пешком. Утром мы поговорим, где, скорее всего, может быть клан Бенрольна.

Акавит жил на полпути к Легее. Будет уже темно, когда Лер вернется домой, и поздно, чтобы начинать поиски клана.

Лер взял кошелек и увязал в пояс.

— Вернусь как можно скорее. — Он повернулся к Дже-су. — Скажу ему, как ты велишь, о Кукурузе.

После того как за ним закрылась дверь, Сэра повернулась к Хенне.

— Ты считаешь, что стоит подождать слова Брюидд, прежде чем попытаться что-то сделать самим?

Хенна покачала головой.

— Хотела бы я помочь. Но я не знаю, как причинен вред и как его устранить.

— Стоять и ломать руки не поможет, — сказала Сэра. — Таер, ложись на подстилку у огня. Может потребоваться много времени, и ты не сможешь двигаться. Устройся поудобнее.

— Мы можем помочь? — спросила Ринни. — Я могу приготовить чай или суп.

Сэра хотела отрицательно покачать головой, но передумала.

— Пожалуй, лучше сначала поесть. Ринни, хлеб с сыром.

— И чай, — добавил Джес. — Схожу за водой.

Когда Лер постучал в дверь, Акавит обедал. Он выглянул.

— А, это парень Таера, — сказал он.

— Да, сэр.

Акавит сердитый мужчина, и всякий человек меньше четырех футов ростом не дождетя от него доброго слова. Но Лер вырос с Сэрой, и его словами не утратить.

Черные глаза смотрели на него из-под густых бровей.

— Чего надо, парень? Я обедаю.

— Мне нужна лошадь, сэр. Я подожду, пока вы не закончите.

— Лошадь!

Он произнес это так, словно к нему никогда не приходят за лошадьми.

— Да, сэр.

Акавит посмотрел на Скью.

— У тебя есть отличная лошадь.

— Да, сэр. Но мне нужно отыскать Целительницу-Странницу для отца, которому в Таэле причинили больше вреда, чем мы думали. Мне нужна быстрая лошадь, способная пройти большое расстояние. А Скью слишком стар для такого путешествия.

Лицо Акавита перестало быть враждебным.

— Правда? Таер ранен? Ну, это другое дело. Иди в конюшню и выбирай. Я приду, как только натяну сапоги.

В конюшне Акавита стояли отборные лошади. Лер остановился возле высокой гнедой кобылы со светло-желтой гривой. Она перестала жевать сено и подошла к дверце.

Лер прижался лбом к ее шее и вдохнул сладко-соленый запах здоровой лошади, почесывая ее под челюстью.

«Боги, — подумал он, — надеюсь, Брюидд сможет что-нибудь сделать».

Он бесконечно верил Целительнице, но мама очень испугана, и от этого у Лера сжимало грудь.

— Отличный выбор, парень, — сказал Акавит; говорил он негромко и спокойно, как всегда с лошадьми.

Лер распрямился. Он обычно слышал, как подходят к нему, но на этот раз и понятия не имел, что лошади рядом.

— Мне нравится гнедой и в двух стойлах отсюда, — сказал Лер. — А брат велел попросить лошадь по кличке Кукураза.

— А это и есть Кукураза, прямо перед тобой, парень. У твоего брата отличный глаз на лошадей.

Акавит взял поводок и открыл дверцу стойла. Взвизнул кобылу и вывел ее, чтобы Лер мог лучше взглянуть.

— Ей скоро пять, и она хорошо подготовлена. Немного тренировал ее и твой брат. Обычно я прошу его заняться более молодыми. А тому гнедому четыре, и он уже продан. У меня есть предложения и на эту кобылу, но... Понимаешь, парень, — Акавит потрепал по рыже-золотистому плечу, — дворяне слишком горды, чтобы ездить на кобыле. У них на кобылах ездят леди, переезжают с одного приема на другой. — Он сердито нахмурился. — Ей бы это не понравилось — она любит скачки и долгие поездки. Только не запрягай ее в хомут и не давай тащить плуг, как поступил твой отец с этим фаларнским

мерином: у Кукурузы для этого недостаточно крепкие кости. Попроси отца зайти ко мне, и я найду ему замену серой, которую он потерял. У меня есть несколько лошадей, которые ему подойдут.

— Сомневаюсь, чтобы мы могли себе это позволить, — ответил Лер, но он не думал о новой лошади для фермы: он влюбился.

Вне стойла кобыла была прекрасна: с тонкими костями, поджарая, как гончая, и ростом почти со Скъю. Блестящие глаза с любопытством рассматривали его; с этой лошастью никогда не обращались грубо. Длинные и шелковистые, ее хвост и грива точно цвета кукурузной шелухи. Ноздри широкие и пьют ветер.

— Скажи отцу, что мы договоримся, — сказал Акавит. Его морщинистое лицо чуть расслабилось, и Лер почувствовал, что пронизательные глаза старого лошадника видят его насквозь. — Хорошо, — сказал Акавит, хлопая себя по бедру. — Вы с ней поладите.

Они немного поторговались, но Лер знал, что Акавит взял с него гораздо меньше, чем с дворянина, который пришел бы подыскивать лошадь для своей леди.

— Не волнуйся, — сказал лошадник. — Твой брат не берет у меня деньги, а он уже несколько лет помогает мне с лошадьми. У тебя есть для кобылы седло и упряжь?

— Нет, сэр.

Акавит отвел кобылу назад в стойло и вместе с Лером прошел в комнату, где держал сбрую. Перебирая недоуздки, он сказал:

— У меня был сегодня человек из Редерна. Сказал, что Олбек... Это сын управляющего. Знаешь его?

Лер знал Олбека, но Акавит продолжал говорить, не дожидаясь его ответа.

— Он убил парня, сына торговца. Лукита.

Лукит бы одним из лизоблюдов Олбека, сыном торговца из Редерна. Лер плохо его знал, и то, что знал, ему не нравилось, но смерти ему он не желал.

— Я слышал, Сторн, сын Миллера, выступил против него свидетелем. Если бы Олбек не был сыном управляющего септа, отец Лукита потребовал бы его голову и получил бы ее. Но так он добился только изгнания Олбека из Редерна. Думаю, не

пройдет и месяца, как управляющий добьется отмены этого решения. — Он плюнул на пол. — Я рад, что не живу в городе. Если один из моих парней убьет другого, я сам об этом позабочусь.

— Если ты не можешь справиться со своей тревогой, я смогу, — сказала Хенна, когда они после еды сели на пол рядом с Таером.

Если кто-то должен заняться орденом Таера, Сэра предпочитала сделать это самой. Она склонилась к мужу и постаралась устроиться удобнее, насколько это можно на дощатом полу.

Закончив приготовления, она сделала несколько глубоких вздохов и загнала страх и гнев глубоко в себя, чтобы они не мешали контролировать магию. Эмоции делают магию ненадежной и опасной.

— Все в порядке, — сказала она Хенне.

Лер и Ринни тоже сидели на полу, но у стены, где они не помешают матери.

— Ложись, — сказала она Таеру, который сидел рядом. — И расслабься.

Она начала *смотреть*. Обычно орден представлялся ей прозрачным одеянием, окутывающим все тело, хотя она знала, что другие Вороны могут видеть по-другому. Ее учитель Арваг видел вьющиеся растения с цветками разного цвета для каждого ордена. Только цвета одинаковы у всех Воронов. Сэра подумала, каким бы увидел ее учитель вред, причиненный ордену Таера.

— Что ты видишь, когда смотришь на орден, Хенна? — спросила она.

— Свет, — ответила та. — И темные области.

Сэра слегка коснулась груди Таера, где, как говорила ее магия, находится одна из дыр.

— Я вижу здесь разрыв, — сказала она.

Хенна кивнула.

— Да, это одно из темных мест.

— Следи за ним, — попросила Сэра, — Если заметишь какие-нибудь перемены, скажи мне.

До этого года Сэра не поверила бы, что что-то может изменить орден. Будучи моложе, она пыталась это сделать, и

думала, что не она одна. Она хотела изменить внешний вид своего ордена, чтобы случайно оказавшийся поблизости Ворон не смог понять, кем она является.

Ничего не подействовало. Магия соскальзывала с поверхности ордена, не влияя на него.

«Магия действует на рисунок, — подумала она, — на рисунок и на символы».

Сэра посмотрела на орден Таера и потянула на себя магию, как пряжу на своем веретене. Она чувствовала мягкую текстуру, как самую тонкую овечью шерсть. Орден теперь представлялся ей тканью, и она применила к нему магию так, будто это была ткань, и увидела, что магия действует.

— Таер, — сказала она. — Скажешь, если что-нибудь почувствуешь, особенно если станет больно.

— Хорошо.

Его сухой тон заставил ее улыбнуться, чего он и добивался.

Она набросила пряжу своей магии на его орден, но ее пальцы прошли насквозь и коснулись его шеи.

— Холодно, — сказал Таер.

— Очень смешно, — пробормотала она, глядя на неподдающийся орден. Отводя пальцы, она увидела сверкающую фиолетовую окраску собственного ордена, и это подсказало ей новое решение. На этот раз она легчайшим прикосновением задела конец своей пряжи, настолько легким, что пальцы вообще ее не коснулись — только тонкой вуали ордена Ворона.

Она наложила ткань на Таера, и на этот раз та легла на орден Барда, и ткань, которую она ткала, начала принимать серо-зеленый цвет ордена Барда. Но когда Сэра слегка потянула пряжу, та спала с Таера. Она не смешивается с орденем Таера, придется сплести их. Сэра снова накинула ткань на Таера, чтобы она могла походить на ткань его ордена, и тут ей пришлось в голову, как устранить повреждение.

Она уже давно не штопала носки и свитеры — с тех пор, как научила Ринни это делать. Штопка всегда была самым нелюбимым для нее аспектом жизни *солсенти*. У Странников тоже изнашивается одежда, но время Ворона слишком дорого, чтобы заниматься такими земными делами. Однако для Таера она продолжала работать.

Когда вся ее «пряжа» слилась с орденом Таера, Сэра стянула ее. С помощью магии она сформировала кокон из пряжи, представляя его поверхность совсем рядом с кожей Таера.

Теперь ей нужны только спицы для пряжи.

Единственным, что смогло подействовать на орден Таера, оказался ее собственный орден.

— Хенна, — сказала она. — Можешь посмотреть камни орденов и принести мне камень Жаворонка? Кажется, это тигровый глаз.

Именно этот камень изредка теплел в ее руке, когда она с ним работала.

— Попытаешься использовать камни?

Голос Хенны звучал нейтрально — это ясно свидетельствовало о неодобрительном отношении.

Сэра покачала головой.

— Посмотрю, смогу ли я убедить его помочь мне.

Она слышала, как Хенна встала, но только краем уха. Все ее внимание было направлено на то, что она собиралась сделать. И когда она начала использовать магию, в ней не оставалось места для сомнений. Только полная уверенность заставит магию делать то, что нужно.

Ей в руку вложили что-то маленькое и теплое — кольцо.

Она выбрала Жаворонка, потому что исцеление очень близко к тому, что она задумала.

Сэра тщательно обдумала проблему и то, что ей необходимо сделать, обдумала несколько раз, сдерживая панику и нетерпение, как могла. И начала в третий раз, когда что-то острое кольнуло ей руку, в которой она держала камень. Посмотрев вниз, она увидела, что ржаво-красный орден, окружавший камень, принял форму большой иглы.

Осторожно взяв иглу в укутанные своим орденом руки, она воткнула ее в орден Таера на расстоянии двух пальцев от разрыва.

Как в плотно связанном свитере, нити ордена Барда разошлись перед иглой без всякого вреда, а кокон защищал Таера от острия. Кольцо, которое Сэра легко держала двумя пальцами, прошло через орден Таера, как будто они не могли взаимодействовать. Сэра осторожно продела его через нити ордена Таера, обшивая края отверстия, прежде чем с помощью своей магии восстановить участок ткани ордена.

Проходили часы, а она продолжала старательно штопать. Знакомая работа поглотила ее, и она не сознавала, насколько устала, пока голос Таера не прервал ее сосредоточенность.

— Сэра, *послушай меня*.

— Я не закончила, — упрямо ответила она. Еще оставались отверстия. Небольшие, но позже они станут большими. Она посмотрела на свою пряжу, но больше ее не нашла.

— Хенна говорит, что ты больше ничего не можешь сделать. Сэра, остановись!

Игла растаяла, в руках Сэры осталось только кольцо. Сэра смутно сознавала, что Таер держит ее запястья и трясет их.

— Она прекратила, — сказала Хенна. Голос ее показался Сэре далеким хриплым шепотом.

— Отведу их в постель.

Это Лер. Он уже вернулся?

— Отнеси маму, — сказал Джес. — Мы с Хенной отведем папу.

— Я могу и сам подняться, — сказал Таер.

Таер. Сэра поискала его руку.

— Хенна, — сказала она. — Ты можешь *смотреть*?

Сама она слишком устала, чтобы пользоваться магией.

— Гораздо лучше, — ответила второй Ворон. — Долго не продержится, но на какое-то время хватит. Я бы не додумалась так использовать ордены.

— Тебе не пришлось штопать столько носков, — ответила Сэра. Она подумала, как ее штопка выглядит для Хенны, которая видит не ткань, а свет. Но у нее не хватало сил, чтобы задать вопрос. И зная, что Таеру лучше, пусть даже на время, она мирно погрузилась в пустоту усталости.

Джес подождал, пока Лер не поднял мать и не начал подниматься по лестнице на родительский чердак. Затем протянул руку отцу, который встал со стоном.

— Спасибо, Джес, — сказал он. — Я все думал, как это сделаю.

И он, сильно хромая, пошел вслед за Лером по лестнице.

Хенна по-прежнему сидела у камней очага, сейчас холодных, потому что огня в очаге не было. Глаза ее были закрыты, но Джес видел, что она не спит. А вот Ринни спала. Ничто не

могло удержать ее от сна; в воздухе по-прежнему висел густой запах магии.

Джес оставил Хенну на месте и поднял сестру. Коснувшись ее, он почувствовал ее сны. Она летела в ночном небе, земля казалась темным пятном далеко внизу; во сне она летела на крыльях ветра, как в реальности летает на крыльях сознания.

<Некоторые Бакланы умеют летать>, — сказал ему Защитник и неожиданно удалился.

Джес покровительственно обнял Ринни. Его тревожило это знание, которого не должно было у него быть, не должно быть у Защитника. Откуда он знает, что Бакланы умеют летать, если Ринни — единственный Баклан, которого они когда-либо знали? Но если его это тревожило, то Защитнику было гораздо хуже. Джес не мог припомнить ничего, что так испугало бы Защитника.

Он обошел самодельную стену, которую они с Лером возвели только вчера, и уложил Ринни в постель.

Информация, о которой он раньше и не подозревал, была частью перемены, происходящей с ними, перемены, пугающей и Защитника, и его. Маму это тоже тревожит. Он всегда разговаривал с Защитником, успокаивал его, смягчал постоянное напряжение, в котором тот живет. Но пока его не сковали фаундрейлом, Защитник никогда не отвечал ему.

— Она слишком молода, чтобы летать, — негромко сказал Джес. — Мы не смогли бы обеспечить ее безопасность.

Защитник молчал, и Джес не мог понять, слышит ли он или полностью закрылся. Второе очень опасно. Когда Защитник приходит в себя после такой спячки, он полон гнева и не слушает доводов разума.

Но ответа не было, поэтому Джес вернулся, чтобы уложить Хенну. Теперь она лежала в другой позе. Вероятно, пыталась встать.

Волосы ее потемнели от пота, и вокруг глаз появились темные кольца. Джесу показалось, что она похудела, как будто сила, которую она отдавала матери, уходила вместе с плотью.

Он нежно взял ее на руки.

<Наша>, — заявил Защитник.

— Если захочет, — решительно сказал Джес, не скрывая облегчения от возвращения Защитника. — Не торопи ее.

— Джес, — прошептала Хенна.

— Укладываю тебя в постель, — сказал он ей.

<Папа сказал маме, что она нас любит>.

Джес почувствовал, что его лицо расплывается в улыбке.

— Да, сказал.

Защитник разделял с ним сладкий запах ее кожи, поэтому он дал и Защитнику почувствовать, как сильно она хочет отдохнуть в их руках, почувствовать себя в безопасности.

Он уложил ее в кровать по соседству с Ринни. Как и стена, кровать тоже появилась вчера. Хенна уже спала, и Джес не мог не исполнить своего и Защитника желания — легко провел рукой по ее щеке.

Она открыла глаза, светлые, с нефокусированным взглядом.

— Джес.

— Да?

— Напомни мне. Завтра. Карты и Колосс. Это важно. Для твоего отца.

Он почувствовал, как какое-то сильное чувство охватывает Защитника... при звуках названия древнего города.

— Напомню, — пообещал Джес, отстраняя картину города, который он никогда не видел наяву.

Странное видение испугало Защитника. Джес чувствовал этот страх, потом гнев, который обратил страх в пепел, и Джес глотал и глотал, пока ему не стало больно дышать.

— Джес?

— Мы должны сказать кому-нибудь, — быстро произнес он.

<Может, кто-нибудь поможет нам понять, что происходит. Поможет подготовиться>.

«Вот оно что, — подумал он. — Защитник боится того, что произойдет, когда он вспомнит слишком много. Произойдет что-то плохое».

— Завтра. Завтра расскажем твоей матери, — сказала Хенна, не поняв его.

Защитник тоже его услышал. Джес мог это понять, потому что гнев превратился в тупое жжение, которое переносить легче.

Хенна погрузилась в сон. Джес еще раз погладил ее волосы, потом оставил спать рядом с сестрой, спустился и остановился пред очагом.

<Кому рассказать?> — спросил Защитник, когда Джес уже перестал ждать реакции.

«Маме? Нет, ей больно за нас, и она считает себя виноватой. Я не хочу этого. Папе? Может, Леру? Он очень умен». Он сознательно не упомянул Хенну. Если тревога за него заставляет ее держаться от него подальше, он не хотел, чтобы у нее появлялись дополнительные основания для тревоги.

<Некому>, — решил Защитник. Но Джес чувствовал, что сама мысль о возможности с кем-то поделиться заставила его почувствовать себя лучше. — <Но мы найдем кого-нибудь, кто нам нужен. Должны найти>.

Глава 7

Защитник несколько успокоился, и теперь Джес мог прислушаться к негромкому разговору на родительском чердаке.

— Я думал просто поехать туда, где мы расстались с Бенрольным, — говорил Лер. — Оттуда я по следу могу их найти.

— Может существовать более легкий путь, — сказал Тар. — Мама сказала, что Виллон дал тебе карту, перед тем как вы направились в Таэлу.

— Сейчас принесу, — сказал Лер.

— Я могу принести, — сказал Джес. — Я знаю, куда мама положила ее.

Мама положила ее в сундук, где папа держит свои военные сувениры. Джес взял карту и поднялся по лестнице.

Мама лежала в кровати под одеялом. Волосы ее промокли от пота, а под глазами такие темные круги от истощения, что они казались синяками. Дышала она неглубоко и легонько стонала, как утомленный ребенок.

Защитник вышел, чтобы самому убедиться, что она в безопасности. Джес коснулся одеяла над ее ногами и почувствовал, что она спит так крепко, что ей даже ничего не снится.

Защитник, убедившись, что все необходимое для безопасности сделано, отступил. Папа сидел на своей кровати, а Лер, скрестив ноги, на полу; оба наблюдали за Защитником, давая ему необходимое время.

Для Джеса нашлось достаточно места в узком промежутке между кроватью и лестницей. Он протянул папе карту и сел на дощатый пол.

— Спасибо, — сказал папа, беря карту и расправляя ее перед собой на кровати.

Несколько мгновений он разглядывал ее, потом постучал пальцем.

— Здесь мы расстались с кланом. По этой дороге пошел Бенрольн.

Он пальцем провел по карте.

Джес не мог читать карту вниз головой: слишком затейливо сделаны надписи, но Защитник мог.

— Эрден, — сказал папа. — Упсариан. Колберн. — Он поколебался, потом показал на последний упомянутый город. — Отсюда Виллон шел по нижней дороге. — Он показал самую нижнюю из трех дорог, идущих с запада на восток. — Для фургонов она лучше: тут не броды, а мосты. Он сказал, что миновал Колберн. Это город величиной с Легей. Там ворота закрыты для приезжих. Чума.

Защитник, забавлявшийся тем, что указывал Джесу не-точности карты, неожиданно насторожился.

Папа посмотрел на Лера.

— Я все думаю, какая катастрофа могла привлечь Бенрольна: ведь здесь был тронутый тенью тролль, с которым нужно было сразиться. Чума как раз подойдет.

— Лер не может идти, — проворчал Защитник.

Брови Лера поднялись едва не до линии волос, но прежде чем он дал висевший на кончике языка ответ, папа сказал:

— Согласен. Это слишком опасно.

Лер сжал кулаки.

— Я не ребенок. Я знаю, как уберечься от чумы. Ни к кому не буду прикасаться. Не буду делить еду и одежду. Мама сказала найти Брюидд, и я собираюсь это сделать.

Он встал, но Защитник тоже встал и преградил ему путь.

«Лер прав, — сказал ему Джес. — Отец нуждается в помощи Брюидд, а Лер не дурак. Он умеет защищаться».

В его голове возникла картина смерти. Умиравшие лежали в тени, и он не мог понять, мужчины это или женщины, но чувствовал глубочайшее горе Защитника.

«Здесь будет Брюидд», — напомнил он.

— Джес? — негромкий голос отца прервал внутренний диалог.

<Здесь будет Брюидд>, — согласился Защитник перед тем, как медленно отступить. Брюидд не даст Леру заболеть.

— Здесь будет Брюидд, — сказал Джес папе и услышал облегченный вздох Лера.

— Отпусти меня, — обратился Лер к папе. — Я смогу это сделать.

Папа устало потер лицо.

— Хорошо. Хорошо. Ночью выпишь и отправляйся утом. Возьми карту. — Он свернул ее и протянул Леру. — Сможешь выбрать кратчайший маршрут.

Джес встал и начал спускаться по лестнице, чтобы Лер смог миновать его.

— Я хочу поговорить с тобой, Джес, — сказал папа.

Джес кивнул и спрыгнул на пол, согнув колени так, чтобы приземлиться бесшумно и не разбудить Ринни и Хенну.

Лер, спускаясь за ним, тихо сказал:

— Спасибо.

Джес кивнул и снова поднялся наверх.

— Папа?

— Закрой дверь и садись, сын.

Джес закрыл дверь и занял место Лера, потому что с закрытой дверью для него другого места не оставалось.

— Помнишь кузнеца, которому мы помогли на пути сюда? — спросил Таер. Джес понимал, что это не вопрос, но кивнул. — Когда Защитник сказал, что чувствует запах туманника, я спросил его, откуда он знает этот запах.

Защитнику такой поворот разговора не понравился, и Джес постарался успокоить его.

— Ты сказал, что не знаешь.

— Я помню, — ответил Джес. — Не знаю.

— А Защитник?

«Все в порядке, мы собирались поговорить с папой об этом, помнишь?»

Он получил сумятицу, которая не была ответом.

— Джес, — сказал папа с оттенком настойчивости в голосе.

Этого было достаточно, чтобы вновь привлечь внимание Джеса.

— Он помнил, — сказал Джес. — Но мы не знаем, каким образом. И это его расстраивает. — Он перевел дыхание. — Думаю, он не хочет вспоминать.

— Ты уверен, что он не знает больше? — мягко спросил папа. — Я спрашивал Защитника, а он предоставил отвечать тебе. Думаю, он знает больше, просто не хочет, чтобы ты...

Защитник отстранил Джеса, и чем закончил папа, Джес так и не услышал.

— ...знал.

Таер замолчал, чтобы справиться со смешанными чувствами: ему хотелось быть подальше от того, кто сидел у его ног. Джес исчез, остался только Защитник.

— Я не хочу его пугать, — сказал Защитник.

— Опасно хранить тайны, — возразил Таер. — Мама беспокоится о тебе. Она мне говорила, что очень важно, чтобы вы с Джесом оставались близки друг другу.

Защитник грациозным, полным сил движением встал; Таеру это напомнило, как бывает, если думаешь, что перед тобой собака, а оказывается — волк. Джес и Защитник движутся по-разному.

— Кое-чего ему не нужно знать, — сказал Защитник.

— Он прав, — удивленно сказал Таер. — Ты испуган.

Защитник зашипел.

— Ты не можешь обмануть меня, — сказал Таер, продолжая говорить мягко, хотя чувствовал, как учащенно забилося сердце. — Все чего-нибудь бояться. И ничего, если Джес тоже боится. С твоей стороны неверно что-то скрывать от него. Ты должен больше доверять ему.

— Ты ничего не знаешь! — выпалил Защитник. — Ты Бард — благословенный, а не проклятый.

Таер приподнял бровь.

— Ты не проклят. Тебе просто досталось для возделывания каменистое поле. Мне кажется, что ты неплохо справляешься. Но ты должен работать в команде, иначе ничего не добьешься, сын.

— Я не твой сын, — сказал Защитник. — Твой сын Джес. Я демон, которым он проклят.

Это было произнесено без эмоций, но ни один родитель не упустил бы плач в этих словах.

— Ты мой сын, — сказал Таер, приближая лицо так близко, что его дыхание превратилось в морозный туман. — Я люблю тебя. И тревожусь за тебя.

— Ты тревожишься за Джеса, — сказал Защитник, отворачиваясь.

Его абсолютная уверенность неожиданно напомнила Таеру его самого, как он спорил с отцом за два дня до своего ухода на войну. Отец повернулся и ушел, и в его ушах все еще звучал возглас Таера: «Пекарню ты любишь больше меня!»

Он подумал об изменчивом молодом человеке, своем сыне, и сказал первое, что пришло в голову:

— Ты напоминаешь мне мою сестру Алину. Ее невозможно убедить в том, в чем она не хочет убеждаться.

— Я не похож на Алину.

Защитник скрестил руки на груди и принялся раскачиваться на пятках.

— Похож. Она может изменить решение только тогда, когда перестает спорить и начинает думать. Поэтому подумай, о чем я тебе сказал, — и расскажи Джесу, что тебя пугает. Бремя большинства проблем можно облегчить, если разделить их с кем-нибудь. Доверься Джесу.

Защитник чуть покачивался, переступая с ноги на ногу — так поступает Джес, когда он расстроен.

— Почему бы тебе не побегать сегодня ночью? — мягко предложил Таер. — Мне легче думать после физического напряжения и одиночества.

Защитник молча раскрыл дверь и исчез. Таер слышал, как негромко открылась и закрылась наружная дверь, и повернулся к спящей жене.

— Надеюсь, это ему поможет.

Он поцеловал ее, задул лампу и уснул.

Когда Джес вернулся, он обнаружил, что лежит на древесной ветви, глубоко вонзив ногти в кору: Защитник словно точил их.

Джес сумел слезть с дерева, не теряя форму кошки. Это трудно, но падать с дерева тоже трудно.

Снова приняв человеческий облик, он принялся потягиваться и разминаться, пытаясь понять, как далеко ушел от дома. Он не чувствовал особой усталости: иногда, когда Защитник надолго вытеснял его, Джес приходил в себя, чувствуя усталость до костей. Он надеялся, что ему недолго придется добираться до дома.

Он думал также о том, что сказал папа Защитнику, когда отправил его в лес.

<Нужно поговорить>.

Голос Защитника звучал угнетенно.

— Хорошо.

Обычный человеческий голос показался Джесу неестественным в глубине леса. Ему не обязательно говорить вслух — но это помогает понять, кто на этот раз говорит.

<Папа говорит, что я ничего не должен скрывать от тебя. Даже то, что пугает>.

— А что тебя пугает?

<Я вспоминаю>.

— Знаю.

Его на мгновение охватили нетерпение и раздражение. Джес покачал головой в тщетной попытке отделаться от этих чувств.

— Тогда объясни мне, — сказал он. — Почему воспоминания могут пугать?

<Я был когда-то кем-то другим, кем-то большим. Кем-то опасным, и это могло причинить тебе вред>.

— Ты всегда был опасен, — сказал Джес. — Но в этом и смысл. Как мы можем их защитить, если ты не будешь опасен?

Защитник ничего не ответил, поэтому Джес пошел домой. Пока они разговаривали, он отыскивал ориентиры, и теперь хорошо представлял себе, где находится и как короче добраться до дома.

<Я всегда считал, что я часть тебя — часть, отделенная орденом>.

— Ты часть меня.

Его затопило ощущение отрицания, и Джес споткнулся о сухую ветвь, лежащую на дороге. Он остановился.

<Я часть ордена,> сказал Защитник. <Но когда-то я был чем-то большим. Теперь же я пиявка, которая со временем может погубить тебя>.

От стыда, испытываемого Защитником, у Джеса слезы выступили на глазах.

— Ты часть меня, — сказал Джес. — Ты помогаешь обеспечивать безопасность моей семьи. Завтра мы пойдем за Лером и будем обеспечивать его безопасность. Вот что мы делаем.

«Я делаю твою жизнь несчастной. Она не хочет нас видеть из-за меня. Со временем я сведу тебя с ума».

— Нет, — сказал Джес.

«Я помню. Помню безумие. Я сведу тебя с ума, как сводил других. Во сне я вижу их лица. Поэтому Хенна не хочет нас».

— Я еще не сошел с ума, — сказал Джес. — И не чувствую, что схожу. Может, я не такой, как эти другие. Так думает мама. — Он улыбнулся про себя. — Она говорит, что виновата упрямая кровь *солсенти*. Она говорит, что тетя Алина слишком упряма, чтобы прислушиваться к доводам разума. Может, я слишком упрям, чтобы сойти с ума.

«Она не хочет нас из-за меня».

Джес понимал, кто это «она». И улыбнулся еще шире.

— Папа говорит, что Хенна нас любит. Надо только дать ей время понять, что мы сильнее, чем ей кажется.

Он немного подождал, но Защитник сказал все, что хотел.

Таер лежал, но не мог уснуть. Достаточно ли он сказал Джесу? Или слишком много? Он недостаточно знает об ордене Защитника — впрочем, по словам Сэры, этого никто не знает.

Он слышал, как мечется и ворочается внизу Лер. Лер тоже его тревожит. Он не безрассуден: рискнет, только если нет другого выхода. Если бы Леру предстояла встреча с полудюжиной разбойников, Таер не нервничал бы так. Но против чумы осторожность и мастерство — недостаточное оружие. Придется довериться мастерству Охотника и верить, что Лер благополучно доберется до клана Бенрольна, а искусство Брюиндд уберет его от чумы.

Ему не давало покоя то, что ради него сын рискует жизнью. Казалось, должно быть наоборот. Отец готов отдать жизнь для защиты семьи — и не должен при этом рассчитывать на сына. Но он уже побывал во власти Пути, когда думал,

что не вернется домой, и тогда решил, что без него его семья чересчур уязвима. Через пять лет это уже не будет так очевидно, но сейчас семья в нем нуждается. Несмотря на все усилия Сэры, он чувствовал, что с ним далеко не все ладно.

Пребывание во власти Пути причинило ему не только физические раны: он был уверен, что потерял не только способность петь. Сэра часто говорила ему, что орден не просто фасад, который легко отделить от человека; это такая же его часть, как правая рука. И он опасался, что колдовство мастеров Пути повредило его орден и теперь не остановить уходящий поток жизни.

Сэра подкатилась к нему, отыскивала руку и прижалась носом — заняла свою любимую позу для сна. И снова расслабилась во сне усталости, но тепло ее дыхания на его руке действовало успокаивающе.

Он задремал, ожидая возвращения Джеса. Только когда соберется все семья, он сможет спокойно уснуть.

Заскрипела дверь, и Джес сказал:

— Папа, у нас в гостях император.

Форан заметил, что пять таких комнат, как главная комната в доме Таера, уместятся в его гостиной во дворце. Он сделал несколько шагов внутрь вслед за Джесом, и охрана последовала за ним.

— Джес? — слышался сбоку сонный голос. Потом резко и отчетливо: — Император?

Разум подсказал, что это младший сын Таера, Лер, хотя в темной комнате Форан мог различить только очертания сидящего человека.

На чердаке зажгли лампу, ее свет пробивался сквозь щели.

— Форан?

Мелодичный голос Таера прозвучал как колокол. Форан почувствовал, как страх, сопровождавший его на всем пути из Таэлы, отступает.

Держа в одной руке лампу, Таер спустился с чердака; он широко улыбался.

— Я не ожидал увидеть тебя, мой император. — Он поднял лампу и посмотрел на четверых охранников, стоявших за Фораном: бывшие Воробышки Тайного Пути, ставшие его

личной гвардией. Таер хорошо знал их всех. — Добро пожаловать Кисел, Тоарсен, Руфорт и... — он выше поднял лампу, — а, Иелиан, верно? Добро пожаловать в мой дом. Что привело вас сюда?

— Это долгая история, — ответил Форан. — Если не возражаешь, я бы отправил своих людей ночевать в амбар. Мы ехали так быстро, как выдерживали лошади, и очень устали.

— Конечно, — сказал Таер. — Джес, отведешь их в амбар? Там есть брезент, которым можно накрыть сено на чердаке. Лошади... сколько жеребцов, Форан?

— Два.

— Тогда поставь Скью и новую кобылу в меньшее стойло. Жеребцов в стойла с перегородками, а остальных лошадей — в загон.

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал Иелиан. — Рядом с вами должна быть охрана.

Форан подавил раздражение. Легче согласиться, чем спорить, а Тоарсен и Кисел знают все, что он собирается сообщить Таеру.

— Хорошо, — сказал он. — Тоарсен, оставайся со мной. Кисел, помоги Джесу разместить лошадей, потом вы все должны поспать. Это может занять какое-то время.

Он подождал, пока Джес с тремя охранниками не вышли, потом повернулся к Таеру.

— Прости, что доставляю тебе хлопоты, — сказал он. — Но ты единственный, о ком я мог подумать, кто способен решить мои проблемы.

— Путь? — спросил Таер.

— Путь — только часть, — сказал Форан. — Подождем возвращения Джеса — не хочу рассказывать дважды. Вероятно, Сэра тоже должна это услышать.

— Приготовлю чай, папа, — сказал Лер, одеваясь.

Он быстро скатал постель и сдвинул кровать, которая превратилась в широкую доску на двух скамьях. Таер взял один конец скамьи, Тоарсен другой, и они вдвоем отнесли скамью к большому столу у очага. Когда Лер взялся за вторую скамью, Форан поднял второй ее конец и помог поставить скамью по другую сторону стола.

Пока Лер готовил чай, Таер поднялся на чердак, чтобы разбудить жену.

— Может потребоваться время, — объяснил Лер. — Мама сегодня вечером очень устала. У нас были свои неприятности.

— Надеюсь, ничего серьезного, — сказал Тоарсен. — Если септ может помочь...

Септ Легея, управляющий этим углом империи, старший брат Тоарсена.

Лер покачал головой.

— Не такие неприятности. Я утром отправляюсь на поиски клана Бенрольна.

Значит, магия. Форану не хотелось добавлять забот Таеру, у которого, выходит, своих хватает, но Таер единственный, кому он верит. Расхаживая, Форан старался не прислушиваться к голосам на чердаке.

Из амбара пришел Джес. Если бы Форан не знал его лучше, то принял бы за умственно отсталого, но он видел, что делал Джес в сражении с Путем.

Форан видел разницу, когда сражаются с грубой силой и когда применяют ум и хитрость. Он заметил также, что никто из Странников не удивился, что этот парень может быть ответственным за ужасную смерть мастеров Пути. Он не был виновен в этих смертях, но Странники считали, что мог их причинить.

Таер рассказал ему, что Джес наделен особой магией, свойственной только Странникам. Форан чувствовал, что это страшный дар.

— Лошади размещены, — сказал Джес, глядя себе на ноги, а не в глаза Форану. Форан помнил эту его привычку с первого знакомства со старшим сыном Таера. — Я дал жеребцам зерна побольше, потому что серый тревожился в незнакомом месте.

— Спасибо, — сказал Форан. — Этот серый может стать проблемой. Надо было ехать без него.

— Джес знает лошадей, — сказал Лер, зажигая дополнительные лампы. — Он умеет обращаться с животными.

— А там кто? — спросил Форан, впервые обратив внимание на занавеску в дальнем конце комнаты.

— Хенна... она тоже Ворон-Странница, как мама, — сказал Лер. — Ты ее видел, но тогда было много новых людей. И мог ее не запомнить. Там также моя сестра Ринни. Ей десять лет.

Форан помнил Хенну, а дочери Таера можно доверять. На чердаке стало тихо, и Таер спустился. Он хромал заметней, чем когда выезжал из Таэлы.

За ним последовала Сэра. Когда она повернулась и лампа осветила ее лицо, Форан понял, что Лер не преувеличил. Сэра выглядела так, словно не спала неделю.

— Жаль тревожить тебя, — сказал Форан.

— Ерунда, — ответила она и, к его смущению, потрепала по щеке, прежде чем сесть на скамью. Сев, она поставила локти на стол и поддержала руками голову.

Теперь все были здесь. Пора начинать рассказ, но Форан не знал, с чего начать.

— Полагаю, расчистка Пути была нелегким делом, — сказал Таер, сев рядом с Сэрой. — Почему не начать с этого?

Форан понял, что не может сидеть и не может смотреть на них, пока говорит.

Глава 8

Две недели назад в императорском дворце в Таэле.

— Мои септы, Мы благодарим вас за терпение, проявленное на Нашем суде за последние недели.

Голос императора разносился по залу, где собралось большинство септов.

Форан репетировал это выступление в одиночестве своих апартаментов. Он обсудил его со своими ближайшими советниками. Форан перепробовал несколько сценариев и выбрал лучший.

— Мы воспользовались Нашим правом и даровали прощение всем молодым людям, ранее известным как Воробышки Пути. Во-первых, за их защиту Нашей персоны, и во-вторых, чтобы они послужили свидетелями того, как Мы положили конец эре Тайного Пути — группе заговорщиков, планировавших уничтожение империи изнутри.

Он помолчал, давая возможность септам пошептаться друг с другом и с советниками. Кое-кто из Воробышков — сыновья септов, в основном третьи и четвертые по старшинству, причинявшие своим семьям множество неприятностей.

И септы должны быть довольны, что император принял на себя задачу превращения этих неудачников в полезных людей.

Он предложил каждому из этих молодых людей место в своей собственной гвардии, своей личной охране. Большинство приняло предложение. Он еще не знал, правильно ли поступил: ведь, в конце концов, эти молодые люди были отобра- ны Путем как самые развратные и испорченные представители своего поколения.

— Вы слышали свидетельства этих людей, теперь Наших гвардейцев, и свидетельства Авара, септа Легея и Нашего до- веренного советника. Мы также рассказали вам о том, что на- блюдали Мы лично.

В глубине души Форану нравилось говорить о себе в пер- вом лице множественного числа. Ему это казалось нелепым, но эффективным способом напомнить им всем, что он — как- им бы неподходящим для этого поста они его ни считали — он император. Он посмотрел на септов, которые большую часть недели просидели на этих местах и, конечно, хотели, чтобы все быстрее кончилось. Разумеется, им только кажется, что они знают, что произойдет.

— Эти свидетельства, — продолжал Форан, — представ- лены вам, чтобы вывести на свет тайны, где они поблекнут и больше не смогут быть угрозой. Больше того, они были пред- ставлены вам для оценки.

Он знал, что теперь все они ждут приговора, объявления виновных и невиновных.

Форан был спокоен: у него достаточно опыта в театраль- ных представлениях, хотя большинство сидящих в роскошных креслах не видели, как искусно он может манипулировать своими собутыльниками для собственного развлечения.

— И теперь они, Наши враги, получают от Нас справедли- вое возмездие.

Он не дал септам возможности пошептаться, но посмот- рел на лист пергамента, лежавший на кафедре, и начал чи- тать длинный список: купцов, стражников, военных — в ос- новном мелких дворян, но среди них были и императорские служащие.

— Всех этих людей Мы признаем виновными в убийстве, заговоре на убийство... — и десятке менее серьезных преступ- лений, которые он медленно и последовательно перечислил, —

этих людей Мы приговариваем к повешению. Казнь будет начата немедленно на главной торговой площади. Ежедневно казнены будут пять человек, пока все приговоры не будут исполнены.

Он мог бы доверить вынесение приговора септам. Тогда все эти смерти легли бы не на его плечи, а на их. Он не сомневался в том, что септы всех этих людей признали бы виновными.

— Но это не единственные обвиняемые. — Вот эта группа, несомненно, избежала бы осуждения, если бы это зависело только от Совета септов. — Приведите обвиняемых септов.

За время суда ему удалось несомненно доказать убийство только одного императора — собственного отца Форана. И если бы он позволил септам оправдать убийц, это создало бы опасный прецедент. Этого нельзя допустить.

Он опустил пергамент на кафедру и подождал, пока стражники не ввели тринадцать септов, которых он сумел привлечь к суду. Были и другие виновные, они тоже должны были бы предстать перед судом, но они были слишком могущественны и свидетельств против них оказалось недостаточно. Форан старался не смотреть на этих людей — среди них был и глава Совета Горриш.

Ввели септов. У каждого кляп во рту, руки связаны за спиной. Каждого сопровождали два молодых человека в зеленом и сером — цвета личного септа Форана, из которых торопливо соорудили форму для императорской гвардии, с золотым пересмешником, вышитым на левом плече.

Форан подумал, что именно кляпы во рту осужденных вызвали ропот в огромном зале. Он заметил, что Горриш ничего не сказал. Честь септа не терпела такого обращения. Связанные руки еще можно было простить, но кляп — это открытое оскорбление. Форан не хотел никого оскорблять, но чтобы завершить задачу, ему нужно было, чтобы эти люди молчали.

Гвардейцы императора вывели этих людей на середину зала и поставили лицом к остальным септам, смотревшим со своих мест. Когда они были расставлены, император спустился с помоста и подошел к обвиняемым септам.

В зале наступила тишина: септы ждали, что же задумал император.

— Септ Дженни, — сказал Форан, останавливаясь перед обвиняемым и глядя ему в глаза. — Септ Сил Холда. — Всего их было тринадцать. — Септ Вертесса.

Некоторые из септов старики, которые знали отца императора так, как не знал он сам. Знали его и были свидетелями его убийства, как и убийства дяди, вырастившего Форана. Были и молодые люди, пившие его вино и евшие его пищу, считавшие его пьяным ничтожеством... каким он и был.

Одного за другим он назвал их всех.

Сегодня, Форан знал, он заплатит за долгие годы, когда позволял себе быть трусливым каплуном. И он надеялся, что конечная плата за его грехи будет меньше той, что придется заплатить этим людям.

— Ваши руки связаны, — сказал он, — потому что сегодня вы бессильны перед Нами. Ваши языки молчат, потому что у вас была возможность защищаться, но сегодня Мы вас больше не слышим.

Он повернулся к остальным септам, обвел взглядом зал.

— Мы находим этих людей — все они септы — виновными в убийстве и измене. Мы считаем их преступление более тяжким, чем проступки меньших людей, потому что доверие, которое они обманули, было больше. Мы находим, что их преступления требуют, чтобы наследство этих септов перешло к Нам, и Мы поступили бы с ним, как пожелаем.

Это вызвало шум в аудитории. О, и раньше были императоры, которые вмешивались в передачу наследства, но в последние двести лет такого не случалось, даже в случае измены. Он мог позволить наследникам сохранить септы, но дело не в этом. Он хотел, чтобы все септы запомнили силу императора и забыли, каким дураком считали его раньше. Они должны нутром усвоить, что их власть исходит от него, а не наоборот.

— За их преступления Мы приговариваем этих бывших септов к смерти.

В зале Совета септов стоял камень, а на нем статуя вставшего на дыбы жеребца, символ поднявшейся империи. Форан думал, что большинство септов забыло: камень этот раньше был совсем не основанием статуи.

Он протянул руку, и Тоарсен, капитан императорской гвардии и бывший Воробышек, стоявший до этого неподвижно, пришел в движение. На уровне груди он руками в перчат-

сах держал большой меч, заранее спрятанный за помостом императора.

Это не был меч Форана. Пришлось отправиться в оружейную и просмотреть десятки мечей, прежде чем нашелся подходящий.

Форан взял меч и поднял его — почти пять футов заново заостренной стали, торчащей из великолепной двуручной рукояти. Грозное оружие — хотя в битве он предпочел бы что-нибудь полегче.

Форан позволил всем рассмотреть меч. Кое-кто из септов нахмурился и распрямылся, но большинство выглядели скучающими. Он знал: они ждут речи. Риторика — вот обычай, а меч — всего лишь экзотическая побочная деталь.

— У Нас нет полного списка смертей, причиненных этими людьми, хотя среди них смерть Нашего отца и Нашего дяди. Поэтому Мы назовем имена тех, кто погиб, защищая Нашу жизнь. — Эти имена он запомнил задолго до того, как решил использовать их здесь. Ему казалось, что человек должен помнить имена тех, кто отдал за него жизнь. И назвал имена пятнадцати Воробышков. Потом имена десяти людей, принадлежавших Авару, септу Легея, пришедших ему на помощь. — И клан Ронжера Библиотекаря... — восемь имен. Он дошел до конца этого списка, и только тогда многие септы поняли, что имена принадлежат Странникам.

Два его советника — Герант и Авар, оба септы, — посоветовали ему назвать эти имена. Политикой Совета на протяжении столетий было устранение «бича» — Странников. Но эти люди тоже погибли за него, и Форан решил, что их имена послужат доказательством вины обвиняемых.

— Первый человек, погибший в ту ночь, не получит от Нас справедливости. Леди Мирцерия из Теллериджа, дочь прежнего септа Теллериджа, умерла под пытками, которые применял к ней ее отец. Она умерла, чтобы сохранить Нашу тайну, чтобы Мы могли довершить падение Пути. Мы хотели бы, чтобы Теллеридж ответил за свои преступления, но он умер в тот день, и умер слишком легко.

Пока он говорил, два стражника, специально подобранные для этого дела, сняли статую жеребца с его почетного места и сдернули вышитое покрывало, обнажив холодный гранитный камень.

Форан кивнул, и охранники септа Дженни подвели его к камню. Они сбили его с ног и прижали к граниту, так что голова свисала. Все это было проделано гладко: сказывались почти непрерывные трехдневные тренировки.

Септ, обвиненный в предательстве, должен пролить кровь в зале Совета. Традиционно император разрезает его руку, позволяя капнуть крови. Обычно в тот же день следует обезглавливание — во дворе дворца, в специально отведенном месте. Но были и исключения.

Обеими руками Форан высоко поднял над головой старый меч. Кожаная головка эфеса позволила руке не скользить, когда он опустил меч, созданный, чтобы рубить, а не фехтовать или парировать удары, и перерубил шею септа Дженни.

Все произошло так быстро, показалось Форану, что Дженни даже не понял, что с ним происходит.

Кто-то закричал — но не протестующе, а от неожиданности и шока. И когда он повернулся лицом к ним, к Совету септов, то увидел, что наконец полностью завладел их вниманием.

В наступившей тишине Форан позволил им как следует всмотреться в императора, с мечом в руке, с разбрызганной вокруг кровью; позволил запечатлеть эту картину в уме и в сердце, чтобы она перекрыла воспоминания о слабке, каким они его считали.

Лицо его оставалось бесстрастным. Помогло то, что это был не первый убитый им человек. *«Что бы я ни чувствовал, — яростно сказал он себе, — это не убийство».*

Стражники оттащили тело в сторону и накрыли грубой, темной мешковиной — никаких дорогих тканей для этих людей. Когда окровавленный камень опустел, Форан кивнул следующей паре.

После первых трех ему легче стало сдерживать тошноту. Он научился с такой скоростью опускать меч, что большую часть работы выполнял вес его тела. И только раз пришлось ему нанести второй удар, когда септ Сил Холда слишком энергично вырывался из рук стражников, и под удар меча попало его плечо.

Форан ждал, когда унесут очередное тело, и Тоарсен принес чистую влажную ткань и вытер лицо императора от крови и пота; и это тоже Форан тщательно отрепетировал заранее.

Он не хотел, чтобы септы видели безумца, опьяневшего от крови; перед ними император, готовый убивать, чтобы защитить империю, человек, чьей силы следует бояться.

Наконец упало последнее тело.

— Именем Форана императора приговор приведен в исполнение. Да будут тела сожжены и развеяны по четырем ветрам. Пусть никто не сможет воспеть их путь к столам богов. Да будут забыты их имена.

Форан так никогда и не узнал, кто произнес эти слова. Должен был произнести он — он сам их написал, но он говорить не мог. Вытер меч об одежду последнего казненного и вернул его Тоарсену.

Не глядя по сторонам, Форан вышел из зала. Кисел, второй капитан императорской гвардии, и Авар, септ Легея, шли за ним почетным караулом.

Выйдя из зала, Форан пошел быстрее, продолжая по возможности сохранять императорское достоинство. Он был благодарен сопровождавшим его людям: они не сказали ни слова.

Оказавшись в своих апартаментах, Форан схватил миску, подготовленную заранее как раз для этой цели, и его вырвало. Закончив, он вытер лицо, прислонился к ближайшему столбу и прижал лоб к холодному камню. Он хотел остаться в одиночестве. Хотел оказаться где угодно, только не здесь.

Авар протянул ему чашку с водой.

Форан прополоскал рот и выплюнул воду в миску.

— Ты был прав, — сказал Авар. — Я ошибался. Ни один из тех, кто находился в зале, никогда не забудет происшедшее.

Форан хотел забыть, но знал, что не сможет. Авар прав.

Кто-то коротко и энергично постучал в дверь.

— Входите, — сказал Форан, узнав стук.

Вошли септ Геранта и брат Авара Тоарсен. Тоарсен по-прежнему держал меч, но в ножнах и на плече.

«Вероятно, глупо, — подумал Форан, — что из четырех человек, которым я полностью доверяю, хорошо знаю только одного». Бессознательное оружие в руках мастеров Пути, стремившихся ослабить и поработить императора, Авар был первым проводником, а затем и собутыльником Форана. Однако он так и не достиг вершин разложения, которых достиг

сам Форан. Как в золотой монете, упавшей в грязь, в его друге было что-то чистое и сверкающее, и запачкать это оказалось невозможно.

Еще месяц назад Форан знал брата Авара Тоарсена и лучшего друга Тоарсена Кисела по случайным встречам в коридорах дворца. Оба обладали отличной репутацией, и судя по тому, что он узнал за последний месяц, их репутация как смельчаков была, пожалуй, преуменьшена.

Он также знал, что обоим можно полностью верить. Они принадлежат ему, они дар ему от Таерагана из Редерна — а может, он сам был дан им в качестве дара: Форан не был вполне уверен.

А вот септ Геранта был определенно даром Таера. Герант так редко приезжал в Таэлу, что Форан не был уверен в том, что тот с ним знаком, пока Герант не явился по вызову Форана — Форан написал ему по совету Таера.

Прежде чем Герант прибыл, Форан представлял себе состарившегося Авара — рослого, харизматичного, физически сильного — особенно после того, как прочел о победах Геранта над Фаларном двадцать лет назад. Но Герант оказался не гигантом и вообще не походил на героя.

Он меньше среднего роста и выглядит на десять лет моложе своего возраста. Одевается не роскошно и слушает больше, чем говорит. Вначале Форан считал его правдивым и верным человеком, но того типа, который долго думает, прежде чем действовать. И он оказался прав — только Герант думал гораздо быстрее других. Герант понравился бы дяде Форана, а лучшей похвалы Форан не знал.

— Ты хорошо это разыграл, — сказал Герант.

Форан сделал глоток воды.

— Дайте мне десяток девственниц, и я завершу шоу.

— Пропустив завтрак, он всегда в дурном настроении, — заметил Авар.

— Хорошо, что не было еще двух или трех, — продолжал Форан. — А то я бы начал колоть их, а не рубить головы. Может, следовало взять топор?

Авар подошел к кувшину и налил эля в пять приготовленных кубков.

— Немного эля, господа? Когда он такой, с ним невозможно разговаривать.

— Это трудно, — сказал Герант. — Куда легче убить ублюдка с ножом у твоей глотки, чем хладнокровно убивать плачущего и дрожащего.

— Я бы сделал это за тебя, — сказал Тоарсен.

Черты лица, которые делали Авара образцом мужской красоты, превращали Тоарсена в веселого пьяницу — если не смотришь ему в глаза.

Приходилось ли Тоарсену убивать связанных людей, не способных сопротивляться? Форан не спрашивал: не хотел знать.

— Отвратительное дело. — Кисел ослабил воротник капитанской формы и принял кубок. — Мне больше нравится убивать, когда тебя самого стараются убить, — продолжал он, очевидно, отвечая на невысказанный вопрос Форана. Впрочем, сказать трудно: у Кисела своеобразное чувство юмора.

Кисел — второй сын септа Сил Холда. Когда Форан решил ему не присутствовать на казни, Кисел предложил держать септа, когда император нанесет удар. Похоже, он совсем не любил отца.

Сделав большой глоток, рослый мужчина расслабился в своем обычном кресле. За последние несколько недель личные апартаменты императора превратились в помещение военного совета.

— Теперь они будут бояться тебя, Форан, — сказал Герант. — Но и уважать.

— Я наблюдал за Горришем, — сказал Тоарсен. — Хладнокровный тип. Не испугался, и шоу не произвело на него впечатления. Если бы он был коддуном, ручаюсь, император уже лежал бы в гробу в пышном облачении.

Авар кивком поддержал брата.

— Знаю. Я тоже это видел. Что-то с ним придется делать.

— Его нужно убить, — согласился Герант, отыскав небольшую скамью и сядя на нее. Для него было приготовлено мягкое кресло, и это забавляло Форана: Герант любил простую мебель. — Плохо, что не нашлось достаточно улик против него.

Форан мрачно улыбнулся и сменил стакан с водой на кубок с элем.

— Он был слишком занят управлением Советом за Теллериджа, чтобы часто самому появляться внизу. Слуги Пути

знали, но я не хотел подвергать их тому наказанию, которое накладывают на слуг, свидетельствовавших против хозяев.

Он сел на свое место, небрежно перебросив ногу через ручку. Общество успокаивало его, позволяло думать о чем-либо ином, кроме крови, забрызгавшей его одежду.

— Кстати, это напомнило мне, — сказал Герант, — что я пообещал Таеру присматривать за тобой, но ты делаешь эту задачу очень трудной. Если бы Авар и Кисел не догадались пойти за тобой, ты отправился бы по залам в одиночестве. Ты должен был подождать и взять с собой охрану. Твои действия сегодня делают тебя целью — и не только для членов Пути, сумевших скрыться, но и для любого септа или купца, который считает, что его дела шли лучше, пока ты пьянствовал и гонялся за шлюхами, а не занимался государственными делами.

— Император слишком долго гонялся за шлюхами, — сухо ответил Форан. — Нам всем необходимо время, чтобы приспособиться. Я постараюсь не забывать брать с собой охрану.

— Мы с Киселом выбрали несколько надежных людей из императорской гвардии, — сказал Тоарсен, и Форан понадеялся, что он не заметил, как подмигнул Авар. Вполне вероятно, что среди императорских гвардейцев вообще не найдется достойных доверия. — Они днем и ночью парами будут дежурить у твоих покоев.

Герант потер лицо: он тоже был знаком с императорскими гвардейцами. Он проводил утренние тренировки (которые посещал Форан), предоставив вечерние капитанам.

— Но среди них не найдется и десятка, которым я бы доверял.

— Они будут дежурить по двенадцать часов, — сказал Тоарсен. Форан заметил, что он не стал спорить с оценкой Геранта. — И мы с Киселом тоже будем дежурить в свою очередь.

Герант покачал головой.

— Смены слишком продолжительные. И, выбирая немногих, вы говорите остальным, что они непригодны. Составьте пары: один больше внушающий доверие, другой меньше. Смены сделайте трехчасовыми. Если смена дольше трех часов, охранник становится неэффективен.

Одно из преимуществ общества этих людей, думал Форан, в том, что они могут бесконечно спорить, позволяя ему подумать о действительно серьезных проблемах.

— Пусть дежурят здесь, — сказал он.

Герант приподнял бровь.

— Они все дворяне, — с легкой улыбкой сказал Форан. — Выросли в благородных семьях. Знают, какой вилкой что есть — вероятно, лучше меня. Конечно, из них плохие охранники, потому что они не для этого предназначены. Они будут составлять мне компанию, а охранять двери мы поставим дворцовых стражников. Ведь мы сможем найти несколько дворцовых стражников, которые не ударят меня в темноте в спину за то, что я повесил их капитана. Найдите тех, кого он чаще наказывал.

Авар фыркнул.

— Здорово придумано. Доверить охрану императора худшим дворцовым стражникам.

— Вот оно, — неожиданно сказал Герант. Форан заключил, что Герант согласен скорее с ним, чем с Аваром. — Вот чего нам не хватало. Мы сделаем императорскую гвардию чем-то отличным от дворцовой стражи и армии. Эти люди не подходят для службы охранниками.

— Я благородного происхождения, — сказал Тоарсен. — если кто-нибудь оденет меня в мундир и будет ожидать, что меня не будет видно никогда, за исключением тех моментов, когда он рывкает мне свой приказ, я буду этим недоволен. — Он улыбнулся, и на этот раз его глаза тоже загорелись. — Если подумать, то именно так обращались с нами Хищники. И посмотрите, к чему это их привело.

— Это не значит, что мы не будем их учить или наказывать, — сказал Форан Авару, который выглядел недовольным. — Как раз наоборот, я думаю. Таер говорит, что все они опытные фехтовальщики. Мы разыщем специалистов и обучим их владеть ножами, дубинами, использовать грязные приемы — все, что они сами смогут придумать. По мнению Таера, им нужно почувствовать, что их ценят. — Он понимал, что это значит. Эти молодые люди ищут цели; он сам недавно был таким.

— Значит, ты дашь им возможность почувствовать, что их ценят, — сказал Кисел — И тогда они будут тебе верны.

Форан покачал головой.

— Я действительно нуждаюсь в них, Кисел. И мне нужно только показать это им. Они не заменят дворцовую стражу — я надеюсь, в этом не будет необходимости, но если это потребуется, я найду замену страже в другом месте. Они нужны мне как мои глаза и уши, как руки и ноги. — Его постепенно охватывал энтузиазм. — Посмотрите, сколько неприятностей в городе у стражи с купцами и мелкими дворянами. Теперь им придется иметь дело с императорскими гвардейцами — благородными дворянами, людьми высокого положения. Их будут уважать, будут слушаться.

— Благородные дворяне, — сухо заметил Авар, — которые совсем недавно были ворами и вандалами. Возможно. И сколько твои капитаны нашли среди них достойных доверия? Четырнадцать?

— Десять, — сказал Кисел. — Включая Тоарсена и меня.

— Благородные дворяне, которые служат императору, недавно бывшему пьяницей и неудачником, — сказал Форан. — Я очень надеюсь на такую перемену — а если ты не надеешься, то притворись, что надеешься, иначе ты оскорбишь Нас.

Авар улыбнулся.

— Хорошо. Но ты должен постоянно держать возле себя хотя бы одного из капитанского списка достойных доверия.

Герант усмехнулся.

— Сработаются. Думаю, Форан получит то, чего хочет. Так всегда бывает с людьми, которые достаточно долго общаются с Таером. Они начинают ждать чудес — и обычно их получают.

— До того как приехать сюда, милорд, — сказал Кисел, — ты не видел Таера с войны с Фаларном. Ты всегда отзываешься на призывы простых солдат, служивших под твоей командой двадцать лет назад?

Герант улыбнулся и пригладил усы.

— Я ответил на призыв императора, парень. Не пугай.

Форан наклонил кубок в сторону Геранта.

— А говорят, ты не играешь в политику.

Герант снова издал смешок.

— Говорят не так. Говорят, что я не люблю политиков. — Киселу он сказал: — Но я понимаю твой вопрос. Мы с Таером не виделись с окончания войны, но за двадцать лет обмена-

лись двумя-тремя письмами и... — Он покачал головой. — Ты ведь видел Таера. Я доверял его суждениям не меньше, чем своим, иногда больше. Думаю, если бы я вообще ничего о нем не слышал, после того как он покинул Герант, я все равно приехал бы по его вызову.

— Я тоже это понял, — заметил Форан. — Что-то в нем заставляет делать то, что он говорит. Не знаю, что это такое. Иногда такое бывает с Аваром. Но Таер и ты носите это на плечах, как мантию.

Герант склонил голову.

— Спасибо. Мне над этим пришлось поработать. А Таер такой с того времени, когда он мальчишкой вел за собой людей вдове старше и опытней, и ни один в нем не усомнился.

Тоарсен рассмеялся.

— Путь не знал, кого помещает к нам, верно, Кисел? Видимо, они надеялись, что мы будем издеваться над ним, как над тем беднягой Странником, что был до него. Вместо этого Таер взял нас и превратил в оружие императора.

Он кивнул Форану, и тот, подтверждая, поднял кубок.

— Смотрите, чтобы вы хорошо ему служили, — сказал Авар.

— Говоря о службе, — решил сменить тему Форан, — мне нужен наследник.

Авар улыбнулся ему.

— И у тебя уже есть леди на примете?

Форан закатил глаза.

— Авар, не будь таким дураком. Любая жена, которую я взял бы прямо сейчас, скорее всего, зарезала бы меня во сне. С кровным наследником придется подождать, пока у меня будет больше союзников, чем сейчас. К тому же ребенок будет бесполезен. Он слишком уязвим.

Он отпил из кубка, позволив всем молча обдумать его слова, потом сказал:

— Если у меня будет законный наследник, взрослый наследник, первой мыслью моих врагов не будет: «...если бы Форан упал с лошади... или со ступеней лестницы, мне бы не пришлось из-за него беспокоиться».

Герант понял, но Форан видел, что Тоарсен и Кисел еще размышляют.

— С появлением наследника я не становлюсь менее уязвимым, — пояснил Форан. — Просто мое убийство не принесет пользы, особенно если с наследником будет больше неприятностей, чем со мной.

— С теми, у кого, как у Горриша, есть причина для личной вражды, это не поможет, — сказал Авар. — И если позволишь сказать, этим ты очень многих оскорбишь, Форан. Однако политические враги действительно будут меньше думать об убийстве как о возможном решении. Ты уже выбрал наследника?

— Тебя, — ответил Форан и едва не рассмеялся, глядя на лицо Авара. Авар не дурак, но иногда нужно схватить его за плечо и заставить посмотреть, чтобы он увидел нападающего на него вепря. — Послушай, кто еще может им стать? Твоя мать — двоюродная сестра моей; именно поэтому твой отец стал регентом, когда умер мой дядя. Ты самый близкий мой родственник — ты и Тоарсен.

— Я не хочу быть Фораном Двадцать Седьмым, — совершенно серьезно сказал Авар.

— Не становись. — Форан откинулся и допил эль из кубка. — Следуй моему примеру и включи самого первого Форана. Ты сможешь стать Фораном Двадцать Восьмым. Или, насколько меня это касается — ведь можно предположить, что, когда ты унаследуешь престол, я буду мертв, — можешь стать Аваром Первым.

— Я не это имел в виду, — нетерпеливо сказал Авар. — Ты знаешь. Я не хочу занимать твое место.

— Конечно, — согласился Форан. — И для меня это самая веская причина сделать тебя наследником. Послушай, все в порядке. Надеюсь, тебя сменит ребенок какой-нибудь несчастной женщины, которую заставят за меня выйти. Но до того времени мне нужен наследник, и ты им станешь.

Авар упрямо выпятил свой красивый подбородок.

— Не стану, и ты меня не заставишь.

Тоарсен улыбнулся и поднял кубок.

— Впервые слышу, чтобы он говорил как капризный мальчишка. За это тебе спасибо — трудно расти рядом со старшим братом, который само совершенство.

— Послушай, Авар, — уговаривал Форан. — Бремя империи тяжело, оно глубиной в двадцать семь императоров. С са-

мого первого Форана мы защищали наш народ и служили ему. На чью еще твердую руку могу я положиться, чтобы обеспечить целостность и безопасность империи?

— Геранта, — ответил Авар.

Герант покачал головой, а Форан ответил:

— Герант мне не родственник, даже если проследить на десять поколений в прошлое. Совет должен одобрить назначение, прежде чем о нем объявят.

— Не спорь, милорд, — мягко сказал Герант. — Каждый должен служить императору и империи как можно лучше.

— Ну хорошо, — согласился Авар, выглядя при этом очень расстроенным.

Решив, что нужно поторопиться, пока Авар снова не начал возражать, Форан вскочил на ноги.

— Сейчас отыщем моего писца и посмотрим, приготовили ли он документы. Нам потребуются свидетели.

— Ты приказал заранее все написать?

Форан улыбнулся Авару.

— Я знаю тебя, мой друг. Ты никогда не отказывался от выполнения долга.

У Форана был новый писец. Прежний, обязанности которого были гораздо легче, чем у писца настоящего императора, тем не менее оказался одним из тех, кого в ближайшую неделю повесят на торговой площади.

Форан подобрал нового писца с помощью хранилища архива, который не очень хотел потерять лучшего работника. В неиспользуемом крыле дворца Форан отвел писцу несколько комнат с тайным проходом в библиотеку, где молодой человек мог работать днем. Император потребовал, чтобы дело хранилось в тайне, пока он в присутствии свидетелей не подпишет документы.

Идя в помещения нового писца, Форан не в первый раз гадал, о чем думали его предки, возводя этот дворец. В неиспользуемых комнатах могли процветать небольшие цивилизации, и никто бы этого не заметил. Поскольку дворец строился в течение многих поколений, точного его плана не было.

Они поднялись на третий этаж, миновали два зала, потом снова спустились, прошли через несколько небольших дверей

и оказались в галерее, с которой через перила можно было увидеть в трех этажах ниже пруд. Возвышение посредине пруда, очевидно, было фонтаном, хотя каменные рыбы этого фонтана давно сухие.

Пруд, очень глубокий — однажды Форан попытался измерить его глубину шестом, но шеста не хватило, — и широкий — в нем вполне мог плавать небольшой кит, — весь затянут пеной, и на галерее неприятно пахнет рыбой, несмотря на то, что с открытого потолка наверху идет свежий воздух.

— Ты поместил своего писца сюда? — спросил Авар. — Что он тебе сделал?

— Это кратчайший путь, — объяснил Форан. — И если перестанешь стонать, мы вскоре будем на месте.

— Вот, оказывается, почему раньше держали голубей в картинной галерее.

Кисел заслонил рукой глаза, защищая от яркого солнца после полумглы переходов.

— Я раньше этого не видел, — сказал Тоарсен, наклоняясь через перила. — А ведь я исследовал этот дворец годами. Как я мог не видеть этого? Ты видел основание фонтана?

— Свались, и тебе можно будет не беспокоиться о фонтанах. У Форана есть все карты дворца, — сказал его брат. — Он знает множество необычных мест.

— Вовсе не все карты, — возразил Форан. — Если действительно все, в них многое упущено.

Тоарсен изогнулся так, что на перилах оказалась его спина, а не живот, и посмотрел вверх.

— Еще три этажа вверх? Как это выглядит снаружи, Форан? Мы в Северной, Центральной части или...

Звук открывающейся двери заставил Форана повернуться, и он успел увидеть выбегающих из двери вооруженных людей.

Сначала он даже глупо удивился, что они здесь делают — в масках и размахивая мечами, но тут Герант крикнул:

— Убийцы!

Авар дважды издал боевой клич, чтобы известить всех, кто может случайно услышать, что на них напали. Но на спасителей надежда слабая — Форан в последнее время много раз проходил этим путем и ни разу не встретил ни одного челове-

ка. И даже если кто-нибудь услышит, шансы на то, что он присоединится к императору, а не к нападающим, пятьдесят на пятьдесят.

Кисел и Тоарсен обнажили мечи, но все остальные были безоружны. Что глупо, осознал задним числом Форан, ныряя под меч нападающего и подставляя бедро ему под ногу. Короткий толчок, и человек упал навзничь, как и пообещал Герант, демонстрируя накануне этот прием во время утренней тренировки.

Прием сработал, но Форан не мог воспользоваться преимуществом: пришлось уклоняться от следующего нападающего. Вырвать меч у упавшего он не успеет.

Словно ниоткуда возникло сверкающее лезвие и со змеиной быстротой устремилось к его животу. Форан со странной отчужденностью наблюдал за ним, понимая, что спасения нет. Он знал, что умрет, еще до того, как меч коснулся его.

И меч уже почти тронул его одежду, когда отскочил назад и упал на пол вместе с державшим его человеком. За упавшим стояла знакомая черная фигура, которую Форан надеялся никогда больше не увидеть.

Со смесью облегчения и ужаса Форан смотрел на Память, которая стала гораздо материальнее с их последней встречи. Она ответила на его взгляд — а может, он это просто вообразил, потому что никаких глаз у нее никогда не видел. Значит, она продолжает его преследовать.

Но она должна была исчезнуть. Целительница-Странница сказала, что, когда люди, виновные в смерти Ворона, умрут, призрак исчезнет. Форан был совершенно уверен, что больше ее не увидит. И действительно не видел с того самого вечера, когда погибли мастера Пути, колдуны, убившие Ворона и высвободившие его Память, связанную с единственным свидетелем убийства — с ним, Фораном.

Похожая на человека в абсолютно черном плаще, укрытого с головы до ног, Память переходила от одного нападающего к другому. Она стала гораздо вещественнее, но никто, кроме Форана, вначале как будто не замечал ее. Ее могут видеть только он и Странники.

Но если она по-прежнему рядом, почему не кормится каждую ночь его кровью? А если не нуждается в этом, почему защищает его?

Форан видел, как один за другим падают все нападающие. Несколько погибли от рук людей. Герант и Авар сумели вооружиться, а они оба выдающиеся фехтовальщики. Но гораздо больше убила Память.

Сложив руки на груди, Форан наблюдал, как сражающиеся с обеих сторон постепенно осознавали, что присутствует еще один убийца. Нападавшие попытались бежать, но Память оказалась быстрее.

Форан мельком подумал, а что видят другие? Для него самого умиравшие становились почти невидимы, Память окутывала их чернотой, пока они, обескровленные, не падали. Тоарсен и Кисел перестали сражаться и встали рядом с Фораном.

— Все в порядке, — сказал он им. — Она меня не тронет.

Это даже забавно, потому что шрамы от укусов Памяти по-прежнему покрывают его руки. И тем не менее он знал, что она его не убьет. Не может. Если умрет он, с ним умрет и она.

Память обратила свой безглазый взгляд на Форана.

Вставая между нею и Фораном, Авар приглушенно спросил:

— Что это, Форан?

— Она меня не тронет, — повторил Форан. Никто не может увидеть ее, только он сам и Авар. И вспомнил, что раньше Память никогда не появлялась в присутствии Авара — может, знала, что Авар ее видит?

Но остальные видели, как падают люди, они поймут, что это магия. Магия, связанная с императором.

— Я сегодня получила питание, — сказала Память, не обращая внимания ни на кого, кроме Форана. — Я отвечу на один твой вопрос. Выбирай.

Почему ты не ушла? Если не умерла вместе с гибелью Пути, почему не появлялась? И почему вернулась сейчас?

Но задал он более важный вопрос.

— Кто-нибудь еще видел это?

Память посмотрела вверх, и Форан проследил за ее взглядом. Двумя этажами выше он увидел маленькую фигурку, настолько закутанную в какие-то тряпки, что трудно было сказать, мальчик это или девочка. Как только ребенок понял, что его заметили, он метнулся в сторону и исчез.

В бесконечных незанятых помещениях дворца может скрываться любое количество бездомных. Просто не повезло, что один из них нашел убежище именно здесь.

— Мне необходимо его устранить? — спросила Память. — Он представляет для тебя опасность?

Искушение. Но Форан покачал головой и солгал:

— Никакой опасности для меня нет. Можешь идти.

Память слегка поклонилась и растворилась в пустоте.

Когда она исчезла, Форан посмотрел на своих людей. «Нет смысла скрывать», — устало подумал он. Возможно, только Авар увидел Память — но невозможно отрицать разбросанные по полу тела.

— Это то, что Странники называют Памятью, — сказал он. — Один из их магов был убит мастерами Пути, и я стал тайным свидетелем этого. Мастера защитились, поэтому Память прикрепила ко мне. Ей необходимо отомстить колдунам, убившим Ворона, и мне казалось, она это сделала, когда убила мастеров, когда пал Путь; но, похоже, это не так.

Существует старый непреложный закон, созданный еще тогда, когда следы правления Безымянного короля — опустевшие города и бесплодные поля — были видны повсюду в империи: император не может быть связан с магией. Дни, когда император обязан был носить в короне на лбу Камень Форана, давно прошли. Но Форан носил камень на лбу, когда проехал через всю Тазлу накануне коронации, как сделал до него и его отец. Если потребует кто-нибудь из септов, император, присутствуя на заседании Совета, должен будет надеть корону с этим камнем.

Но Форан знал — знал, потому что проверил, — что камень потускнеет, пока император связан с Памятью. Он не будет таким ясным и чистым, как всегда. И если об этом узнают септы, Форан будет казнен.

Авар сказал:

— Если оборванец кому-нибудь скажет, по всему дворцу разойдется, что у императора есть чудовище, убившее его убийц.

Форан ждал, что скажут остальные.

Тоарсен нагнулся и сорвал с одного из убитых маску. К облегчению Форана, тело не съежилось и не высохло, как тела убитых мастеров.

— Прежде всего нужно избавиться от этих тел, — сказал Тоарсен. — Если их увидят, поймут, что их убил не человек.

— Я думал, колдунов убил сын Таера, — сказал Кисел.

— Нет, — ответил Форан. — Это была Память. Таер солгал, чтобы спасти меня.

Авар кивнул.

— Если поможете, господа, мы сбросим их в пруд. На них доспехи, они помешают телам всплыть. К тому времени как их отыщут, странности можно будет объяснить пребыванием в воде.

Тоарсен и Авар сбросили первое тело, за ними Герант и Кисел второе. Потом стал помогать и Форан — он старался не смотреть, как они падают в воду.

— Хорошо, что пруд большой, — сказал Кисел, наклоняясь за следующим телом. — Пройдут десятилетия, прежде чем их найдут. Если вообще найдут.

— Никакого восстановления фонтана, — с деланной печалью сказал Тоарсен.

— Придется пересмотреть решение об охране твоих покоев дворцовой стражей, — сказал Авар. — Заметил, что у большинства форменная обувь? Знакомых лиц я не вижу, но думаю, они все из дворцовой стражи.

— Итак, — сказал Форан, когда закончили, — я полагаю, никто из вас не решил, что вам нужен новый император.

Герант потрепал его по плечу.

— Этот закон не рассчитан на такую ситуацию. Мы тебе поможем.

— Пройдет несколько дней, прежде чем начнутся сплетни, — сказал Авар. — И даже тогда ничего определенного не будет. У этих оборванных детей нет никаких контактов с септами. Все будет подниматься наверх через слуг.

— Если невозможно вообще избавиться, неважно, сколько времени займет распространение слухов, — сказал Форан. — Когда это начнется, септы потребуют, чтобы я доказал, что не затронут колдовством. И у меня не будет оснований им отказать — кроме одного: я не пройду это испытание.

— Камень может быть украден, — сказал Тоарсен.

Форан покачал головой.

— Вот что мы сделаем. Герант, Авар и я немедленно отправимся к моему писцу. Авар может унаследовать империю

несколько раньше, чем я предполагал. Кисел и Тоарсен, я хочу, чтобы вы отправились к моим гвардейцам и приказали готовиться к немедленному выступлению. Отберите несколько самых доверенных, чтобы они были моей личной охраной. Я уезжаю завтра рано утром. Герант, я думаю, тебе нужно взять остальных Вороб... — он вовремя поправился — императорских гвардейцев к себе домой и начать тренировать их. Я не брошу их здесь, а остаться не могу. Я позабочусь, чтобы тебе выплатили достаточную сумму...

— В этом нет необходимости, — ответил Герант.

Форан помахал рукой.

— Спасибо, но они мои, и я должен платить за их размещение и подготовку. — Он перевел дыхание. — Я направляюсь в Редерн. Надеюсь, Таер и его супруга Странница будут там и сумеют мне помочь. Если нет, я пошлю сообщение, и мы подделаем мою смерть. У меня нет желания быть обезглавленным: я недавно вблизи наблюдал этот процесс, и он мне не понравился.

— Ты не можешь уехать, — сказал Авар. — Если ты не будешь сдерживать сплетни, то, прежде чем ты вернешься, тебя объявят Черным или еще кем похуже, и этого тебе не пережить.

— Я закрою дворец, — объявил Форан. — Выселю всех дворян и их семьи на шесть месяцев, пока рабочие переделают зал приемов. Обновление. — Он кивнул Тоарсену, который подал ему эту идею. — Завтра к полудню они уедут.

— Это нелепо, — сказал Авар. — Зал приемов не нуждается в срочной переделке — все будут гадать, почему ты не предупредил хотя бы за месяц.

Герант неожиданно засмеялся.

— Ему больше ничего не нужно объяснять. Они решат, что император решил обыскать помещения в поисках улик против них — а среди них достаточно виновных, чтобы всполошиться. Все решат, что это вполне соответствует характеру императора, который только что лично обезглавил тринадцать правящих септов. И их больше будет беспокоить уничтожение улик, чем поиски местопребывания императора.

Кисел кивнул:

— Он прав.

Форан поклонился.

— Если я не смогу справиться с этим за шесть месяцев, будет поздно.

— Итак, мы с тобой берем твою охрану и моих людей и... — начал Авар.

Форан покачал головой.

— Ты мой наследник, — сказал он. — Мы не можем находиться в одном месте. Я не могу взять с собой большую группу, потому что не буду путешествовать как император. Я буду сыном богатого купца. Остающиеся во дворце будут знать, что меня нет, но больше никому мы не скажем. Ты останешься и будешь руководить работами — или можешь отправиться с Герантом.

Авар раскрыл рот, собираясь возразить, но промолчал. Форан прав.

— У меня вопрос, — сказал Тоарсен.

Форан вопросительно приподнял бровь.

— Я не уверен, что смогу отсюда найти дорогу к помещению гвардейцев. Можешь показать дорогу?

Глава 9

Таер молча слушал, склонившись к столу и глядя на языки пламени в очаге. Наконец Форан закончил. Таер заметил, что теперь он держится и движется скорее как боец, а не как располневший придворный, каким видел его Таер в последний раз. Конечно, у него еще есть лишний вес, и лицо от этого кажется мягким, но теперь под складками одежды проступает рельеф мышц.

— Вижу, что Тоарсен и Кисел с тобой, а не в Геранте, — сказал он.

И заметил, что Тоарсен скрывает усмешку.

Форан улыбнулся.

— Я приказал им найти гвардейцев, которым можно доверять, и они решили, что больше всего доверяют себе. Герант и Авар занимают тренировками остальных Вороб... императорских гвардейцев... в ожидании нашего возвращения.

Улыбка исчезла с его лица, он подошел к очагу и оперся о каминную доску.

— Я приехал сюда, — сказал он негромко, — в надежде, что ты снова спасешь меня.

— Я мало что знаю о Памяти, — ответил Таер. — Возможно, поможет Сэра, а Лер завтра утром отправляется на поиски Брюидд.

— Кто это Брюидд? — спросил Тоарсен.

— Целительница из клана Странников, который помогал нам в борьбе с Путем, — объяснил Таер.

— Старуха?

Таер кивнул.

— Мы с ними расстались недалеко отсюда. Леру может понадобиться несколько дней, чтобы отыскать их. — Он немного подумал. — Брюидд говорила нам, что Память уходит, когда отомстит. Может, она считает, что еще не отомстила?

— Сбежавший колдун, — сказал Форан.

Таер кивнул.

— Черный. — Таер перед выездом из Таэлы рассказал императору о своих подозрениях, но Тоарсен удивленно взглянул на него. — Нам тоже не нравится, что он ушел. Если именно это удерживает Память, возможно, мы сумеем помочь. Мы сами его ищем.

— Черный? — хрипло спросил Тоарсен. — Он убит давным-давно.

— Не этот Черный, — сказала Сэра усталым голосом. — Не Безымянный король. Другой колдун, сумевший зачерпнуть силы из источника Сталкера. Кажется, у него не такая сила — и мы не знаем, почему.

— Вы уверены, что есть другой Черный? — спросил Форан.

Таер кивнул, но не сказал императору, что его уверенность основана почти исключительно на словах Эллеванала. Почему-то Таер считал, что Форан охотнее поверит, если он не станет слишком много объяснять.

— А кто такой Сталкер? — спросил Тоарсен.

— Вина Странников, — ответила Сэра. — Хотя я попросила бы тебя держать это при себе. Очень давно, еще до того, как появились Странники, существовал город колдунов. В нем жили маги, которые учились друг у друга и в большой библиотеке. Они были высокомерны и считали, что их огромная сила уберет их, когда занялись тем, что лучше не трогать.

— Они кое-что создали, — подхватил Лер. — Что-то такое, что не могли контролировать, несмотря на всю свою силу и знания. Поэтому колдуны пожертвовали своим городом и всеми, кто в нем жил, кроме самих себя, и сковали Сталкера. Затем, зная, что созданные ими пути несовершенны, выжившие колдуны поклялись сражаться с причиненным ими вредом, сколько смогут. Они стали Странниками, и Черный — одна из тех сил, с которой они сражаются.

Форан потер лицо, и Таер увидел на нем следы усталости.

— Значит, чтобы избавиться от Памяти, надо убить Черного?

Таер пожал плечами.

— Точно не знаю. А ты спрашивал Память?

— Она не показывалась с тех пор, как перебила нападавших на меня.

— Она не кормится от тебя? — спросила Сэра, расправляясь. — Это опасно, Форан. Если она по-прежнему привязана к тебе и перестанет кормиться, она рассеется.

— Но ведь это хорошо, верно? — спросил Тоарсен.

— Уходя, она заберет с собой императора.

Голос Сэры прозвучал резко, но Тоарсен как будто не обратил на это внимания.

— Когда она убивает несколько человек, какое-то время ей не нужно питаться. Маги могут таким образом кормить ее дольше, и так как колдуны убили Ворона, породившего Память, смерть колдунов дольше позволяет Памяти оставаться сытой.

Голос Хенны прозвучал спокойно и собранно, в нем не было ни следа усталости, как в голосе Сэры.

Заскрипел матрац, и из-за перегородки появилась Хенна. Волосы ее в беспорядке падали на плечи. И это делало ее по возрасту ближе к Ринни, чем к Сэре.

— Форан, ты помнишь Хенну? — сказал Таер.

Император кивнул.

— Конечно, Ворон.

— Ваше величество, — сказала Хенна так спокойно, словно на ней было роскошное придворное платье, а не тонкая ночная сорочка. — Ты можешь по желанию вызывать Память?

— Нет.

Форан много раз пытался ее вызвать всеми способами, какие только мог придумать.

— Хорошо, — сказала Сэра. — Она придет сама. Хенна, ты слышала рассказ Форана?

Хенна кивнула.

— А что из этого известно твоим людям, Форан?

— Тоарсен, конечно, знает все, Кисел тоже, — ответил Форан. — Остальным я сказал, что колдуны наложили на меня заклятие, и вы, — он обвел рукой всех присутствующих, — сможете мне помочь. — Он сжал губы. — Все я им не доверил.

— Меня всегда удивляло, что Путь сумел привлечь Руфорта, — сказал Таер. — Готов поставить жизнь на то, что он честен не меньше любого другого известного мне человека.

— В последние годы он успокоился, — сказал Тоарсен. — Но раньше у него был ужасный характер. Он приходил в таверну, выпивал, а потом устраивал драку с самым большим дураком, какого мог найти. Он перестал так делать после того, как Кисел надрал...

Форан кашлянул, и Тоарсен наклонил голову.

— Прошу прощения, дамы. Кисел его побил, и Руфорт перестал ввязываться в драки. Однажды он мне сказал, что человек со сломанной ногой лежит так долго, что может подумать о том, что он делает со своей жизнью.

Тоарсен помолчал, потом сказал:

— Они бы его скоро убили — Хищники и мастера Пути. Думаю, что уже пробовали убить. За несколько недель до того, как Таер привел нас, одного из Воробышков нашли мертвым в коридоре недалеко от комнаты Руфорта. Он был подлый парень, и никто о нем не пожалел, но Кисел, который увидел тело, говорил мне, что убил его рослый человек, как Руфорт. Мы об этом не задумывались, пока ты не показал нам, что Путь убивает больше Воробышков, чем предоставляет им статус Хищников.

— Иелиана я тоже плохо знаю, — сказал Таер. — Помню, он обычно молчит. И он один из лучших фехтовальщиков.

— Он хороший человек, — ответил Тоарсен. — В битве при Эйри он отлично проявил себя. Мало кому я бы доверил свою спину.

Он зевнул.

Сэра встала.

— Пора ложиться спать. Форан, займешь нашу комнату...

Но Форан отрицательно покачал головой.

— Нет, миледи. Так не пойдет. Я никогда не выгоню женщину из ее постели. Нам всем отлично подойдет амбар: постель из сена гораздо мягче всего, на чем мы спали целую неделю.

— Вам пришлось ехать быстро, — заметил Таер, — чтобы проделать такой путь за короткое время.

— Тоарсен знает все кратчайшие пути, а наших лошадей кормили зерном, — ответил Форан. Он сделал шаг к выходу и остановился. — Но ты не сказал, зачем посылаешь Лера за Целительницей.

— Я привез с собой подарок от мастеров, — ответил Таер. — Надеюсь, Брюидд с этим справится. Тебе не о чем беспокоиться. Джес, отведи их и устрой с остальными.

— Погодите, — сказал Джес. — Хенна, засыпая, ты попросила напомнить тебе о папе, картах и Колоссе. Ты сказала, что это важно.

Хенна нахмурилась.

— Не помню.

— Вспомнишь, — уверенно сказал Джес.

Лер закрыл глаза и подчинился ритму шага лошади. На такой лошади он еще никогда не ездил.

Акавит продал ее гораздо дешевле, чем взял бы с дворянина, но все равно это были такие деньги, каких Лер в жизни в руках не держал.

Кобыла слегка вздрогнула, и Лер открыл глаза, чтобы увидеть, что ее испугало. Ничего не увидел, но заметил повернувшиеся уши лошади. В лесу слева что-то есть.

Возможно, ничего, но они едут уже несколько часов, а на взлетевших фазанов и перепуганных кроликов лошадей внимания не обращала. Он попросил ее идти шагом; она протестующе взмахнула головой, но стала гарцевать. Каждый ее танцующий шаг говорил о том, что она не устала и это для нее слишком медленно.

Лер выдохнул — медленно, как учила его Брюидд. *Успокой сознание, парень. Пусть говорят твои чувства.*

И тут уловил запах, дикий и пугающий, запах чудовища, готового сожрать тебя, если не будешь внимателен.

— Джес, — сказал он, останавливая кобылу. — Что ты здесь делаешь?

Волк вышел из-под деревьев, как будто ждал, когда Лер его позовет. Кукуруза подняла изящную голову и наблюдала за ним, но не напряглась под руками Лера. Волк посмотрел на него темными глазами Джеса.

— Я не нуждаюсь в защите, — сказал Лер, отвечая на собственный вопрос.

Волк сел и почесал за ухом задней лапой, потом с коротким фырканием — словно чихнул — встал. Подошел к лошади, совершенно не обращая внимания на Лера, и обменялся с ней приветствием, потершись мордой о морду. И побежал, не оглядываясь, по узкой тропе.

— Черт побери, Джес, — сказал Лер. — Мне не нужна помощь.

Волк исчез за поворотом тропы.

— Впрочем, общество — это не так плохо, — сказал Лер кобыле.

Она фыркнула и, когда он переместил центр тяжести, перешла на легкий галоп. Лер улыбнулся и слегка стиснул ее бока ногами. Радостно махнув головой, она встряхнулась, как испуганный заяц. И когда они обогнали Джеса, тот весело взвизгнул и пустился в погоню.

Им потребовалось три дня, чтобы добраться до Колберна.

Как и говорили, город был обнесен стеной. Он казался меньше Легея, но Лер предположил, что такое впечатление создается из-за стены. В этом районе войн не было уже несколько поколений, и Лер думал, что въезд будет свободным. Но ворота были заперты, а над ними висели самодельные желтые флаги — ясное предупреждение гостям, что жители города сражаются с чумой.

Джес прижал уши и низко зарычал.

— Я тоже чувствую этот запах, — сказал Лер брату. Запах смерти — брошенных и разлагающихся тел. Он прикрыл воротником нос и спешил.

Кукурузу запах как будто не тревожил, но ведь ее готовили для охоты. Кровь и смерть не волнуют ее так, как большинство лошадей.

— Тебе лучше быть человеком, Джес, когда откроют ворота. — Говоря, Лер оглянулся через плечо — и увидел человеческое лицо брата.

— Мне нравится эта кобыла. — Джес потер щеку Кукурузы под потным недоуздком. — Она красивая.

Лер снова постучал в ворота, но никто не отозвался. Тогда он отошел на несколько шагов, разбежался, подпрыгнул и ухватился за верхний край ворот. Подтянулся, перебросил ноги, перекатился через ворота и приземлился на той стороне.

Двух- и трехэтажные здания на узких улицах вызывали клаустрофобию, и этому только способствовало полное отсутствие движения. Лер осторожно огляделся, но не увидел ни признака наблюдателей.

Он потянул тяжелый засов и открыл ворота.

— Я никого не видел, — сказал он брату. — Будь остороже.

Защитник слегка улыбнулся, оскалив зубы, и провел в ворота Кукурузу.

— Можешь определить, были ли здесь Странники?

Лер прошел по тропе вдоль ворот. Глубоко вдохнул воздух и присел, разглядывая землю. Потребовалось время, потому что за прошедшую неделю дождь почти смыл следы.

— Они здесь, — сказал он, возвращаясь к лошади. — Пришли, но не уходили.

Защитник оглянулся на тихий город.

— Я не уверен, что это хорошо.

Лер испытывал такое же чувство, но не хотел в этом признаваться. Попытался приписать тревожное впечатление, которое производил город, активности ордена Защитника, но если это так, почему ему так сильно хочется быть ближе к брату?

Лер смотрел на землю, полагаясь на бдительность брата и сосредоточившись на следах, оставленных Странниками. Так они двинулись по узким улицам.

Показался постоянный двор с коновязью, и Защитник схватил Лера за руку.

— Подожди немного, я хочу кое-что проверить, — сказал он и исчез за стойлами. И почти сразу вернулся.

— Все лошади мертвы, — коротко сказал он. — Убиты, но не болезнью. Судя по червям, мертвы уже около недели. Их не пытались свежевать. Есть и два человека. Один мертв от колотой раны, второй — от болезни. Я не подходил близко, чтобы посмотреть, давно ли они мертвы.

— Давай найдем Странников и уберемся, — сказал Лер, ускорая шаг.

Он не думал, что они найдут клан Ронжера Библиотекаря живым, но его все равно надо найти. Уж это-то он Брюидд должен.

Чем больше они углублялись в Колберн, тем сильнее становилось зловоние. Некоторые улицы были перегорожены баррикадами — тщетная попытка жителей не подпустить жертв эпидемии. Они видели стервятников-птиц, крыс, один раз одичавшую собаку, но ни одного человека.

Клан Ронжера они отыскиали на небольшой площадке, поросшей травой: горожане на таких пасли свой скот. Защитник наклонился к первому телу и принялся, не прикасаясь к нему.

— Мертвы около недели. Как лошади.

Лер склонился к женщине, лежавшей лицом вниз; светлые волосы напомнили ему мать. Как и остальные члены клана Ронжера, она умерла не от чумы. Странников убили люди, которым они пытались помочь.

Он коснулся волос женщины: пока не видит лица, она для него незнакомка.

— Кое-кто мог решить, что они переносят болезнь, как убитые лошади или кошки, собаки, куры и козы, которых мы не видели.

Он осторожно перевернул тело, словно опасаясь причинить боль. Он видел, как эта женщина готовила пищу иправляла одежду малыша, но не помнил ее имени.

Встав, он пошел между телами, составляя в памяти список погибших.

— Вот Бенрольн, — сказал он.

Судя по количеству мертвых горожан, лежавших вокруг, и по тому, как было изуродовано тело предводителя клана, Лер видел, что Бенрольн дорого продал свою жизнь.

— Исфейн, — сказал Джес странным голосом, и Лер оглянулся. Исфейн сторожил Джеса, когда его держали на фаундрейле.

— С тобой все в порядке? — спросил Лер.

Защитник кивнул.

— Мне казалось, я хочу, чтобы он умер, — сказал он и прошел к следующему телу. — Корс.

Они все мертвы: мужчины, женщины и — душераздирающе — дети. Рыжеволосые близнецы, всегда затевавшие проказы, лежали рядом с аккуратно перерезанным горлом. Ребенок, только начинавший ходить и виновато достававший палец изо рта, когда это видела мать, лежал мертвым комочком.

Среди мертвецов были и горожане. Несколько человек, вооруженных мечами, могли быть стражниками, но большинство орудовали дубинами и палками. *«Отчаянные люди решаются на отчаянные меры»* — один из афоризмов папы.

Лер отвернулся от мертвеца с ножом седельника в руке и едва не споткнулся о тело мертвой женщины.

Ее светло-голубые глаза выклевали вороны, но он узнал характерно очерченный нос и широкие губы. Играйна, которая с особой радостью командовала им и при этом флиртовала. Рядом кузнец клана. Лер не мог вспомнить его имя, но помнил застенчивую улыбку.

К тому времени, как они кончили, за Защитником на земле оставался след инея. Лер не мог понять, причина этого гнев или печаль. Не осталось ни одного человека, которого Защитник мог бы защитить или которому мог бы отомстить. И, судя по пустым улицам, люди, которые это сделали, тоже скорее всего мертвы.

Единственным, кого они не нашли, была Брюидд. Лер не мог сдержать полного надежды вздоха. Она, конечно, пыталась кого-то вылечить, когда безумие охватило горожан.

— Их слишком много, чтобы хоронить, — в отчаянии сказал Лер. — Но мы ведь не можем их так оставить.

Защитник посмотрел на тела.

— Я помню... поля битв, усеянные телами. Тела смелых солдат, которые заслуживали лучшей участи, чем стать падалью для стервятников. Идем, Лер. Со мной ты в безопасности.

Лер подошел настолько близко, насколько осмелился, так что от холода брата заныли пальцы, а от ужаса стало трудно дышать. Кукуруза тревожно прижала уши, но осталась рядом

с Лером. И в этот момент Защитник запел. Он издавал странный немелодичный звук, больше похожий на волчий вой, чем на песню.

У Лера заняло сердце, и по щекам побежали слезы, словно он ребенок не старше Ринни. Он знал этих людей: вместе с ними разжигал костры, сражался рядом с ними. И вот все они мертвы. Умерли, пытаясь спасти город, который убил их.

В ответ на песню Защитника земля задрожала под ногами.

Внезапной, почти причиняющей боль волной Лера охватила магия, у него зазвенело в ушах. Повсюду земля расходилась и поглощала тела: и Странников, и горожан, оставляя лишь перевернутую почву как память о похороненных.

Песня Защитника кончилась.

— Что... — начал Лер, но смолк и подставил плечо: брат, бледный и вспотевший, начал падать. Джес хрипло всхлипывал: Лер помог ему сесть на грубую скамью под небольшим кленом.

— Ш-ш-ш, — сказал он, склоняясь к брату и жалея, что не может больше ничего сделать. Но Джес, как только сел, отстранился, и Лер понял, что его прикосновение не приносит облегчения брату. — Они больше не чувствуют боли, Джес. Ничто не может причинить им боль.

Джес поднял темные глаза.

— Так много горя, — сказал он. — Брюидд поблизости. Мне кажется.

Лер вспомнил, что Джес эмпат.

Он встал и медленно огляделся. Если Джес ощутил боль Брюидд, значит, она еще жива. И тут он увидел маленький крытый фургон, который можно тащить руками или впрягать в него лошадь, — *кейрис* Брюидд.

Он вложил в руку Джеса повод Кукурузы.

— Подержи, — сказал он. — Ей, вероятно, тоже плохо, Джес.

Брат наклонился, прижавшись лбом к ноге лошади. Кобыла повернула голову и фыркнула в его рубашку.

Решив, что Джес справится, Лер направился к *кейрису* — стараясь не наступать на места, где земля сырая.

Открыв дверь, он почувствовал запах болезни. Брюидд занимала так мало места, что Лер вначале принял ее за груды тряпок на полу, пока она не шевельнулась.

— Ты пришел, мальчик, — сказала она. — Я боялась, что ты придешь слишком поздно, но потом услышала, как земля по призыву Защитника принимает своих детей. И тогда поняла, что вы здесь.

Он взял ее на руки и вынес на солнце, надеясь, что тепло ей поможет. Она выглядела так, словно с их последней встречи потеряла половину веса.

— Нам следовало отправиться с вами, — сказал он. — Ринни была в безопасности с тетей Алиной. Если бы мы пошли с вами, этого бы не произошло.

Она протянула руку, потрепала его по щеке, и он понял, что она ослепла.

— Кто знает, что случилось бы? Все уже записано, мальчик, и не тебе и не мне менять это.

— Брюидд? — Джес отошел от скамьи. Лер оглянулся и понял, что брату лучше. — Мы отвезем тебя домой, и мама будет суетиться вокруг тебя, как вокруг папы.

— Нет, мальчик, — мягко ответила она. — Я задержалась, чтобы поговорить с вами. Одна из моих способностей — предвидение. Слабый дар, но он сказал мне, что я должна ждать. Не печалься обо мне, Лер... — Она пальцем стерла слезу. — Я старая, старая женщина. Слишком старая, чтобы понять, что это за болезнь. Я должна была это понять: появился новый Черный.

— Но что произошло? — спросил Лер. Он перенес Брюидд на скамью под кленом и сел, держа ее на руках, словно защищая от кого-то.

— Я лечила, а они на следующий день возвращались в еще худшем состоянии. Это была чума тени, мальчик. Она убивала, чтобы Черный питался силой. Я знала, что искать, но забыла: ведь я слишком стара. А к тому времени, как все поняла, я была сама больна и полклана со мной вместе. Я лечила их, потом лечила себя, но было уже поздно. Лечение отняло больше, чем я могла дать, и теперь я умираю. Как умер весь город. Он убит тенью. Я видела это.

— Мама сказала, что Жаворонок не может видеть тень, — мягко сказал Лер.

Брюидд покачала головой.

— Может. Мы все можем немного, просто для нас, у кого нет глаз Охотника или инстинктов Защитника, это трудно.

У орденов много общего, хотя Вороны стараются доказать, что это не так.

— Черный убил город, — сказал Джес.

Брюидд кивнула.

— Да, тех, кто не убит ножом или дубиной. Теперь Черный в полной силе. Скажи матери, чтобы она опасалась его.

— Он человек? — спросил Лер.

Она покачала головой.

— Не знаю. Ничего не должна предполагать. Он может быть кем угодно. У вас есть ко мне вопросы. Достаточно важные, я думаю, чтобы я дождалась их.

Лер рассказал о попытках убийства, которые заставили Форана бежать из Таэлы.

— Память Форана не исчезла, — сказал Джес.

— Папа считает, что Память не покинет его, пока не будет уничтожен Черный.

Старуха снова кивнула.

— Если Память не ушла после смерти других, вероятно, это так. Но она стала сильнее, больше похожей на человека, которому когда-то принадлежала. Возможно даже, что и смерть Черного не освободит ее — как и камни орденов. — Она глотнула. — Скажи матери следующее. Память подобна камням орденов, но орден прикреплен в этом случае к Форану, а не камню. Это может ей помочь.

Она с минуту отдыхала, дышала неглубоко и медленно.

— Что еще? — нетерпеливо спросила она. — Было две проблемы. Я знаю.

— Папа, — ответил Джес. — Лер знает.

Лер сказал:

— Мама считает, что Путь каким-то образом ослабил связь между папой и его орденом. Она просила передать тебе, что видит дыры, как в ткани. И часть дыр она сумела заштопать.

— Правда? Как она это сделала?

— Она сказала, что вы убедили ее: один из камней, тигровый глаз, ей поможет. Ты знаешь, чье это было кольцо. — Он откашлялся. — Она говорит, что с помощью магии соткала пряжу, а орден Жаворонка стал иглой, и она с помощью своего ордена этой иглой штопала дыры. Имеет это для тебя смысл?

Брюидд издала странный звук, который испугал Лера; но он почти сразу понял, что она смеется.

— Изобретательное дитя, — сказала она, когда смогла говорить. — Ей повезло, что Жаворонок, наполовину захваченный этим камнем, не убил ее, пока она его держала.

— Мама говорит, что починка временная и долго не продержится. Она надеялась, что ты поможешь.

— Нет, мальчик, — ответила она. Она отняла руку от его лица, и он ощутил это как потерю. — Не смогла бы, даже если бы мне снова было двадцать лет. Я не могу касаться орденов, и ей тоже не следовало бы их касаться. Нет. То, что ей нужно, утрачено вместе с гибелью Колосса.

Лер ощутил, как по спине у него пробежал холодок.

— Оно все еще там?

Лер поднял голову, чтобы посмотреть на Защитника — но столкнулся с мягким взглядом брата.

— В Колоссе? — спросила Брюидд. — Не знаю.

Она с трудом дышала, и Лер покачивал ее на руках. Она была легкой, как ребенок.

Но вот ее дыхание успокоилось.

— Пока я ждала вас, мне снился Колосс. Раньше я никогда не видела такого сна. И ты там был. Ты, и твоя черная собака, и башня.

— Мы нашли карту Колосса, — сказал Лер. — В храме Пути в Редерне.

— Да, да, — с улыбкой сказала старуха. — Этот сон для тебя. Вот почему я ждала тебя. Чтобы сказать, что тебе нужно идти в Колосс. — Она помолчала и расслабилась. — Да. В этом все дело. Ты можешь не найти там ответа, но если не пойдешь туда, не найдешь никогда. — Сила, горячая и свирепая, ударила Лера, лишив его возможности дышать, и голос Брюидд прозвучал, словно колокол: — Если не найдешь в Колоссе, Таер погибнет, а голова императора будет украшать стену крепости его врагов.

Тело ее обвисло у него на руках, странная сила отхлынула и ушла, словно ее никогда не было.

— Брюидд? — прошептал Лер.

Он боялся, что она умерла, но она при звуках его голоса шевельнулась.

— Я еще здесь, мальчик. Скажи матери. Я думала об этих камнях орденов. Несколько дней назад мне пришла в голову

мысль. Я вначале не сочла ее важной, но если ты будешь в Колоссе, возможно, она тебе поможет.

Она закрыла глаза и несколько минут отдыхала. А когда снова открыла, цвет лица стал немного лучше.

— Традиция утверждает, что в библиотеках *мермори* нет ничего об орденах, и по опыту твоей матери, Хенны и по собственному я должна с этим согласиться. Ничего. Однако когда Старшие колдуны покинули город, принеся в жертву его обитателей, они смогли создать ордены. Магия *солсенти* — а магия Старших колдунов была отчасти магией *солсенти* — требует напряженного изучения и определенных форм. И все это следовало записать. Большая магия, такая, как ордены, магия, способная продержаться столетия, требовала огромной работы, дети мои. А над чем еще могли работать Старшие колдуны?

— Над Сталкером? — спросил Джес.

Брюидд кивнула.

— Это возможно, конечно. Но они знали, как создавать ордены, и должны были что-то об этом записать. Ворону много не потребуется. Существовала библиотека.

— Ронжер Библиотекарь, — сказал Лер.

Она кивнула.

— Скажи матери также это: если Таер потеряет свой орден, это погубит его. Тело его не умрет, если кто-то будет о нем заботиться, но орден заберет Таера с собой. И не оставит ничего. Ничего. Если это произойдет, тебе придется об этом позаботиться, Охотник. Твой отец будет мертв, и тело его тоже должно быть мертво.

Она снова закрыла слепые глаза и потрепала Лера по руке.

— Ну, ну. Я свое уже получила. И могу оставить проблему Черного тем, кто лучше подготовлен к ее решению. — Теперь она дышала так, словно дыхание причиняло ей боль. — В моем *кейрисе* есть мешочек. Отдай его матери, она знает, что это и что с ним делать.

— Ш-ш-ш, — сказал Лер. — Отдыхай.

Но она положила свою левую руку на его.

— Джес, — сказала она, протягивая свободную руку. — Иди сюда и возьми меня за руку. А теперь слушайте оба.

Но она ничего не сказала, только послала свою магию волной, горячее, словно обжигающей, но не до боли. Судя по удивленному выражению Джеса, он почувствовал то же.

— Теперь вы в безопасности, — сказала она наконец, слегка отдуваясь. — Чума не может вас убить или перейти от вас к кому-то еще. Лучшее, что я смогла сделать. Когда будете уходить, закройте ворота. Через две недели в город будет безопасно заходить. Убедитесь. Удержите людей.

— Я помню как, — пообещал Лер. — Я смогу на две недели удержать людей.

— Осторожнее.

— Как всегда, бабушка, — сказал он.

Она сжала его руку, но больше ничего не сказала. Немного погодя он почувствовал, что она уснула.

Пока Лер держал старуху на руках, Джес прибрал в *кейрисе*. Нашел где-то свежее постельное белье — брат не спрашивал где. После этого Лер положил старуху в *кейрис* и сел рядом.

Джес положил руку ему на плечо, потом вышел.

Когда солнце склонилось к вечеру, Лер вышел, чтобы заняться Кукурузой, но увидел ее расседланной, вычесанной и накормленной. Лошадь стояла в небольшом загоне, в котором, судя по размерам изгороди, держали коз. Джеса не было видно, поэтому Лер вернулся к Брюидд.

Она спасла его, когда он был тяжело ранен — до самой глубины души.

Он убивал людей. Набросился на них под покровом темноты и перерезал им горло, прежде чем они поняли, что происходит. Убивал хладнокровно, заранее планируя каждое движение. Это не была честная, равная борьба — он не мог этого допустить, потому что в опасности была его мать.

После этого Брюидд взяла его под свое крыло и научила, как быть одновременно Охотником и человеком, — и он был почти уверен, что она применила свое мастерство Целительницы к его душе. Под ее властными манерами и острым языком таилось доброе сердце.

— Вот, — сказал Джес.

Лер поднял голову и взял лепешку, которую протянул ему Джес. Она была из их мешков, а не из города. Лер немного откусил и проглотил.

— Где ты был?

— Искал живых, — ответил Джес, отводя взгляд. — Нам нельзя оставлять никого. Но здесь все мертвы. И люди, и животные.

— Я не оставляю ее здесь, — сказал Лер. Он не сказал, что Брюидд умирает и что передвигать ее жестоко. Джес это и сам знал.

— Я тебя подожду, — сказал его брат и сел рядом.

Брюидд так и не проснулась; где-то среди ночи, когда Лер задремал, она скончалась.

Джес отыскал лопату и помог Леру выкопать могилу под кленом. Лер плотно завернул тело в простыни и закопал.

Джес стоял рядом с ним, когда все закончилось.

— Где-то пролетел новый жаворонок, — сказал он. Ласково обнял Лера за шею, но тут же отпустил. — Надо уходить, пока не пришли другие.

Лер оседлал Кукурузу и пошел рядом с Джесом, ведя лошадь, пока они не дошли до ворот. Потом он отправил Джеса с лошастью вперед, а сам запер ворота. Изнутри забираться на ворота было легче, чем снаружи, и он спрыгнул на землю рядом с Джесом.

Потом прижал ладони к стене и вначале выполнил самую легкую часть работы. Стены строят, чтобы удерживать людей, и Лер подкрепил это их свойство. Теперь, пока энергия, оставленная им, не рассеется, никто не сможет преодолеть их. «А на это потребуется месяц или даже больше», — подумал он. Стены прочные; они не хотят пускать людей.

С воротами оказалось сложнее. К тому времени как он закончил, лошадь и Джес потеряли терпение.

— По крайней мере здесь только одни ворота, — сказал Лер, когда был удовлетворен своей работой. Об этом ему сказала стена.

— Стены и ворота, — сказал Джес. — Почему, Ястреб?

— Потому что Охотник расставляет ловушки. — Без труда поняв вопрос Джеса, Лер устало сел в седло. И похлопал лошадь по шее, извиняясь за свои неловкие движения. — Брюидд говорила мне, что изгороди, стены, двери, замки и ворота слушаются меня, потому что задерживают всех, поэтому на них влияет мой орден.

— Охотники ловят дичь в ловушки или загоняют в клетки, — задумчиво сказал Джес.

Лер направил лошадь на тропу, ведущую к дому, и сосредоточился на том, чтобы не упасть. Прошлую ночь он почти не спал, а магия, с которой он работал, отняла у него все силы.

— Мешочек, — неожиданно встревожился он. — Ты взял мешочек, который Брюидд хотела передать маме?

— Да, — ответил Джес. — В нем *мермори*. Ронжера Библиотекаря и остальные, которые были у Бенрольна. Их пять. Мама не обрадуется. Их у нее и так слишком много.

Солнце грело, и Лер почувствовал, что с трудом держит глаза открытыми. Веки горели, в горле жгло.

— Поспи, — сказал Защитник у плеча Кукурузы. — Мы с Джесом покараулим тебя. Ты больше ничего не можешь сделать.

— Я болен, — удивленно сказал Лер.

— Да, — подтвердил Защитник. — Отдыхай.

Глава 10

— Ты должна была пойти рыбачить с детьми, — мягко заметил Таер, не отрывая взгляда от фигурки, которую он вырезал.

То, что из «детей» — Хенны, Форана, его охранников и Ринни — только Ринни подходила под такое определение, не переставало делать их детьми Таера, и Сэра это знала. В эту категорию попадали все, о ком заботился Таер, кого он брал под крыло, включая Циро, современника деда Таера.

— Ты беспокоишься, как и я, — ответила она, поворачиваясь и идя в противоположном направлении. — Ты вырезаешь только в таких случаях.

Таер поднял ни на что не похожий предмет, который все утро вырезал ножом.

— Очевидно, с моей стороны это верное решение, — сказал он.

Сэра села рядом с ним на скамью на крыльце и положила на его руку свою. Вздохнула.

— У него два глаза, но правый слишком велик, а левый ниже правого.

— Это рот, — ответил Таер. Он поставил свое произведение на колени и взъерошил волосы жены. — Они уже должны были вернуться, даже если бы привели с собой весь клан.

— Только по карте, — напомнила она. — Никто из нас там не был. А на карты надежды нет.

За прошлую неделю такой разговор в разных вариантах происходил неоднократно. Этот — второй за утро, и теперь ее очередь указывать на те безвредные обстоятельства, которые могли задержать мальчиков. По крайней мере, она предполагала, что Джес отправился с Лером.

У их ног Гура подняла голову и посмотрела на тропу, по которой ушел из дома Лер. Сэра почувствовала, как ускорился пульс Таера. Ее тоже, но Гура перевернулась и подставила брюхо солнцу позднего утра.

Таер вздохнул.

— Ну, хоть Хенна их увела, так что Форан тоже не расхаживает взад-вперед. Для человека с репутацией лентяя и бабника он слишком уж долго сидит на месте. Мне казалось, у вас начнутся столкновения.

— Когда он неподвижен, кажется, что никогда больше не пошевелится, — сказала Сэра.

Таер рассмеялся.

— Уверяю тебя...

Гура вскочила и негромко рывкнула, глядя на тропу. Сэра тоже посмотрела на нее, но увидеть ничего не смогла, потому что тропа изгибается и исчезает на лесистом холме.

Таер прекратил вырезать и прошел на край крыльца. Поднял руки, закрывая глаза, как будто это помогло бы ему заглянуть за поворот. Гура замахала хвостом.

— Это мальчики, — сказала Сэра.

— Или остальные возвращаются с рыбалки кружным путем.

Несмотря на лаконичный ответ, Сэра слышала энтузиазм в голосе мужа.

Хвост Гуры завилял вдвое быстрее, и собака громогласно залаяла.

— Иди приведи их, — сказал Таер.

Второго приглашения не потребовалось: Гура вскочила и со всей скоростью бросилась по тропе. Таер широко облегченно улыбнулся Сэре, ожидая, когда сыновья покажутся из за поворота.

Но они не появились.

— Слишком долго, — сказал Таер, словно услышав мысль Сэры.

— Иди, — сказала она.

Он соскочил с крыльца почти так же быстро, как Гура, и побежал по тропе волчьим шагом: Сэра видела, как таким шагом он пробегал по лесу многие мили. Не осталось ни следа хромоты, и Сэра надеялась, что муж говорит правду, когда заверяет, что колени нисколько не болят. Но даже если болят, он не остановится, пока не найдет детей.

Сэра вошла в дом, достала хлеб, который испекла ночью, и принялась нарезать его и мазать маслом. Мальчики будут голодны; ее мальчики всегда голодны.

С ними все в порядке. Она повторяла это, как молитву.

Наконец дверь растворилась, и вместо спокойного приветствия, которое она сочинила заранее, Сэра сказала:

— Положи его на кровать. Ты нес его всю дорогу с холма?

Она стащила с кровати одеяло, чтобы мрачный вспотевший муж мог уложить сына в постель.

— Нет, это делала лошадь, — ответил Таер, помогая снимать с Лера грязную обувь и одежду. Лер при этом даже не шевельнулся. — Джес занят его кобылой.

Когда закончили, Таер помог Сэре укрыть Лера.

— Пойду и закончу дела с лошадью, — сказал Таер. — Джес выглядит ненамного лучше Лера, хотя он на ногах, но он не заставит эту проклятую кобылу ждать.

— Кое-кто научил его упрямству, — холодно сказала Сэра.

Таер устало улыбнулся и коснулся ее щеки.

— С ними все в порядке, императрица. Они просто устали. Успокойся.

Сэра ждала, пока Джес не прикончил похлебку и разогретый хлеб, потом сложила руки на груди и сказала:

— Рассказывай.

Джес слабо улыбнулся ей и при этом показался еще более усталым. И Сэра почувствовала себя виноватой за то, что подгоняет его. Вина всегда сердила ее. Даже когда для этого не было причин. Она подняла брови.

— Не знаю, с чего начать, — сказал он. Улыбка исчезла так же быстро, как появилась. — Клан Ронжера мертв. И город Колберн тоже. Лер запечатал стены, так что туда никто не войдет, пока это не будет безопасно.

Сэра села, стараясь держать спину прямой, а выражение лица сохранять спокойным.

— Вы нашли весь город мертвым? — спросил Таер. — Чума? Мало болезней могут убить столько людей.

Лер застонал на кровати и сел.

— Боги забери это! — произнес он обычное для Редерна проклятие, хотя Сэра раньше никогда от него его не слышала. — Если я позволю Джесу рассказывать, вы никогда не поймете, что случилось. Но когда закончу, снова буду спать.

Он сел, скрестив ноги, опираясь локтями о колени, и опустил голову на руки, как будто она болела.

— Джес появился, когда я еще не проехал день. Мы двигались по карте, это кратчайший путь в Колберн.

В сжатых фразах Лер описал, что они обнаружили. Сэра слушала его не прерывая, пока он рассказывал о Брюидд и о чуме тени.

— Думаю, она считала, что сделала нас невосприимчивыми к болезни, — говорил Лер. — Но мы все равно подхватили ее. Оба, и Джес, и я. Не знаю, почему мы не умерли, как все остальные.

— Защитник считает, что нас спасла Брюидд, — добавил Джес. — Я не Целитель, но могу прогонять тень, правда, если тень была бы частью болезни, я не смог бы сделать этого. Мы заразились, но это не та болезнь, которую насылает Черный. — Он снял с пояса мешочек и протянул матери. — Брюидд просила отдать тебе это.

Она почувствовала их сквозь ткань мешочка. *Мермори*. И каждая обозначает множество смертей. У Бенрольна их было пять, так он говорил.

— Вы оба ложитесь спать, — сказал Таер, не отрывая взгляда от лица жены. — Мы с мамой пройдемся. Лер, есть хочешь? Джес съел столько, что хватило бы на четверых. Ты тоже должен быть голоден.

Лер качнул головой — один раз, но очень решительно, снова лег и с головой укрылся одеялом.

Вставая и направляясь к двери, Сэра оставила мешочек на столе. Это не имеет значения. Если бы она выбросила *мермори* в море, они все равно вернулись бы к ней. Ей от них не спастись. От символов смерти ее народа и ее вины.

* * *

Гнев и горе подгоняли Сэру, когда она поднималась по крутой тропе, по которой только что спустились ее сыновья. Идя, она вспоминала лица людей клана Ронжера. Они все мертвы, и ее собственный клан тоже мертв. Как будет мертв Таер. И все это ее вина.

Держи себя в руках.

Опасно сердиться, если ты Ворон. Вороны не плачут. Слезы ничего не решают. Она гневно вытерла свои слезы.

Она чувствовала, что за ней идет Таер, давая ей возможность устанавливать темп. Идет за ней, но не приближается.

Если бы не торопились так вернуться домой, если бы пошли с Бенрольным, Джес и Лер увидели бы тень, и мы с Хенной попробовали бы прогнать ее.

У Странника не должно быть дома — это лишь еще одно отвлечение от его дела: борьбы со Сталкером и его слугами.

— Что сделано, то сделано, милая, — сказал Таер. Сэра не знала, думала ли она вслух или он просто знает, о чем она думала. — У твоего клана были и Ворон, и Орел, и другие орденны, но никто не смог остановить чуму, погубившую всех. Если бы мы пошли с Бенрольным, мы бы тоже умерли. Брюидд сумела спасти только наших сыновей, все остальные умерли. Если я умру от своих проблем с орденом, это тоже не будет твоей виной. Не ты наложила на меня заклятие — это сделали колдуны Пути.

Сэра остановилась. Мысль об опасности, угрожающей Таеру, неожиданно заставила ее забыть гнев и успокоиться. Так бывает спокойно, когда ничего не чувствуешь.

— Ты прав, — сказала она. — Чума погубила мой клан и много других — и позволила Пути расставить своих прислужников среди септов, как сорную траву. Все это было тронуту тенью. Черный... он сознательно уничтожил мое племя. И он пытается убить тебя.

Боль пронзила ее, когда она произносила последние слова.

Боль, погребенная подо льдом. Теперь она ничего не чувствует. Она Ворон. Она полностью себя контролирует.

— Я тоже так это вижу, — осторожно сказал Таер.

Ее удивил его тон: если она спокойна, почему он волнуется? Она повернулась, но прежде чем ее взгляд упал на него, за ней послышался громкий треск.

Камень рядом с тропой взорвался и превратился в пыль. Осколки оставляли в одежде и на коже под ней мелкие разрезы. Неужели это она сделала? От шока она снова почувствовала ледяное спокойствие.

— Эмоции и магия не смешиваются, — негромко сказал Таер, беря ее за руку. — Если закопать гнев и горе, будет только хуже. Разве ты не узнала об этом от Джеса?

Она закрыла глаза.

— Я не разгневана. И я не могу горевать. Не могу... — она прикусила губу. — Плач тоже не помогает.

Сильные руки обняли ее, и она ощутила его запах и тепло.

— Позволь мне помочь, — сказал он. — И я хочу, чтобы ты помогла мне.

Он свел ее с тропы и через лес провел к небольшой поляне с ручейком, мягкой травой и тенью. И в этом небольшом укромном месте взял ее гнев и свой и прикосновениями и мягкими негромкими словами превратил во что-то другое — что-то теплое, живое, торжествующее.

Позже, обнаженная, задыхающаяся, вспотевшая и временно успокоившаяся, Сэра сказала:

— Мы отправимся в Колосс, чтобы найти большую библиотеку колдунов. Брюидд считала, что именно из-за необходимости дать этот совет нам она оставалась живой и ждала мальчиков. Некоторые вещи обладают собственной силой. Мы узнаем, что нужно сделать, чтобы исправить то, что сделал с тобой Путь. Мы найдем средства справиться с новым Черным. И тогда уничтожим его, чтобы он больше никому не причинял вреда.

Она не стала говорить, что они не знают, где Колосс. Не сказала, что даже если они найдут библиотеку, возможно, ни она, ни Хенна не отыщут то, что им нужно. И даже если отыщут, не смогут прочесть. Не сказала, что даже если найдут все то, что считала необходимым Брюидд, шансы на то, что она сумеет ему помочь, очень малы. Не сказала, что с Черным, который прожил не менее двух столетий, справиться будет нелегко. Ей не нужно было это говорить — он знал и сам.

— Хорошо, — сказал Таер, и голос его успокаивающе звучал у нее над ухом. — Когда выступим?

* * *

Когда они с Таером вернулись, Джес сидел на скамье на крыльце. Хотя лицо его все еще было серым и осунувшимся, он буквально дрожал от сдерживаемой энергии.

— Все здесь, — сказал он. — Хенна, Форан и его охрана. Лер проснулся, рассказал им о Колберне и клане Бенрольна, но снова уснул.

— Как ты? — спросил Таер. — Все еще болен?

Джес покачал головой.

— Лер подхватил ее первым, и Защитник очистил меня от тени, когда ухаживал за Лером. Я просто устал. Там внутри слишком много народа.

— Можешь оставаться снаружи, — сказала Сэра. — Брюидд сказала, что нам нужно попасть в Колосс, поэтому возьмем карты и попытаемся по ним найти путь.

— Я тоже пойду, — сказал Джес. — Защитник иногда знает то, чего не знаю я.

Сэра раскрыла сумку и с помощью десятка камешков придавила края карт, расстелив их на столе так, чтобы всем было видно.

Брюидд сказала мальчикам, что им нужно попасть в Колосс, если они хотят спасти Таера и Форана, хотя она не знала, что именно в городе может им помочь.

Взглянув на карты, Сэра почувствовала, как ее энтузиазм слабеет. В ранце, найденном Ринни, кроме карты самого города, было еще четыре, на которых указан Колосс. Три карты выглядели нормально, но четвертая была покрыта таким количеством линий, что трудно было отыскать дорогу, ведущую к городу. И даже если бы карты легко было прочесть, их указания устарели на тысячу лет.

Таер осмотрел свою армию.

— Если учесть всех, то мы вместе изъездили почти всю империю. Изучим карты и попробуем найти что-нибудь знакомое.

Джес сел рядом с Хенной, но почти тут же встал и принялся расхаживать, пока Ринни не мобилизовала его на приготовление обеда. Она дала ему несколько поручений, но, когда

он прислонился к стене и закрыл глаза, оставила его в покое. «Хорошая девочка», — подумала Сэра.

Лер ушел на чердак, и даже шум собравшихся внизу, казалось, не тревожит его сон.

Форан и его люди негромко спорили о сходстве холма вблизи Таэлы с изображением на карте: больше ничто на картах не показалось им знакомым.

Хенна, которая большую часть прошедшей недели изучала эти карты, была сдержанна и молчалива, как и Сэра, но Джес все равно не мог стоять возле нее. Сэра бегло подумала, что, может, смерть клана Бенрольна по-прежнему выводит Хенну из себя.

Ринни, знающая Странников только по рассказам, поглядывала на братьев, готовя еду. Она только что вернула их себе и не собиралась снова терять.

Сэра все внимание обратила на карту, которая была у Таера. Немного погодя, несколько раз взглянув на другие карты, она указала на чуть более толстые линии, обозначающие дороги.

— Может, стоит воспользоваться картой Виллона, — сказал Таер. — Она покрывает не всю империю, но добрых две трети. И мы ею пользовались: она точная.

— А что если город не в империи? — спросил Руфорт, старший из двоих охранников Форана.

Он, пожалуй, на год моложе Джеса, а ростом почти не уступает товарищу Тоарсена Киселу. Как и Кисел, он производил впечатление много испытавшего человека, и Сэра понимала, почему он нравится Таеру.

В Руфорте есть что-то устойчивое, прочное; он из тех людей, кто, дав слово, будет его держать несмотря ни на что. Всю прошлую неделю он охотно помогал Таеру в любой работе на ферме.

— Легенда утверждает, что Колосс в империи, — сказала Хенна, не отрываясь от карты. — К сожалению, между тем временем, когда Старшие колдуны покинули город, и основанием империи прошло почти шестьсот лет, поэтому полностью доверять этому источнику нельзя.

Младший охранник — Иелиан — посмотрел на карты и покачал головой.

— Что это нам даст? Форан обратился к вам за помощью. А вы хотите протащить его по всей империи в поисках города,

который, возможно, никогда не существовал. Вы даже не знаете, существует ли он до сих пор, если когда-то и существовал. Это просто рассказы женщин.

Он не добавил к слову «женщин» определение «глупых», но это было и так ясно.

Он уловил взгляд Сэры и понял, что та думает о его пренебрежительных словах. Но вместо того чтобы отступить, он еще больше рассердился. Поскольку сама Сэра всегда поступала так же, когда говорила какую-нибудь глупость, она посочувствовала ему.

— Я думал, мы ждем Целительницу... — Он направил свои обвинения против Сэры. — А теперь твои сыновья говорят, что она мертва. Если мы найдем на карте Колосс, вероятно, ты захочешь, чтобы мы отправились туда. Но как это поможет нам убить Черного, который должен умереть, чтобы освободить императора от проклятия твоих Странников?

Он знает о проблеме Форана больше, чем считал сам Форан; а может, в течение этой недели Форан кое-что еще рассказал Руфурту и Иелиану.

— Это не проклятие Странников, — почти мягко ответила ему Сэра. — Если хочешь, я могу продемонстрировать тебе разницу.

— Спокойнее, Сэра, — сказал Таер, и Сэра была уверена, что только она расслышала смешок в его голосе. Он не считает, что она говорит серьезно. И, наверно, он прав.

— У Иелиана есть основания для тревоги. — Таер чуть отодвинул свой стул от стола, чтобы видеть одновременно и Сэру, и Иелиана — как судья на схватке борцов во время праздника урожая. — Он не знает ни Брьюидд, ни магии Странников, а мы им не объясняли.

Сэра топнула, но поняла, что Таер прав. Она просто не привыкла оправдываться — или к тому, что ее называли глупой, даже если слово не было произнесено.

— Отлично, — сказала она. — Во-первых, город существует, и это не легенда. Я Ворон, Иелиан, и одна из моих способностей — я могу прикоснуться к предмету и почувствовать его историю.

Форан, стоя за Иелианом, смотрел на нее, словно ничего не видит. Сэра уже знала, что такое выражение означает: Форан напряженно размышляет.

— Когда мы нашли эти карты...

— Когда я нашла карты, — прервала ее Ринни, которая ловко нарезала зелень.

— Когда Ринни нашла карты, — поправилась Сэра, — я прочла их с помощью своей магии и обнаружила, что они относятся ко времени Колосса. Больше того, когда двести лет назад эти карты держал в руках колдун, он стоял за воротами Колосса. Это не легенда и не женские сплетни. Мне это сказала моя магия.

— Город существует, — согласился Форан, опираясь локтями на стол и положив голову на руки.

— Может, он где-то близко, — сказала Ринни. — Поэтому Путь построил здесь храм.

— Волис говорил мне, что храм построен из-за близости к месту Падения, — сказала Хенна.

— Хорошо, — согласился Иелиан, разводя руками. — Значит, город существует. Но чем находка его поможет императору?

Сэра подумала, понял ли Иелиан, что Джес незаметно подошел и встал как раз за ним.

— Не знаю. Но Брюидд, Жаворонок клана Ронжера Библиотекаря, говорит, что, если мы не пойдем в город, Форан потеряет не только императорский титул, но и голову, поэтому я иду в Колосс. Если что-то в этом городе способно помочь нам избавить мир от Черного, я иду в Колосс.

— И все это из-за слов птичьей женщины?

— Жаворонка, — резко поправила Сэра. — Целительницы, которая посвятила всю жизнь помощи другим. Она умерла, пытаясь спасти тех, кто ее убил.

Резкое «Контролируй себя, Ворон» Хенны и «Спокойно, любимая» Таера послышались одновременно с грохотом. Это тяжелая столешница приподнялась в воздух и ударилась о пол так, что задрожали половицы.

Сэра глубоко вздохнула и попыталась успокоиться.

Следующий вопрос Иелиан задал гораздо более уважительно.

— Найти город — самый простой путь к установлению личности этого человека-тени, верно?

— Он не человек, больше не человек, — сказала Хенна. — Колдун, который пьет из источника Сталкера, не может остаться человеком.

— Мама, а должен ли колдун идти в Колосс, чтобы стать Черным? — неожиданно спросил Джес, и Иелиан вздрогнул: он не заметил подкравшегося сзади Джеса.

— Не знаю. — Но Сэра была благодарна ему за этот вопрос. Эта тема не будет испытывать ее способность сдерживаться. — Этим летом, работая с Брюидд и Хенной, я многое узнала. Кое-что из того, что знают они, мне не было известно, а часть информации оказалась противоречивой. Существует то, чего мы просто не знаем, и то, в чем не соглашаемся. Многие Странники считают, что Безымянный король и был Сталкером из наших древнейших историй.

— Только глупые Странники, — пробормотала Хенна.

Сэра невозмутимо продолжала:

— Могу вам сообщить, что мой дед был уверен: Безымянный король никогда не ступал на камни Колосса. Это данные предположительно исходят по линии Изольды, с материнской стороны моего деда, от самого Керина, который сражался на стороне Рыжего Эрнава при Падении Тени.

Иелиан недоверчиво фыркнул.

— Иелиан, — негромко произнес Форан. Иелиан кивнул и подчинился.

Сэра пожала плечами.

— Неважно, веришь ты или не веришь, Иелиан. Форан обратился к нам за помощью, и мы сделаем все, чтобы помочь ему. Я считаю, что найти Колосс — это лучшее, что мы можем сделать, чтобы помочь и Форану, и моему мужу. Я верю в это, потому что так сказала старая умирающая женщина моему сыну.

Она взглянула на Форана и смягчилась. Иелиан выполняет свой долг, защищая императора. И она рада, что его люди так верны ему.

— Я могу тебе сказать, Иелиан, — закончила она, — что мы сделаем все возможное, чтобы найти Черного и убить его, или умрем в этих попытках.

Что-то, возможно искренность ее последнего утверждения, убедило Иелиана.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо.

— Карта Виллона еще в сумках, которые вы с собой брали? — спросил Таер у Джеса, нарушая наступившую тишину.

Джес подошел к своей еще не разобранный сумке, достал карту, расстелил ее на столе и отошел к стене возле Ринни, в то время как все остальные столпились у стола.

— Почему не идешь спать, Джес? — не в первый раз спросила Ринни. — Я могу сама приготовить обед.

Она тактично не стала упоминать, что он больше мешает, чем помогает.

— Ложись на нашу кровать, сын, — сказал Таер. Его приглашение прозвучало как приказ. — Рядом с Лером достаточно места. Если не уснешь, то по крайней мере полежишь.

Джес напрягся.

— Здесь слишком много людей. Я не могу спать, когда все бодрствуют.

Вероятно, это правда. Сэра задумчиво посмотрела на сына.

— Снаружи будет легче? — спросила она. — Или тебя тревожит солнце?

Джес покачал головой. Она видела, что ему плохо, потому что он тщательно избегал касаться кого-нибудь в комнате.

— Он слишком устал, — неожиданно сказала Хенна. — И если уснет, то будет спать слишком крепко. Он не может защищаться в лесу, и Защитник не позволит ему попытаться. — Она отодвинула карту, которую разглядывала, и решительно продолжила: — Но мне он позволит сторожить его.

— Да, — очень тихо подтвердил Джес.

— Прихвати одеяло или два, Джес.

Хенна встала и пристально посмотрела вначале на Таера, потом на Сэру — возможно, ожидала возражений.

Сэра подумала, что прогулка по лесу будет Хенне так же полезна, как была полезна ей самой. Она заметила, что собранность начинает изменять Хенне. Ей нужно укромное место, чтобы оплакать клан Бенрольна. А Джесу нужен отдых.

— Здесь от меня никакого толку, — сказала Хенна Сэре — почти сердито. — Тот, кто чертил эти карты, владел этим мастерством гораздо хуже меня. Карты даже не согласуются друг с другом.

— Мы будем продолжать, пока вас не будет, — спокойно сказала Сэра. И на языке Странников добавила: — Доверяю тебе моего сына, Ворон.

На лице Хенны промелькнула вспышка взволнованных чувств.

— Ты слишком доверяешь мне, — ответила она на том же языке.

— Не думаю.

Таер открыл перед ними дверь.

— Джес?

Их сын обернулся; было видно, что он держался из последних сил, что Сэра должна была подавить стремление броситься к нему. Ее прикосновение только повредит ему, поэтому она осталась на месте.

— Спасибо, что пошел с Лером в Колберн, сын, — сказал Таер. — Без тебя он бы там умер.

Джес чуть сильнее сжал одеяла и кивнул.

Хенна позволила Джесу самому выбирать дорогу и шла за ним так, чтобы не притронуться к нему. Он слишком устал, чтобы самому защищаться от случайных прикосновений.

Время — такая странная вещь. В данный момент ты говоришь с кем-то, а через мгновение его уже нет. Ей почему-то всегда казалось, что существует возможность повернуть время и изменить события. Час, минута... они проходят так просто. Повернуть их, должно быть, возможно. Но как это сделать, она никогда не могла понять.

Еще один клан умер. Еще множество людей, которых она знала и которых больше никогда не увидит. Она чувствовала... пустоту внутри.

Джес шел молча. Он слегка волочит при ходьбе ноги и, казалось бы, должен часто спотыкаться, но почему-то его нога всегда оказывается рядом с упавшей веткой, камнем или ямой.

Хенна тоже молчала. И не знала, смогла бы заговорить с ним, если бы попробовала.

Она понимала, что только что сделала Сэра, хотя подозревала, что ни Джес, ни Таер не поняли, что Сэра произнесла последние слова брачной церемонии Странников. В ходе этой церемонии родители вручают сына его супруге.

Но Хенна не хотела думать ни об этом, ни о смерти, ни о Черном.

Она подставила лицо солнцу и постаралась опустошить мозг, словно не существует ничего, кроме этого момента: солнце на лице, запах деревьев и травы, звуки птиц и насеко-

мых и ощущение, говорившее, что их отношения с Джесом не имеют никакого отношения к магии, а только к тому, что соединяет мужчину и женщину.

Джес остановился на небольшой, поросшей желтоватой травой полянке, которая ничем не отличалась от нескольких мест, которые он миновал не задерживаясь. Встряхнул одно одеяло и расстелил, протянул ей другое, потом лег лицом вниз, позволяя спине поглощать позднее летнее солнце.

Не расправляя одеяло, она сложила его и села на незанятый уголок его подстилки. Потом подтянула ноги к груди, приготовившись следить за ним, пока он будет спать.

— Я помню, как папе почти каждую ночь снились кошмары.

Голос Джеса звучал так тихо, что мог бы быть ветерком, шевелящим листву.

Хенна ничего не ответила.

— Они по-прежнему ему снятся — со времен службы в армии, я думаю. Хотя теперь, может, что-то добавилось после плена у Пути.

— Я послежу за твоими снами. — Хенна едва не коснулась его плеча, которое было так близко, что она чувствовала тепло его тела. — И разбужу тебя, если они будут плохие.

— Спасибо, — сказал он и уснул.

Сидя на солнце и стараясь ни о чем не думать, Хенна, тем не менее, думала о словах Сэры и том, какие странные совпадения сопровождают эту семью.

Сэру сердила мысль о том, что кто-нибудь вмешивается в ее жизнь, кто-то, над кем у нее нет контроля. Но Хенне эта мысль почему-то казалась вдохновляющей. Если в мире существует такое зло, то неужели нет такого добра?

«Боги мертвы», — сердито напомнила она себе. Но не могла совсем подавить надежду, которую дала ей Сэра.

Примерно через час Джес беспокойно заметался. Хенна старалась не смотреть на спящего, потому что некоторые люди во сне чувствуют, когда на них смотрят, а учитывая способности Джеса, она относилась к этой группе. Негромкий звук привлек ее внимание, и она стала смотреть на тонкие движения мышц лица в поисках ключа к его сновидениям. Но вот лицо Джеса будто окаменело и стало другим: Хенна поняла, что пришел Защитник. Она никогда не видела этого у Орла во время сна.

— Джес, — негромко сказала она. — Защитник, проснись. Это сон.

Он перевернулся так стремительно, что она машинально едва не ударила его. Две сильные руки так крепко сжали ее бедра, что она поняла: завтра здесь будут синяки. Он головой прижался к ее животу, обернувшись вокруг всем телом.

— Ш-ш-ш. — Она легко притронулась к его волосам, но потом решила, что если бы ее прикосновения тревожили его, он бы не стал так к ней прижиматься, и позволила себе ласково погрузить пальцы в темные пряди. — Можешь говорить об этом?

Он решительно покачал головой.

Она склонилась к нему, обняла руками, обняла неловко, потому что он обвивал ее.

— Ш-ш-ш, — сказала она. — Все в порядке.

— Он помнит, — немного погодя неуверенно сказал Джес. Он расслабился, и Хенна подумала, что он снова засыпает.

— Что он помнит? — прошептала она.

Джес покачал головой.

— Не знаю, но это его пугает.

Форан смотрел, как уходят Джес и Хенна. Он чувствовал, что что-то произошло, но, не зная языка Странников, не понимал, что именно. Позже он расспросит Тоарсена, который, как и несколько других бывших Воробышков, немного владел этим языком.

Форан, снова обращаясь к карте, почему-то верил, что Таер за одну ночь решит его проблему. А вместо этого почти неделю пришлось работать на ферме. Форан подозревал, что многие задания, которые давал ему Таер, просто должны были дать ему занятие, — но далеко не все. За эту неделю он понял: если ты не император, простое выживание требует много времени и труда. Фермеру не нужно тревожиться о возможных убийцах и политических интригах, но Форан обнаружил, что рубка дров, ухаживание за садом и стирка требуют почти такого же времени и усилий.

Тоарсен совсем не радовался, когда Сэра послала их всех пропалывать огород, Форан до сих пор помнит выражение

лица своего капитана, — но поскольку сам Форан пошел без возражений, Тоарсену пришлось делать то же самое.

Теперь, когда Ринни показала всем, что делать, — у девочки от удивления широко распахнулись глаза: неужели кто-то не может отличить укропа от сорной травы? — это должно было бы задеть гордость Форана. Но она не смеялась над ними — по крайней мере, открыто, а воспоминание о выражении Тоарсена помогало Форану сохранять чувство юмора. Кисел в присмотре не нуждался: он рассказал, что их повар в детстве научил его разбираться в огородных растениях.

Форан многому научился; но когда вернулись Лер и Джес, в глубине души он ожидал, что его испытания кончатся.

Лер должен был привести старую Целительницу. Она бросила бы один взгляд на Форана и дала бы ему таинственное снадобье или велела бы повернуться трижды, произнося при том какие-то непонятные слова — как половина врачей в Таэле. Память оставит его, и он сможет вернуться домой и править в мире. Форан улыбнулся про себя. Пока кто-нибудь не найдет более удачный способ убийства, когда его не будут охранять его люди. Его люди.

Он бросил взгляд на Иелиана. Этот человек удивил его своим страстным нападением на Сэру в качестве защитника императора.

Похоже, число верных сторонников императора растет. Во всяком случае, лет через десять они могут достигнуть... скажем, двадцати человек. Форан утешал себя тем, что, по крайней мере, Иелиан показал, что служит ему не только из-за выгодного назначения.

Он снова обратился к карте, но она выглядела такой же, как раньше. Вздохнув, Форан сдался.

— Если найдется листок бумаги, я начну делать список вероятных мест. Ничего необычного в расположении дорог нет. Может, у мастера Виллона найдутся еще карты, которые мы смогли бы использовать для сравнения.

— Я принесу, мама, — сказала Ринни, вытирая руки о чистую тряпку.

Она порылась в доме и принесла листок бумаги, чернильницу и хорошо заточенное перо. Все это с улыбкой положила перед Фораном — вначале она его стеснялась. Но день в огороде лишил ее всякого благоговейного отношения к гостю.

— Хорошая мысль, — согласился Таер, — если ничего не найдем, надо, чтобы на карты посмотрел Виллон. Он изъездил всю империю. Может, заметит то, что мы пропустили.

— Скоро обед, — объявила Ринни.

— Если только вместо укропа не использованы сорняки, мы не станем бить повара.

Форан начал составлять список. Ему хотелось бы, чтобы хоть на одной карте был масштаб и можно было понять, перед ним участок в десять лиг или в сто.

— Если будут сорняки, значит, кое-кто выдергал весь укроп, — довольно ответила Ринни. — Можешь попробовать первым. Если не будет конвульсий, станем есть мы все.

— Угрожать твоему императору — это измена. — Форан вычеркнул одно место: оно слишком близко к побережью. Если бы Колосс был вблизи моря, это отразилось бы хотя бы на одной карте. — Кисел, не вздернуть ли нам эту девчонку?

— Пусть сначала приготовит обед, — ответил Кисел. — Я съем даже сорняки, если они такие же вкусные и ароматные, какой обещает быть рыба.

Таер встал и потянулся.

— Принесу воды, чтобы помыть крыльцо, — сказал он. Сделал шаг от стола, снова взглянул на карту — ту самую, покрытую множеством как будто бессмысленных линий — и застыл.

— Сэра, можешь поддержать ее вертикально? — спросил он.

Сэра взяла карту со стола. Форан посмотрел внимательно, но карта не изменилась. По-прежнему казалось, что кто-то провел на пергаменте множество беспорядочных линий.

Карта большая и долго пролежала свернутой, поэтому и сейчас все время пыталась свернуться в исходное положение. Форан встал и помог Сэре держать ее. Таер медленно отступил, не отводя взгляда от того места, которое привлекло его внимание.

— Лер, — позвал он. — Мне нужно, чтобы ты встал и немного помог мне.

Лер застонал и произнес что-то грубое, как показалось Форану, но выбрался из постели на чердаке и спрыгнул вниз, не касаясь лестницы. Пошатнувшись, встал возле отца и потер глаза.

— Посмотри на карту, — сказал Таер. — И скажи, что ты видишь.

— Линии, — мрачно ответил Лер. — А что я должен...

Он нахмурился и насторожился, точно как Таер.

— Расстояние помогло мне увидеть это, — объяснил Таер.

Он подошел к карте и приложил палец к нижнему левому краю.

— Линии обозначают высоту, — сказал он. — Ручаюсь, они были разного цвета, но потемнели от времени.

— Что ты видишь? — спросил Форан. — Можешь сказать, что это?

— Все здесь, — просто ответил Таер. — Вот Колосс. — Он провел рукой по звезде, обозначавшей город колдунов. Потом опустил руку и снова показал на нижний левый угол карты. — Это гора Редерн и Серебряная река. А вот наша долина. — Он показал на участок с ладонь шириной, по которому проходила одна толстая линия и не было тонких. — Должно быть, это...

— Падение Тени, — сказал Лер. — Если наша долина и гора указаны верно, именно здесь должно быть Падение Тени.

Таер провел вдоль линии, рассекавшей поле древней битвы. Линия соединялась с другой дорогой, потом резко сворачивала на север. Примерно на расстоянии в палец Таер остановился и показал на странный символ, который Сэра считала обозначением древнего города колдунов.

— Я могу отвести вас сюда, — сказал он.

Глава 11

— Тебе нужен хлеб в дорогу?

Алина вышла из помещения пекарни с выражением отчаяния на лице: она услышала, о чем просил Таер ее мужа Бандора.

Сэра отступила и позволила Таеру иметь дело с сестрой.

Таер взял кусок хлеба, предложенный в качестве образца, и попробовал.

— Хлеб мне нужен как можно быстрее. Знаешь, Бандор, если положишь в хлеб чуть меньше соли, — он показал на

предложенный образец, — это позволит проявиться и другим привкусам.

— Попробую, — ответил Бандор. — А этот хлеб как-то связан с твоими гостями?

Таер небрежно кивнул, но Сэра почувствовала, как напряглась его рука.

— Кто тебе рассказал о них?

Трудно сохранить в тайне пятерых незнакомцев, но они никому о гостях не рассказывали, а с тех пор как появились Форан и его спутники, на ферму никто не заходил.

— Наверно, молодежь — ей бы следовало работать, а не бездельничать — подсмотрела с неделю назад и вернулась в город, рассказывая всякие небылицы, — сказала Алина.

— Шпионили? — Таер улыбнулся, и Сэра видела, что ему действительно забавно. — Надеюсь, они увидели кое-что поинтереснее наших гостей.

— Говорят, это все благородные, — сказал Бандор. — А один из них брат септа. Управляющий убежден, что ты охотишься за его местом.

— Боги избави нас! — в искреннем ужасе воскликнул Таер. — Какой идиот захочет его работу?

— Совершенно верно, — довольно сказала Алина. — Я так и сказала управляющему, когда он пришел сюда скулить.

— Действительно, в группе молодых скучающих дворян, с которыми Таер познакомился в Тазле, Тоарсен, брат нашего септа, — сказала Сэра, решив, что ее объяснение удовлетворит любопытных. — Делать им нечего, а они знают, что, когда Таер сюда вернулся, сажать уже поздно. И вот попросили его отвести их в горы на охоту.

— Нельзя вести туда брата септа! — в ужасе сказала Алина. — Если с ним что-то случится, а септ узнает...

— Все в порядке, — сказала Сэра. — Мы идем все. Сомневаюсь, чтобы были неприятности, если мы все присутствуем.

Алина перестала суетиться и задумчиво посмотрела на Сэру.

— Ну хорошо, — сказала она медленно. — Две дюжины дюжин ломтей путевого хлеба. Будет готово послезавтра, я сегодня же поставлю квашню. — Она неожиданно заговорщицки улыбнулась Сэре. — И если кто спросит, я расскажу о

молодых дворянах, которые забавляются в горах под предводительством моего брата. Может, стоит рассказать что-нибудь поинтересней — ну, вроде места Падения Тени. Скучающие молодые люди вполне могут быть так глупы, что приедут из Таэлы к Таеру, чтобы он показал им Падение Тени. И денег у них достаточно, могут уговорить кого угодно. Если хочешь, могу взять Ринни.

— Нет, — сразу сказал Таер, и Сэра улыбнулась про себя, потом улыбнулась и Таеру, когда он вопросительно посмотрел на нее. *Разумно ли брать ее?*

— С нами она будет в такой же безопасности, как здесь у Алины, — сказала Сэра. — Думаю, если мы опять не возьмем Ринни, она просто сбежит за нами.

— К тому же, — сказал, несколько успокаиваясь, Таер, — лето подходит к концу. Наверху мы можем столкнуться с ранним снегом. В таком случае очень полезно иметь с собой Баклана.

Бандор потрепал жену по спине.

— Ей будет что рассказывать своим детям, если вы действительно туда направляетесь. Я сам хотел бы перед смертью увидеть Падение Тени.

— Я возьму тебя туда, — согласился Таер. — Я сам был там только однажды. Добраться туда нелегко — и быть там не очень приятно. Но если ты серьезно, на следующее лето, после того как появятся всходы, я тебя туда отведу.

Из пекарни они уходили со сладкой булочкой каждый.

Сэра довольно мычала, жуя ароматный теплый хлеб.

— Вот видишь, — сказал Таер. — Если бы ты все эти годы была добра с моей сестрой, я бы получал булочку всякий раз, как заходил в пекарню.

— Лжец, — добродушно ответила она. — Пока я не спасла ее мужа, было все равно, добра я с ней или нет: она была убеждена, что я с помощью магии украла ее старшего брата.

Они шли по дороге в сторону магазина Виллона, и Таер постепенно становился серьезнее.

— Мне не нравится, что эти мальчишки бродили вокруг фермы, Сэра. Это Сторн и его прихвостни. Он был таким хорошим парнем, пока не подружился с Олбеком.

— Они больше не мальчишки, — сказала Сэра. — Ровесники Лера, а Олбек еще старше. Если бы Путь сюда добрался, их, несомненно, включили бы в число Воробышков.

Ринни отправилась на поиски щекочущего корня в дорогу. В это время года, даже если она его найдет, корень будет жестким и слабым, но это лучше, чем ничего, ведь у них ничего нет.

Лер все еще выглядел бледным и слабым и слишком много спал. Джес вчера не вернулся с Хенной. Она сказала, что он решил побродить по лесу.

Поэтому Ринни выскользнула из дома, пока Лер дремал, а Хенна разглядывала карты. Строгой командой успокоила Гуру. Она думала взять собаку с собой, но когда Гура возбуждена, она ее не слушает. С мамой и мальчиками такого никогда не бывает. Ринни не хотелось весь день гоняться за собакой, если та найдет кролика, поэтому она приказала Гуре оставаться у крыльца и сама пошла через поле.

Форан и его люди сидели на земле перед амбаром и играли в какую-то игру, сопровождавшуюся взрывами смеха и дикими бросками костей. Но когда Ринни миновала их, Форан встал, знаком велел остальным оставаться на месте.

— Ринни, дочь Сэры, куда ты так торопишься? — вежливо спросил он.

Ей нравилось, что Форан никогда не обращался с ней, как с десятилетним отродьем (так в минуты раздражения называл ее Лер).

— Ищу щекочущий корень, — ответила она, не задерживаясь. — У нас он кончился.

— А что, щекочущий корень так важен? — спросил он, словно пробуя языком незнакомое название.

«Император не должен быть так ужасно невежествен», — подумала Ринни. И тут же пришла в ужас и замешательство: Форан рассмеялся, потому что она не сумела скрыть свои мысли.

— Это для перевязки ран, — быстро сказала она. — Предохраняет от инфекции. Мама говорит, что, если промыть глаза его настойкой, это помогает при раздражении дымом.

— У меня очень нежные глаза, — сказал он, хлопая ресницами. — Давай обязательно найдем щекочущий корень.

— Он так называется, потому что, если его пожевать, язык начинает покалывать, а потом он немеет, — объяснила Ринни. — Тебе идти не обязательно. Я знаю дорогу.

— Если бы здесь были Джес или твои родители, ты бы пошла одна?

— Но это совершенно безопасно.

Она слегка рассердилась: он считает, что она не может собирать травы одна.

— Надеюсь. Иначе я бы не пошел с тобой. — Он оглянулся на амбар. — Я бы послал Кисела. Он так уродлив, что отпугнет любого. Или Тоарсена — он злой.

— Тоарсен не злой, — сказала она и поняла, что он ее дразнит.

— Конечно, нет, — согласился Форан. — Тоарсен не злой. Но не рассказывай ему, что я так сказал.

Она рассмеялась.

— Ну хорошо. Идем со мной.

В Редерне Форану особенно нравилась Ринни. У него не было опыта общения с детьми, да и собственного детства не было, и девочка его очаровала.

Во-первых, она была настолько компетентна, что ей могли бы позавидовать многие взрослые женщины в Таэле. Она могла готовить, шить, работать в огороде. Но умела не только работать, но и играть.

Ему особенно нравилось поддразнивать ее, когда она копировала великосветские манеры, усвоенные от матери. Но то, что в Сэре устрашало, было трогательно забавно в ее дочери.

Он не хотел допустить, чтобы с нею что-то случилось. Что бы она ни говорила, место, где всего несколько недель назад появлялся тролль, не безопасно. Он понятия не имел, что сделал бы, если бы столкнулся с троллем. Вероятно, убежал бы. Форан не был уверен, что Память справилась бы с троллем с такой же легкостью, как с его убийцами. Но вот на случай встречи с волком или кабаном Форан считал себя вполне вооруженным.

Ринни шла так быстро, что Форану трудно было за ней угнаться, и он поэтому радовался, что не позволил никому из

охранников идти с собой. Еще унизительнее, что она заметила это и пошла медленнее. И извинилась.

— Прости. Я привыкла ходить с Лером и Джесом. А ты с низин... Папа говорит, что жителям низин трудно дышать здесь, в горах.

— Гм-м, — ответил Форан. — Не надо извиняться. От императора не ждут лесных походов.

Она повернулась и пошла спиной вперед, чтобы видеть его лицо.

— Папа говорит, что тебе здесь нравится.

Он улыбнулся.

— Твой папа — мудрый человек.

К его радости, она серьезно посмотрела на него: такое выражение делало ее похожей на только что проснувшуюся сову.

— Мой папа знает людей.

И тут что-то острое коснулось его ноги, Форан рефлекторно отдернул ногу от... пустого места.

— Это мамина защита, — улыбнулась Ринни. — Такого эффекта не было, пока мама не укрепила ее после прихода тролля. Ты бы видел, как подскочил Лер, когда впервые с тех пор наступил на нее.

Форан осторожно перешагнул, и на этот раз ощутил только краткий безболезненный укол.

— Я еще жив, — сказал он. — Наверно, это значит, что твоя мама поставила защиту не от меня.

Когда Ринни наконец остановилась, для Форана это было как раз вовремя. Он упал на землю, лег на спину, отдуваясь. В основном чтобы ее рассмешить, но полежать было приятно.

— Перестань дурачиться, — сказала Ринни. — Можешь помочь мне собирать.

Когда он послушно встал, она подвела его к растению, которое, на его взгляд, ничем не отличалось от растущих рядом.

— Смотри, это щекочущий корень, его можно отличить по пушистым краям листьев. Он цветет весной мелкими желтыми цветками — это лучшее время для его сбора. Но даже собранный поздно, он лучше, чем ничего. — Она строго взглянула на него. — Мы никогда не срываем больше, чем один корень из трех — чтобы на будущий год тоже было что собирать.

— Обещаю совсем их не рвать, — сказал он.

У нее сузились глаза, и она наклонилась вперед.

— У тебя глаза смеются, а это серьезное дело.

— Да, принцесса, понимаю, — извинился он. — Я просто не привык получать приказы.

— Ну хорошо, — снизошла она. — Это я могу понять. Мальчишки тоже не любят, когда я говорю им, что делать, но обычно не смеются.

— Наверно, потому, что им не нужны твои указания так, как мне.

Она посмотрела на него, наклонив голову, и улыбнулась.

— Тебе нравится. Ну хорошо. Собирай корни. Не забудь взять палку, чтобы разрыхлять землю: нам ведь нужен корень.

Используя первое растение в качестве образца, Форан отыскал еще два-три, которые, возможно, были щекочущим корнем. Но он брал все растение, чтобы Ринни могла проверить. Поиски привели его к груде камней выше него ростом, а за ней оказалась целая заросль щекочущих корней. Форан как раз разрыхлял землю вокруг первого растения, когда удивленный возглас Ринни заставил его присесть. Он подождал, ожидая других звуков, не желая высказывать зря и выглядеть идиотом.

— Эй, девчонка, а где твой спятивший брат?

Голос низкий, мужской, и, услышав его, Форан опустил урожай на землю и высвободил меч.

Голос незнакомца, негромкий, напоминал кошку, крадущуюся за птицей.

— Или я видел следы Лера? Следы великого охотника, героя, убившего огра. Неужели он бросил тебя и ушел охотиться? И оставил мне такое нежное мясо?

Похоть, прозвучавшая в мужском голосе, заставила Форана крепче сжать рукоять меча. Теперь Форан знал, что не пощадит этого нахала. Убьет, если будет достаточно оснований. Ринни еще ребенок: только больной человек может так разговаривать с ребенком.

— Это был тролль, и убила его моя мама.

Ринни говорила спокойно, только легкая дрожь в голосе выдавала ее страх. Но ведь она знает, что Форан их слышит и что со сталью он не так неопытен, как с растениями.

— Что ты здесь делаешь, Олбек? — строго спросила Ринни. — Разве не должен ты рыться в навозе, как другие свиньи?

Что-то произошло. Произошло между словами Ринни и ответом Олбека. Может, он ее ударил, а она увернулась.

Форан неслышно обошел груду камней и растущее рядом с ней хвойное дерево. Он не хотел предупреждать Олбека, что Ринни не одна, и дать ему возможность захватить ее в заложники, прежде чем встанет между ними.

— Теперь мой отец выгонит вас с фермы, — сказал Олбек. — Я ему рассказал, что здесь Тоарсен. Думаешь, я не узнал брата септа? Я сын управляющего, сука. Я знаю, что Тоарсен и его брат терпеть друг друга не могут. Мой отец скажет Авару, что Тоарсен бродит здесь, замышляя предательство. Авар ему поверит. Может, прикажет обезглавить твоего отца.

— Как ты глуп, Олбек, — с отвращением сказала Ринни. — Не понимаю, как ты по утрам надеваешь одежду на правильную сторону. Или это за тебя делают мальчишки, которые бегут за тобой?

— Возможно, — согласился Олбек угрюмо, и послышался звук разрываемой ткани. — А ты... — и он произнес слова, смысла которых, как надеялся Форан, Ринни еще не понимает.

Этот звук и испуганный крик Ринни — этого слишком много. Не заботясь о выгодной позиции, Форан выскочил из-за груды и плечом оттолкнул незнакомца от девочки, прижавшейся к земле. У него не было времени на оценку ее состояния, когда он встал между нею и незнакомцем.

Олбек ростом почти с Кисела, и Форан почувствовал холодную решимость, как в битве с Путем. Он улыбнулся.

Восстановив равновесие, Олбек вытащил висевший у него на поясе меч.

— Не порань его, — отчаянно прошептала Ринни. — Если он умрет, нашей семье придется тяжело. Он сын управляющего септа.

— Это верно, — насмешливо сказал Олбек. — А ты кто? Двенадцатый сын четырнадцатого по старшинству наследника? Один из тех, кто ходит с Тоарсеном? Когда отец вызовет септа письмом, тот придет и раздавит тебя и всех твоих друзей.

Форан не доставал меч. Он предпочитал избегать кровопролития, если можно. Для него лучше, если благородные гости Таера останутся причудой, а не серьезной новостью. Если он убьет этого подонка, известие о Таере может дойти до

самой Таэлы. Если Форану удастся избавиться от Памяти, он не хотел, чтобы вся империя знала, где он был.

— Ринни права: ты очень глуп, — вслух произнес он. — Ты понимаешь, что если бы ты был прав относительно нас, ты только что дал мне полное основание убить тебя? По-видимому, это единственное, что может заставить тебя молчать.

— Он не верит, что ты его убьешь, — тихо сказала Ринни. — Он хорошо владеет мечом, этим и держит других парней в повиновении.

— Но так как теперь он в меньшинстве, — сказал Лер, выходя из-за той же груды камней, за которой сидел Форан, — то он, скорее всего, убежит.

У Лера в руке был меч Таера, и он тяжело дышал.

— Возвращаясь в Легей, Олбек. Я слышал, тебе больше нельзя быть в Редерне. Да и здесь тебя не ждут. Если бы у твоего отца были проблемы с нами, вероятно, он пришел бы сам. Беги к отцу, трус.

Олбек молча смотрел на Лера, и Форан понял его намерение, прежде чем он напал — но не на Лера, а прямо на него. Вероятно, подумал, что сможет испугать Форана и добраться до Ринни.

Форан ударом в подбородок вырубил его.

— Дурак наткнулся на меня, — сказал он, растирая костяшки. — Как ты, Ринни?

Он помнил звук разрываемой ткани и не смотрел на девочку.

— Все в порядке, — ответила она. — Я бы хотела быть Защитником, как Джес. Молния действует только после долгой подготовки.

— Это плохо, — согласился Форан. — Если кто и заслуживает удара молнии, так этот парень.

— Ринни, возьми мою рубашку. — Лер снял рубашку через голову и бросил сестре. — Отличный удар, Форан. Ты его убил?

Удар такой силы вполне может сломать шею. Форан наклонился и с усилием перевернул рослого мужчину.

— Не повезло, — сказал он. — Через минуту-две придет в себя. Я могу убить его — мы спрячем тело.

— Мне не хочется этого признавать, но Ринни права. Мертвый или исчезнувший поблизости от фермы Олбек еще

большая проблема, чем Олбек живой. Жаль насчет молнии, Ринни. Это было бы достойным ответом. Думаю, мы его просто оставим здесь.

— А почему ему нельзя быть в Редерне?

Ринни, закутавшись в рубашку брата, прислонилась к руке Форана и смотрела на нападавшего. Говорила она спокойно, но дрожала, как птичка. Форан снова подумал о том, что ему хочется убить Олбека.

— Помнишь Лукита, сына седельника?

— Он один из мальчишек, которые бегают за Олбеком.

— Больше не бегают. Олбек его убил. Сторн говорит, что это убийство, но Олбек утверждает, что он защищался. Ему это сошло, но отец согласился держать его подальше от Редерна. Собирай траву — вероятно, поэтому ты убежала из дома? Оставим его здесь.

Ринни кивнула, нагнулась и принялась собирать разбросанные растения. Форан заметил, как она вытирает слезы со щек, когда думает, что никто на нее не смотрит. Он видел, что и Лер это заметил.

— Похоже, я сломал ему челюсть, — в виде утешения сказал Форан Леру. — Теперь долгое время, пытаясь поесть, он будет вспоминать об этом.

Лер вдохнул воздух, на его щеках образовались две красные линии: он сильно стиснул зубы.

— Надо было сломать ему еще несколько костей.

Форан прошел за грудой камней и взял три собранных растения. Встав на колено, он поднес их Ринни, держа обвисшую зелень обеими руками.

Как он и задумывал, девочка рассмеялась.

— Вот это вовсе не щекочущий корень. — Она перебрала растения и выбрала несколько самых маленьких. — Остальные можешь выбросить.

Растения она сложила в сумку и пошла вниз по холму. Форан и Лер пошли за ней.

— Я шел по вашему следу, пока не понял, куда направилась Ринни, — сказал Лер. — Мама поручила ей заботиться о травах, а я знал, что у нас кончился щекочущий корень. А это лучшее место, где его искать. И я уже решил возвращаться домой, когда наткнулся на след Олбека. Спасибо за то, что проводил ее.

Форан удивленно-насмешливо посмотрел на него.

— Я вовсе не сопровождал ее. Это она меня учила. Отныне я могу собирать щекочущий корень — и еще укроп.

— Только если поблизости не похожих сорняков, — укоризненно сказала Ринни. — Спасибо, Форан. Когда-нибудь я скажу Олбеку, что челюсть ему сломал император.

— Он не поверит, что император собирал с тобой травы, — возразил Лер.

Над головой треснула ветка, Лер развернулся и посмотрел вверх. И тут прямо перед ними мягко приземлился Джес, покатился по земле и сразу встал.

— Олбек нашел свою лошадь. Думаю, он возвращается домой. Он все равно не прошел бы через защиту.

Старший сын Таера выглядел лучше, чем когда Форан видел его в последний раз. Кожа его не была серой, и двигался он легко, идя рядом с братом.

Форан вздохнул. Им обоим придется ради него идти медленней, но он подождет, пока они сами это поймут.

— Что значит, не прошел бы защиту? — спросил Лер.

— Он тронут тенью, — ответил Джес. — Разве ты не почувствовал запах? Не так сильно, как был затронут Бандор, но все равно от него несет тенью.

— Идите помедленнее, — сказала Ринни. — Император не бегает по лесу, как крестьянские мальчишки.

Форан улыбнулся.

Виллон был в магазине один и с улыбкой встретил Таера и Сэру.

— Друзья, чем могу быть полезен?

Сэра предоставила говорить Таеру, а сама принялась разглядывать образцы товаров, выставленные Виллоном на переднем прилавке. На изрезанной деревянной полке плясали мелкие зверьки из яркого стекла.

— Я привез их из Тазлы, — сказал Виллон. — Половину разбил в пути, но, думаю, эти продам выгодно. Но вы ведь пришли не из-за стеклянных зверюшек?

— Конечно, — согласился Таер. — Нам нужно сорок фунтов соленой или копченой говядины. И я бы взглянул на другие продукты, которые могут долго храниться.

— Собираешься поохотиться? — спросил Виллон, отводя его в секцию пищевых продуктов.

— Нет. Похоже, у меня появились друзья среди молодежи, которая свергла Путь. Они приехали ко мне и уговорили проводить их по маршруту по Рваным горам. Они хотят увидеть Падение Тени, но я надеюсь отговорить их, как только они поймут, по какой местности придется идти.

Сэра оставила стеклянных зверьков и принялась перебирать травы на полках.

«Перец», — подумала она и взяла один из маленьких пакетов. Перед уходом они заглянут в магазин травника Лони, но у Виллона бывают экзотические специи, а у Лони только то, что растет и в ее огороде. Это означает, что у Лони травы свежее, а у Виллона разнообразнее.

— Я сам поглядел бы на Падение Тени, — говорил между тем Виллон.

— Нет. — Таер покачал головой. — Дорога туда трудная, мастер Виллон. Поведу этих парней, они измучатся, и для них это будет хорошо. Если проведешь следующее лето со мной в походах, чтобы набрать форму, возьму тебя с собой. Я уже обещал Бандору.

— Я много путешествую, — сказал Виллон. — Ты удивишься, каким крепким может быть такой старик, как я.

— Я уверен, это правда, — ответил Таер.

Сэре показалось, что Виллон не собирается уступать. Но вот он рассмеялся и потрепал Таера по плечу.

— Хорошо, хорошо. Значит, на следующий год. Я не забуду.

Немного поторговавшись, Таер заплатил за продукты и травы, отобранные Сэрой. Когда закончили, Таер вернул Виллону карту, которую тот дал Сэре.

— Это подарок, — сказал Виллон.

— Ценный подарок, — ответил Таер. — Но так как мы не собираемся путешествовать по империи, он нам ни к чему. Отдай тому, кто в нем нуждается.

Виллон поклонился и взял карту.

— Всегда приятно иметь с вами дело, — сказал он.

— Олбек тронут тенью?

Сэра села за стол и попыталась сообразить, что бы это значило.

Лер, Джес, Форан и Ринни встретили их у крыльца рассказом о своих приключениях.

— Но когда за несколько дней до нашего ухода он напал на Лера и Ринни, он не был тронут тенью, — сказал Джес.

Хенна села рядом с Джесом и посмотрела на него.

— Ты так легко это определяешь? Другим Защитникам, которых я встречала, приходилось специально отыскивать признаки тени.

Джес пожал плечами.

— Я чувствую неправильный запах. И тогда смотрю.

— Вопрос в том, что нам с этим делать, — сказал Таер.

— Ничего, — решительно ответила Сэра. — Олбек подождет нашего возвращения. Хотя интересно, что он был затронут тенью после нашего отъезда в Таэлу. Непривлекательный человек не становится тронутым тенью из-за своего дурного характера. Более обычный случай — Бандор. Приятный и достойный гражданин, который способен причинить большой вред, пока его держит Сталкер.

— Есть несколько способов стать затронутым тенью, — сказала Хенна. — Черный — только один из них.

— Ну, Черный, несомненно, побывал здесь.

— Ринни, — сказал Таер, — какое-то время ты будешь выходить из дома, только когда с тобой кто-нибудь есть. Если понадобится, бери с собой Гуру.

— Хорошо, — согласилась она. То, что она не стала возражать, свидетельствовало о том, как она испугалась.

Сэра поймала взгляд Форана и кивком поблагодарила его.

Весь следующий день они паковали и перепаковывали тюки и мешки и уравнивали их парами, чтобы на следующее утро повесить к седлам. Камни орденов Сэра уложила в сумку; эта сумка всегда будет с ней. *Мермори* погрузили в один из мешков.

Лер и Джес пошли за лошадьми и вернулись с еще тремя для поездки: двумя гнедыми и одной серой. Не хватало одной лошади, но Джес мог пешком перегнать большинство лошадей. Ни одна из новых лошадей не могла сравниться с Кукурузой Лера, но это были крепкие горные лошади, как раз для такого похода.

И словно знамение, Бандор и Алина принесли обещанный путевой хлеб на день раньше, чем обещали.

— Завтра, — сказал Таер.

Глава 12

Они оставили ферму, когда солнце еще не взошло. Лошадь Форана приплясывала и делала вид, что боится тюков, свисающих с ее седла. Лошадь Сэры, одна из новых, в ответ вздрагивала и упрямилаась.

Сэра успокаивала ее, разговаривала с ней. Лошадь была неопытная, но с ровным характером и скоро привыкла. В отличие от жеребца Форана.

— Боевая лошадь, — объяснил Форан, когда его конь наконец пошел, перестав прыгать.

— Этот тоже, — сказал Таер, показав на Скью, который только ухом дернул в ответ на тревожное поведение других животных. — Если действительно придется идти на войну, подумай о другой лошади.

Форан улыбнулся.

— Когда нужно действовать, он успокаивается. Сейчас просто рисуется перед кобылами.

Таер покачал головой.

— Фаларн использовал кобыл, чем доставлял нам неприятности, потому что наши дворяне ездили на жеребцах.

— Я слышал об этом, — сказал Форан. — Но если я поеду на мерине или, того хуже, на кобыле, моего министра протокола удар хватит. — И он стал что-то негромко и безмятежно напевать себе под нос. Его рослый серый встал на дыбы и сделал шаг в сторону. — Может, так и стоило бы сделать. Но Блейд выполняет свою работу, а это значит, что я должен выглядеть хорошим всадником, быть атлетическим и роскошно одетым.

Говорил он недовольно, но Сэра заметила, что представление нравится ему не меньше, чем его лошади. После нескольких часов хода горячий жеребец Форана успокоился и позволял себе лишь легкие шалости.

* * *

Хенна смотрела, как солнце сверкает золотым и красным в волосах Джеса, и думала об этом неожиданном, но желанном подарке.

Джес шел рядом с лошастью Хенны, у его ног бежала Гу-ра. Ходьба словно нисколько не затрудняла Джеса, хотя лошади двигались быстрым шагом. Хенна не обменялась с ним ни одним словом наедине с того дня, как караулила его сон, но почему-то ей казалось, что они оба признали это новым шагом в их отношениях.

Теперь он принадлежит ей.

Естественный ход путешествия привел к образованию нескольких небольших групп: Сэра и Таер во главе; затем Форан, Ринни, Лер и Иелиан; дальше Тоарсен, Кисел и Руфорт; наконец, замыкают Хенна, Джес и собака.

Хенна слышала звуки разговоров впереди, но могла разобрать изредка лишь отдельные слова. Поскольку они с Джесом двигались последними, а легкий ветер дул им в лицо, никто не услышит, что они скажут друг другу.

Она не знала, что ему сказать. Она редко испытывала неловкость, но с рядом с Джесом для большинства это обычное состояние. Сама Хенна не говорила много — в отличие от Таера, — но не испытывала неловкости, когда Джес молчал. Вернее, раньше не испытывала. А теперь ей хочется говорить с Джесом, но она не знает, что сказать, и потому молчит.

Джес потрепал ее по ноге.

— Не надо так волноваться, — сказал он.

Это было настолько неожиданно — хотя она опять не понимала, почему: ведь она знала, что он необычайно сильный эмпат, — что Хенна рассмеялась.

— Попытаюсь не волноваться, — ответила она. Она не видела его лица, не могла прочесть его выражение, но плечи Джеса расслаблены, он спокоен. — Просто я чувствую, что мне нужно много сказать, но когда хочу сказать, слова не выходят из уст.

— У меня так часто бывает, — серьезно сказал он. — Обычно я жду, чтобы это прошло. Если это важно, рано или поздно оно придет. Помогает бег.

— Думаю, я просто буду наслаждаться тем, как солнце греет плечи, — сказала она.

Он повернул голову, и она увидела, что он улыбается.

— Я тебе говорил о солнце.

— Иногда ты бываешь очень мудрым.

Он рассмеялся.

— Иногда. Но обычно я глуп.

Всякое желание смеяться оставило ее.

— Кто так говорит?

Он повернулся к ней, идя задом наперед, и улыбнулся.

— Не надо обнажать кинжал, милая леди. Я так говорю. Большой частью я даже не могу поддержать разговор.

— Ты не глуп, — сказала она.

Улыбка сменилась мягким выражением, которое она не смогла понять, но почувствовала, как почему-то ускорился ее пульс.

— Ну хорошо, — согласился он. — Я не глуп.

Потом повернулся, и она не знала, что еще сказать. Однако сказать хотелось — чтобы снова увидеть это непонятное выражение его лица.

Лагерь разбили за несколько часов до захода, потому что Таер по опыту знал: в первые дни это занимает много времени. К тому же Лер еще не оправился от болезни, которую подцепил в Колберне, а лошади с низин, на которых ехали Тоарсен и остальные, уставали быстрее, потому что не привыкли к высоте. Несколько дней в первой части пути позволят им акклиматизироваться, а Лер за это время поправится.

— К тому же, — объяснял он Сэре, улегшись на дерево и положив голову ей на колени; во рту он держал веточку, — мне нравится этот лагерь. На земле почти нет камней, а в озере множество форели на ужин.

— Мальчикам нравится, — сказала Сэра, когда слышались возбужденные крики бесстрашных рыболовов: Тоарсен дернул свою леску. Но Таер наблюдал за дочерью.

— Для мужчины, который никогда не общался с детьми, он очень хорошо управляется с Ринни, — заметил он.

— ...не так, Форан, — говорила Ринни, пытаясь научить императора насаживать приманку на крючок. — Если крючок не закрепить, приманка свалится.

— Он позволяет ей распоряжаться собой, — сухо ответила Сэра. — Думаю, его это забавляет, но ей эта привычка сослужит плохую службу в обращении с братьями.

Таер достал изо рта веточку и показал ею на Ринни, которая, подбоченясь, что-то раздраженно говорила Форану.

— Ему стоит быть поосторожней. Я знаю Ринни. Если перестанет притворяться послушным и засмеется, придется ему сушиться.

Гура залаяла на прыгающую на земле рыбу, которую выудил Тоарсен.

— Тоарсен рыбачил и раньше, — заметила Сэра. — Кисел тоже.

— Легей стоит на реке, как и Редерн. — Таер устроился так, чтобы ему было удобнее наблюдать. — Было бы удивительно, если бы Тоарсен не умел рыбачить. А Кисел повторяет все, что делает Тоарсен. Руфорт не умеет рыбачить, но он бывал в лесу. Заметила, как он ловко разжег костер? Такому в городе не научишься. А вот наш Иелиан — типичный горожанин. И весьма чувствительный. Надо держать Ринни подальше от него... ему не покажется забавным, если десятилетняя девочка будет говорить ему, что он делает неверно. Надо поговорить с Лером.

— Поговори и с Ринни, — посоветовала Сэра. — Она может проявлять сочувствие, если понимает, что тревожит людей.

— А куда пошли Хенна и Джес?

Сэра наклонила голову и потерлась щекой о его щеку.

— У нас больше рыболовов, чем крючков, поэтому Хенна сказала, что они пойдут собирать хворост и зелень.

Таер вопросительно поднял бровь.

— Мы могли бы собрать хворост.

Она рассмеялась.

— Мама говорила мне о таких мужчинах, как ты.

Когда рыба была поймана и съедена, а солнце село, все собрались у костра. Таер настроил лютню, которую привез из Таэлы.

— Сыграй «Отступление пехотинца», папа, — попросила Ринни.

Так началось пение. Уже перешли ко второму куплету, когда присоединился мягкий альт Сэры. Таер знал, что она не любит петь на людях, но с ним, когда посторонних не было,

она пела. То, что она вообще запела, — показатель того, насколько близким считает она Форана и его парней.

Мягкие жалобные тона «Отступления пехотинца» сменились задорной «Первой охотой большой собаки». Таер особенно любил эту песню, потому что целый месяц разучивал ее под руководством деда перед самым уходом на войну. Это последняя песня, которой научил его дедушка.

Лер извлек свой короткий свисток и подыгрывал высоко и тонко, Ринни палочками отбивала ритм. Для парней, которые не знали песню, ритм оказался слишком быстрым, но Тоарсен держался до последних строк, которые исполнялись дважды и так же быстро, как все остальное.

Затем Таер сыграл балладу, знакомую всем. Во втором куплете был дуэт, который исполнили Лер и Джес. Голоса их почти не различались по тембру, и Таеру всегда нравилось слушать необычную текстуру, которая возникала в результате этой идентичности.

На третьем куплете пальцы подвели Таера, и он пропустил ноту.

Он продолжал играть как ни в чем не бывало, и как будто никто ничего не заметил. Он ведь не сфальшивил. Просто пальцы задержались чуть дольше, чем нужно.

Он исполнял эту балладу сотни раз и ни разу не пропускал ноту — тем не менее это всего одна нота, и беспокоиться не о чем. Так он говорил себе, заканчивая последний куплет и снова переходя к припеву, но не мог не заметить, что на мгновение, когда пальцы остановились, он забыл, кто он и что делает.

С улыбкой и театральным жестом он закончил песню и отправил всех спать.

— Утро скоро, а ждать восхода мы не будем, — сказал он.

Улыбнулся Сэре и пошутил — и тут же забыл, о чем шутил. Скрыл страх за улыбкой, как научился делать на службе в армии. Но сейчас перед ним враг, с которым он не знает, как сражаться.

Когда Сэра свернулась рядом с ним, он крепко прижал ее к себе. Она поцеловала его, устроилась поудобнее, потрепала его по руке и уснула. А он прижимал к себе жену и надеялся, что тепло ее тела расслабит узлы у него в животе.

Он так тревожился, как бы не потерять ее, что совсем не думал о том, что может раньше потерять себя.

Джес встал и подошел к нему. Присел у головы отца.

— Что случилось, папа?

Голос его был мягок, как ночной воздух.

— Все в порядке, — прошептал Таер. — Ложись спать.

Джес покачал головой.

— Ты не считаешь, что все в порядке. Я это чувствую.

Таер обнаружил, что хотел бы иметь дело с Защитником, потому что из этих двоих Джес упрямее. И он не уйдет без объяснения, пока чувствует страх отца.

— Сегодня, когда мы пели, я почувствовал влияние того, что Путь сделал с моим орденом, — сказал он наконец, надеясь, что не разбудит Сэру. — Это длилось недолго и не причинило боли. Просто я испугался.

Джес кивнул.

— Хорошо. Особенно не тревожься. Мы не позволим, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

Таер улыбнулся. Как ни нелепо, но после разговора с Джесом он почувствовал себя лучше.

— Знаю. Иди спать.

Два дня спустя, когда Таер рассказывал историю о мальчике, нашедшем яйцо феникса, это произошло снова. Только что они ехали по тропе и Кисел смеялся, а в следующее мгновение лошади стояли и Кисел держал лошадь Таера.

— Что случилось? — спросил он встревожено.

Таер покачал головой и улыбнулся, надеясь, что не сделал ничего слишком глупого.

— Просто забыл следующую часть истории. Наверно, вспомню и закончу вечером за ужином, если хочешь.

Кисел медленно кивнул.

— Будет неплохо.

К ним подъехал Тоарсен.

— Почему вы остановились?

— Тебя ждем, — ответил Кисел и, посылая лошадь вперед, начал разговор о сравнительных достоинствах разных типов седел.

Сэра ехала за Тоарсеном. Она успокоила свою лошадь, и они с Таером поехали рядом.

— Моя штопка не держит, — сказал Сэра. — Позже попробую снова.

После ужина она попробовала, но, к ее раздражению, тигровый глаз из кольца Жаворонка ей не помог, и она ничего не смогла сделать.

Тем не менее Таер взял лютню и сыграл несколько мелодий, не встретив никаких затруднений. Сэра не пела, она сидела рядом с ним и смотрела в темноту.

Когда настало время ложиться спать, Таер обнял жену и вытер с ее лица слезы.

— Если я не смогу петь, ты будешь меня любить? — спросил он.

— Я буду тебя любить, даже если ты не сможешь говорить. — Она слегка постучала его по подбородку. — Может, даже сильнее.

Он сдержал смех, чтобы не разбудить весь лагерь.

— Я тоже тебя люблю.

В середине следующего дня началась самая трудная часть пути — горный проход, ведущий к Падению Тени. Крутой подъем увеличил расстояние между всадниками, так что в конце концов Таер мог оглянуться назад и увидеть расстояние почти в пол-лиги между собой и Джесом, который шел за последним всадником. В том месте, где тропа немного расширилась, он остановил С্কью и отправил Лера, ехавшего с ним, вперед, а сам стал дожидаться остальных.

Шкура кобылы Лера потемнела от пота, но лошадь дышала легко. Когда С্কью остановился, и она должна была идти вперед одна, это ее нисколько не встревожило.

В нескольких лигах впереди, сразу перед самым трудным и крутым участком пути, была небольшая ровная площадка, на которой Лер уже разбивал лагерь, когда подъехали остальные. Таера беспокоило, как лошади сопровождающих Форана перенесут подъем. Он по опыту знал, что животным в горах тяжелее, чем людям.

Первой на тропе появилась лошадь Ринни: ведь ее груз был полегче. Ринни остановилась возле С্কью, и Гура, довольно отдуваясь, повалилась на землю.

— Папа, — сказала Ринни. — Впереди штормовой фронт со снегом. Я пытаюсь отвести его в сторону, но мне нужно знать, в каком направлении мы будем двигаться.

— На восток, — ответил он. — В течение ближайших дней на восток и чуть на север. Если удержишь дня на два, мы уже начнем спуск, и тогда нас ждет не снег, а дождь.

— В этом направлении на земле уже лежит снег, — сказала она. — Возможно, нам будет трудно возвращаться этим путем.

— Будем преодолевать трудности, когда столкнемся с ними, — ответил он. — Возможно, вернемся другим путем. Это самый прямой путь, но когда возвращаешься домой, несколько дополнительных недель не в счет.

Она кивнула. Когда ее лошадь пошла, Таер ей вслед сказал:

— Я рад, что мы прихватили своего Баклана с собой, а не оставили в Редерне, где он был бы бесполезен.

Ринни улыбнулась ему и обратила все внимание на неровный склон, по которому поднималась лошадь. Гура поколебалась, посмотрела на Таера и побежала за Ринни.

Не успела Ринни скрыться из виду, как появилась Сэра. Таер поцеловал ее и рассказал, что Ринни пытается сдержать бурю.

— Сегодня так и не потеплело, — ответила Сэра. — Когда приедешь в лагерь, тебя будет ждать что-нибудь горячее.

— Жду с нетерпением, — сказал он. — До вечера.

Когда Сэра исчезла, он спешился и убрал удила, чтобы С্কью мог пастись. Растительность здесь скудная. На такой высоте растут вечнозеленые деревья, а трава плохо уживается с хвойными. День-два всем лошадям придется немного поголодать.

Присев на корточки, Таер ждал.

Следующим появился Форан, и сразу за ним Тоарсен. Жеребец Форана выглядел неплохо, но лошадь Тоарсена дышала тяжело.

— Для лошадей это тяжело, — сказал Таер. — На крутых участках можно немного пойти пешком.

Следующего всадника — Иелиана — пришлось ждать долго.

— Кто-нибудь едет с императором? — спросил он.

Таер кивнул.

— Тоарсен. Кажется, Форану приходится сдерживать Блейда, чтобы Тоарсен не отставал от него.

— Хорошо, — сказал Иелиан.

Дальше показалась Хенна.

— Джес велел мне идти вперед и сказать тебе, что с остальными все в порядке. Кисел и Руфорт поднимаются медленней, чтобы побереечь лошадей. Так им велел Джес.

— Он прав, — сказал Таер. — Сэра и Лер уже разобьют лагерь, когда все доберется.

Когда Таер и остальные увидели впереди огонь костра, стало уже темно.

— Ну, уже близко, парни, — сказал Таер, вставая на стременах, чтобы снять напряжение коленей, которые начинали неметь.

— А это что? — спросил Руфорт. — Там, внизу, под нами, видите огоньки? Кто-то следит за нами?

— Ага, — сказал Таер, останавливаясь. — Я гадал, увиди-те ли вы.

— Кого увидим? — спросил Джес.

— Не кого, а что, я думаю, — ответил Таер. — Когда я поднимался здесь в прошлый раз, были огни, голоса... и другое всю ночь напролет. Сначала я подумал, что это горная болезнь — мы тогда еще не поднялись на самую высоту, но я очень устал.

— Значит, нам не нужно тревожиться?

Лошадь Руфорта воспользовалась остановкой и стала тереться носом о колено.

— Я бы так не сказал, — ответил Таер. — Это Рваные горы, и тут можно столкнуться с любыми неприятностями. Но эти в прошлый раз не причинили вреда, так что будем надеяться на лучшее. Пойдем. Лагерь ждет нас.

Лагерь был точно таким, каким его помнил Таер, полным мелких камней, готовых наказать спящих, и очень малым количеством травы для лошадей.

Странные огоньки продолжали мелькать тут и там, как будто в ста ярдах люди несли свечи.

— Здесь что-то есть, — сказала Сэра, когда Таер рассказал всем об огоньках, которые встречал в прошлый раз. — Это не магия. Здесь нет никакой последовательности.

В кустах слышалось шуршание, но Джес и Гура уходили туда несколько раз и возвращались разочарованными.

Все расстелили спальные мешки; Сэра лежала у костра, пытаясь уснуть, как вдруг неожиданно села.

— Слышали?

— Нет, — ответил Таер, садясь и оглядываясь.

— Я ничего не слышал, — сказал Защитник.

Сэра забралась в спальный мешок Таера и сказала:

— Плохо слышать голоса, которых не слышит никто, но еще хуже не понимать, что они говорят.

— Имена, — сказала Хенна, и Таер понял, что с момента прихода в лагерь она не произнесла ни слова. — Я слышала их еще в сумерках. Ты знаешь, что это за место, Сэра? Когда колдуны, жившие в Колоссе, бежали из города, некоторые души мертвых последовали за ними. Колдуны привязали их к этому склону, чтобы они охраняли путь. Они называли это место горой Памяти или горой Имен, и духи остались здесь и мешали другим духам преследовать своих убийц. Огни, шорох, голоса — все это пытается привязать вас к месту своими именами. Магия, державшая их, ослабла и рассеялась, и еще через сто лет здесь не будет ничего.

Сэра покачала головой.

— Никогда не слышала эту историю.

— Я слышал о горе Имен, — сказал Таер, — хотя не знал, что это и где. Хотел бы я в прошлый раз знать, что это магия. Тогда мне показалось, что я теряю рассудок.

— А зачем ты приходил сюда, папа? — спросил Джес. Нет, понял Таер, слыша голос из темноты. Спросил Защитник. — В таком месте много зверей не попадет в твои ловушки.

— Я возвращался домой, — сказал Таер. — Зима была очень мягкая, поэтому я, добывая мех, зашел дальше, чем обычно. Тогда-то я и наткнулся на Падение Тени. — Он помолчал. — Поняв, где я, я испугался и решил идти домой прямо, а не возвращаться по своему кружному пути. Здесь дорога нелегкая, но любая другая отняла бы у меня несколько недель.

— Как ты узнал, что это Падение Тени? — спросил Форан.

— Ничем другим это не могло быть. Поймешь, что я имею в виду, когда сам увидишь. Я ушел оттуда так быстро, как мог идти Скью, и совсем не спал, пока не оказался дома.

— Ты напугал маму, — сказал Лер. — Я это немного помню. Кажется, я был моложе, чем сейчас Ринни. Ты пришел домой и упал, не сказав ни слова. Мама решила, что ты заболел, и послала меня с Джесом за Карадоком.

— Ты только раз был здесь? — спросил Иелиан. — Откуда ты знал, куда идти?

— Вот слова горожанина, — сказал Руфорт, но его замечание не прозвучало обидно. — Тот, кто ходит по горам, быстро научается отличать восток от запада и точно измерять расстояния, иначе просто не выживет.

— Ты бывал в горах? — спросил его Форан.

— Я вырос недалеко от Дирхевена. У меня был дядя... ну, точнее, двоюродный брат мамы. Он хорошо знал горы.

— Таер — Бард, — сказала Сэра, устраиваясь поближе к мужу. — Он умеет запоминать.

Они снова попытались уснуть — большинство из них. Таер слушал, как затихает лагерь. Джес не стал ложиться, и Таер успокаивал себя тем, что шорох, который он слышит, это Джес, и что он может уснуть. Но Джес не шумит, и поэтому большую часть ночи Таер пролежал без сна.

На следующее утро он велел всем потеплее одеться и попросил Джеса дважды проверить лошадей, чтобы убедиться, что они смогут идти весь день.

Вокруг поднимались голые ледяные вершины: путники вступили на самый трудный участок пути. Лер снова пошел первым, потому что вряд ли мог потерять направление: пока не начнут спуск, есть только одна тропа, по которой могут идти лошади.

Здесь лошадям трудно, и Таер часто шел пешком. Колени его беспокоили не больше, чем после целого дня в седле: ходьбу они переносили даже лучше, чем езду верхом.

К полудню они увидели снег, но он выпал недели две назад. На этой высоте Таер видел тучи, которые Ринни сдерживала, как могла.

— Папа, у меня голова болит, — сказала она.

— У меня тоже, милая. Это высота и блеск солнца на снегу. Закрой глаза, твоя лошадь пойдет за остальными. Через несколько часов будем на вершине. А по другую сторону тебе станет лучше.

Ринни чуть покачнулась.

— Буре не нравится, что я ее отталкиваю. Она хочет идти сюда.

Таер не знал, что она может сделать не рискуя, а Сэра и Хенна ушли далеко вперед.

— Осторожнее, милая. Сдерживай бурю не очень сильно, совсем немного. Что бы ты ни делала, это помогает.

Она кивнула и закрыла глаза.

Подъехал Иелиан.

— У меня сильная лошадь, — сказал он. — Девочка может поехать со мной, если это ей поможет.

— Спасибо. — Таер улыбнулся. — Но впереди, за хребтом, еще один крутой подъем. Лучше пусть она останется на своей лошади.

Иелиан прикрыл рукой глаза от солнца и посмотрел вперед.

— Хребет? Я думал, мы уже на вершине.

Таер покачал головой и улыбнулся.

— Еще нет. Думаю, надо проехать еще с лигу до вершины.

Он ошибся ненамного. Полчаса спустя он прислонился к лошади Ринни и смотрел, как Тоарсен и Кисел начали играть в снежки на вершине горы. Война продолжалась недолго, потому что было очень холодно, но когда начали спуск, все ободрились.

Они были в часе езды от места, где Таер собирался разбить лагерь, как Ринни постучала его по плечу.

— Буря идет, — сказала она.

— Все в порядке. — Он похлопал ее по ноге и поехал рядом. — Можешь поспать.

Ринни спала, пока не остановились на ночь. Она что-то проворчала, когда Джес снял ее с лошади, и снова уснула, как только он уложил ее и укрыл одеялом.

Лер приготовил сладкий чай и проследил, чтобы все выпили по две чашки, а Сэра тем временем делала жаркое в небольшом количестве воды из соленого мяса и репы. Нужно было долго кипятить мясо, чтобы оно стало мягче, а чай, хоть и кипел, был совсем не горячим.

Помня предупреждение Ринни, Таер послал Форана и мальчиков за прочными ветками, а сам приготовил промасленный брезент, который мог хоть немного защитить их во время сна. Буря разразилась ночью и сопровождала их на всем пути с горы, перейдя от снега к дождю, пока не прекратилась.

День отдыхали и сушили одежду, потом ехали еще пять долгих дней и наконец оказались в густом лесу на звериной тропе, бегущей по относительно ровной поверхности. Не видно было ни следа людей. Все знали: если поселиться слишком

близко к Падению Тени, урожая не будет, словно Безымянный король лишил почву плодородия. Но хвойные деревья росли отлично. Вероятно, здесь можно прожить, срубая деревья и стаскивая их на равнины, но люди в Рванных горах начинали тревожиться, если слишком в них задерживались.

В Редерне, помимо Таера, было еще несколько охотников, которые зимой уходили за шкурами, но большинство оставались в лесу ненадолго. И потом рассказывали о каких-то существах, которые преследовали их неделями, не оставляя следов. У Таера здесь тоже было несколько необычных встреч.

Хотя двигались они по ровной тропе, вокруг возвышались горы. Оглядываясь, Таер видел самую высокую из них — длинный хребет с голым красным верхом, обрамленным белизной снега; посередине этого хребта пролежала узкая щель — тот самый проход, по которому они пришли сюда.

Скью перешел вброд мелкий ручей. Таер надеялся, что обратный путь они сделают за несколько недель и вернуться в Редерн — точно как те, кто пережил падение Черного короля и по этому самому проходу добрался до безопасных мест за Рванными горами.

И тогда он снова сможет петь.

Скью махнул головой, и Таер ослабил повод, давая коню свободу.

Прошлым вечером Таер снова пел и потерял сознание — во всяком случае, так это выглядело. Одно мгновение — он пел, следующее — он лежал на земле, и Сэра шлепала его по лицу.

Говорят, он перестал петь, замолчал и сидел совершенно неподвижно. Потом у него начались конвульсии. Форан и Джес держали его, пока припадок не кончился. Хенна и Сэра потом долго совещались ночью и пришли к выводу, что припадок вызван тем, что Таер использовал свой орден, затронутый заклинаниями магов.

Таер не хотел когда-нибудь снова увидеть такое выражение в глазах Сэры, поэтому решил прекратить петь и рассказывать истории — ну, на время, конечно.

Сэра старалась не смотреть все время на Таера, не пытаться *видеть*. Большую часть вечера они с Хенной старались найти магию, уничтожающую орден Таера, но так и не смог-

ли. Ничего не было, как ничего не было и тогда, когда они очищали Таера от заклятий после освобождения его от Пути.

Хенна кое-что знала о заклятиях, которые использовали маги, потому что была там. Таер тоже немного помнил, хотя мастера попытались стереть его память.

Руфорт, который был старше остальных троих бывших Воробышков, побывал на церемонии, когда в присутствии зрителей колдуны привязывали орден к камню. Он рассказал, что мог вспомнить, но он не колдун, и, как сухо заметил Таер, большинство из того, что делали колдуны на сцене, не магия, а театральные жесты.

Если бы снова показалась Память Форана, она могла бы сказать больше. Однако после того, как она убила нападавших на Форана в Таэле, Память не приходила кормиться, хотя почему — Сэра не знала. Память встречается очень редко, она возникает только тогда, когда Ворона предательски убивают, и поэтому о ней почти ничего не известно. Она возникает сразу после смерти Ворона, обычно когда убийца еще в комнате. Отомстив за мертвого Ворона, она исчезает. Мастера были защищены от Памяти магией, и если бы поблизости не оказался Форан, у которого Память могла бы кормиться, она была бы прикреплена к камню, а этого колдуны и добивались. И тогда она стала бы еще одним камнем из тех, которые колдунам не удавалось использовать.

Сэра никогда не слышала, что бы Память кормилась от кого-то, кроме своей добычи, и поэтому не знала, какими правилами она руководствуется в отношениях с Фораном. И пока Память не вернется, они с Хенной могут пользоваться только тем, что имеют, чтобы понять заклятие, которое действует на Таера.

Судя по сведениям, которые сообщили бывшие Воробышки, заклятие состояло из трех частей. Первая, которую наблюдала Хенна, это связывающая церемония. На Хенну она не подействовала, и ни Хенна, ни мастера не знали почему. Хенна не видела, как ее орден привязывали к камню, и поэтому не знала, как им это удавалось. Таер, будучи Бардом, знал только, что ему больно и у него гаснут чувства.

Путь держал своих обладавших орденом пленников год и один день, прежде чем успешно похитить орден и привязать его к камню. Отчасти это происходило потому, что магия

лучше действует на человека, который хорошо известен тому, кто эту магию применяет. Магия Сэры гораздо легче действовала на членов ее семьи, чем на людей, которые ей не знакомы. Но иногда магии просто нужно много времени, чтобы подействовать. Связь ордена с камнем должна была быть по крайней мере не слабее связи ордена с носителем; на установление такой связи необходимо время.

Вторая часть, вероятно, заключалась в том, что камень начинал постепенно притягивать к себе орден. По-видимому, Таер находится в этой фазе. Тоарсен рассказал, что оба Ворона, которые были в заключении до Таера, к концу заключения переживали такие же припадки. Хенна считала, что после того как они покинули Тазлу, кто-то проделал эту вторую часть заклинаний. После того как Память покончила с колдунами, в живых оставался только один — сам Черный. И у него должен быть камень, к которому привязан орден Таера.

В третьей части заклинания Пути колдуны перерезали связь между орденом и носителем ордена. Для этого магия могла быть и не нужна, достаточно смерти носителя.

Судьбы Форана и Таера связаны друг с другом: если уничтожить Черного, они оба будут свободны. В последнем сообщении Брюидд говорилось, что либо Черный в Колоссе, либо они найдут там способ уничтожить его. Сэра взглянула на Таера и сразу отвела взгляд, чтобы он не заметил. Она найдет Черного, молча поклялась она. Найдет и позаботится, чтобы он больше никогда не беспокоил ее и ее близких. Сегодня Таер ехал впереди один. Он почти не разговаривал, и хотя Сэра знала, что молча он чувствует себя так же уверенно, как общаясь с окружающими, она тревожилась за него. Однако понимала, что ее заботливая суета скорее навредит ему, чем поможет, и поэтому позволила ему избегать себя.

Звериная тропа, по которой они двигались, привела к широкому плоскому лугу в пол-лиги шириной и, насколько могла судить Сэра, в три или больше лиг длиной. Лошадь Сэры сделала несколько шагов по лугу и остановилась. Сэра поняла, что сама ее остановила, но не могла понять, почему.

— Я знаю это место, — сказал Джес, который шел рядом с Хенной сразу за матерью.

Следующим подъехал Форан и остановился за Сэрой. Он быстро развернул Блейда и посмотрел на деревья, как будто

ожидал увидеть наступающую армию. Но ничего не было, только мягкий ветерок шевелил вершины вечнозеленых деревьев.

Таер оглянулся и увидел, что они остановились. Он повернул Скъю и поехал назад.

— Падение Тени, — сказал Иелиан благоговейно, когда Таер подъехал.

— Где-то впереди есть развалины зданий, — сказал Таер. — Не знаю, проедем ли достаточно близко, чтобы увидеть их. Согласно карте, наш путь лежит прямо через эту долину. Когда я был здесь в первый раз, пришел прямо с севера примерно в двух лигах отсюда и повернул домой, не заехав глубоко.

— Это всего лишь луг, — чуть разочарованно сказал Кисел. — Хотя он больше, чем я думал.

— После пятисот лет мало что остается, — сказал Тоарсен. — Кожа гниет, а сталь ржавеет.

Он прав, но что-то звало Сэру. Она спешила и прошла несколько шагов вперед. На самом деле это не магия. Просто что-то вызывает к ней из прошлого. Наклонившись, она провела рукой по земле и подняла золотое кольцо. На нем был след, какой может оставить на более мягком металле нож или меч. И как только она его коснулась, много других предметов звало к ней. Она всегда считала, что чтение прошлого предметов — это пассивное занятие, но эти остатки давней битвы хотели, чтобы она прочла их.

— Они зовут меня. — Ей казалось, что сам воздух, которым она дышит, отяжелел. — Все вещи, которые лежат здесь, чья история здесь кончилась. — Она сжала кольцо в руке. — Он был слишком стар, чтобы сражаться, но никого не осталось. Никого, кроме стариков, женщин и детей. Плечо у него отказало из-за артрита, и он взял меч в левую руку. Первая жена, возлюбленная его молодости, дала ему это кольцо, когда мир был другим, и у него был преуспевающий сын... что-то вроде торговца тканями, но ткани, которыми он торговал, привозили из-за моря.

Она уронила кольцо и снова села на лошадь.

— Пяти столетий недостаточно, чтобы очистить Падение Тени. Я не хочу задерживаться здесь.

Джес, который переступал с ноги на ногу, неожиданно, когда они двинулись назад, сел на лошадь за Хенной.

— Не могу идти по этой земле, — сказал он.

Гура, поджав хвост, не отходила от лошади Ринни и не бегала по сторонам, как обычно.

— Лежат ли еще здесь их кости? — сказал негромко Таер, когда они ехали по полю древней битвы. — Кости Рыжего Эрनाव и Безымянного короля. Похоронили ли останки героя или испугались тела мертвого Черного? Были ли стервятники? Волки, и горные кошки, и другие твари, которые служили Черному, как тролль, которого убила Сэра.

— Я бы оставил мертвых лежать, — ответил ехавший рядом с ним Руфорт. — У выживших было слишком много дел, им нужно было думать о себе. Было бы плохой наградой погибшему Эрнаву и все остальным, если бы они потратили время на погребение и загубили бы свое будущее. Я слышал, что через месяц после битвы поле сражения так же опасно, как во время битвы.

— Болезни, — сказал Таер. — Я с тобой согласен. Лучше спасти живых и оставить мертвых лежать. Вспоминать их в песнях и рассказах — это лучший памятник, чем могильная плита.

Они увидели остатки здания, хотя близко не подъезжали и разглядели только несколько больших каменных блоков, размером не меньше их лошадей.

— Я почти вижу это, — глухо сказал Форан. — Дым и крики. Ужасное сражение с врагом, который ожесточенно сопротивляется.

Но даже такое больше поле битвы, как Падение Тени, когда-нибудь кончается. Впереди показались деревья, обозначая границу между полем и началом холмов, когда Сэра снова остановила лошадь.

— Подождите, — сказала она. — Здесь что-то есть.

— Да, — согласилась Хенна. Она немного отъехала в сторону, где один поверх другого лежали три неровных блока. Они слегка погрузились в почву. Хенна передала повод Джесу, перебросила ногу через спину кобылы и спешила, оставив Джеса сидеть верхом. Присела, чтобы получше разглядеть камни.

— *Доверг Эрнав атрехт венабихаек*, — прочла она и перевела: — Рыжий Эрнав защищал нас и погиб здесь.

— Значит, все-таки оставили памятник, — сказал Таер. Он осмотрелся, потом медленно повернул лошадь кругом, и

на лице его появилось выражение растущего удивления. Он недоверчиво рассмеялся. — Точно как я это рисовал, — сказал он. — Интересно, сколько правды в рассказах о Падении Тени.

— Мне здесь не нравится, — сказала Ринни. — И скоро будет дождь. Не хочу здесь находиться, когда не будет светить солнце. Не думаю, чтобы это было приятно.

Хенна отряхнула пыль. Джес дал ей руку, и она на этот раз села за ним.

— Я тоже так не думаю, — сказала Сэра дочери. Ей хотелось уйти от этих взывающих к ней рассказов из далекого прошлого.

Но в конце поля им все-таки пришлось остановиться, потому что карты говорили, что здесь должна быть дорога, но никакой дороги не было.

Руфорт слез с лошади и потянулся, пока Таер и женщины сопоставляли старые карты и современный рельеф. Он воспользовался возможностью рассмотреть ровную, поросшую пожелтевшей травой поверхность.

Падение Тени.

Как он, Руфорт Бездельник, попал в такое приключение? Третий сын пятого сына септа Бендит Кипа, Руфорт сражался за все, что имел, непрерывно дрался с родными и двоюродными братьями, пока его не сослали в Таэлу.

Когда ему предложили, он присоединился к Воробышкам, надеясь найти свое место, где его будут ценить. Да, Путь ценил его. Он не глуп. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что Воробышки — это пушечное мясо в игре, которой руководят мастера Пути, но к тому времени он также понял, что выхода отсюда, кроме смерти, нет. Но у него не было ради чего жить, а Путь помог ему найти выход нарастающему гневу.

Потребовалось два обстоятельства, чтобы он пересмотрел свое отношение. Во-первых, избиение, которое показало, что каким бы рослым и сильным ты ни был, всегда найдется кто-нибудь выше и сильнее. А второе произошло однажды ночью в коридоре у его комнаты в почти забытом уголке дворца, когда он увидел тело убитого Воробышка и решил, что не хочет умирать.

Руфорт был из числа тех, кто умеет выживать.

Он посмотрел на Форана, который снял со своей лошади седло и рассматривал место на коже, натертое во время похода по горам. Кто бы мог подумать, что Руфорт из Бендит Кипа будет участвовать в приключениях с императором, и каким императором!

Руфорт искренне считал, что в императорской гвардии он будет всего лишь охранником, почетным слугой — что, конечно, гораздо лучше, чем быть мертвым. Но Форан никогда не обращался с ним как со слугой: ни на тренировках до этого путешествия, ни в самом путешествии. Форан спрашивал у него совета и следовал ему — или объяснял, почему не следует.

О, Руфорт знал, что говорят о Форане. Он не раз видел императора в пьяном забвении. Видел, каким жестоким может он быть от скуки и неудовлетворенности. Но разве сам Руфорт не поступал так же и по тем же причинам?

Но все это изменилось. Руфорт не вполне понимал, как и почему изменилось; он знал только, что среди Воробышков появился Таер, фермер из Редерна и Бард, и навсегда изменил жизнь Руфорта. Теперь у Руфорта есть свое место, есть положение, которым он гордится, и есть достойные люди, с которыми вместе он служит и которым подчиняется.

Тоарсен и Кисел — люди, за которыми можно идти. Он посмотрел на них: они негромко разговаривали. Мужчины — оба, больше не мальчики, и он тоже мужчина — с начала лета. Они люди, которые сами направляют свою судьбу, а не пляшут под чужую дудку.

Руфорт выбрал службу императору. Он с радостью подчиняется Тоарсену и Киселу как своим капитанам. Но Форан — Форан человек, ради которого Руфорт из Бендит Кипа, Руфорт Выживающий, готов отдать жизнь.

Он негромко рассмеялся своим перевозбужденным (хотя и верным) мыслям. Осмотрелся и увидел недалеко место, окруженное ивами, которые казались карликами на фоне хвойных деревьев. «Вероятно, ручей», — подумал он. Мехи и кувшины наполнили водой утром; но он вырос в засушливой местности и научился никогда не проходить мимо воды.

Оставив лошадь с остальными, он отправился на разведку.

Иелиан нашел его на берегу почти пересохшего ручья.

— Все еще решают, каким путем двигаться дальше, — сказал Иелиан. — Карты расходятся.

Руфорт хмыкнул.

— Что ты видишь, когда смотришь сюда?

— Камни и грязь, — небрежно ответил Иелиан, как человек, выдержавший слишком много розыгрышей. Быть Воробышком означало постоянно ждать подвоха.

— Я не хочу перемещаться, чтобы не утратить перспективу, — сказал Руфорт. — Пожалуйста, приведи... — Кого? Таера? Тоарсена или Кисела? — Лера. Приведешь?

Иелиан кивнул и побежал туда, откуда пришел. Остальные были недалеко, поэтому он вскоре вернулся с Лером.

— В чем дело? — спросил Лер.

— Что ты видишь? — снова спросил Руфорт, кивком показывая на ручей.

Лер посмотрел, а когда он присел, Руфорт понял, что не ошибся.

— Ты тоже это видишь? — спросил он.

Лер кивнул, отошел, спустился вниз по течению и встал на высохшее дно ручья. Посмотрел в одну сторону, в другую. Опустил руку в вяло текущую воду и извлек плоский квадратный камень, который отнес к Руфорту.

— Отличное зрение, — сказал Лер.

— Что это?

Иелиан уставился на камень.

— Булыжник, — ответил Руфорт, хлопая Иелиана по спине. — Булыжник, уложенный на дорогу, чтобы не было грязи. Ручьи извиваются, мой городской друг, а этот прямой, как стрела. Прямой, как дорога.

Лер улыбнулся.

— Руфорт нашел дорогу в Колосс.

Ринни была права, пошел дождь. Следующие четыре дня с неба непрерывно лилась вода, словно сейчас весна, а не конец лета.

— Слишком много воды, чтобы удержаться в тучах, — сказала Ринни матери. — И буря движется в нашем направлении. Лучше пусть пройдет сейчас, пока она еще не сильная. Если я буду ее сдерживать, нас затопит.

На второй день все их имущество отсырело. Так как после Падения Тени они двигались на север, Сэра решила, что им повезет, если до прихода в Колосс они снова не столкнутся со снегом.

В некоторых местах найденная Руфортом дорога так заросла, что невозможно было отличить ее от девственного леса: исчезнув под толстым слоем почвы, дорога через полмили снова появлялась. Когда лес становился гуще и видимость сокращалась до ста ярдов в любом направлении, находить дорогу было еще трудней. В середине четвертого дня дождей Джес, который с Гурой отправился вперед на разведку, вернулся и сообщил:

— Впереди река. Дорога идет прямо через нее.

— Мы не можем стать более мокрыми, — с улыбкой сказал Форан. — Надеюсь только, что она мельче той, через которую мы переправлялись в прошлый раз. Не хотелось бы, чтобы меня унесло течением, когда мы зашли так далеко.

Сэра внимательно посмотрела на Джеса, который промок больше всех. Собака, счастливо пыхтевшая у его ног, тоже была насквозь мокрой.

— Ты пытался переправиться, Джес?

Он кивнул.

— Река быстрая. Но для лошадей неглубокая.

— Можно было бы послать одну лошадь вперед, — пожаловалась Хенна. — У нас не осталось сухой одежды.

Сэра, которая тоже собиралась пожаловаться, закрыла рот.

Джес посмотрел на себя и встряхнулся.

— Это только вода, Хенна. Мы все мокрые.

— Подожди, пока мокрая одежда натрет тебе все нежные места, — ответила Хенна. Потом добавила: — Вечером, когда не будет дождя, попробую кое-что высушить.

Сэра про себя улыбнулась.

Как и сказал Джес, река выходила к самой реке, и берег полого уходил в воду. Выше и ниже по течению, где ее окружали горы, река была узкой и быстрой, но здесь становилась вдвое шире.

— Здесь, должно быть, был мост, — сказал Таер, ехавший рядом с Сэрой. — Весной здесь вообще невозможно будет переправиться. Не хотел бы я даже сейчас пытаться переправить фургон.

— Похоже, здесь давно никого не было, — сказал ехавший сразу за ним Иелиан.

— Я тоже это чувствую, — согласилась Сэра. — Даже то, что сделано людьми — дорога и прочее — построено здесь так давно, что очистились от человеческих прикосновений.

— Найдем хорошее плоское место для лагеря, — сказал Таер Сэре, когда Джес, дожидавшийся, пока все не переправятся, появился с улыбкой; с него потоками стекала вода. Продолжая говорить, Таер начал подниматься от реки: — Если Ринни сможет на несколько часов задержать дождь, я что-нибудь сооружу, чтобы развешать одежду у костра...

Он неожиданно смолк и остановил лошадь.

Сэра тоже остановила лошадь и посмотрела на открывшуюся перед ними долину. Зрелище было достойно молчания Барда.

Колосс.

Глава 13

Если путешествие чему-либо и научило Хенну, так это власти времени. Пяти столетий оказалось достаточно, чтобы погрести Падение Тени — место, где погибли десятки, а может, и сотни тысяч людей: Хенна забыла, сколько именно. Она сама видела, что дорога, построенная магами, самыми могущественными с начала времен, и рассчитанная на тысячелетия, через тысячу лет все же исчезла. Прошло достаточно времени, чтобы превратить могучий город в грудку щебня.

Сотни раз за время пути она представляла себе, что они найдут на месте города колдунов. И готова была ко всему, кроме того, что они увидели.

На расстоянии примерно в лигу, занимая почти четверть долины, поднимался холм с крутыми склонами и плоской вершиной. Город покрывал всю эту вершину и выходил и на долину внизу, такой же совершенный, как в тот день, когда колдуны уничтожили его, чтобы спасти мир от собственного неблагоразумия. Весь город окружала стена розового камня, защищая от захватчиков, которые так и не пришли.

Даже с такого удаления город казался пустым и ожидающим.

— Кто угодно мог его найти, — сказал Иелиан.

Хенна повернула голову и посмотрела на самого низкорослого из охранников Форана.

— Нет, — сказала она. — Только Странники.

— И только если город захотел быть найденным, — странным голосом добавил Джес. Это говорил не Защитник.

Ворота города колдунов из полированной меди и высотой почти такие же, как стены. Выглядели они так же, как в тот день, много столетий назад, когда колдун Хиннум запечатал их своим заклятием. На левой стороне ворот на языке колдунов Колосса были вытиснены прозаические слова: «Нижние Врата».

Хенна взглянула на высокие башни по обе стороны ворот, и ей почти показалось, что оттуда на них смотрят какие-то лица.

В империи мало городов старше Колосса, да и за ее пределами их тоже немного: когти Безымянного короля вонзались далеко за границами его государства. Предполагалось, что древнейший район Таэлы построен первым Фораном, и этот район свидетельствовал, что даже каменные здания за долгое время могут измениться или передвинуться. Камни стен Колосса лежали один на другом, и казалось, их так положили только вчера.

Хенна вздрогнула, и Джес обнял ее теплой рукой; это движение уже стало привычным.

— Замерзла?

— Нет, не в этом дело, — ответила она. — Что-то здесь не так. Где трещины в стенах? Почему медь все так же блестит: ведь натирать ее некому?

Она чувствовала силу, но та казалась страшно далекой — скорее воспоминание о магии, а не подлинная магия.

— Иллюзия? — спросила Сэра, спешившись. — Не похоже, хотя здесь есть магия.

Она прикоснулась к воротам и отскочила: ворота начали раскрываться. Створки не поворачивались наружу или внутрь, как в большинстве городов, и не поднимались, как ворота небольших крепостей. Эти створки, стоявшие на промасленных роликах внизу, под поверхностью дороги, уходили прямо в

стены, и вскоре единственным напоминанием о них остались медные стержни в ладонь шириной, виднеющиеся в стене.

Прямо перед ними, на расстоянии в фургон, находилась вторая стена. Она преграждала доступ в город, так что входящим приходилось поворачивать направо или налево. По обе стороны, между наружной городской стеной и внутренней, находились деревянные ворота, какие могут быть на ферме в загоне для скота. Одни ворота были открыты, другие нет.

Таер спешился, наклонился к медному краю створки и принялся.

— Если это и иллюзия, то совершенная, — сказал он. — Свежая смазка пахнет маслом.

— Здесь есть люди, — сказал Кисел. Он высвободил меч и поворачивал голову по сторонам, расслабляя мышцы шеи в подготовке к схватке. — Не может город быть покинутым. Совсем непохоже.

Он показал на землю у дальней стороны ворот, и Хенна поняла, что он имел в виду: на земле видны были следы, как будто кто-то только что кончил убирать этот участок от мусора.

— Слишком тихо, — возразил Тоарсен. — Город никогда не бывает таким тихим, Кисел. Даже город размером с Легей. А звуки Таэлы можно услышать за милю до города.

— Это магия, — негромко сказал Джес. — Город таким оставили. Так говорит Защитник.

— Он здесь был?

Таер бросил на сына вопросительный взгляд.

Хенна тоже была удивлена. Она знала, что Защитник может помнить то, чего знать не может, если орден не был очищен после смерти предыдущего Защитника, владевшего им. И начинала думать, что, возможно, это самая серьезная проблема ордена Защитника.

Но если это так, то когда она и Сэра поймут, что делать с камнями орденов, они в то же время могут наткнуться на способ помочь сделать орден Защитника менее опасным для его носителя. Она не собиралась изменить Джеса или Защитника, просто хотела обеспечить их безопасность. Но если Защитник знает о Колоссе, значит, он владеет не просто обрывками того, что знал предыдущий носитель ордена: это знания самого первого Защитника, того, кто пережил гибель Колосса.

Джес так долго смотрел на землю, что Хенна решила, будто он знает ответ на вопрос Таера. Но наконец Джес сказал:

— Он не знает. Просто помнит, что колдуны оставили город именно таким.

— Идем, — сказал Форан с нетерпением молодого человека; Хенна вспомнила, что, несмотря на свой ум, Форан всего на несколько лет старше Джеса. — Посмотрим, как выглядит город колдунов.

Таер встал, посмотрел на следы грабель на земле и кивнул.

— Хорошо. Парни, держите мечи наготове — у кого они есть. Будьте внимательны. Помните, что, по рассказам Странников, здесь есть что-то злое. Оно может быть связано, но Странники не доверяют прочности этих пут.

Джес не стал ждать остальных, но подошел к закрытым воротам сбоку от второй стены и перепрыгнул через них; собака последовала за ним. Сэра провела лошадь через другие ворота, открытые.

Хенна задержалась. Пусть Джес и Сэра идут впереди, она будет замыкать. Но другие тоже подумали о безопасности. Она заметила, что Тоарсен встал перед Фораном, а Кисел — за ним. Поскольку Ринни, как обычно, ехала рядом с Фораном, самые уязвимые члены группы оказывались защищенными от опасности. Руфорт и Иелиан посмотрели на Хенну, и она жестом послала их вперед, перед собой.

Лер ждал.

— Иди вперед, — сказала она ему.

Он улыбнулся.

— Не могу сказать Джесу, что оставил женщину в арьергарде.

Она напряглась.

— Я могу позаботиться о себе.

— Несомненно, — согласился он и подъехал к ней.

Хенна улыбнулась, покачала головой, но тем не менее проехала в ворота перед ним.

Узкий проход вывел их на широкую площадь, мощеную тем же розовым камнем, из которого сложены стены. Между камнями стояла вода, она плескалась под копытами лошадей.

Небольшие дома, окружавшие площадь и уходящие по узким улицам, несли на себе некоторые следы возраста, чего

ожидала Хенна от всего города. Дерево дверей и окон потрепалось, тут и там вокруг домов росла сорная трава. Крыши выглядели так, словно уже десятилетиями требуют ремонта. Но все же десятилетиями, а не столетиями.

К тому времени как подъехали Хенна и Лер, остальные спешили и оглядывались по сторонам.

— Все равно город не выглядит брошенным, — сказал Форан, с отсутствующим видом потирая шею своего жеребца. — В Таэле есть районы, которые выглядят хуже.

— И запахов нет, — согласился Тоарсен.

Лер тоже спешил и подошел к одному из домов.

— Не могу открыть дверь, — удивленно сказал он.

— Закрыта? — спросил Таер, подходя посмотреть.

Хенна медленно спешила; она по-прежнему ждала опасности или нападения. Пустота большого города действовала на нее угнетающе.

— Пробовал. Я чувствую замки, но здесь вообще нет замка, папа, — сказал Лер. — Дверь просто не открывается.

Хенна нагнулась, разглядывая траву, которая росла между стеной и воротами. Дождевая капля упала на лист и стекла вниз, в образовавшуюся лужу. Трава высотой по колено и выглядит очень непрочной, но под тяжестью дождя она не шелохнулась. Она вообще не двигалась.

Хенна протянула руку: трава не шевельнулась, не поддавалась, даже когда Хенна нажала.

Она слышала, как Форан сказал Леру:

— Попробуй окно. Оно полуоткрыто.

Оглянувшись, она увидела, что Лер подпрыгнул, ухватился за подоконник, подтянулся и просунул голову. Немного погодя он благополучно приземлился.

— Там занавес, но он как стена.

— Я знаю, что случилось с дверьми и окнами, — сказала Хенна, распрямляясь и оглядывая пустые улицы. Когда она поняла, что искать, все стало очевидно. Кровли домов потемнели и посерели от возраста, но не от дождя. Дерево стен тоже не промокло — и лошади не щипали траву.

Сэра вопросительно посмотрела на нее.

— Старшие колдуны каким-то образом остановили в городе время, — сказала Хенна, уверенная в своей правоте, хотя едва ощущала следы магии. — Все точно так, как в день, когда

колдуны принесли город в жертву. Если хотите войти в здание, нужно найти открытую дверь, потому что сама дверь не откроется, а занавес не отодвинется.

Какое-то время они осматривали площадь. Никто не испытывал такого ощущения, как Хенна, — кроме Гуры, которая остановилась посреди площади и принялась выть, закрывая лапами нос. Город действовал и на нее. Хенна оставила Джеса и Лера у маленького двора, заросшего травой, превращенной в острые пики; они пытались понять, как добраться до сарая с открытой дверью.

Сэра отнесла ранец с картами под нависающую крышу, чтобы защититься от дождя. Увидев идущую через площадь Хенну, она подозвала ее.

— Ты одна можешь это прочесть, — сказала она, протягивая Хенне карту города. — Можешь определить, где мы и как пройти туда, где можно найти что-нибудь полезное?

Хенна взяла карту и посмотрела на нее.

— На воротах написано: «Нижние Врата», значит, вот они. — Она показала. — Этот район называется Старый Город.

— Мне казалось, что первые здания построили на вершине холма, — сказала Сэра, отвлекшись от первого вопроса.

Хенна осмотрелась и увидела не полуразрушенные здания, а то, какими они были когда-то у прочной каменной стены утеса, которая огибала их, защищая.

— Наверно, они хотели жить поближе к полям, — сказала она. — Или, возможно, самая старая часть на холме была разрушена и построена заново.

Сэра улыбнулась ей — Хенна никак не могла привыкнуть к этому выражению на лице Ворона, да ведь Сэра и сама признает, что недостаточно владеет собой. Но это не сдерживает ее: Хенна помнила стол, взлетевший в воздух и ударившийся о землю, когда Иелиан рассердил Сэру.

Обычно спокойное, невозмутимое выражение лица Ворона у Сэры неожиданно меняется, словно солнце пробивается сквозь тучи или лава вырывается из вулкана, но перемена исчезает почти сразу же, как только появляется.

— Таер будет рассказывать о нас истории, — сказала Сэра и тут же перестала улыбаться: вспомнила, подумала Хенна, что Таер вообще перестал рассказывать истории.

Но тут Сэра сказала:

— Таер? — и сунула карту Хенне в руки.

Хенна взглянула на Таера, который стоял возле своей лошади, глядя в пустоту. Лицо у него было совершенно пустое, без всякого выражения. Хенна спрятала карту в ранец, поставила ранец на сухую землю у стены и последовала за Сэрой. Конечно, вряд ли она чем-нибудь может помочь.

Такие приступы происходили у Таера по несколько раз за день. Ничего такого драматичного, как конвульсии за несколько дней до того, как они вышли к месту Падению Тени, но, тем не менее, это пугает.

— Таер? — Сэра говорила встревоженно, но негромко, чтобы не помешать мальчикам. Хенна заметила, что Джес все равно посмотрел в их сторону.

Сэра коснулась руки Таера.

— Таер?

Постепенно лицо Таера ожило, он заморгал и выглядел слегка удивленным.

— Сэра, откуда ты взялась? Мне казалось, вы с Хенной смотрите карты.

Сэра улыбнулась, словно ничего не произошло.

— Хенна говорит, это Старый Город. Когда город умер, эти здания уже были старыми.

Должно быть, Таер разглядел что-то в лице Сэры, потому что коснулся ее щеки и мягко сказал:

— Опять? Второй раз за день.

«Третий», — подумала Хенна, но поправлять не стала.

— Давайте посмотрим карту и попробуем найти библиотеку, — сказал Таер, видя, что Сэра молчит. — Если нам нужна информация о городе колдунов, лучшее место для начала поисков — библиотека. — Он посмотрел на Хенну. — Сможешь прочесть карту, чтобы отвести нас туда?

На лице его теперь только живейший интерес. «Смелый человек», — подумала Хенна. Она откашлялась и ответила по памяти:

— Библиотека в центре к северу. В нескольких милях, если масштаб верный. Посмотрю, какой путь короче.

* * *

Если бы она не увела их дальше, подумала Сэра, все с удовольствием провели бы день, исследуя Старый Город. Но они с таким же удовольствием сели верхом и направились на поиски библиотеки.

Копыта лошадей неестественно громко стучали по булыжникам мостовых, этот звук отражался от стен окружающих зданий. По мере того как путники удалялись от ворот, дома становились все больше и роскошнее, некоторые не уступали домам богатых купцов в Таэле, и впервые Сэра увидела крытые зеленой черепицей крыши, знакомые ей по *мермори*.

На улицах, где дома были построены стена к стене, были пустые места, где должны были бы стоять здания. И Сэра, когда подъезжала к таким местам поближе, видела, что не только не хватает здания; на его месте возвышалась груда обломков высотой в пол-этажа. Сэра видела по обе стороны от пустого пространства отметки на стенах, где раньше крыши касались друг друга.

— Похоже, магия не защитила эти дома, хотя строения по обе стороны от них остались невредимыми, — сказала Хенна. — Весь город должен был бы выглядеть, как эти развалины.

Они нашли много таких мест — проемов, где должны были бы стоять дома, но их там не было. Иногда не было ничего, кроме голой земли, в других местах можно было разглядеть каменный фундамент или груды обломков.

— Папа, смотри. Сова, — сказала Ринни, показывая вдоль узкой улицы, которая кончалась у основания большого гранитного здания. Перед самой дверью здания стоял столб. А на нем огромная сова с полуразвернутыми крыльями, как будто она в любой момент готова взлететь.

Не желая сопротивляться или не в силах устоять перед любопытством, Таер повернул Скью.

Несколько секунд больше или меньше — особой разницы нет, говорила себе Сэра. Если даже они найдут библиотеку и сумеют войти в нее — что казалось маловероятным после всех попыток в городе, — могут потребовать месяцы, чтобы найти то, что им нужно. Годы.

У Таера нет этих лет. Может, нет и месяцев.

Сэра сохраняла спокойное выражение лица и ехала за остальными, все время напоминая себе, что Брюидд считала: здесь что-нибудь им поможет.

— Дверь не закрыта, — объявил Лер, который ехал впереди. И исчез в здании, прежде чем Сэра смогла попросить его быть осторожней.

Она спешила.

— Оставим здесь лошадей, — предложил Таер, хотя Лер уже это сделал. — Скью, Кукуруза и Блейд будут стоять, а остальные лошади от них не уйдут.

Он протянул руку Сэре и помог ей подняться по пролету широкой лестницы и войти в большие двери. Несмотря на тревогу, Сэра обнаружила, что спешит: хотелось наконец оказаться внутри одного из зданий.

Пол огромного помещения покрывала мозаика ярких тонов. Высоко над головой потолок поднимали огромные арки. Откуда-то проходило достаточно света, и Сэра осмотрелась, пытаясь понять, как это сделано. Защищенные желтым стеклом, сверкающие камни давали света не меньше, чем солнце в открытые окна.

— Это храм, — сказал Таер. Остальные не находили слов.

— Ничего не знаю о богах Колосса, — сказала Сэра. — Ни в одной книге *мермори* о них не говорится. — Но ведь она читала только книги по магии. И в них ничего не говорилось о жизни колдунов, написавших эти книги.

— Посмотри сюда. — Таер кивком указал на боковую стену, и она последовала за его взглядом. Сначала была слишком ослеплена светом и цветом, чтобы заметить помост. На помосте была статуя.

— Она выглядит так, словно готова вздохнуть, — сказал Форан, проходя через зал и подходя к статуе, чтобы коснуться ее. Платье богини вырезано из камня, а потом раскрашено с таким вниманием к деталям, что Сэре казалось, что ткань сейчас шевельнется.

Голова Форана была на уровне коленей статуи. Богиня возвышалась над ним, обнаженная по пояс. Юбка, ярко-синяя, с зелено-желтыми геометрическими узорами, на талии поддерживалась поясом. Пряжка пояса — в форме совы. В одной руке богини небольшая арфа, другая вытянута вперед.

Волосы, почти такого же цвета, как у Сэры, коротко подстрижены, и то ли особенности освещения, то ли мастерство скульптора делали пряди ее волос похожими на перья. Но на самом деле внимание Сэры привлекло ее лицо. Скульптор передал в ее лице озорное выражение, настолько полное жизни, что Сэра захотелось улыбнуться в ответ.

— Богиня музыки, — сказала Хенна. — Кассия Сова.

Сэра посмотрела на другого Ворона: голос Хенны звучал чуть напряженно.

— Так написано у нее на поясе, — уже обычным спокойным голосом объяснила Хенна, и Сэра ничего не смогла прочесть на ее, как всегда, невозмутимом лице.

— Я всегда удивлялся, почему орден Барда символизирует сова, а не какая-нибудь певчая птица, вроде жаворонка или канарейки, — сказал Таер.

— Все равно нет объяснения, — немного погодя сказал Лер. — Почему у нее сова, а не певчая птица? — Он коснулся камня ее юбки. — Мне она нравится.

— Она мертва, — сказала Хенна. — Неважно, нравится она тебе или нет.

Таер посмотрел на нее.

— Мне казалось, у Странников нет богов.

— У Странников нет, — ответила Сэра. — Но, похоже, у Старших колдунов они были. Интересно, почему они их оставили.

— Мертвые боги не нуждаются в верующих, — напряженно сказала Хенна.

Сэра удивилась странной интонации в голосе Хенны — и не она одна это заметила. Джес, который бродил по комнате, вдруг резко повернул и направился к Хенне.

— Это случилось очень давно, — сказал он. — Не сердись.

Хенна закрыла глаза и глубоко вздохнула. А когда открыла, к ней вернулось обычное мирное и невозмутимое выражение.

— Простите. Не понимаю, почему это так... — Она замолкла, натолкнувшись на взгляд Таера. — Ты прав, Джес. Глупо расстраиваться из-за того, что произошло так давно. Пусть прошлое останется в прошлом, где его место. Просто этот город... Он такой пустой. — Она снова глубоко вздохнула. — Нам нужно найти библиотеку и проверить, сможем ли мы в нее войти.

* * *

Никаких звуков, кроме тех, что издавали они сами; никаких запахов, которые Сэра могла бы связать с обитанием людей: запахами варящегося пива, пекущегося хлеба, запахами пряностей, смешивающимися с менее приятными запахами пота, отходов и гниющей пищи. Нельзя сказать, чтобы здесь совсем не было запахов, но это были *неправильные* запахи.

Бывшие обитатели Колосса не стали устраивать зигзагообразные тропинки, как в Редерне. Вместо этого они соорудили гигантскую рампу. Глядя на это грандиозное сооружение, Сэра про себя гадала, каково же должно было быть богатство ее строителей.

Вначале все показывали друг другу чудеса города, но постепенно смолкли. Даже массивная рампа, вымощенная неровными булыжниками, которые давали опору копытам при подъеме и которые необходимо было регулярно заменять, не вызвала никаких комментариев. «Слишком много впечатлений», — подумала Сэра.

Но ведь она здесь не как турист. Она отыскиала взглядом Таера, который разговаривал с Фораном. Надо верить в предсказание Брюидд и искать здесь ответы.

Вверху дома поставлены не так тесно, как в нижних районах Колосса, и, на взгляд Сэры, здесь больше непонятных проемов на месте исчезнувших зданий. Иногда таких насчитывалось два или три в одном квартале.

Дорога, по которой они двигались, резко повернула, дома остались позади, и путники въехали в роскошный сад, полный разнообразных цветущих растений, каких Сэра никогда не видела.

— Я все думаю, в какое время года был заколдован этот город, — сказал Таер, оглядываясь, и Сэра почти услышала рассказ, который он сейчас сочиняет. — Не вижу знакомых цветов. Весна это или лето?

— Мне это не нравится, — сказал Джес. — Похоже на Колберн.

— Тронуту тенью?

Сэра выпрямилась в седле.

— Нет. Мертвое. Я тоже это чувствую, — сказал Лер.

— Вот библиотека.

Хенна пустила лошадь быстрым шагом и направилась к большому зданию в центре сада.

— Похоже на дворец в Таэле, — сказал Форан Ринни, когда они более медленным шагом двинулись вслед за родителями и братьями девочки, устремившимися за Хенной. — Хотя дворец значительно больше.

Тоарсен, услышавший эти слова, еще раз посмотрел на здание.

— Оно меньше, — подтвердил он. — И, похоже, прилагались усилия, чтобы оно выглядело приятно для глаза. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Это здание начиналось как небольшое и все время росло.

— Твой дворец больше этого? — спросила Ринни. Видно было, что она опять была поражена своей близостью к императору.

— Он нелепо велик, — признался он. — И уродлив. И его невозможно содержать в порядке. В крыше дыра, которая там уже три поколения. И никто не поймет, откуда протекает вода.

— Узнаем, когда обвалится весь потолок, — успокаивающе сказал Кисел. — Надеюсь, септ Горриша будет сидеть там, куда упадут самые тяжелые куски. И его раздавит в дерьмо.

Тоарсен многозначительно кашлянул и кивком показал на Ринни.

— Хм, прости, девочка.

Кисел в смущении, которое даже могло быть реальным, наклонил голову.

— Да все в порядке. — Ринни прыгнула с лошади и озорно улыбнулась Киселу. — Я уверена: тот, кому ты желаешь превратиться дерьмо, этого заслуживает.

Они привязали лошадей к перилам, которые, вероятно, поставили здесь именно с такой целью. А может, это было просто украшение. Форан не мог этого сказать. Он привязал своего Блейда как можно дальше от жеребца Тоарсена, хотя за время пути животные научились ладить.

Таер, Сэра и Хенна негромко разговаривали. Форан не видел их сыновей, но теперь уже достаточно хорошо их знал, чтобы понять, что они пошли на разведку.

— ...что библиотека в этом здании, — говорила Сэра.

Хенна приподняла брови.

— Я уверена, что она здесь, Сэра.

— Вся библиотека?

Голос Сэры звучал не слишком радостно.

Как знал Форан, если колдун что-нибудь и ценит больше дома, набитого книгами, то это еще больший дом с книгами.

— Большинство библиотек хорошо организованы, — сказал он. — Особенно библиотеки колдунов.

Сэра выдохнула и благодарно чуть поклонилась.

— Надеюсь, она действительно хорошо организована.

И она снова заговорила с Таером, а Форан принялся разглядывать библиотеку. Думая о тех удивительных происшествиях, которые случились с ним после выезда из Таэлы, он понял две вещи.

Во-первых, он был почти уверен, что не сможет избавиться от Памяти настолько быстро, чтобы это принесло ему какую-то пользу. Он слушал разговоры Сэры с Хенной и понял, что, несмотря на спор Сэры с Иелианом, ни один из Воронов, в сущности, не ожидал найти здесь Черного. Они были уверены, напротив, что Черный со временем отыщет их, потому что хочет наказать Таера и его семью за падение Пути, а Сэру — за убийство своего прислужника в Редерне. Но они не думали, что Черный отыщет их скоро. Зачем ему торопиться с мстью, если в его распоряжении все время мира? Черный терпелив, и ударит, когда сочтет необходимым.

Во-вторых, Форан понял, что рад тому, что Память заставила его бежать к Таеру. Даже если это означает смерть от руки таких, как Горриш, когда ему придется вернуться. А ему придется вернуться в Таэлу. И он не отказался бы от возможности увидеть Падение Тени и город колдунов даже ради трона и самой жизни. Он отвернулся от библиотеки и посмотрел на Таера и Сэру. Возможность побыть кем-то — не императором, — какая это бесценная возможность!

Подбежал Лер; очевидно, он по периметру обошел все здание.

— Открытых дверей я не нашел, — сообщил он. — Вверху есть окна...

Он замолчал, видя, что дверь прямо перед ними широко раскрылась и из нее вышел Джес.

— Это здание другое, — сообщил он очевидное. — Оно не застыло, как остальные.

Хенна подошла к ближайшей стене и прижала к ней ладонь.

— Он прав, — сказала она. — Здание насыщено магией, но это какое-то заклинание сохранения.

— Как карты, — сказала Сэра. — Конечно, колдуны хотели сохранить свою библиотеку.

— Конечно, — согласился Таер. — Если нельзя открыть двери и окна, мы не могли бы и снять книги с полок. Не могу представить себе, чтобы колдуны сделали так, чтобы библиотекой нельзя было пользоваться.

Форан подождал, пока все не вошли в здание. Знаком он предложил своим охранникам тоже заходить. Но Иелиан не подчинился, а остался возле него.

— Зачем ты это делаешь? — прошептал он.

Форан прошел в дверь, но потом остановился и повернулся, создавая впечатление, будто они с Иелианом разговаривают наедине. Он знал, что Лер и Джес, вероятно, слышат каждое слово, но они сделают вид, что не слышали.

— Что делаю?

Форан заметил, что внутри библиотека не производит особого впечатления — хотя, возможно, это задняя дверь. Небольшая прихожая заканчивалась дверями и лестницами, как в офисном здании.

— Позволяешь Леру командовать там, где дол... можешь сам вести? Ты император.

— Иногда быть императором так утомительно, — ответил Форан и улыбнулся. — И всегда безопасно первым пропустить в библиотеку колдунов Ворона. — Он с улыбкой смотрел на Иелиана. — Все в порядке. Они знают, кто я. Мне не нужно заставлять друзей соблюдать протокол.

Остальные уже поднимались по центральной лестнице, поэтому Форан пошел за ними, предоставив Иелиану следовать за собой. Один пролет привел в помещение: насколько невзрачным оказалась прихожая, настолько внушительным выглядело это помещение. Потолок высоко над головой был покрыт различными странной формы окнами, освещавшими огромный зал.

Библиотека во дворце в Таэле насчитывала пять тысяч томов и считалась крупнейшей в империи. По оценке Форана,

в одном этом зале книг было в десять раз больше. Стены заняты книжными шкафами, почти все они забиты книгами; узкие лестницы и мостики дают доступ к верхним полкам. Книжные шкафы стоят и на полу, да так тесно, что между ними трудно пройти.

Только небольшая часть зала у входа, через который они вошли, свободна от книг. Здесь стоят маленькие столики, за которыми посетители библиотеки могут читать, сидя на обитых кожей скамьях или резных стульях.

Сэра в явном отчаянии ухватила за Таера.

— Похоже, мы здесь задержимся, — заметил Таер, слегка улыбаясь.

Форан, наклонившись, чтобы почесать брюхо Гуре, заметил, что все они оставляют на полу грязные следы.

— Давайте на сегодня оставим это место, — сказал Таер, оглядевшись по сторонам. — Согласно карте, за этим зданием есть еще одни ворота. Мне хотелось бы разбить лагерь засветло.

— А почему бы не остаться здесь? Здесь сухо, — предложил Иелиан.

— Нет, — сказала Хенна.

— Нет, — подхватил Лер. — Никто не рассказывал о пустом городе — за все столетия, что он здесь ждет. Возможно, не потому, что никто его не находил, — никто не сумел из него выйти.

— Лагерь разобьем за пределами города, — сказал Таер. — Можно идти прямо сейчас, потому что, похоже, мы здесь задержимся.

Университетские ворота находились там, где сообщала карта. После слов Лера, сказанных в библиотеке, Форан с радостью увидел, что медные ворота раскрываются при первом прикосновении.

Место для лагеря найти оказалось нетрудно. В четверти мили от ворот ручей впадал в небольшой пруд. Земля была свободна от камней, и росло много травы для лошадей. И самое хорошее — за то время, что они провели в библиотеке, прекратился дождь.

— Здесь разобьем постоянный лагерь, — довольно сказал Таер. — Завтра построим загон, чтобы не волноваться о лошадях. И одно-два убежища, чтобы спастись от дождя.

— Только не для Хенны и меня. — Сэра уже направила назад свою маленькую горную лошадь. — Пока вы разбиваете лагерь, мы поработаем в библиотеке.

— Не одни, — сказал Джес.

Сэра повернулась к старшему сыну и сердито приподняла бровь, и Форан порадовался, что ее взгляд устремлен не на него. Хотел бы он уметь так смотреть на септов, но ему никогда не удавалось приподнять одну бровь, и он не был уверен, что у него получается с двумя. Несомненно, он просто будет выглядеть удивленным.

— Не забывай, кто я, Джес, — ледяным тоном сказала Сэра. — Оружием могут быть не только мечи.

Таер кашлянул.

— Ты нужен нам в лагере, Джес. Я хочу отправить вас с Лером на охоту. Если мама сумела убить тролля, не сомневаюсь, с библиотекой она справится.

Ночью, когда все уже спали, Форан обнаружил, что по непонятной причине не может уснуть. Он отбросил одеяло и обулся. Джес открыл глаза и снова закрыл, когда Форан прошел мимо него. Тоарсен и Кисел крепко спали, и он осторожно обошел их: они бы не позволили ему, как Джес, уйти одному.

В пятидесяти ярдах от лагеря был небольшой подъем, и Форан пошел в том направлении. И когда поднялся на вершину, здесь его ждала Память.

Она была чернее ночи и выше него. Странно грациозная фигура пригнулась, вокруг ее талии висели клочья чего-то плотного.

Рукава у Форана были расстегнуты, поэтому ему нетрудно было закатать их и обнажить внутреннюю поверхность руки у локтя. Форан издал шипящий звук, когда клык Памяти погрузились в его плоть. Он забыл, как это холодно и больно.

Когда Память закончила, Форан сел на землю и прижал руку к груди.

— Взяв твою кровь, я должна тебе один ответ. Выбери вопрос.

Бесполоый шепот звучал не менее страшно, чем в первый раз.

— Кто такой Черный? — спросил Форан.

— Тот, кто отдал душу и дух за власть и вечную жизнь. Ненасытный.

— Я это знаю и не об этом я спрашивал. Ты тоже это знаешь, — выпалил Форан. Но протестовать бесполезно. Надо было лучше формулировать вопрос. Но всегда есть завтра. Он закрыл глаза от тупой боли в руке. — Назови имя.

— Я дала тебе тот ответ, что у меня был, — сказала Память и растворилась в ночи.

Глава 14

Иелиан шел за Лером, неся лук на плече. Еще только светало, и воздух был холодный.

Когда лагерь перестал быть виден и слышен, Иелиан спросил:

— Почему я? Почему не Джес или Руфорт?

Любой из них знает об охоте вдвое больше.

— У тебя тоже неплохо получается, — ответил Лер, и Иелиан принял его слова за комплемент. — Джес по-прежнему нервничает из-за того, что мама и Хенна решили сегодня одни идти в библиотеку. Если бы я взял его, стоило бы мне отвернуться, и он исчезнет. Он и раньше так делал. Если есть хоть малейшая опасность, я всегда могу рассчитывать на брата, но если это просто работа, он легко отвлекается. Тоарсен и Кисел не оставят Форана, а папа слишком нуждается в помощи в лагере, чтобы я мог брать всех троих.

— А Руфорт?

— Руфорт отличный охотник, но охота приносит ему удовольствие. — Лер неожиданно улыбнулся. — К тому же папе сильная спина нужней, чем нам.

— На кого охотимся сегодня?

— Я думал поискать хорошего жирного оленя, — сказал Лер. — Раз уж мы здесь задерживаемся, можно будет сохранить мясо.

Чем дальше от Колосса, тем гуще росли деревья, образуя дремучий лес.

— У меня вопрос, — сказал Иелиан.

— Какой?

— Твоя мама говорит о шести орденах — а меня учили, что их только пять.

Лер рассмеялся.

— Я об этом забыл. Орденів шесть: Ястреб, Ворон, Сова, Баклан, Жаворонок и Орел. Ты не слышал об Орле. Мама говорит, что Странники почти не разговаривают об этом ордене, даже между собой. И никогда не говорят о нем за пределами клана. — Лицо его стало серьезным. — Орел — Защитник... он другой, его трудно переносить.

— Твоя мама иногда называет Джеса Защитником.

Лер кивнул.

— Джес Орел.

— Он...

Иелиан попытался подобрать определение повежливее и не сумел.

— Тугодум? — подсказал Лер. — Иногда он таким кажется. Мама говорит, что он иногда не обращает внимания на окружающее и всегда говорит со второй половиной самого себя — с Защитником. Колдуны Колосса создали ордены, и я думаю, в ордене Орла они допустили ошибку. Орел должен защищать клан — Джес может быть страшен в схватке.

— Я видел его в ночь падения Пути, — сказал Иелиан.

— Тогда ты знаешь... а, вот что я искал. Здесь недавно пасся олень. Пора начинать охоту.

— Давай осмотрим остальную часть библиотеки, прежде чем начинать в этой комнате, — предложила Сэра Хенне, осматривая главный зал библиотеки. Вернее, она надеялась, что это главный зал. Потребуется очень много времени, чтобы рассмотреть здесь все, и ей не хотелось находить залы еще больше. — Колдуны — скрытный народ. Если они работали над чем-то новым, это должно быть в укромном уголке библиотеки или внизу, в подвале.

Хенна поджала губы.

— Если мы ищем что-нибудь об орденах, то в завершенных книгах этого нет. Иначе мы бы что-нибудь нашли в библиотеках *мермори*. Должны быть пергаменты или рабочие записи такого рода. Может, в лаборатории или в мастерских.

— Я рада, что я не колдун *солсенти*, — сказала Сэра. — У меня не тот темперамент, чтобы писать бесконечные руны или смешивать ингредиенты в лаборатории. Так будем искать вместе или разделимся?

— Если разделимся, времени потребуется вдвое меньше, — ответила Хенна и улыбнулась. — Конечно, если тебе тревожно в одиночестве...

Сэра фыркнула.

Несколько часов спустя Сэра чувствовала себя раздраженной, как обычный колдун *солсенти*.

Она была права относительно того, в каких местах любили работать колдуны, и та часть библиотеки, в которой она оказалась, изобиловала такими местами: маленькими нишами, личными кабинетами, лабораториями с полками, уставленными кувшинами и корзинами с компонентами заклинаний, и чуть большими комнатами, в которых, очевидно, колдуны работали группами. Она прошла лиги лабиринтоподобных коридоров, неожиданно поворачивавших, изгибавшихся, лестниц и рамп.

Все прекрасно сохранилось и выглядело так же, как в тот день, когда было оставлено. И Сэра не могла понять, какая сила это обеспечивала.

— Ты ведь бывала здесь, Изольда? — говорила про себя Сэра, идя по очередному извилистому коридору. — Интересно, что ты видела и куда шла. Ты знала, что они здесь делают, эти великие колдуны, создавшие Сталкера? Была ли ты одним из них или ты тщетно возражала против их замысла?

Она вела рукой вдоль стены, пока не оказалась у еще одной двери. Комната по большей части пустая, хотя в ней пахнет каким-то благовонием или табаком.

— Интересно, где Сталкер, — размышляла она. — И почему ни мой Ястреб, ни мой Орел не чувствуют его присутствия?

До последней минуты это не казалось ей странным. Ее сыновья чувствуют тронутых тенью и — менее надежно — Черного, но относительно Сталкера они ничего не могут почувствовать.

В углу комнаты небольшой стол и стул. Кто-то вырезал на древесине стола две буквы. Вспомнив, как ругала Джеса и Ле-

ра за то, что они вырезали свои инициалы на половицах, когда были в возрасте Ринни, она улыбнулась.

«Здесь сидел кто-то молодой», — подумала она, проведя рукой по стулу, но сдерживая свою способность читать прошлое предметов, потому что не знала, как на эту способность подействует заклятие сохранения, наложенное колдунами. Но размышлений это не останавливало. Наверно, здесь работал ученик, он прихватил с собой нож для еды и вырезал свои инициалы, тем самым своеобразно обессмертив себя. «Смотрите, — сказал он, — я здесь был. Я оставил след».

Она вышла из комнаты и осторожно закрыла дверь.

— Прочтите, я могу вам помочь? — произнес мужской голос на общем языке с легким акцентом.

Сэра развернулась и увидела стоящего в коридоре молодого человека.

Если не считать одежды, он выглядел как Странник. Серебристые светлые волосы, точно такого оттенка, как у нее, свисали на плечи — свободно, не сплетенные в косички. Глаза светлые, светло-серые, и выглядел он чуть старше Ринни. Он был обнажен, только простой коричневый пояс перехватывал короткую юбочку из яркой ткани. Даже обуви не было на ногах.

— Кто ты? — спросила Сэра, сосредоточившись на слухай, если понадобится магия.

Его вежливая улыбка стала чуть шире; не отрывая от нее взгляда, он чуть склонил голову.

— Можешь называть меня Ученый. Я могу помочь тебе найти то, что ты ищешь?

Сейчас, когда первый испуг рассеялся, Сэра поняла то, что давно говорили ей чувства: он не человек.

— Иллюзия, — сказала она, протягивая руку. Кожа у него мягкая, теплая, упругая, словно это настоящий мальчик, а не создание магии. Магия кажется очень знакомой — точно как *мермори*.

— Тебя сделал Хиннум.

— Совершенно верно, — вежливо ответил он. Сэра почувствовала, что не может смотреть на иллюзию и не воспринимать ее как мужчину, хотя понимала, что это глупо. — Так помочь тебе? Ты как будто что-то ищешь.

— Мне нужно найти материалы об орденах, — сказала она. — Моему мужу причинен вред, и мне нужно это исправить.

— С тобой много орденов, — нейтрально заметил он.

— Я Ворон, — смущенно сказала Сэра.

— Ты привела с собой много орденов.

Она опустила руку на сумку, в которой лежали камни, созданные Путем. Как эта иллюзорная конструкция почувствовала их? Сузив глаза, она посмотрела на него.

— Ты прав. Было убито много Странников, а их ордены привязали к камням, чтобы колдуны *солсенти* могли их использовать. Они у меня с собой. Я надеялась, если найду, чем помочь мужу, смогу освободить и эти ордены.

Юноша ничего не ответил, просто молча ждал. Его легкая улыбка оставалась неизменной, и Сэре показалось, что она ошиблась, когда чуть раньше подумала, что эта улыбка стала шире.

— Почему тебя оставили здесь? — спросила она.

— Я здесь, чтобы давать информацию о библиотеке.

— Ты знаешь, какая здесь есть информация?

Сэра почувствовала надежду, которая исчезла при первом взгляде на горы книг. Если они будут отыскивать здесь нужную книгу, а потом сумеют ее расшифровать и прочесть, Таер умрет от старости до того, как они кончат.

— Я знаю, что есть в библиотеке, — был ответ.

— Хорошо, — сказала Сэра. — Знаешь, где Хенна? Мой друг, мы вместе сюда пришли?

На этот раз ответ не последовал сразу.

— Я знаю, где Ворон, — сказал наконец юноша.

— Отведи меня туда, — попросила Сэра. Это лучше блокнота с собственноручными записями колдунов.

Хенна решила исследовать подвал. Они нашли ее сидящей за столом, освещенным подвешенным волшебным огнем. На столе лежала груда бумаг. Волосы Хенны были растрепаны, как будто она немало поползала под столами.

— Это Ученый, — сказала Сэра, гадая, увидит ли Хенна то же, что видит она.

Хенна нахмурилась, отложила бумаги и изменила позу, глядя на юношу.

— Ты выглядишь знакомым, — сказала она наконец.

— Нет, — мягко поправила Сэра. — Он только кажется знакомым.

Хенна распрямилась.

— Хиннум, — сказала она.

— Ученый здесь, чтобы помочь людям с информацией, — с улыбкой сказала Сэра. — Форан говорил, что у колдунов все очень организовано.

Ученый отвел их назад в главный зал — первое помещение, в котором они были.

— Это хорошее место для начала, — сказал он. — Что вы хотите знать?

— Расскажи нам о Сталкере, — попросила Хенна.

Он слегка поклонился.

— Прошу садиться, Ворон.

Он говорил только с Хенной, как будто Сэры вообще в комнате не было. Смотрел он только Хенне в лицо. Садясь рядом с Хенной в кресло, Сэра подумала: может, он так устроен, что реагирует только на того, кто задал вопрос.

— Были два брата, близнецы, рожденные Восточной Звездой и выращенные Луной. Они были зеркальным отражением друг друга, светлым и темным. Мы называли их Ткач и Сталкер, хотя это не их имена.

— А почему не по именам? — спросила Хенна.

— Ты знаешь эту историю?

— Нет.

Но Хенна нахмурилась и потерла лоб, словно пыталась что-то вспомнить.

— Никогда не слыхала о Ткаче, — сказал Сэра. — Только о Сталкере.

— Имена обладают силой.

Голос Ученого был таким же ровным и вежливым, как его легкая улыбка. Сэра почувствовала, что эта улыбка, которую она раньше находила приятной, теперь заставляет ее чувствовать себя неловко.

Он продолжал тем же ровным голосом:

— Произнести имена близнецов — значит, привлечь к себе их внимание, а этого не следует делать легкомысленно.

Когда ни Сэра, ни Хенна никак на это не отреагировали, он продолжал:

— Ткач владел способностью творить. Произносая слово, мысль, он создавал. Сталкер владел ключами уничтожения. Всему, что творил Ткач, Сталкер отсчитывал дни существования, чтобы творения Ткача не расширились до такой степени, чтобы Все Сущестующее превратилось в Ничто.

— Это я помню, — сказала Хенна, поднося руки к вискам, словно они заболели. — Помню. Если творению не поставить границ, со временем все сущестующее перестанет существовать.

То, что внимание Ученого сосредоточено только на Хенне, начинало тревожить Сэру. Хотя выражение его лица не менялось, он чуть наклонился в ее сторону. Сэра не видела никакой магии, исходящей от него и направленной на Хенну, но наблюдала внимательно.

— Однажды Сталкер шел и наткнулся на женщину, стиравшую свою одежду. Она показалась ему прекраснее всего, созданного братом, и потому он взял ее в жены.

Обладая ею, Сталкер был счастливейшим из людей, но, поскольку она была творением его брата, дни ее были сочтены с рождения. Когда она состарилась, Сталкер пошел к брату и стал молить его преодолеть силу разрушения, собственную магию Сталкера, чтобы женщина не умерла.

Но Ткач не мог этого сделать. Уничтожив эту силу, он уничтожил бы их обоих. Поскольку во Всем Сущестующем сила творения не может преодолеть силу уничтожения.

И так как Ткач не спас женщину, лучшее свое творение, Сталкер поклялся, что все творения Ткача будут уничтожены. Но пока его жена была жива, он удерживал свою руку, так как не мог потерять ни одного мгновения с нею.

Умирая, жена дала ему напиток, приготовленный Ткачом, и с ее последним дыханием Сталкер уснул.

Это была романтическая история, но Ученый рассказывал ее тем же сухим тоном, каким Джес повторял свои уроки, — даже с еще меньшим энтузиазмом.

— Ткач знал, что без брата его сила также уничтожит Все Сущестующее, поэтому выпил тот же напиток, что и Стал-

кер. И они уснули, Сталкер и Ткач. И пока они спали, Ткач во сне соткал завесу, которая накрыла их обоих и должна была защитить его творения от них, когда они проснутся.

Ученый замолчал.

— Не похоже на конец истории, — сказала Сэра.

— История Ткача и Сталкера не кончится, пока не кончится Все Существующее, — ответил Ученый. — И тогда не будет никого, кто смог бы рассказать конец.

Хенна вздохнула и начала что-то говорить, но ее остановил шум на лестнице.

Первой подбежала Гура; она лаяла, махала хвостом и пыталась взгромоздиться Сэре на колени. Собака тяжелая, и Сэре нелегко было отбиваться, пока Таер не взял Гуру за ошейник.

— Гура, лежать, — приказал он. Собака легла и несколько мгновений выглядела раскאיивающейся. Сэра присела и потеряла ей бок носком ботинка, и собака снова завиляла хвостом.

Вместе с Таером появился Джес, и Защитник смотрел на Ученого, который не изменил выражения — и не перестал замечать только Хенну.

— Где остальные? — спросила Сэра.

— Оставил их в лагере жарить мясо. Нам здесь придется провести какое-то время, и Лер принес оленя. Мы с Джесом пришли звать вас ужинать. — Таер посмотрел на иллюзию и добавил: — Ваш друг тоже может идти с нами.

— Спасибо, — сказал Ученый, поворачиваясь к Таеру, словно впервые его заметил. — Но я не нуждаюсь в еде и не могу покинуть библиотеку. — Он помолчал. — Хорошо, что вы остаетесь за пределами города. По ночам по улицам ходят мертвые.

— Это иллюзия, — сказала Хенна Таеру. — Создана Хиннумом.

— Он рассказал нам историю, — продолжила Сэра. — Думаю, ты должен ее услышать. Ученый, расскажешь историю Ткача и Сталкера?

— Конечно.

Когда Ученый закончил, Таер потер подбородок и сказал:

— Значит, не здешние колдуны создали Сталкера?

— Нет, — ответил Ученый.

— Все рассказы неверны, — сказала Сэра.

— Тогда почему колдуны покинули город? — спросил Таер. — Зачем заколдовали город? Почему библиотека единственная, что не застыло во времени?

— Для них здесь ничего не оставалось. Это была часть цены за то, что они сделали. А потерять библиотеку навсегда они не могли.

Хенна нахмурилась.

— Если они не создали Сталкера, то в чем они провинились?

Впервые улыбка покинула лицо иллюзии, и что-то очень древнее мелькнуло в ее молодых глазах.

— Они убили богов, — прошептал Ученый. И исчез, словно его никогда не было.

Защитник заворчал.

Вернувшись в лагерь, Таер рассказал историю Сталкера остальным, пока на огне готовили мясо. Насколько могла судить Сэра, он пользовался точно теми же словами, что были в рассказе Ученого.

— Мне казалось, Сталкер — это зло, — сказал император, скармливая последний кусок жареного мяса Гуре, которая приняла подачку скорее из вежливости, чем с энтузиазмом. За время путешествия собака обнаружила, что Форан и его люди реагируют на умоляющие глаза совсем не так, как члены семьи, и за время ужина активно пользовалась этим своим открытием.

— Так всегда говорилось в рассказах, которые я слышала, — подтвердила Сэра.

— Значит, не Сталкер вызвал падение Старших колдунов.

Лер откинулся на локтях и задумчиво смотрел в огонь.

— Эллеванал говорил мне, что Странники убили своих богов и съели их. — Сэра поставила локти на колени и опустила подбородок на ладони. — Отец мне говорил, что богов нет, но Хенна — и Ученый — утверждают, что боги мертвы.

— Не знаю, где я это слышала, — сказала Хенна, и Джес мягко потер ее плечи.

После ухода из библиотеки Хенна молчала, но ведь она Ворон, и это для нее не необычно. И Сэра не подумала бы, что

Хенна чем-то встревожена, если бы вокруг нее не суетился Джес.

— Черный — это зло, — убежденно сказал Лер. — Он убил целый город, больше Редерна. Он убил Бенрольна, Брюидд и весь клан Ронжера. Он научил колдунов Пути, как украть ордену.

— Черный — это зло, — согласилась Сэра.

Форан кашлянул, и Сэра повернулась и посмотрела на него. А он посмотрел на садящееся солнце и сказал:

— Должен сообщить, что прошлой ночью приходила Память. Я спросил у нее, знает ли она, кто такой Черный, но она не ответила. И я хотел бы знать, какой вопрос я должен задать ей сегодня.

— Я знаю какой, — сказала Сэра, прежде чем кто-то успел что-нибудь произнести. — Я хотела бы узнать подробности второй части заклинания, которое после кражи орденов привязывает их к камням.

—

В эту ночь, когда Память поманила Форана, Сэра пошла с ним. Всех остальных она попросила остаться в лагере.

— Если бы она могла являться в присутствии всех, она не уводила бы Форана, — сказала она, посмотрев сначала на Джеса, потом на Тоарсена и Кисела. — Я прослежу, чтобы Форан не пострадал, а он то же самое сделает для меня.

— Теперь запомни, — сказала она Форану, когда они поднимались на тот же небольшой холм, на котором вчера уже побывал Форан, — Джес все равно пойдет за нами. С этим я ничего не могу сделать, но он останется невидимым и, надеюсь, не станет связываться с Памятью.

Форан улыбнулся ей.

— Если бы я попытался оставить Тоарсена и Кисела, мы бы все еще спорили.

— Конечно, — согласилась она. — Но ты только император, а я Ворон.

Он не мог понять, насколько серьезно она это сказала. И подозревал, что не очень.

Память пришла снова. Она ничего ему не сказала и как будто даже не заметила Сэру. На этот раз она кормилась из его запястья. Форан надеялся, что в присутствии Сэры будет

не так больно, но почему-то было даже хуже. Как будто кто-то стал свидетелем насилия над ним, и это усилило его унижение. А боль была такой же сильной, как всегда.

Когда все было кончено, Память сказала:

— Взяв твою кровь, я должна тебе один ответ. Выбери вопрос.

Форан пошатнулся и почувствовал, как Сэра поддерживает его, обняв за талию.

Он попытался вспомнить, что нужно было узнать Сэре.

— Заклинание, с помощью которого мастера украли у Странников ордены и привязали их к камням, состоит из трех частей. Какова вторая из них?

— Мастера берут камень, уже связанный с орденом, и кладут его человеку в рот. Его приносят в жертву, чтобы заклинание обрело силу. Ему перерезают горло и, когда он умирает, извлекают камень. — Память покачнулась, и голос ее изменился от болезненных воспоминаний. — Они взяли его, еще теплого от последнего вздоха мертвеца, и коснулись им меня. Я почувствовала притяжение камня и поняла, что происходит что-то очень плохое.

— Это происходит немедленно? — настойчиво спросила Сэра. — Ты сразу об этом знала?

— Да, — сказала Память, но теперь у нее был голос не Памяти. Это был голос человека, испытывающего страшную боль.

— Таер знал бы, если бы это началось до той ночи в таверне.

Форан удивился тому, что теперь Сэра говорит с Памятью, но Память ответила:

— Да.

И исчезла.

— Идем, — сказала Сэра, отодвигаясь от него, пока уже не обнимала за талию, а только держала за руку. — Мне нужно поговорить с Лером и Таером.

Форан чувствовал себя таким усталым, а лагерь так далеко.

— Идем, — более мягко повторила Сэра. — Твоя Память дала нам не такой ключ, какой я ожидала.

— О чем ты?

Форан начал долгий путь к лагерю.

— Я считала, что узнаю что-нибудь о магии, которую они использовали, — объяснила она. — И узнала... хотя использовать это не могу. Но это может нам кое-что сказать о Черном.

Они не прошли и нескольких шагов, как к ним присоединился Джес. Ни о чем не спрашивая, он поддержал Форана.

— Обопрись на меня, — сказал он.

Тут же появились Тоарсен и Кисел.

— Они тоже тебя не послушались, — шепотом сказал Форан Сэре.

Она рассмеялась.

— По крайней мере, не спорили.

Они уложили Форана, и Сэра укрыла его, как укрывала няня, когда он был моложе Ринни.

— А теперь спи, — сказала она.

Но Форан не уснул, он закрыл глаза и слушал.

Сэра отошла от Форана и понизила голос.

— Лер, Олбек был тронут тенью, когда ты застал его падающим на Ринни и Форана?

— Верно, — согласился он. — Так говорит Джес. Я рассказывал: Акавит говорит, что Олбек убил беднягу Лукита.

— Лукит умер в тот день, когда у Таера случился припадок, — говорила Сэра. — Насколько я могу припомнить.

— Что ты узнала? — спросил Таер, положив руку ей на плечо.

Она прижала его руку своей.

— Подожди. Лер?

— Точно не помню, но либо в тот день, либо накануне, — ответил он.

— Таер, вспомни, не касался ли тебя кто-нибудь в тот день, когда мы впервые заметили, что что-то не в порядке с твоим орденом?

— Я все то утро провел в пекарне, Сэра, — сказал он. — Конечно, люди ко мне притрагивались.

— Кто именно? — спросила она, поворачиваясь к нему лицом, чтобы он видел, насколько серьезен вопрос. — Расскажи. Не о тех, с кем ты разговаривал, только о тех, кто притрагивался.

Он Бард. Он может вспомнить всех.

— Алина и Бандор, конечно, — медленно заговорил он. — Приходил бочар с новой квашней вместо утраченной. Мельник принес муку. Циро и его сын. Только они ко мне притрагивались, это я помню.

— А в таверне?

— Регил притрагивался ко мне, когда дал лютню. Я поздоровался за руку с Виллоном.

— Один из них и был Черным, — сказала Сэра.

Форан сел.

— Черный редерни? Редерн — такой маленький поселок, Сэра. Было бы заметно, если бы кто-нибудь из жителей не старел.

— Виллон. — Голос Ринни звучал еле слышно. — Магазин Виллона сразу под храмом Пяти. Эти туннели не только под храмом, но и за магазином. Может, он нашел их, когда строили магазин в горе.

— Когда я нашел Таера в плену, Виллон был в Таэле, — сказал Форан. — Я видел его в магазине его сына.

— У Черного не может быть сына, — сказала Хенна. — Рождение неподвластно Сталкеру.

— Мастер Имтариг не кровный сын Виллона, — медленно заговорил Форан. — Не помню, кто это мне рассказывал, но жена Виллона умерла, не родив ему детей, и он усыновил одного из своих подмастерьев, сироту.

— Виллон рассказал мне о чуме в Колберне, — ошеломленно сказал Таер. — Он сказал, что на пути из Таэлы они проезжали мимо Колберна. Но Лер и Джес заметили бы, если бы Виллон был Черным.

— Они не знали, кто он, пока Память не лишила его части магии. — Хенна нетерпеливо постучала пальцами. — Но если это Виллон, где тела? Черный питается смертью.

— Колберн, — сказал Лер.

— Он каждый год несколько раз уезжал, — подсказала Сэра. — Мог тогда и охотиться.

— Храмы, — сказал Защитник. — Я сидел у его храма в Редерне и чувствовал, как нечто насыщается, но не понимал, что это. Я недостаточно помнил. Сталкер не Повелитель Смерти, а Повелитель Уничтожения. Безымянный король питался не только смертями, но и болью и страданием, которые предшествуют смерти. Черного питают чувства: ненависть,

зависть, все то, что пожирало Бандора, прежде чем Хенна освободила его от тени.

— Виллон пришел в Редерн сразу после того, как я с Сэрой вернулся с войны, — сказал Таер. — Он мог последовать за нами, после того как я убил человека, посланного Путем за Сэрой, когда умер ее брат. Но мне казалось, Черный не должен стареть. Виллон теперь гораздо старше, чем был тогда.

Сэра покачала головой.

— Иллюзия. Ему потребовалось не много, во всяком случае, недостаточно, чтобы я заметила. Все это время в Редерне было совсем немного магии.

— Мехилла, — негромко сказал Джес; от его голоса у Сэры волосы на шее встали дыбом.

Она почувствовала себя так, словно ее оглушили. Он прав. О, милый Жаворонок, он прав!

— Она так болела, — прошептал Таер. — Заболела весной и так и не оправилась. Болела месяцы и месяцы.

— У нее были конвульсии, — сказал Лер. — Я помню, как мама держала ее, чтобы она не поранилась.

— Кто такая Мехилла? — спросил Форан.

— Моя дочь, — прошептала Сэра. — Моя дочь Жаворонок. Она только начинала ходить. Он, должно быть, решил, что она легкая добыча.

Таер обнял ее за плечи и прижал к своей груди.

— Он убил мою дочь.

Таер был сзади, но она увидела, как Форан встретил его взгляд.

— Мой император, — шелковым голосом сказал Таер. — Мы избавим тебя от Памяти, как только вернемся в Редерн.

Глава 15

— Ученый чувствовал глубокую вину и отчаяние из-за чего-то не живого, — сказал Джес, объявивший себя охранником Сэры и Хенны, когда они пошли в библиотеку. Все остальные, включая собаку, отправились на разведку.

— Его создал Хиннум, — ответила Хенна, опередив Сэру. — Он был величайшим из колдунов Колосса. Думаю, если

он мог создать *мермори*, то мог сотворить и иллюзию, которую могут чувствовать эмпаты.

— Зачем ему создавать то, что помогает людям искать информацию? — спросил логично — для Джеса — Джес.

— Поэтому ты настоял на том, чтобы пойти сегодня с нами? — спросила Сэра. Она тоже не могла найти границ возможностям иллюзии, созданной Хиннумом, но соглашалась с Джесом.

— Защитник не доверяет ему, потому что у него нет запаха, — ответил Джес, пожимая плечами. — Я объяснил, что Ученый — это иллюзия, но ни Защитник, ни я не считаем, что иллюзия должна так интересоваться Хенной.

Когда они пришли, главный зал библиотеки был пуст, но на одном из столов лежала книга.

Сэра взяла ее. Это был какой-то общий трактат о магии, открытый на разделе «Аспекты человека» — что бы это ни означало. Однако книга была явно оставлена для них, поэтому она начала читать.

Хенна какое-то время заглядывала ей через плечо, потом подошла к одной из книжных полок и стала рассматривать корешки. Джес беспокойно расхаживал взад и вперед.

Наконец он подошел к Сэре и остановился перед ней.

— Если хочешь идти на разведку, иди, — сказала она, не поднимая головы. — Только будь осторожен. С нами все будет в порядке. Похоже, Ученый сегодня к нам не придет.

Джес принял.

— Ну хорошо, — сказал он. — Но я скоро вернусь.

Она слышала его быстрые шаги по лестнице и стук закрывшейся наружной двери.

— Я не закончил вчера рассказ о Сталкере, — сказал Ученый, как только Джес вышел.

Сэра подняла голову и увидела, что иллюзия стоит перед Хенной.

— И не рассказав, почему колдуны были вынуждены принести город в жертву, — продолжал он.

— Не рассказав, — согласилась Хенна, ставя на место взятую книгу. — И я гадала, почему.

Ученый смотрел на нее со своей полуулыбкой, которая казалась скорее маской, чем выражением лица.

— Устройся поудобнее, и я расскажу тебе.

Сэра отложила книгу и села на другую половину скамьи, на которой сидела Хенна.

— Ткач сотворил путы, которые не давали ему и его брату-близнецу непосредственно взаимодействовать с его творениями. Но он не мог полностью изолировать себя и брата, потому что их сила все росла бы и со временем уничтожила бы сдерживающие путы. И тогда он создал шесть богов, которые должны были контролировать силу и Ткача, и Сталкера.

Ученый помолчал.

— Ордены, — хрипло сказала Хенна, хотя Сэра в словах Ученого не увидела ничего тревожного. — Ворон, Сова, Ястреб, Орел, Жаворонок и Баклан. Магия, музыка, охота, защита, лечение и бури.

— Магия, музыка, охота, лечение, война и ветер, — поправил ее Ученый.

— Защитник — не солдатский орден, — возразила Хенна.

— Конечно, — подтвердил Ученый, но не стал объяснять свое возражение.

— Что-то нарушило путы Сталкера, — сказала Сэра. — Чтобы снова его связать, Старшие колдуны принесли в жертву город. Не потому, что они его создали, а потому, что нечто, созданное ими, освободило бога разрушения.

Так она думала.

— Боги очень долго правили миром, — заговорил Ученый, и Сэра не могла понять, услышал ли он ее слова. — Достаточно долго, чтобы деревушка превратилась в поселок, а потом и в большой город. Достаточно долго, чтобы колдуны стали высокомерны и отказались от поклонения богам. «Какой смысл молиться Баклану, который может ответить на молитвы, а может и не ответить? — спрашивали они друг друга. — Если заплатить Корсаку, или Терилии, или любому другому колдуну ветра, он сделает для тебя все, что захочешь. Лишь бы у тебя было много золота».

Ученый протянул руку, словно хотел коснуться Хенны, но потом убрал обе руки за спину.

— Подействовало и то, что боги больше не давали того, что раньше можно было получить свободно. Большой город

не испытывал нужды в легендарном воине или одаренном целителе. Жители больше не зависели от запасов зерна и потому не нуждались в одаренном богами чародее погоды. Боги давали меньше, им все меньше поклонялись, но они не страдали из-за Колосса — были просто равнодушны.

Ученый закрыл глаза.

— За исключением Ворона. Ведь Колосс был ее городом. Городом колдунов.

Что бы ни говорила ей магия, Сэре все трудней становилось верить, что это иллюзия — или *только* иллюзия.

— Детей в день дарования им имени отводили в храм Ворона, и здесь священники сообщали им, рождены ли они колдунами. Если да, оракул сообщал им, какая область магии будет их специальностью. Иногда выходила сама богиня Ворон и благословляла детей своей магией, которую ребенок мог использовать без обучения и ритуалов.

— Как орден Ворона, — сказала Сэра.

— Да.

Наступила долгая тишина.

— Но что произошло потом? — настойчиво спросила Хенна, наклоняясь вперед. — Случилось что-то ужасное?

— Да. — Ученый сделал полшага от Хенны. — Случилось что-то ужасное. Был мальчик. Он обладал силой могучего колдуна и был благословлен самой богиней, но у него не было одержимости. Он не хотел учиться — ему не нужно было зарабатывать на жизнь, потому что его отец был большим колдуном и накопил огромное богатство.

Ученый повернулся и посмотрел на ряды книг.

— Этот юноша влюбился в девушку, которая отвечала ему взаимностью: ведь у его отца золота было больше, чем у всех других ее поклонников. Но однажды она встретила другого мужчину, еще более богатого. И тогда она сказала юноше, что предпочитает мужчину, опытного в боевых искусствах, колдуну-недоучке.

Ученый вздохнул.

— Юноша не мог вынести ее отказа. Если она хочет бойца, он станет бойцом. Однако не забудьте, что он был ленивым молодым человеком и привык все в жизни покупать. Поэтому, вместо того чтобы нанять хорошего инструктора и учиться, он отправился в храм бога войны.

— В храм Орла, — сказала Сэра.

— Да, Айтрила, бога войны, — согласился Ученый, по-прежнему не поворачиваясь к ним. — Жрица бога войны посмеялась над юношей, попросившим у бога владения боевыми искусствами. Бог войны никогда не дает свои дары таким явно недостойным людям. Она сказала юноше, что, если он будет напряженно тренироваться год и один день, она обратится с мольбой к богу. Юноша рассердился и оскорбился, но он был горд. — Ученый наклонил голову. — Он пошел к отцу, старому могущественному колдуну. В его присутствии все старались держаться незаметно, потому что он был вспыльчив и легко обижался. И слова жрицы сильно оскорбили его.

— Это был Хиннум? — спросила Сэра.

Ученый наконец повернулся и посмотрел в глаза Сэре.

— Нет, не Хиннум, хотя и на его плечах большая вина. Колдуна звали Онтил Павлин. Он принял слова жрицы как угрозу своему положению и потому поклялся получить дары, которые она отказалась дать. Он пришел сюда, — Ученый рукой показал на библиотеку, — и целый год изучал тайные тексты. — Он снова посмотрел на Хенну, хотя она смотрела не на него, а на свои руки. — У старого колдуна были помощники. Его не любили, но он, как я сказал, был могуществен, и многие боялись его или искали его расположения. Однажды ночью в сопровождении пятидесяти меньших магов он попытался передать силу бога своему сыну. Но силу бога войны удержать нелегко — в эту ночь погибли пятьдесят магов. Пятьдесят магов и бог. Ты помнишь это, Ворон? — спросил Ученый и слегка коснулся плеча Хенны.

Сэра нахмурилась, но в прикосновении Ученого не было ничего магического, во всяком случае, она не почувствовала. Почему он считает, что Хенна должна помнить эти события?

Хенна отпрянула от его руки и вскочила.

— Спасибо, — сказала она равнодушно. — Пойду пройдусь.

Ученый смотрел ей вслед и продолжал смотреть, пока не прозвучал звук закрывающейся внешней двери.

— Ты не просто иллюзия, — сказала Сэра.

Ученый посмотрел на нее, теперь на его лице улыбки совсем не было.

— Той ночью родился ребенок. Девочка. Гнев, какого не может быть у младенца, гнев убитого бога звучал в ее криках,

и от этих криков дрожали стены. Девочку отнесли в храм Жаворонка, и там сама Жаворонок усыпила младенца, пока будет решено, что делать с девочкой.

Сэра села, забыв о своем намерении пойти за Хенной.

— Защитник, — сказала она.

Ученый покачал головой.

— Ты почти поняла. Мы думали, что боги бессмертны. Они не могут умереть. Но Онтил доказал, что мы ошибались. Бессмертны только Ткач и Сталкер. Но та часть, которая делала Орла богом, пережила Его смерть, хотя осталась искалеченной и искаженной, тронутой гневом умирающего бога.

— Выжила в ребенке.

— Прошли годы. — Ученый теперь смотрел на Сэру так же внимательно, как раньше на Хенну. — За эти годы колдунам стало ясно, что бог разрушения пробуждается. Не только в Колоссе, но и по всему миру горы падали на землю, а океаны разливались далеко за свои пределы.

Хиннум, величайший колдун города, отправился за помощью к Ворону, как делал это всю жизнь.

— Ему было четыреста лет, — сказала Сэра.

Глаза иллюзии вспыхнули от гнева.

— Четыреста пятьдесят. Я... Он склонился перед Ее статуей в Ее храме и молил о помощи. — Сэра поняла, что не только гнев изменил выражение глаз Ученого: по его щеке поползла слеза. — Она любила прогуливаться с ним по садам храма, потому что Хиннум был Ее любимцем. Они спорили и смеялись как дети, а когда умерла его третья, любимая жена, Она всю ночь не отпускала его от себя, пока он плакал.

— Она любила его, — прошептала Сэра.

— Как сына, — сказал он. — Ее любовью и супругом был Орел.

Сэра глубоко вздохнула, захваченная рассказом.

— И тот колдун использовал дары, которые Она дала ему, чтобы убить Его.

Ученый кивнул.

— Она винула себя и Она винула нас. — Он на мгновение закрыл глаза. — Она была так разгневана... Пока Хиннум молился, он слышал, как заходят другие, но пока не заговорила Сова, он не понимал, кто пришел в храм. Он впервые увидел других богов.

Он сел рядом с Сэрой и взял ее руки в свои.

— Сова была... как твой супруг. И хотя я был испуган, я не мог не ответить на Ее улыбку. Она подняла меня на ноги, и я увидел других.

Он замолчал, и Сэра решила не говорить, что он вторично отождествил себя с Хиннумом. Она подождет, пока он не расскажет все. Хиннум должен знать, как спасти ее мужа и убить Черного. И каким-то образом эта иллюзия была Хиннумом.

— Охотник был невысок, — говорил Ученый, — и много не говорил, но когда Он находился в помещении, я всегда чувствовал Его присутствие, даже в присутствии других богов. Баклан выглядел точно как статуя в Его храме. Они все так выглядели, но у Баклана улыбка была более естественна. Он не улыбался, но я видел, что для Него это наиболее привычное и удобное выражение. Жаворонок мне не понравилась. Не знаю почему. Может, потому, что Она держала на руках ребенка — того самого ребенка, в которого перешли гнев и сила бога войны, — как будто это камень или скала, а не ребенок, страдающий из-за грехов других.

Ученый высвободил руки и закрыл ими лицо. А когда заговорил снова, продолжал рассказ более бесстрастно.

— Когда пришла Ворон, Жаворонок показала Ей спящего ребенка и сказала: «Я не сильнее, чем был твой супруг, Ворон. Через месяц я не смогу удерживать его гнев спящим в этом ребенке. И тогда его гнев уничтожит мир, и ничто не сможет его остановить». «Дело не в ребенке и даже не в Орле, — сказал Баклан. — Дело в Ткаче и Сталкере. Смерть Орла ослабила сдерживающие их путы. Мы должны восстановить равновесие». — Ученый посмотрел себе на колени. — И тогда заговорил Ткач. Не знаю, что Он сказал, потому что, услышав Его голос, я потерял сознание. А когда пришел в себя, в храме была только Ворон, Она сидела рядом со мной и гладила мои волосы.

На лице Ученого снова показались слезы, но он словно не заметил этого.

— Ворон сказала мне: «Мы все время даем людям части своей божественной сущности; вы называете их дарами: младенец, только еще учащийся ходить, уже умеет совершенно точно брать ноты; воин, у которого реакция быстрее, чем у других; повитуха, пациентки которой никогда не умирают от родильной горячки...»

Ученый замолчал: голос его стал таким хриплым, что он не мог продолжать.

— Она убила остальных богов, — сказала Сэра, потрясенная неожиданным осознанием случившегося. — Эллеванал сказал, что Странники убили своих богов и съели их — он был прав.

— Да, мы убили их, Ворон и я, — согласился Ученый. — Они решили умереть, потому что это был единственный способ спасти Все Сущее. Они принесли себя в жертву, и их души освободились и улетели, оставив только силу. Ворон показала мне, как делить эту силу и привязывать к ордену, чтобы, когда умирал один носитель, сила находила другого.

— Но сила Орла была искажена, — прошептала Сэра. — Он не приносил добровольно себя в жертву и не отдавал силу. — «О мой бедный Джес», — подумала она. — Эмпаты. Вы дали эмпатам гнев и силу призрака бога войны.

Когда Хенна выбежала из библиотеки, она не понимала, что ее расстроило; чувствовала только, что не может вынести голос Ученого. Поток гнева и боли был очень силен, но она не знала, откуда он исходит.

Она шла быстро, без всякой цели, лишь бы утомить тело и получить возможность подумать. Успокоиться. Ворон не имеет права волноваться. Когда он теряет над собой контроль, происходят катастрофы.

Она прошла по тропинке за зарослями роз, нашла небольшой фонтан и села на каменную скамью перед ним. Розы широко раскрылись навстречу солнцу, но совершенно не пахли.

Потребовалось немало времени, но постепенно ощущение мира стало проникать в нее, и она вернулась в прежнее состояние. Опустила руку в воду фонтана и извлекла ее сухой. Между ее рукой и поверхностью холодной воды, где когда-то жили мелкие рыбки, был временной барьер. Она не могла коснуться воды, потому что в ее времени вода не существовала.

Она помнила, как действует это заклинание. И могла бы снять его, если бы захотела. Но не помнила, где ему научиться: еще вчера она его не знала.

Она не слышала, как он подошел. Ничто не предупредило ее, когда рука его охватила ее запястье и он поставил ее на ноги.

— Джес? — спросила она, хотя сама знала, что это не так. Рука, крепко охватившая ее запястье, была ледяной.

— Нет. — Защитник смотрел на нее, волна страха накати-лась, перевалила и ушла, не тронув: Хенна его никогда не боялась. — Джес там, где ему нельзя причинить боль.

Она ошибалась, все-таки страх на нее действует. Слова Защитника испугали ее.

— Ты не можешь это сделать, — сказала она. — Не можешь изолировать его. Он эмпат, он должен быть с тобой.

Губы защитника изогнулись в выражении, которое никогда не бывает у Джеса. Но Хенне оно знакомо. Откуда?

— Мне не нужны твои советы, как защитить Джеса, — сказал Защитник, и она наконец поняла, что он сердит на нее — гнев этот настолько силен, что он закрыл от него Джеса.

— Что случилось? — спросила она. — Какая-то новая беда с Таером?

Он рявкнул на нее — из человеческого рта донеслось рычание рассерженной горной кошки, потом повернулся и пошел прочь, потащив ее за собой.

— Папа умирает. Разве ты не знала? — В голосе его звучала угроза. — Тебе это неважно?

— Ты знаешь, что это не так.

Хенна старалась отвечать на его гнев сдержанностью, самоконтролем.

И как будто он не мог выносить ее спокойствия, Защитник развернул ее лицом к себе и встряхнул. Это действие словно еще усилило его раздражение — он заворчал, низко, угрожающе.

Потом наклонил голову и поцеловал ее. Это был жесткий поцелуй, рожденный гневом. Она почувствовала, как под его нажимом треснула кожа на нижней губе. Почувствовав вкус ее крови, он заколебался, потом оттолкнул ее от себя — хотя не выпустил руки.

На мгновение он застыл, потом снова пошел большими шагами.

— Папа не распаковывает лютню, а мама каждую ночь плачет. Весь день они притворяются, чтобы не причинять боль нам.

Он говорил так тихо, что она скорее чувствовала, чем слышала его.

— Сейчас положение такое же, как было утром, — сказала Хенна. — Но мы с твоей мамой все ближе подходим к нужным ответам. Теперь мы знаем, кто такой Черный. Защитник...

Она замолчала, потому что узнала улицы, по которым он ее вел; но она не понимала, откуда эти воспоминания.

Она посмотрела на лицо Защитника, хотя знала, что он не станет ее слушать, пока не найдет выхода своему гневу, а может, не станет слушать и тогда. Плохо, что он закрыл Джеса. Сильные эмоции очень опасны для Орла: любовь, ненависть... предательство. Но рука с длинными пальцами, охватившая ее запястье, внушала ей надежду: эта рука ни разу не сжала так сильно, чтобы образовался синяк.

Глядя на эту руку, она позволила Джесу проводить себя до конца улицы, где возвышался храм, который нашли в первый день пребывания в Колоссе. Джес через открытые двери храма провел ее в прихожую, устланную толстыми коврами. Дальше еще один пролет из четырех ступеней — и новая дверь. Джес не остановился, когда ковры сменились белым мрамором, а прошел в конец комнаты. Свободной рукой схватил ее за плечо и поставил перед собой, так что она оказалась прямо перед черной мраморной статуей на помосте храма Ворона.

Как и ее сестра, богиня Сова, Ворон была одета только в юбку с поясом, на котором был изображен символ ее тотема, но статуя не раскрашена. Одной рукой она упиралась в бок, на другой, протянутой вперед, сидел ворон с рубиновыми глазами. В отличие от веселого выражения лица Совы, лицо этой богини было серьезно и строго, как подобает Ворону.

И у статуи было лицо Хенны.

— На поясе написано «Алхенна», — сказал Защитник. Джес не сумел бы прочесть надпись на поясе. — Ты укоротила имя, когда пришла в мою семью? Зачем ты пришла к нам? Тебе стало скучно? Решила немного поиграть жизнями смертных?

Шок удержал ее на ногах, но потом она упала на пол, когда на нее неожиданно обрушилась тяжесть воспоминаний, давно украденных Хиннумом. Она с такой силой ударилась о пол, что было ясно: завтра будут синяки.

И сильнее воспоминаний оказались сопровождавшие их чувства.

— Я тебя совсем не знаю, — рявкнул он, и даже из глубины своего отчаяния она услышала боль, которая скрывалась под его гневом. — Ты могла вылечить моего отца. Могла убить Черного в Таэле и спасти Форана от его Памяти. — Он замахал руками, и она увидела, как в глазах Защитника возникает Джес. — Могла уничтожить Путь еще до его рождения. Могла спасти клан моей матери.

— Джес, — хрипло сказала она. — Я не Она.

— Нет, ты Она, — настаивал он, и на этот раз говорил Джес. — Думаешь, если я не читал твои чувства, когда прикасался к тебе, я не могу это сделать, если захочу? Я чувствовал, что ты узнала это место. Ты знала. Ты Она.

Ее глаза устремились к статуе.

— Кажется... когда-то я была Ею.

Она снова посмотрела на Джеса и постаралась подобрать слова, которые могли бы смягчить боль в его глазах. Он слушал, слушал, когда Защитник хотел уберечь его от нее. Сэра права, ее сын силен. Немногие носители Орла способны перехватить контроль у своего Защитника.

— Я поклянусь перед твоим отцом, который все еще Бард, что до этого момента не знала, кем была раньше.

Она хотела сказать что-то еще, но воспоминания завладели ею. Она закричала и вздрогнула, крик был нечленораздельный, спина изогнулась так, что лоб коснулся мраморного пола. Часть ее почувствовала боль от удара, но почти все ее внимание привлекло красное пятно, расхोдившееся по яркому одеянию Совы. Она до сих пор чувствовала холодное прикосновение ножа.

Потом она каким-то образом вернулась в настоящее, и Джес держал ее на коленях.

— Я никогда не предавала тебя, Джес. Я не играю людьми — теми, кого люблю, — сумела она сказать. — У меня больше нет силы, я отдала ее. — Слова сыпались из нее все быстрее и быстрее. — Мы взяли мою силу и разделили ее, чтобы уравновесить остальные. Бога войны больше не было, поэтому остальные боги тоже должны были умереть. Я направляла заклинание, которое приносило город в жертву: больше никто не знал этого заклинания. Но я тоже должна была умереть. Хиннум поклялся, что убьет меня, но, думаю, он не смог. Вместо этого он отобрал мои воспоминания.

Джес поцеловал ее в лоб, и для нее это было слишком, потому что она знала, какую боль причиняют ему ее неконтролируемые эмоции. Она не хотела причинять боль Джесу, не могла этого выносить.

Она высвободилась из его объятий и с трудом встала. Из носа у нее текло, лицо было мокрым, она рукавом стерла всю влагу и отстранилась от Джеса, чтобы прижаться лицом к стене.

— Я должна была умереть, — спокойно сказала она, прижимаясь лицом к холодному мрамору. Потом изо всех сил ладонью ударила по стене, наслаждаясь болью: ведь ее переносить гораздо легче, чем груз воспоминаний. — Я должна была умереть! — Она кричала это, чувствуя, как крик вырывается из легких и слегка ослабляет напряжение. Она хотела снова ударить стену — на этот раз кулаком, — но сильная рука перехватила ее запястье, разжала пальцы и приложила ладонь к стене плашмя. После этого Джес отпустил ее.

Она смотрела на свои руки.

— Я такая старая. Я столько раз терпела неудачи. Я... — Она замолчала. У нее нет права отягощать его болью, у него достаточно своей. Она исправит, что сможет. — Я больше не богиня, просто я очень старая. — Хенна сделала глубокий вдох и почувствовала, как расслабляются черты лица: к ней возвращался самоконтроль. — Я бедное существо, которое не смогло даже убить колдуна *солсенти* Волиса, потому что я не могла освободиться от его магии. Мне казалось, я смогу помочь твоей матери понять, что случилось с Таером. Я не думала, что она сможет спасти его. Но, по крайней мере, она могла передать известие другим кланам.

Она беспомощно махнула рукой.

— Я хотела доставить хоть какие-то неприятности Пути, Черному, понимаешь, потому что на многое я не способна. Я не привыкла просить о помощи и к тому, что мне ее оказывают. Странники не великодушный народ. Они делают то, что должны, как требует их история, но это не приносит им удовольствия. Я не думала, что твоя мать станет помогать мне.

Ей пришлось снова остановиться и передохнуть. Она была рада, что он стоит рядом, так что ей не нужно смотреть на него.

— Я не ожидала случившегося... но я не сидела сложа руки, когда твоя семья рисковала всем, Джес. Я помогала всем, чем могла.

Она замолчала, потому что ей нечего было больше сказать и потому, что, если бы произнесла еще хоть фразу, то кричала бы до боли в горле. Она надеялась, что сказала достаточно, чтобы Джес сохранил то хрупкое равновесие, которое у него существует гораздо дольше, чем у других таких, как он.

Ей следовало отдалиться от него, уйти сразу после первого поцелуя.

— Никогда раньше не видел, как ты плачешь, — мягко сказал Джес и провел рукой по ее щеке. Прикоснувшись к ее коже, он негромко зашипел, как человек, дотронувшийся до раскаленного угля.

Она пыталась взять чувства под контроль, отойти, чтобы не тревожить его. Она не хотела причинить ему новую боль.

— Ш-ш-ш, — говорил он, взяв ее за плечи и поворачивая к себе.

Хенна сопротивлялась: она не хотела, чтобы он смотрел на нее, на разбухшее лицо и покрасневшие глаза. Не хотела смотреть на него и видеть, как знание того, кем она была раньше, создает между ними непроходимую пропасть. Но он сильнее ее и настойчивее. В конце концов она попыталась удержать небольшое расстояние между ними.

Теперь его лицо было слишком близко к ней, чтобы понять его выражение, она видела только блеск глаз, когда он наклонился и лизнул ее разбитую губу.

— Я тоже не хотел причинять тебе боль, — сказал он. — Никто из нас не хотел. Прости. Я верю тебе, верю. Я был почти уверен, что ты не предашь нас, но Защитник тоже должен был поверить в это. Он не стал бы меня слушать. Успокойся.

Он поцеловал ее, и этот поцелуй отличался от предыдущего как небо от земли: поцеловал сомкнутыми губами, мягкими, нежными и любящими.

— Мама говорит, что Вороны умеют хранить тайны; я думаю, она права, — говорил он. — А папа говорит, что небезопасно что-то утаивать от себя. Он тоже прав, по-моему.

Она перестала сопротивляться, и он убрал руки с ее плеч. Легко провел правой рукой по груди и спустился вниз, к жи-

воту, словно почувствовал, какой тугой комок горя, боли и гнева она хранит здесь.

— Я причиняю тебе боль, — сказала она, не в силах заставить себя отодвинуться. — Я не хочу этого делать. Дай мне время, и я...

— Снова это похоронишь? — Его голос негромко звучал у ее уха. — Не думаю, что это разумно.

Он поцеловал мочку ее уха, шею, легко покусывая, выпускал тугой воротник.

Она готова была поклясться, что для нее нет ничего нового в страсти, но под неопытными интуитивными движениями Джеса обнаружила, что ошибалась. Он только начал, а она дрожала от страха, что он остановится, перестанет прикасаться к ней, перестанет говорить с ней этим бархатным голосом... перестанет любить ее.

— Пожалуйста... — сказала она таким же негромким голосом. *Пожалуйста, не позволяй мне причинять тебе боль. Трогай меня. Люби меня.* Но она не позволила себе сказать это.

Он встретил ее взгляд и улыбнулся, они оба улыбнулись: Джес и Защитник.

— Не волнуйся, — сказал он, продолжая только что начатое путешествие.

Его губы продвинулись от шеи к ключице, а руки — вниз по изгибу спины и по бедрам. Он остановился лишь тогда, когда губы почувствовали тот комок горя и памяти, который обнаружили руки.

— Здесь, — сказал он, — так много горя. Позволь помочь тебе.

Он прижался лбом к ее животу. И его тепло смягчало старую боль, а холод Защитника облегчал ее.

— Не держись так за боль и ненависть, — сказал Защитник голосом таким же мягким, каким был голос Джеса. — Я разделю свой гнев с Джесом, и станет легче. Иногда на обиды нужно взглянуть при свете дня, Хенна, чтобы их можно было пересчитать, и тогда они смогут уйти.

Она вздохнула и почувствовала, как отвратительный груз, который она хранила в глубине души даже втайне от себя самой, вздрагивает при свете, который принес Джес.

— Так много мертвых, — сказал он, и голос его звучал чуть тише, чем голос Защитника. — Слишком много, чтобы

держат их здесь. — Его мозолистая рука легко коснулась места над ее сердцем. — Ты любила их, и они любили тебя. Им было больно узнать, что они причиняли тебе такую боль. Отпусти их.

— Ты не можешь читать мои мысли, — ответила она, потрясенная точностью его слов.

— Конечно, нет, — согласился он. — Но я чувствую то, что чувствуешь ты, и вспоминаю тех, кого потерял, и боль та же самая. Причина та же. — Он улыбнулся, прижимаясь к ее щеке; она почувствовала ямочку. — Эгоизм.

— Эгоизм?

Ее поразило, что он как будто принижает ее страдания, делает их обыденными. Она попыталась высвободиться.

Он рассмеялся, низко и негромко, и крепче прижал ее к себе. Смех Защитника затронул что-то в глубине ее души, и она снова уступила.

— Эгоизм, — повторил он. — Я не знаю, куда уходят мертвые. — На этот раз рассмеялся Джес, и звук был менее изящным, менее прекрасным, но более веселым. — Но они уходят, оставляя тела. Я видел это. Я чувствовал это. Они уходят в радости, Хенна, боль и страх остаются позади, с теми, кто остался оплакивать их. С тобой и со мной. И боль, которую мы испытываем, она только для нас. Я никогда не увижу свою маленькую сестру Мехиллу, которая умерла в тот год, когда родилась Ринни, и это печалит меня. Ради меня. Я оплакиваю ее даже сейчас, хотя прошло уже одиннадцать лет, как она умерла. Это не плохо, что я горюю, но эгоистично.

Он сел, чтобы поцеловать ее в живот, потом потерся щекой, и его дневная щетина задевала ткань ее юбки.

— Пусть их смерти уйдут, — сказал он. — Пусть они перестанут преследовать твое сердце.

Он ждал, как будто прислушивался к чему-то, чего она не могла слышать. Его терпение, тепло его рук — он словно защищал ее от любых бед — все это было слишком трудно перенести.

— Ах, вот оно, — сказал он, вставая, так что теперь она со всхлипыванием могла прижаться лицом к его груди. — Мы с Защитником тоже плачем.

Он принялся покачивать ее и запел колыбельную, как мать, успокаивающая усталого ребенка. Он не Бард, но голос его звучал прекрасно.

Когда она отстранилась, он ладонью вытер ей щеки.

— Ты должна простить их, — сказал он. — Они давно мертвы, и твой гнев вреден только тебе. Прости их за то, что умерли и оставили тебя. Прости Хиннума, если это он любил тебя так сильно, что не смог позволить тебе умереть и избавиться от боли.

Хенна испугалась.

— Ты ребенок, — сказала она. — Как ты можешь все это знать?

Шаг, который она сделала назад, получился неловким, спотыкающимся — совсем не решительный широкий шаг, как она хотела, но цели он достиг. Его прикосновение слишком волнует, оно слишком необходимо.

Он улыбнулся.

— Истина остается истиной, кто бы ее ни произнес. Отец знает много таких высказываний. «От прощения ты получаешь больше, чем тот, кого прощаешь» — из числа его любимых.

Улыбка исчезла, глаза его потемнели.

— Ты потеряла слишком много, — сказал он, и она не поняла, кто это говорит: Джес или Защитник. — Неужели ты ничего не нашла взамен? Никакого дара?

Она смотрела на него, стараясь сохранить достоинство; он терпеливо ждал, и только в глазах видна была легкая улыбка.

— Я нашла тебя, — сказала она.

Он снова улыбнулся и приблизился. Обнимая ее — скорее бурно, чем чувственно, — он прошептал:

— Когда в следующий раз решишь выглядеть достойно, завяжи сначала блузку.

Он рассмеялся, когда она с негодующим выражением оттолкнула его.

— Пойдем, — сказал он. — Я знаю место, более удобное для того, что я задумал, чем этот мраморный пол. Я тут немного побродил, прежде чем увидел, что у статуи твое лицо — сбивает с толку черный цвет.

— Ты смотришь не на лицо, — сказала она, и он откинул голову и весело рассмеялся.

— Ревнуешь к статуе? — спросил он, беря ее на руки. — Мужчине нужно что-нибудь помягче мрамора, хотя мрамор прекрасен.

Она позволила ему пронести себя по лестнице на помост и в небольшую дверь за ним. Он шел по коридорам в маленькую комнату, построенную вокруг бассейна. Из скрытых в потолке окон на поверхность воды падал полуденный свет, и стены от этого казались пятнистыми.

— Я помню, что это всегда была моя любимая комната, — сказала она, и он положил ее на толстые матрасы, укрывавшие пол.

Защитник зарылся лицом в ее волосы и вздохнул.

— Мне нравится твой запах, — проворчал он.

— Подожди, — сказала она, отодвигаясь.

Он отпустил ее, хотя сжал кулаки и поморщился.

— Мне нужно сказать тебе. Сказать Джесу.

— Джес случает, — ответил Защитник, перекачиваясь на живот и закрывая лицо руками. — Это самое лучшее, что мы сейчас можем сделать.

Хенна села и потеряла его спину, но тут же убрала руку, потому что это прикосновение ее отвлекало: она чувствовала, как он дрожит от страсти под ее пальцами, а ему нужно, чтобы он понял, что она скажет, прежде чем отдастся своей страсти.

— В те дни нас было шестеро в Колоссе. Ворон, Орел, Сова, Баклан, Жаворонок и Ястреб. И мы сохраняли безопасность мира, уравнивая свои силы.

Она поджала ноги и съежилась, почувствовала себя маленькой, упорядочивая свои новонайденные воспоминания и выстраивая их последовательно, чтобы Джес понял, не отвлекаясь на подробности.

— Колосс был моим городом, и я любила его. Любила колдунов, живших в этом городе. Они просили у меня силы, и я давала ее им.

Защитник повернулся на бок, чтобы видеть ее. Тело его слегка расслабилось.

— Единственное, что я любила больше своего города, был мой супруг. Мы были созданы друг для друга. Существовало равновесие: Орел для Ворона, Сова для Баклана и Жаворонок для Охотника. Потом мои колдуны, используя силу, которую я дала им, убили моего Орла.

— Как?

Дыхание Защитника ускорилося, но не от страсти.

— Как Путь отбирал орден у носителя, так алчные колдуны украли у Орла его силу. Они сами при этом умерли, но убили и моего любимого.

Он посмотрел на бассейн, лицо его оставалось нейтральным, и она не могла прочесть его мысли.

— Сила, которой мы владели, была бессмертна, Джес, но мы узнали, что сами мы тоже подвластны дару Сталкера. Мы, шестеро, жили, чтобы сдерживать великих богов. Наш мир стар и хрупок; если сила Ткача и Сталкера сегодня высвободится в нем, он разлетится, как старый сухой горшок. Мы поддерживали равновесие, и поэтому боги оставались связанными.

— Один из вас умер.

На этот раз говорил Джес, хотя она чувствовала и присутствие Защитника — чувствовала по холоду, от которого мурашки бегали по рукам.

Она кивнула.

— Когда бог войны был убит, Старшие боги зашевелились. По всему миру гибли люди. Сила старых богов бесконтрольна, как ужас, всегда окружающий Защитника, хочет он того или нет: Ткач создает, Сталкер уничтожает. У них нет выбора. Такова их суть. Они пришли к нам, к тем из нас, кто остался в живых, и попросили помочь восстановить равновесие.

— Принести в жертву Колосс.

— Пути, сдерживавшие Старших богов, с каждым днем все больше слабели, потому что не было уравновешенного выхода для силы. Нам предстояло решить две проблемы. Создать новые пути и новое равновесие. Жертва Колосса была необходима для создания новых пут — пока город остается застывшим, боги связаны.

— Но один из богов умер, и равновесия не могло быть.

— Верно. — Похоже на историю, только она помнит все это так, словно происходило вчера. — Жаворонок предложил, чтобы Ткач создал нового Орла.

Даже спустя столько лет гнев, который она тогда почувствовала — словно ее возлюбленный не больше чем сломанная чашка, которую гончар легко заменит, — снова ожил в ее груди.

— Почему он этого не сделал?

— Он не мог. Бессмертная сила Орла оставалась, она была заключена в ребенке, родившемся в момент смерти моего любимого. Этого ребенка держал спящим Жаворонок. Мой любимый не отпускал свою силу, и даже Ткач и Сталкер не могли заставить его это сделать.

Я была так сердита на них всех. — Она вспомнила, как сдерживала боль и вину и скрывала их за гневом. — Это была моя вина. И мне предстояло ее искупить, заплатить за мою глупость.

— И что ты сделала?

— Ордены были созданы до ухода колдунов из Колосса, Джес. Я создала их. Я вырвала силу из остальных богов, как вырвали ее у моего любимого. Я была богиней магии и потому смогла отобрать силу чисто, не трогая душу, связанную с этой силой. Но я не могла взять ее, не убив богов.

Она закрыла глаза, вспоминая, как осуществляла задуманное с помощью бледного дрожащего Хиннума, который помогал ей делать то, что было необходимо.

— Они принесли себя в жертву, потому что пятеро богов не могли сдерживать Старших. Если я отбирала их силу и распределяла ее между смертными, равновесие восстанавливалось.

— Значит, Колосс умер, чтобы сдерживать силу Старших богов, а ордены были созданы, чтобы держать этих богов в путах?

— Да, — прошептала Хенна.

Наступило молчание. Наконец Джес перестал смотреть на воду и взглянул на Хенну.

— Ты не остановилась на этом.

Она покачала головой, но пока не могла рассказать все, поэтому ограничилась меньшим злом, за которое была ответственна.

— Я тоже должна была умереть, Джес. Хиннум помог мне разделить мою силу и создать Воронов, оставив лишь столько силы, сколько мне нужно было, чтобы принести в жертву Колосс. Я думаю, Черные могут черпать силу у Сталкера, потому что я осталась жить. То, что я выжила, создало дыру в путах.

Джес резко сел и обнял ее, но она чувствовала, что его внимание сосредоточено на внутреннем диалоге.

— Нет, — сказал немного погодя Защитник. — Причина не в том, что ты выжила. Ты была Вороном, а если бы богиня

Ворон выжила, равновесие было бы нарушено. Ты выжила, но не как богиня Ворон, а просто как Ворон.

Она тщательно обдумала его слова и не нашла ошибок в рассуждениях.

— Хорошо, — прошептала она. — Хорошо. Но что-то все равно пошло неладно.

— Хенна? — спросил он у самого ее уха. — Почему орден Орла отличается от других?

— Это моя вина, — сказала она, радуясь, что он сам нашел ее величайшее преступление и ей теперь не нужно в нем сознаваться. — Это моя вила, и я прошу у тебя прощения.

Джес находился за ней и не оттолкнул ее, когда она приклонилась к нему.

— Когда мои сестры и братья умерли, их души и тела распались, оставив только силу. Когда колдуны убили Орла, они тоже вырвали силу из его тела. Я могла разделить его силу на такие крошечные искорки, которые давали человеку лишь немного больше храбрости в бою. Люди никогда не почувствовали бы, что это остатки Его, а не просто сила. Я могла распределять эту силу среди воинов, давать ее как дар на поле битвы. Но ведь это был мой возлюбленный.

— Что же ты сделала?

«Он знает», — подумала она, но она должна покаяться, признать свою вину.

— Я делила его силу до тех пор, пока гнев, вызванный смертью, не становился так мал, что не мог подавить человека, который получал силу; а потом я отдала ее только тем, кто знал, что получает. Только тем, кто мог его успокоить.

— Эмпатам, таким, как Джес, — сказал Защитник.

Она кивнула, ожидая его суда. Он обнял ее и, пока думал, раскачивал, как малыша.

— Если бы ты дала меня воину, кровь лилась бы реками, пока больше не оставалось бы, кого убивать, — сказал Защитник. — Я помню поколения, проникнутые только гневом, не способные к связной мысли. И я был бы таким, если бы не Джес и не его любовь ко мне.

— Я знаю, любимый, — сказала она, обнимая его. — Но так много людей стали жертвами моего решения. Так много Орлов прожили короткие жизни. Джес... Ты тоже заплатил долг, к которому не имел отношения.

— Гм-м-м, — сказал Джес. — Папа говорит, что все платят за жизнь. — Он уткнулся носом ей в ухо. — Мне нравится то, каков я, Хенна. Не могу представить себе жизнь без Защитника. Думаю, было бы ужасно одиноко, если бы его не было у меня. Сейчас, в этой комнате, держа тебя в руках, я бы не поменялся ни с одним человеком. Не проси моего прощения, потому что ты не согрешила против меня. Не проси нашего гнева, потому что его нет. Мы любим тебя.

Глава 16

К облегчению Таера, тучи продолжали удерживать воду в себе и на небе даже появилась растущая чистая полоска; показалось солнце, способное погреть кости.

Со времени службы в солдатах он не уходил из дома так надолго, но, если отбросить мгновения ужаса и тревоги, ему нравилась такая жизнь. Может быть, когда жена решит, что больше не может оставаться женой фермера, он станет мужем Странницы и вместе с нею будет бродить по миру.

Он скучал по ферме — по запаху свежескопанной земли и молодых растений.

Он внимательно осмотрел город.

Очевидно, в Университетском районе жили богатые. Сидя на садовой стене, но видел почти весь сад, окружавший трехэтажное каменное поместье. Его тревожило отсутствие птиц и насекомых, но это не уменьшало красоты тщательно распланированных и выращенных цветов и деревьев.

Главным преимуществом такого положения была, конечно, не местная флора, а возможность видеть сразу всех своих подопечных, которые обладают тенденцией постоянно разбегаться, когда их привлечет что-нибудь интересное.

Ринни оставила Лера, полускрытого живой изгородью в конце квартала, вблизи границы, которую, как объявил Таер, переходить небезопасно, и в сопровождении Гуры пошла к нему.

Мгновение спустя Форан с выражением скуки пошел за ней и за собакой. Маску скучающего циника он надевал тогда, когда вспоминал, что он император, а не просто еще один из мальчишек Таера. От работы и езды верхом лицо его немного

осунулось, стали видны широкие скулы и узкий элегантный нос. Он не красив, но его загорелое лицо обладает привлекательностью, особенно когда он улыбается.

Хотя он по-прежнему одет в яркий роскошный наряд, одежда за недели работы и езды истрепалась. Форан отказался от сложных придворных причесок и просто зачесывал волосы назад. И теперь больше походил на бродягу, чем на императора.

Позади него, как обычно, находились Тоарсен и Кисел. Иелиан тоже где-то здесь, но не поблизости; однако он всегда знает, где император. Таер увидел его, небрежно прислонившегося к стене на противоположной стороне улицы. Руфорт ушел на другой конец квартала и, как Таер, нашел позицию, с которой ему видно всех. Таер улыбнулся, гордясь своими Воробышками. Они подходят для охраны императора.

Ринни приближалась, и Таер улыбнулся, заметив, как Иелиан небрежно двинулся вслед за Тоарсеном и Киселом. Все они охраняют императора, но со стороны выглядит так, будто самая важная здесь Ринни.

Девочка остановилась посреди улицы прямо перед Таером и прикрыла рукой глаза.

— Папа, — сказала она, — Лер говорит, что разгадал загадку пустых мест, где раньше стояли дома, но не рассказывает, пока ты не придешь.

— Хорошо.

Таер знал, что вероятность пребывания в Колоссе кого-то еще ничтожна, но тишина заставляла его насторожиться, и он еще раз внимательно осмотрелся, прежде чем спрыгнуть со стены.

Вслед за дочерью, императором и его охранниками он прошел по мощенной булыжником улице к концу квартала, где его ждал Лер. Краем глаза он заметил, что Руфорт тоже идет за ними.

— Посмотри, папа, — сказал Лер возбужденно, как только Таер смог из-за кустов увидеть небольшой участок с грудой обломков, где когда-то стоял дом.

Лер показал на ограду, скромную по сравнению с оградами соседних зданий. Она высотой только по пояс и сделана из дерева. Изгородь из ровных досок тщательно раскрашена переливающимися зелеными лозами с мелкими белыми цветами.

Таер нахмурился: он видел такую ограду, но в первый момент не мог вспомнить, где именно. Лер терпеливо ждал, пока Таер подносил ладонь к дереву и внимательнее смотрел на нарисованные растения. Нет, то была не изгородь. Если бы память его была в обычном состоянии, он вспомнил бы без труда.

— *Мермори* Бенрольна, — сказал он наконец. Он видел это буквально каждый вечер на пути из Таэлы, пока Бенрольн не увел свой клан в Колберн. — В доме Ронжера Библиотекаря была такая же ограда.

— И очертания этого здания точно соответствуют тому дому, папа. Я думаю, разрушенные дома — это дома колдунов. Если приведем маму, я думаю, она установит, кому принадлежали все ее *мермори*.

— А что такое *мермори*? — спросил Форан.

Ринни и Лер начали объяснять одновременно. Ринни остановилась бы, а Лер продолжил, но на этот раз старший брат начал ругать девочку за то, что та не дает ему слова сказать.

Таер предоставил им разбираться, а сам отошел на середину улицы и попытался мысленно представить себе, как она выглядела, когда на месте груды развалин стоял дом Ронжера.

Он думал, был ли дом Ронжера здесь первым, а остальные поместья выросли вокруг позже, или богатые дома стояли здесь и раньше, просто один из владельцев дал землю Ронжеру в аренду. Относительно скромный дом, выглядел, несомненно, неуместно, когда в нем жил Ронжер.

Закрыв глаза, он представил себе эту картину. Руки потеплели, в них закололо, картина сформировалась — и не просто картина. Неожиданно возникли звуки, которых так не хватало: шум ветра в листве, крики птиц. Он почувствовал сладкий запах трав и цветов и легкий оттенок навоза. Улица не многолюдна, только местные жители и те, кто приходит к ним по делу.

У дома Ронжера привязана лошадь, она меньше тех, к которым привык Таер, и легче сложена. Грива ее переплетена лентами, а упряжь из побелевшей кожи. Лошадь махнула хвостом и топнула, стараясь отогнать надоедливое насекомое.

— Значит, колдуны, убегая, нашли возможность взять с собой свои библиотеки. — Голос Форана нарушил сосредоточенность Таера. — Я сумел прихватить только две смены

одежды, меч, толстый кошелек и четверых стражников, чтобы тратить его.

— Они убивали семьи, — медленно сказал Руфорт. — Библиотеки кажутся такими...

Он поискал нужное слово.

— Ничтожными, — подсказал Иелиан.

— Они не могли вынести потерю всего, — сказал Таер. Сцена прошлого мгновенно исчезла. — Если бы мне пришлось убить семью — не могу представить себе более ужасной участи, — я бы захотел сохранить что-нибудь на память, что-нибудь такое, что напоминало бы, что когда-то они жили.

— Но разве не это они принесли в жертву? — спросил Лер, остававшийся у ограды. — Мама говорит, что магия состоит из шаблонов; вместе с жизнями тех, кто тут оставался, колдуны уничтожили шаблоны повседневной жизни, все то, что делало Колосс их домом.

— Библиотекой они не пожертвовали, — сказала Ринни. — Она не часть заклинания. Может, *мермори* как эта библиотека.

Форан улыбнулся и сухо сказал:

— Мой дядя говорил: если колдуну придется выбирать, что спасти из горящего здания: книгу или своего единственного ребенка, он выберет...

Голос Форана неожиданно смолк, и Таер обнаружил, что смотрит снизу вверх на ветви дерева.

— Папа! — голос Ринни звучал испуганно и словно изда- лека.

— Со мной все в порядке, — сказал Таер, инстинктивно реагируя на страх в голосе дочери, прежде чем он сумел оценить ситуацию.

Пока не освободили его руки и ноги, он не понимал, что его держат. Он лежал на спине на улице, мальчики толпились вокруг него, и испуганное лицо Ринни выглядывало из-за плеча Лера.

— Еще один припадок? — спросил он.

Таер резко сел, но если бы Форан незаметно не поддержал его сзади, упал бы снова. Во рту у него была кровь, и он чувствовал изнутри разрез на щеке.

— Этот был тяжелый, папа, — сказал Лер. Голос его не дрожал, слез не было, но Таер видел, что Лер испуган не меньше Ринни.

— Кисел подхватил тебя, прежде чем ты упал, — сказал Тоарсен. — Но, кажется, ты ударился головой, прежде чем я подоспел.

— Спасибо, — сказал Таер, держась за плечо Форана и с его помощью вставая на колени. Не почувствовав никакого головокружения, он встал на ноги.

— Все в порядке, — сказал он, глядя в испуганные лица окружающих, и, будучи Бардом, прекрасно понял, что солгал.

— Ворон мог сам заколдовать Колосса, — говорил Ученый, отвечая на вопрос Сэры и прохаживаясь между ее скамьей и лестницей. — Но это не было бы жертвоприношением, способным связать Старших богов. Только колдуны могли принести в жертву город колдунов. Ворон направлял заклинание, а Хиннум служил его фокусом — но сила заклęcia исходила от колдунов Колосса.

— Они убили тех, кого любили, — сказала Сэра, пытаюсь представить, как это было. — Уничтожили все, что было им дорого. Как тебе удалось их убедить?

— Мы собрали их всех в храме Ворона и объяснили, что случилось. Они знали, что Ткач и Сталкер высвободились — никто не мог не заметить этого, вся природа пришла в смятение.

— И они не спорили?

Сэра попыталась представить себе комнату, полную Воронов, во всем согласных друг с другом.

Ученый остановился у лестницы.

— Нет, — тяжело сказал он, и она услышала смерть в этом одном слове и увидела ее в его согнутых плечах. Он глубоко вздохнул, хотя она знала, что он не нуждается в дыхании. — Мы вышли из города через Университетские ворота. А потом мы принесли его в жертву.

— Но не библиотеку и не личные библиотеки колдунов, — сказала Сэра, медленно собирая воедино части, как поступает Ворон: беря факты и используя их, чтобы интуитивно заполнить недостающее. Она вспомнила, как он смотрел на Хенну, вспомнила, каким голосом он говорил о богине. И сразу вспомнила слова Таера: ему кажется, что Хенна очень стара.

— Но не богиню Ворона. Она ведь тоже планировала умереть, верно? — благоговейно прошептала Сэра. Хенна бы-

ла богиней Вороном. — Закончив дело, она хотела умереть, как остальные боги.

— Я не мог этого вынести, — сказал Ученый. — Не мог вынести и ее смерть. Я любил ее.

— И что же ты сделал?

— Я отобрал у нее память. Как ты видела, она по-прежнему не помнит. Я изменил ее лицо — немного, чтобы все знавшие ее могли поверить, что она умерла. Так много колдунов погибло той ночью, а все выжившие тоже пострадали так или иначе. Она не единственная потеряла память. Многие колдуны больше никогда не могли колдовать, не владели магией, некоторые из них ослепли. Была одна, которая с тех пор не сказала ни слова.

— Изольда Молчаливая, — сказала Сэра.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Откуда ты знаешь об Изольде? Ты из ее рода?

Сэра кивнула.

Он улыбнулся, вспоминая о чем-то с удовольствием.

— Нет. Онемела не Изольда. Изольда училась под крылом Совы. У нее был звонкий голос, как хрустальная струна, звучащая на ветру. Во дни после падения Колосса нас утешали ее песни. Мы прозвали ее Молчаливой, потому что она никогда не говорила ненужных слов. — Он помолчал. — Ты не такая, как она, но своими манерами очень на нее похожа.

Сэра поджала губы.

— Не знаю, как ты это делаешь, но ты и есть Хиннум.

— Да.

Откинувшись на спинку сиденья, Сэра оценивала ситуацию. Перед ней величайший колдун Колосса, и она постарается его использовать.

— Человек состоит из души, разума и тела, — сказала Сэра. — Чтобы увидеть душу, колдун должен преодолеть преграды, блокирующие его зрение. — Она со стуком опустила книгу на стол. — Вздор, — сказала книге — и своему новому учителю — раздраженно. — Больше того, бесполезный вздор. Никаких важных подробностей, ничего, кроме собрания громкой поэтически звучащей ерунды. Я проделала все, о чем говорится в книге, и по-прежнему вижу только свой орден — а это не душа.

— Это не вздор, — спокойно возразила иллюзия Хиннума. — И если ты хочешь сохранить мужу жизнь, пока я не смогу сотворить заклинание, тебе нужно знать, как видеть душу. Нужно только немного терпения и самодисциплины.

Она повернулась, посмотрела на него — и он улыбнулся ей, точно как Таер. Никто другой не смеялся над ее характером.

Ради Таера она научится это делать или умрет в попытках. А Хиннум, решительно напомнила она себе, единственный колдун, способный научить ее. Если только неожиданно не вспомнит Хенна. Но если бы это могло случиться, то уже случилось бы.

Вероятно, это было бы милосердием, если бы Хенна никогда не вспомнила. Судя по словам Хиннума, сейчас у Хенны не больше силы, чем у любого другого Ворона, и воспоминания о том, кем она была когда-то, принесут ей только боль.

Не одна Хенна пострадала во время гибели Колосса. Хиннум не вдавался в подробности, но, очевидно, ущерб, который причинило ему заклинание, был таков, что он решил не уходить в мир, а остаться здесь.

Иллюзия, которую он создал, чтобы сохранить свой интеллект — душу, сказал он, стуча пальцем по книге, которую листала Сэра, — не очень владеет магией. Именно поэтому он начал процесс оживления собственного тела, как только увидел Таера и камни с привязанными к ним орденами. Хиннум знал, как решить обе проблемы, и сказал об этом Сэре, но не знал, сколько времени пройдет, прежде чем его тело восстановится. Для камней особой поспешности не было, но у Таера оставалось мало времени.

И поэтому она сидела за столом, как начинающий колдун *солсенти* под тиранией своего учителя.

— Это совсем не трудно, — сказал он теперь и подал кусок мела, который она швырнула на пол. — Тринадцатилетний подмастерье способен легко этим овладеть. Но только если капризы не мешают ему слушать.

Сэра кипела от негодования, но снова принялась чертить загадочные символы на поверхности стола. Со смерти ее учителя другого у нее не было, а Хиннум словно особенно наслаждался, выражаясь неясно.

Это хуже, чем изучение рун для защиты. Там она по крайней мере, чувствовала, как собирается под рунами сила;

руны сами сообщали ей, если она нарисовала неверно или неполно. А здесь просто письменный вздор.

— Эта фигура повернута в другом направлении, — сказал Хиннум, постучав пальцем по книге. — Видишь? А вот эта черточка должна быть немного длинней.

— Если бы ты сказал мне, что мы собираемся сделать, — не в первый раз сказала она, — в этом не было бы необходимости.

— Все это в книге, — ответил он. — Но ты сказала, что книга не имеет для тебя смысла, поэтому нужны фигуры. — Он наклонился над сделанными ею надписями. — Так лучше. Еще только три фигуры, и я научу тебя словам.

— А Хенна может это делать? — спросила она.

— Не знаю. Ты, конечно, можешь подождать, пока кто-нибудь не решит твои проблемы, если не хочешь потратить немного времени и усилий.

Если бы он не был иллюзией и если бы в этом не была ее единственная надежда спасти Таера, она бы сделала ему что-нибудь неприятное.

И Сэра принялась перерисовывать следующий случайный набор черточек и завитушек.

Хиннум схватил Сэру за щеку, заставляя ее рот принять неестественное положение.

— Вот так. Если звуки произнесены неверно, они не действуют.

Она вырвалась и попыталась снова. *Ритм, тон, высота, произношение; неудивительно, что колдуны солсенти были такими отвратительными.*

Глядя на бессмысленные фигуры, которые начертила на столе, она опять попыталась правильно произнести слова. Ей показалось, что звучит точно так же, как в прошлый раз, но на *этот* раз что-то произошло. Магия устремилась в нее от начерченных мелом фигур с такой силой, что стул отодвинулся на несколько дюймов.

Совсем не похоже на руны. Руны принадлежали ей и делали то, что она приказывала.

Фигуры и слова этого типа магии отвлекали ее, забирали у нее магию и придавали ей новую форму. Ей это не нрави-

лось: Ворон контролирует свою магию. Не нравилось, но постепенно она училась понимать, как символы и звуки пытаются сделать ее сильнее. Тут и там были пробелы, она ликвидировала их и притягивала магию к себе, пока она снова не стала принадлежать ей.

— Получилось, — сказала она, поворачиваясь к Хиннуму.

Но вместо подростка-Странника увидела магическую сеть, сложное переплетение струн и узлов, создававшее форму Ученого. Фиолетовая ткань, в образе которой она всегда видела свой орден, была здесь, под сетью — так ей показалось сначала. Она встала со стула и подошла к иллюзии. Теперь она видела, что это не совсем ее орден.

— Это не орден Ворона, но очень похоже, — сказала она.

— Меня коснулась богиня, — ответил он, очевидно, поняв ее. — Дар Ворона очень похож на орден Ворона. Но что ты сделала? Эта магия не похожа на ту, что ты должна была создать.

— Я ее поправила, — сказала Сэра, заинтересованно наклоняясь. — Прошу прощения, — с отсутствующим видом добавила она: она начинала понимать смысл строк, которые заставлял ее читать Хиннум.

— Что ты сделала? — повторил Хиннум, рассматривая магию так же внимательно, как она рассматривала его самого.

— Не сейчас, — ответила она. — Позволь взглянуть.

Требовалась полная сосредоточенность, и это очень утомляло. Она не сможет долго это делать. Похоже на то, как Ворон *смотрит*, чтобы увидеть орден, но в то же время немного по-другому.

— Я вижу заклинание, создавшее твою иллюзию, — сказала она после некоторого раздумья. Должно быть, то, что включает в себе остальную часть его. — Под ним — прикосновение Ворона, кажется, ты это так назвал... а еще ниже... — Фиолетовая оболочка стала прозрачной, растаяла, и Сэра увидела под ней другое. — Я вижу голубое сияние с темным ядром.

— Опиши его мне.

Голос Хиннума перестал быть осторожным, в нем теперь звучало возбуждение.

Сэра подняла руку и просунула ее сквозь сеть, чтобы прикоснуться к свету пальцем.

— Дай мне руку, — сказала она. Если прикосновение богини действует как орден, она сможет показать ему, что она сделала, и он сможет сделать это сам. Это легче, чем пытаться объяснить ему.

Теперь была ее очередь стать учителем, и она не простила ему то, что он схватил ее за щеки.

Он взял ее руку, и какое-то время она думала, не станет ли эта не совсем из ордена, не совсем человеческая, не способная создавать магию рука препятствием для нее.

Она быстро поняла, что он был прав относительно магии, но, если она разделяла необходимые действия на последовательные этапы, все получалось. Она показала ему форму магии, которую использовала, чтобы больше и дальше видеть, и, хотя он не мог творить эту магию сам, по его восхищенному возгласу было ясно, что он понял. Потом она показала ему, что видит, точно так же, как показывала всем, кто даже не был магом.

Она медленно провела его сквозь сеть его магии и мимо прикосновения Ворона и подвела к голубому огню, окружавшему темную сердцевину.

— Голубой свет — это дух, — сказал он. — Это тебе нужно было увидеть. Не знаю, что там внутри... может, душа? Возможно. А может, это возникло, потому что я держал себя в такой форме...

Он замолчал.

Сэра закрыла глаза и осторожно сняла магию с Хиннума, затем отменила заклинание, которое использовала. Поморгала, прежде чем к глазам вернулась прежняя способность видеть, и сделала два шага назад, чтобы не стоять нос к носу с Ученым.

У Хиннума на лице все еще было ошеломленно-восторженное выражение. Сэра спросила:

— Если Сталкер не зло, почему он Черный?

Он избегал ответов на ее вопросы о Черном; она надеялась, что если захватит его врасплох, то получит лучшие результаты.

С разочаровывающей быстротой лицо его приняло настороженное выражение. Когда такое выражение появляется у Таера, ему нужно много времени, чтобы вернуться к обычному доброму выражению.

— Откуда мне знать? — сказал он. — Я здесь с самого конца Колосса.

— Не совсем так, я думаю, — ответила Сэра. — Среди выживших колдунов был Черный, а нам рассказывают, что это ты убил богиню. Так почему Черный — это зло?

Наверно, ей следовало предоставить вопросы Таеру, но ее заставило попытаться выражение лица Хиннума. Она ничего не теряет, добываясь от него информации о Черном вообще — а Виллона он должен знать. Сэра не забыла, что Виллон побывал в Колоссе. У него были те же карты, что у нее, и он был колдун. Конечно, он приходил в библиотеку.

Хиннум приложил руку к созданию ее Черного — Виллона, который, выдавая себя за друга, пришел к ней в дом и убил ее дочь. Хиннум все ей расскажет, даже если придется вытягивать из него по слову за раз.

Должно быть, эта решимость отразилась на ее лице, потому что Хиннум вздохнул.

— Когда мы, принося в жертву наш город, протянули за весу между Старшими богами и нашим миром, в ней образовалась брешь. Я чувствовал это — чувствовали и немногие выжившие великие колдуны. И один из них использовал эту брешь, чтобы получить доступ к силе Сталкера.

— Почему это произошло?

— Мы виноваты. Я. — Сэра видела Хиннума всего два дня, но выражение вины на его лице — ни разу. — Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что случилось. — Он сел на скамью, склонив голову. — Я экспериментировал с иллюзорными формами, которые не только совершенно воспроизводили объект для всех органов чувств, но и могли быть заключены в серебряный предмет, из которого их можно было бы вызывать, не причиняя иллюзии вреда.

— *Мермори*, — сказала Сэра.

Хиннум кивнул.

— Я обнаружил, что, если уничтожить объект, который нужно воспроизвести, на воспроизведение нужно совсем немного магии.

— Создание *мермори* разрушило дома колдунов. — Сэра потеряла лоб: от произношения незнакомых заклинаний у нее заболела голова. — Так как на это не нужно было много магии, заклинание нетрудно было ввести в общее заклинание

Ворона, и ты сделал это во время падения города. Но жертвоприношение не стало достаточным, потому что дома колдунов не были принесены в жертву.

— И еще библиотека, — сказал Хиннум.

Сэра сильнее потеряла лоб.

— Какая глупость!

— Да, — вздохнул Хиннум.

— Ты собирался сказать мне, почему Черный — это зло.

— Колдун — конечно, не просто колдун, но сильный, умный, хорошо обученный колдун — может при известных обстоятельствах проникнуть за занавес и прикоснуться к силе Сталкера, ощутить силу разрушения. А разрушение убивает всякого смертного, который держит его слишком долго.

— Но Черный не умирает, — возразила Сэра.

— Большинство колдунов, пытавшихся это сделать, тут же выпускали из рук силы разрушения и больше никогда не пытались коснуться их снова. Но если колдун передает смерть — цену за владение этими силами — другому человеку, он может какое-то время ими пользоваться.

— Он убивает, чтобы сохранить силу, — прервала Сэра. — А всякий, кто так поступает...

— Зло. — Хиннум взглянул на окна в потолке. — Темнеет, — сказал он. — Тебе лучше отыскать твою семью.

— Мертвые ходят по ночным улицам, — негромко повторила она его слова.

Он кивнул.

— В этом городе мертвые очень сердиты.

Лер шел сразу за отцом, держа Ринни за руку. Девочка все еще с трудом дышала, потому что старалась не показать, что плачет. Этот приступ отца был одним из худших моментов в ее жизни.

Он был не первым, этот приступ, но самым тяжелым, и впервые это произошло без мамы, которая всеми руководила. Папа не дышал, пока Кисел не ударил его в грудь.

Форан шел по другую сторону от Таера и под каким-то предлогом крепко держал его за руку, помогая при ходьбе.

— Мы возвращаемся в лагерь? — спросил угнетенно Иелиан.

Это они не обсуждали. Форан помог папе встать, потом сказал:

— Пойдем.

Но не сказал, куда.

Папа был немного не в себе, он с трудом говорил — но не позволял больше помогать себе. Постепенно ему становилось лучше, и он смог вести оживленный разговор с Фораном.

— Мы идем искать маму, — сказал Лер.

Форан перехватил взгляд Лера и легко кивнул.

— Папа, что случилось?

Лер поднял голову и увидел, что к ним торопливо направляются Джес и Хенна.

Папа улыбнулся.

— Я что, так плохо выгляжу?

— Да. От тебя пахнет потом, и ты бледен, — ответил Джес со своей обычной прямоотой.

У Хенны было обычное невозмутимое выражение, но Лер заметил, что глаза ее припухли. Она была почти так же бледна, как папа; только нос покраснел. Хенна плакала, но Лер с трудом мог представить себе такое. В другое время он бы заинтересовался этим, но сейчас его слишком беспокоил папа.

— У меня был еще один припадок, — признался папа Джесу. — Судя по тому, как все вокруг забежали, он был тяжелым.

Форан двинулся дальше и мягко потянул за собой папу. Джес подхватил Ринни и посадил себе на плечо, потом он и Хенна пошли рядом с папой.

Лер подождал и замкнул процессию вместе с Руфортом. Ему нравился этот немногословный парень; к тому же он не хотел идти слишком близко к Джесу.

Иногда Лер наслаждался силой, которую обнаружил в себе, когда узнал, что он Охотник. Но иногда ему хотелось, чтобы чувства не говорили ему так много.

Он не хотел знать, что делали Джес и Хенна перед тем, как пришли. Достаточно плохо, что он знает это о родителях; он не хотел то же самое знать о брате.

Брюидд посмеялась бы над ним. Он почти слышал ее голос: «Так откуда, по-твоему, мальчик мой, приходят дети? Из-под грибов?»

Он чувствовал, как покраснели у него уши, — вероятно, щеки тоже красны. Не в первый раз позавидовал он отцу с его темной кожей.

— Надеюсь, твоя мать сможет ему помочь, — сказал Руфорт; либо он слишком взволнован, чтобы заметить покрасневшее лицо Лера, либо достаточно вежлив, чтобы спрашивать.

— Я тоже, — ответил Лер.

— Я подумал, он сломает что-нибудь, — сказал Руфорт и слегка улыбнулся Леру. — Может, меня.

Лер улыбнулся в ответ и почувствовал себя лучше. На сегодня худшее позади.

— Мне казалось, Иелиан сильнее, — сказал он достаточно громко, чтобы Иелиан расслышал.

Тот сделал грубоватый жест и подождал, пока они поравнялись с ним.

— Никогда не думал, что быть охранником интереснее, чем работать на Пути, — сказал Иелиан.

— Гораздо интереснее, — согласился Руфорт.

— М-м-м. — Иелиан осмотрелся в поисках опасности: они подъехали к перекрестку. Лер тоже нервничал в Колоссе. — Но быть Воробышком — лучше, чем клерком у управляющего моего дяди. Да и платят больше.

Руфорт напрягся, сжал челюсти, но прежде чем Лер смог спросить, что его встревожило, снова расслабился.

— Будет о чем рассказывать внукам, — сказал он. — А они сделают вид, что поверили мне, потому что мама велела им поддакивать старому дураку, чтобы она могла спокойно готовить обед.

Мама стояла на верху лестницы, ведущей в главный зал библиотеки, как будто была готова сама возвращаться в лагерь. Молодой человек, называвший себя Ученым, был с нею.

Она обвела всех взглядом и сделала шаг назад. Без слов приказала всем подняться в библиотеку, где они расселись на скамьях, стульях и столах.

Лер не собирался подслушивать, но услышал, как Хенна спросила у мамы:

— Ты ведь теперь знаешь? Знаешь обо мне?

Он уже нашел, куда присесть, и видел, что мама заметила и покрасневшие глаза Хенны, и расслабленную позу Джеса. Он не думал, что она, как он, сразу поймет, чем они занимались, но, видимо, ошибался.

Мама холодно улыбнулась, но Лер видел, что она чем-то довольна. После всех лекций папы о том, как обращаться с женщинами, Лер находил это несправедливым.

И тут мама сказала нечто совершенно неожиданное.

— Хенна, ты лучше всех должна знать, что Вороны умеют хранить тайны.

Папа сел на скамью, скрестив ноги. Форан сидел на полу, рядом с ним свернулась Ринни, положив голову ему на колено. Гура со вздохом легла по другую сторону от Форана и положила голову на его второе колено.

Лер подумал, что Ученый собирается стоять рядом с мамой, но она и его отправила на скамью.

— У меня был продуктивный день, — сказала она, не отрывая взгляда от осунувшегося лица папы. — Но почему бы вам не рассказать о своих находках? Джес?

Джес широко улыбнулся, и Лер на мгновение пришел в ужас от того, что он может сказать. С таким отцом они учились не лгать, но Джес иногда чересчур честен.

— Мы нашли храм Ворона, — сказал он. — Недалеко отсюда. — Он посмотрел на Хенну. — Он не такой, как храм Совы, весь из черно-белого камня, но основная идея та же самая.

Лер видел облегчение на лице Хенны и понял, что она боялась того же, что и он. Неожиданно она встретила его взгляд, покраснела и виновато улыбнулась.

— Таер? — спросила мама.

— Лер открыл, что это за разрушенные дома, — сказал папа.

Мама посмотрела на Лера, поэтому он рассказал об изгороди и о форме дома, который когда-то здесь стоял.

— Завтра отнесем туда *мермори* Ронжера, — это было все, что она сказала.

— Я думал, ты из рода Изольды, — подозрительно сказал Ученый. — Откуда у тебя *мермори* Ронжера?

Мама бросила на него один из своих взглядов.

— Я тебе говорила, что Черный систематически уничтожает Странников. Несколько недель назад он убил весь клан Ронжера. Так *мермори* попала ко мне.

— Род Ронжера кончился?

— У меня двести двадцать девять *мермори*, — ответила мама. — Все эти кланы больше не существуют.

Ученый опустил взгляд.

— Завтра я смогу создать для тебя магию, — сказал он.

— Хорошо. — Мама посмотрела на папу и приподняла бровь. — Ты выглядишь лучше, — сказала она. — Мне казалось, ты не выдержишь подъема по лестнице.

Он улыбнулся.

— Ну хорошо, императрица. У меня был приступ. Если бы Кисел не подхватил меня, прежде чем я ударился о бульжники, у меня гораздо сильнее болела бы голова. Ничего нового, любимая. Расскажи, что ты узнала, мы достаточно долго ждали.

Глава 17

— А случилось так.

Сэра улыбнулась Таеру: она начала свой рассказ так, как обычно начинал он.

Он выглядел лучше — хуже выглядеть, не умерев, невозможно. Глядя, как Форан едва не несет его по лестнице, Сэра поняла, что время уходит даже быстрее, чем она думала.

Она сжала историю Колосса и опустила как можно больше драматичных моментов — она считала, что у слушателей на сегодня хватило возбуждения и волнений. Опустила также историю богини Ворона, которой в конце концов оказалась Хенна. Похоже, Хенна тоже это наконец узнала. Надо будет позже проверить, знает ли Джес, и рассказать Таеру, потому что у нее от него нет тайн. И пусть Хенна решает, захочет ли она рассказать кому-нибудь еще.

Говоря, Сэра посматривала на Таера. Она не могла использовать заклинание *смотрения*, которым сегодня овладела, потому что это потребует слишком большой сосредоточенности, но она *видела*, каким хрупким стал орден Таера, и старалась не впадать в панику.

Он тоже знал, что дело плохо: она видела это по морщинам вокруг глаз и по слишком небрежной позе. Пугать других не поможет, поэтому Сэра не стала ломать руки или гневно

кричать, хотя ей хотелось того и другого. Завтра Хиннум сможет ей, даже если придется сделать заложником его любимую библиотеку. Еще один день Таер продержится.

Она закончила рассказ, потом передала, что сказал ей Хиннум о Черном, Сталкере и том беспорядке, который устроили колдуны, создав *мермори* и сохранив библиотеку.

— Итак, — сказал Форан в наступившей тяжелой тишине, — мой дядя был прав. Они убили своих детей и спасли книги.

— Чтобы быть справедливым, — заметил Таер, внимательно наблюдавший за Хиннумом (Сэра подумала: Бард умеет смотреть сквозь иллюзию), — им сказали, что их семьи должны умереть. О книгах никто такого не говорил. — Он улыбнулся жене. — Но это не все, что ты узнала сегодня, императрица. Уж слишком ты самодовольна.

Сэра посмотрела на Хиннума. Она дала Хенне возможность сохранить свое прошлое при себе. Но почему-то по отношению к старому колдуну это не казалось ей справедливым.

— Познакомь меня со своей семьей, — сказал он.

— Сэр, позволь представить тебе моего мужа, Таерагана, Барда из Редерна.

Она заметила, как нахмурился Иелиан, и поняла свою ошибку: первым следовало назвать Форана. Исправляться поздно, но вторым она назвала его.

— Император? — переспросил Ученый.

Сэра подумала: это кое-что говорит о тебе, если ты в состоянии поразить такого старого колдуна, как Хиннум, даже если он почти всю жизнь просидел в библиотеке.

— Я забыла рассказать тебе о нем, — сказала она и быстро объяснила, как император оказался в числе ее гостей. Закончив рассказ, она постаралась сообразить, кого представлять следующим. Отказалась от такой попытки и решила ориентироваться на возраст.

Закончив называть всех, включая Гуру — по настоянию Ринни, — она повернулась к Хиннуму и сказала:

— Это моя семья. Семья, познакомься с Хиннумом, великим мастером иллюзий из Колосса.

— Ты ведь сказала, что это иллюзия, — нахмурившись, заметил Таер. Он посмотрел на Хиннума. — Но хозяин марионетки — сам Хиннум?

— Ты хочешь сказать, что он жив? — прошептала Хенна.

Сэра увидела, как на лице Хенны отразилось смятение, тут же уступившее место обычному невозмутимому спокойствию. Джес — или Защитник — прижал к себе Хенну и посмотрел на Хиннума мрачно и настойчиво.

— Да, — сказала Сэра всем сразу. — Хиннум согласился помочь нам. Он обещал определенно помочь с проблемой Таера и камней, к которым привязаны ордены.

Хотя, если Хенна все помнит, они зависят от Хиннума и во многом другом.

Она посмотрела на старого колдуна в облике юноши.

— Но больше всего он может помочь мне с Черным. Ты ведь его знаешь, верно? Он пришел сюда несколько столетий назад, молодой, полный сил маг, искавший того, кто мог стать его учителем.

Хиннум с бесстрастным лицом встретил ее взгляд.

— Тебе нравилось его учить, — продолжала она. — Не знаю, как его звали тогда, но мы его знаем как Виллона. Он умен и очарователен.

— Он тоже был мастером иллюзий, — прошептал Хиннум. — Колдуны считают иллюзию несерьезной магией: она обманывает глаз, но не меняет мир. Быть великим магом, иметь огромную силу и слышать, как меньшие маги, которые и по воде-то гадать не могут, даже если им дадут Чашу Веков, смеются над тобой, — это тяжелое испытание. Даже в Колоссе на нас смотрели сверху вниз — пока я не показал им, чем может быть иллюзия.

— Ты научил его, — сказал Таер, беря разговор на себя. Сэра с благодарностью позволила ему это. Он сумеет извлечь все подробности.

— Да.

Таер наклонил голову.

— Ручаюсь, ты не учил его, как стать Черным.

— Нет.

— Но здесь нет людей, — сказал Таер. — Сэра говорит, что Черный не может удерживать силу Сталкера без смерти. Кого же он убил?

— Моего другого ученика, — ответил Хиннум. — Я сначала не знал этого. Думал, они оба ушли от меня. Вы не первые обнаружили Колосс. Когда мне становится одиноко, приходят другие. Я призываю их, учу и заставляю молчать.

— Ты сможешь нам наказать его, чтобы он перестал убивать кланы Странников? Чтобы не крал ордены?

Сэра видела выражение вины на лице Хиннума. *Конечно, Хиннум научил Виллона, как действуют ордены. Никто другой этого не знал.*

— Он хотел узнать о колдунах, — рассказывал Хиннум. — Об умерших богах. Об орденах. Я не учил его отбирать ордены, тогда у него не было для этого достаточно силы. Он спрашивал меня о Странниках.

— Ты не сказал ему об Орле, — неожиданно вмешался Джес. — Волис ничего не знал об Орлах, и среди камней мамы и Хенны нет таких, которые принадлежали бы Орлу.

— Конечно, нет, — негодуя сказал Хиннум. — Орлов нужно беречь, защищать. Бремя, которое ты носишь, тяжело, и не ты его выбрал.

— Значит, он был здесь? — спросил Лер. — Он исследовал город? Если у Совы и Ворона были храмы, разве храма не было у Орла?

— Храм Орла был разрушен, — сказала Хенна. — После того как колдуны убили бога, они разрушили его храм. Зачем им было поклоняться мертвому богу?

— Хиннум это нам рассказал, — бодро подхватила Сэра. Она не позволит Хенне открыться только потому, что она расстроена. Хиннум знает, что она солгала, Таер тоже. Но они ее не выдадут.

— Папа, — спросил Джес, — зачем Черному ордены?

Таер улыбнулся, и Сэра поняла, что они уловили что-то такое, что она упустила.

— Верно, сын. — Таер посмотрел Хиннуму в глаза. — Я не Ворон. Я даже не Странник, хотя ношу орден Совы. Но я рассказчик. В рассказе о Черном, мне кажется, три персонажа представляют интерес. — Таер поднял палец. — Первый — это ты, научивший мастера иллюзий пользоваться своей силой. Ты сделал это, потому что когда-то был таким же, как он, потому что тебе было одиноко и потому что он льстил тебе. — Он поднял второй палец. — Затем мы имеем Виллона, который ради власти стал Черным, но я знаю Виллона. Он заработал состояние как купец, потому что всегда все тщательно рассчитывал. Он всегда помнил о своей цели. И всегда держался тайно — в отличие, например, от Безымянного короля,

который выступал открыто. Но мы знаем, что делал Виллон. Например, он создал тайное общество, которое увеличивало беспорядок в империи и крало ордены у носителей.

— Ворон спас нас, а Черный пытается уничтожить завесу, — с неожиданной силой сказал Хиннум. Затем побледнел и посмотрел на Хенну. Откашлялся. — У орденов была двоякая цель. Во-первых, они должны были создавать равновесие, удерживавшее завесу. Вторая цель стала недостижима из-за нашей глупости, когда мы спасли библиотеку и создали *мермори*.

— Но какова эта вторая цель? — спросила Хенна. — Я не помню.

— Завеса не позволяла Старшим богам действовать в нашем мире, но их силу надо было использовать. Без какого-то исхода для этой силы завеса рано или поздно была бы преодолена. Шесть богов должны были черпать силу Сталкера и Ткача. Ордены должны были исполнять ту же функцию, но из-за несовершенства завесы сила Старших богов просачивалась сама по себе.

— Сила Ткача тоже? — спросил Форан.

«Хороший вопрос, — подумала Сэра. — Если проникает уничтожение, то почему не созидание?»

Хиннум скрестил ноги и сел на мягкую скамью.

— Позвольте объяснить, как я это вижу. Ворон вышла замуж за Барда *солсенти*, и ордены были привязаны к кровным линиям колдунов Колосса. У них родилось трое детей, все принадлежат к орденам, но к разным орденам. Но ордены должны быть рассеяны среди Странников. Они путешествуют с императором, к которому привязана Память Ворона; в свою очередь, эта Память, по странному стечению обстоятельств, должна убить Черного. — Он посмотрел на Хенну и отвел взгляд. — Вы не первые люди, пришедшие в Колосс, но первые, которых я не призывал.

— Ты думаешь, это работа Ткача? — напряженно спросила Хенна.

Хиннум кивнул.

— Да, я так думаю. — Он взглянул на Таера. — Ты считаешь, что Черный пытается уничтожить завесу, привязав как можно больше орденов к кольцам.

Таер кивнул.

— Я думаю, это зависит от третьего участника, Стал...

Лер вскочил раньше, чем Сэра успела понять, что происходит. Джес стащил Таера со стола и уложил на пол. И тот лежал неподвижно, глядя на окна в потолке.

Хиннум схватил Сэру за руку, когда она попыталась броситься к Таеру, и вернул на место.

— Времени нет, — сказал он. — Сэра, взгляни на его орден... Он близок к полной утрате его. И это убьет его, если произойдет. Ты должна произнести заклинание, которому я тебя научил. Узнай, как Черный крадет орден, и останови его.

Она вырвала руку и побежала к Таеру. Мальчики держали его, чтобы он не поранился. Сэра видела, что Хиннум прав: орден Таера почти исчез. Нет времени ждать, пока старый колдун сможет ей помочь. Если Сэра не найдет способ остановить действие заклатья, оно станет безвозвратным и Таер умрет.

Сэра подавила ужас, загнала его глубоко, туда, где он станет источником силы, а не отвлекающим моментом. И призвала магию, которой научил ее Хиннум, попытавшись оценить, что Черный и его приспешники сделали с ее мужем.

Она считала, что заклятие Черного просто разрывает связь между Таером и его орденом. Но теперь, обладая способностью видеть одновременно и его дух и орден, она поняла, что ошибалась.

Каждая полоска заклатья Черного была окутана духом — бледное сияние вокруг темной зловещей сердцевины. Как она закутывала свою магию в свой орден, чтобы подействовать на Таера, точно так же Черный кутал свое заклятие в дух. И дух скрывал это заклятие от ее предыдущих попыток обнаружить его. Щупальца заклатья переплелись с орденом Таера, связались с тканью ордена так же прочно, как его собственный дух.

И закутавшись в дух, заклятие оказалось способно связать орден, как делал это сам дух Таера. Оно глубоко проникло в орден Таера, но если его дух был пассивен, заклятие нет. Оно не разрывало связь между Таером и его орденом, оно силой вырывало орден у Таера. Нити духа Таера одна за другой рвались: заклятие Черного неумолимо отнимало орден, оставляя лишь обрывки остатки духа.

Ее старый учитель нашел бы заклятие грубым, рассчитанным на силу, а не на изящество. Но каким бы грубым оно ни было, заклятие работало.

Магия Черного вилась вокруг украденных нитей, образуя канат из магии, духа и ордена Барда, который тянулся от Таера предположительно к камню, к которому мастера Пути прикрепили его орден. Тонкая паутинка духа Таера лопнула и отпала от ордена, почернев при этом; она безжизненно висела на теле Таера.

— Сэра? Помочь?

Это Хенна. Сэра дважды кивнула и почувствовала, как руки Ворона легли ей на плечи, отдавая силу.

Она могла бы заштопать орден Таера и сейчас проделала бы эту работу лучше, потому что понимала, что от нее требуется, но, как и в прошлый раз, это даст только временное облегчение. Со временем и ее магия, и дух Таера окажутся бесильны, и Таер, чей дух будет смертельно ранен, умрет.

Вместо этого, используя силу Хенны, Сэра бросила себя, свою магию, свой дух и душу вдоль извивающегося каната, который связывает Таера с камнем Пути. Следуя вдоль каната, она потеряла всякое представление о времени и месте, и путешествие стало казаться ей бесконечным. Только яростная решимость найти конец каната заставляла ее двигаться дальше.

И вдруг, без всякого предупреждения, она нашла то, что искала, — камень цвета корицы. Серо-зеленые полосы ордена Барда образовали плотный комок в центре камня, и в них было вплетено несколько обрывков духа Таера. Сэра не знала, как вернуть украденное.

Ее магической сути камень казался огромным, но она знала, что в реальности его вполне можно вставить в кольцо или перстень.

Но она не могла его взять. Она держит его лишь своей магией — если бы магия могла стать физическим телом, Сэра могла бы отобрать камень у того, кто им сейчас владеет, и забрать его с собой.

Она колебалась, а канат пульсировал, натягивался, и комок ордена Таера в камне стал чуть больше.

Она никогда не делала этого раньше, но любой Ворон должен уметь оценить вероятность и позволить магии осуществить самый вероятный план. Мгновение камень избегал ее, словно боялся ее прикосновения, но наконец ее пальцы сомкнулись вокруг него — теплого от силы, с четкими гранями, гладкого граната.

Теперь он ее. Мгновение она просто держала его, ошеломленная тем, что сработало. Потом высвободила свою магию, отпустила ее: и заклятие видения, и ту силу, что позволила ей двигаться вдоль каната, — и пришла в себя, слыша крик Таера.

Потребовалось несколько драгоценных мгновений, чтобы понять, почему камень становится все более горячим в ее руках, а камень тем временем втягивал все больше ордена Таера. Близость камня усилила эффективность воровской магии.

— Держите его, чтобы он не поранился.

Голос Ученого изменился, стал глубже, и это добавляло веса его приказу.

Хенна сняла руки с плеч Сэры и взяла ее за запястья.

— Позволь мне хранить его, Сэра, — сказала Хенна.

Сэра раскрыла сжатые ладони и позволила Хенне коснуться камня. Простая защита только перережет связь между Таером и камнем, а она слишком устала для хитрых ходов. Пусть Хенна займется необходимой более тонкой магией.

— Его в камне слишком много — и духа и ордена, — встревоженно сказала Хенна, показывая, что разбирается в происходящем не хуже Сэры.

— Ты его видишь? — спросила Сэра и подумала: «Конечно, видит». Сэра все еще старалась освоиться с новым знанием о том, кто такая Хенна и кем она была когда-то; возможно, ее медлительность вредит Таеру. Если она позволит попробовать Хенне — ведь Хенна была богиней магии, — может, она сумеет преодолеть заклятие Черного.

— Я следовала за твоей магией и вспомнила. — Хенна разжала руку и отступила. — Я не могла бы сделать это сама, пока не увидела, что сделала ты. То, что я сделала с камнем, на какое-то время помешает ему вредить Таеру. Но это временное решение. Я не знаю, как устранить заклятие Черного.

— Я тоже, — признала Сэра, касаясь лица Таера. — Пока не знаю.

При ее прикосновении Таер открыл глаза. Улыбнулся ей, потом посмотрел на Форана, который сидел у его ног, на Джеса и Кисела, державших его за руки.

— Все в порядке, можете меня отпустить, — сказал он. — Все хорошо... думаю.

Они посмотрели на Сэру, дождались ее кивка и отпустили Таера.

— В прошлый раз мы тоже думали, что все кончилось, — виновато сказал Форан. — Он успокоился, но потом снова начались конвульсии.

— Я думал, на этот раз ты разорвешься.

Лер помогал отцу встать, голос его звучал напряженно.

Таер осторожно пошевелил левым плечом.

— Ничего страшного — впрочем, я мог потянуть одну-две мышцы. — Он с иронической улыбкой посмотрел на Сэру. — Ты сегодня что-то узнала. Обычно после приступов я чувствую себя хуже. Что ты сделала?

Сэра разжала руку, чтобы он смог увидеть камень. Он осторожно взял у нее ржавого цвета гранат без оправы.

— Могли бы подобрать камень покрасивее.

И, увидев лицо Сэры, прижал к ее себе, чтобы она могла скрыть слезы.

— Я едва не потеряла тебя, — сказала Сэра. — Едва.

— Но я здесь, — ответил он. — Я с тобой.

Она позволила ему утешать себя, но видела, как клочья его ордена свисают с камня в его руке.

Форан ушел с общей встречи, состоявшейся после того, как едва не умер Таер. Ринни сейчас в нем не нуждается, она прилипла к отцу. А Форан, не будучи ни Странником, ни магом, ничего не может добавить к обсуждению, тема которого, конечно, как уничтожить Черного.

Он знал, что его не оставят одного надолго, хотя Тоарсена и Кисела словно зачаровала встреча с колдуном, который был стар еще до того, как империя возникла в воображении старого барабанщика, ставшего первым Фораном.

Форан радовался тишине старого города за пределами библиотеки. Солнечный закат, бледный и тусклый по сравнению с Тазлой, осветил западную часть неба.

Ему казалось, что он привык к удивительным происшествиям в этом путешествии: к одинокой горе, на которой живут призраки, к легендарному городу, застывшему во времени, к колдуну, который старше империи, но Сэра доказала ему, что он ошибался.

Это не была магия. Хотя он был уверен, что Сэра каким-то образом помогла Таеру, он ничего не увидел. Он заметил, что обычно магия Сэры действует не так ярко и красочно, как у дворцовых магов, — вероятно, потому, что Сэре не нужно производить впечатление на покровителя.

Нет, то, что сделала Сэра, поразительнее магии — по крайней мере, с точки зрения Форана.

«Познакомь меня со своей семьей», — сказал старый колдун. Очевидно, он ожидал, что Сэра объявит о присутствии императора. Форан хорошо знал придворных колдунов, знал, как они расценивают относительное положение людей. Хиннуму не могло прийти в голову, что Сэра воспримет его приглашение буквально.

Но она сказала: «Вот моя семья».

Она не говорила серьезно. Не могла говорить. Таер мог бы: Форан слушал рассказы Ринни и понял, что в том, как повел себя Таер с Воробышками, не было ничего нового. Он принимал в семью любое бродячее существо, случайно проходящее мимо, будь то большая черная собака или неловкий беспутный император.

Форан знал, что она не могла говорить серьезно, и тем не менее ему было это очень дорого. Со смерти дяди Форан знал, что он одинок. Да, был Авар, но дружба с Аваром не давала ощущения, что его, Форана, берегут... и любят. «Моя семья», — сказала она, словно Форан один из ее сыновей.

Он слышал, как кто-то вышел из библиотеки, и вздохнул про себя, хотя знал, что Тоарсен и Кисел не оставят его надолго. Мохнатая черная голова опустилась на сапог Форана, Гура тоже вздохнула.

— Форан, — сказал Лер, останавливаясь за ним.

Форан повернулся и посмотрел на смутлого молодого человека — если не последнего, кого он ожива увидеть, то близко к этому.

— Устал от шума? — спросил он.

Лер улыбнулся, но не признался в этом.

— Хиннум считает, что, если мама сумеет пригласить Жаворонка, круг из всех шести орденов сможет обратиться к Старшим богам. Ордены ведь так и должны действовать: не допускать, чтобы сила Старших богов становилась слишком большой. Но когда выжившие колдуны поняли, что в завесе

существует брешь, такое обращение не казалось необходимым, поэтому для него не выработали церемонию, которая могла бы сработать. Хиннум считает, что сила Ткача и совместное действие шести орденов способны уничтожить Черного.

Форан посмотрел на закат.

— Кое-что из этого я слышал. Мне кажется, Хенна и Хиннум постараются и завтра помогут и Таеру, и украденным орденам. Им нужны подлинные имена Старших богов, а может, они просто хотят на время избавиться от нас, чтобы не мешали, поэтому нас пошлют на поиски храма Совы: имена богов должны быть в храме.

— Вырезанные на обратной стороне помоста, — сказал Лер. — Она говорит, что нужно будет потереть углем и чьей-нибудь рубашкой. — Потом уважительно добавил: — Я могу сам это сделать. Нет необходимости кому-нибудь еще...

Он замолчал, и Форан понял, что раздражение оттого, что его лишают одиночества, куда-то ушло. Он считал, что раздражение вызвано тем, что Сэра дает ему задания, даже не посоветовавшись, — он действительно должен был бы раздражаться из-за этого, подумал Форан: ведь он все-таки император, а она жена фермера. Но ведь она включила его в свою семью, и, что касается его самого, Сэра может с ним поступать так, как захочет.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы три колдуна работали вместе? — спросил Форан.

Лер поколебался и осторожно ответил:

— Нет.

— Потому что они не могут. И мне не хотелось бы присутствовать, когда твоя мать, старый колдун и Хенна начнут спорить.

Форан вспомнил, что это Джес не любит, когда к нему прикасаются, поэтому одобрительно хлопнул Лера по спине.

Лер ответил ему медленной улыбкой.

— Серьезно, Лер, не думаю, чтобы кто-то из нас должен был один бродить по городу. Это не лес, где вы с братом знаете всех, кого можете встретить. Я знаю, пока мы не столкнулись ни с чем угрожающим, но что-то в этом городе вызывает у меня мурашки.

— Ну хорошо, — согласился Лер. — На самом деле я вышел, потому что подумал, что ты сможешь ответить на мой вопрос. Я думал спросить Тоарсена, но поскольку ты один...

— Давай спрашивай.

— Сегодня по пути в библиотеку Руфорт и Иелиан говорили о том, каково быть Воробышком. Иелиан сказал что-то, встревожившее Руфорта, но я не знаю точно, что это было и почему он встревожился.

— Расскажи, — попросил Форан.

— Руфорт сказал, что ему нравится быть твоим охранником, что это гораздо лучше, чем быть Воробышком. Иелиан ответил, что ему тоже нравится. Быть Воробышком лучше, чем клерком у его дяди. Это встревожило Руфорта, но он не показал Иелиану своего беспокойства.

Форан знал, кто такой дядя Иелиана, но и Руфорт это знал. Он не видел ничего тревожного в рассказе Лера.

— Он сказал, почему ему больше нравится быть Воробышком?

— Сказал, что платят больше.

— Я считал, что мы всех таких отыскиали, — в отчаянии промолвил Форан.

— Каких?

— Единственные Воробышки, которым мастера платили, это те, кто убивал по их приказу или пугал людей. Большинство из них были старшими по возрасту: Тоарсен и Кисел всех их знали. Иелиан молод, он из набора этого года. Мы не думали, что кто-то из молодых выполнял такую работу.

Киселу и Тоарсену приходилось запутывать. «Обдирать костяшки» — так это называл Кисел. Но убийства — особенно убийства, которые практиковали мастера Пути, — это совсем другая категория.

Больше он не может доверять Иелиану.

— Все в порядке, Лер. Спасибо, что сказал. Я дам знать Тоарсену и Киселу.

— Мне он нравится, — сказал Лер. — Немногие решаются противоречить маме.

— Мне он тоже нравится, — согласился Форан. — Я поговорю с ним, прежде чем решать, что делать. Спасибо.

Пока они говорили, спустилась ночь. Форан повернулся, чтобы идти в библиотеку, и увидел Память.

— А, — сказал он. — Я не понимал, как уже поздно.

Лер смотрел на Память, но не закричал, не убежал — вообще ничего не сделал. Форан вспомнил первые посещения

Памяти. Хотел бы он хотя бы вполовину быть так спокоен. Гура завывала, но не отступила.

Форан закатал рукав левой руки: правая болела весь день, а ведь этой рукой он держит меч. Он не помнил, чтобы боль держалась так долго, когда Память кормилась раньше, но, может, просто забыл.

Но когда холодный рот прижался к нанесенной им ране, стало гораздо хуже. Ледяной холод был настойчивее, боль сильнее, чем прошлым вечером. Он бы помнил, если бы вчера было так же плохо.

Форан обнаружил, что сидит на земле, прижимаясь к Леру.

— Взяв твою кровь, я должна тебе один ответ, — сказала Память голосом, сухим, как шуршание старой листвы. — Выбери вопрос.

— Форан. — Это произнес Лер, произнес тихо и напряженно, как во время охоты, когда дичь близко. — Посмотри между теми двумя домами на площади. Видишь их?

Испытывая головокружение, Форан посмотрел туда, куда показывал Лер. Он едва замечал, что у ног Лера рычит собака.

— Вчера Хиннум предупредил нас не оставаться на ночь, — говорил Лер. — Я совсем забыл. Наверно, папа и мама тоже... Хиннум сказал, что улицы принадлежат мертвым.

«Оно совсем как человек», — подумал Форан. Того же роста и формы, но какой-то примитивный инстинкт подсказывал: то, что смотрело на них с расстояния в двадцать ярдов, давно перестало быть человеком.

— Как нам спастись от них? — спросил Форан, глядя на мертвеца, который преследует его уже полгода, но никогда не внушал такой страх, как эта тварь... нет, зрение не подвело Лера, здесь их много, этих тварей.

— Иди внутрь, — ответила Память шепотом. — Они идут, а у меня нет власти над мертвыми. Они потребуют дар или ваши жизни.

— Какой дар? — спросил Форан. Но Память, очевидно, дала ответ, потому что больше ничего не сказала.

Все еще прижимая руку и чуть пошатываясь, Форан встал.

— Надеюсь, твоя мать что-нибудь знает и о мертвых, — сказал он.

— Я знаю хищников, — ответил Лер. — Не поворачивайся, пока не дойдем до двери. Не отводи от них глаз — и не торопись.

Медленно пятясь, они миновали несколько футов до двери библиотеки. Лер открыл дверь, и Форан бросил последний взгляд на собирающихся тварей, сливающихся с тенями на улицах Колосса. Потом он оказался внутри, и деревянная дверь отделила его от тех, кто его преследовал.

Впервые Форан почувствовал, что рад оказаться в библиотеке. Мягкие огни ненавязчиво мигали из-за стенной и потолочной резьбы, создавая ощущение защиты от темноты.

Сэра не слышала, как открывалась и закрывалась дверь, но заметила, как напрягся и посмотрел на лестницу Джес.

— Лер, Форан и Гура, — сказал он. — От них пахнет страхом и кровью.

Его голос прозвучал достаточно громко, чтобы Хиннум и Хенна прервали спор — спор, настолько насыщенный гневом и чувством вины, что Джес вынужден был отойти от Хенны и встать в стороне, рядом с другими.

Форан поднимался по лестнице, прижимая руку, словно она болела. Вслед за ним шли Лер и Гура. Шерсть у собаки стояла дыбом, и она непрерывно оглядывалась.

— Уже ночь, — сказал Форан. — По улицам бродят мертвецы. И надеюсь, это не так плохо, как выглядит.

— Магия не имеет власти над мертвыми, — сказала Хенна. Она говорила быстро, но в голосе ее не было паники. — Хиннум, они могут войти сюда?

— Раньше они меня не тревожили, — ответил Хиннум. — Но за вами они придут. Дверь могла бы их задержать, но они уже почуяли кровь, Хенна. Сэра, ты понимаешь, что я имел в виду, называя их созданиями духа.

Да, она понимала. Трудно подействовать, но, если Черный сумел привязать свою магию к духу, что-нибудь можно сделать. Если только их не слишком много.

— Конечно, — сказала Хенна. Голос ее звучал взволнованно. — Простите. Я забыла. Как на горе Имен. Трудно помнить все. Джес, отойди от лестницы.

— У меня есть средства, которые не пускают их в библиотеку, — сказал Хиннум. — Но после ухода Виллона я ни

разу не пускал их в ход. Мне не нужно было защищать себя: мертвым нужны кровь и плоть, а я в моей нынешней форме ничем их не привлекаю.

— А что случится, если они найдут нас? — спросил Иелиан. Он встал и высвободил меч. Сталь действует против некоторых существ магической природы, но на мертвых она не подействует.

— Нехорошо мертвым трогать живых, — сказала Сэра. Этим ее знания и ограничивались. Ее старый учитель больше интересовался туманниками, водяными демонами и тому подобными существами.

— Я почти ничего не помню о мертвых, — сказала Хенна.

— Они убили всех колдунов, которые остались со мной после смерти, — сказал Хиннум. — Бегство не поможет, магия тоже. Мне потребовалось много времени, чтобы научиться защищать своих учеников, и теперь учить вас слишком долго. У нас минуты, а не дни, перед тем как не выдержат двери.

— Память сказала, что они потребуют платы за нашу жизнь, — подсказал Форан. — Но что это нам дает?

— Сэра. — Подчеркнуто спокойный голос Таера прорезал напряженную атмосферу. — Я оставил лютню в лагере, в своей сумке. Можете ли ты или Хенна как-то достать ее?

Сэра посмотрела на него. В подобных обстоятельствах просьба казалась странной. Может, она не поняла.

— Что?

Он обнял ее за плечи и улыбнулся ей, усталость в его глазах слегка рассеялась.

— Есть много песен о мертвых, Сэра, и еще больше рассказов. Форан говорит, что мертвые придут за даром. Но я слышал только об одном даре, который способны принять мертвые. Это музыка.

— Я слышал об этом, — негромко сказал Тоарсен. — Няня рассказывала мне о барде, который провел ночь в замке, населенном привидениями. Он до утра пел им. — Тоарсен колебался, но добавил: — Он замолк чуть раньше, чем можно было, потому что его отвлекла песня соловья.

— Я знаю эту историю, но, к счастью для нас, в Колоссе нет птиц, чтобы отвлечь меня, — сказал Таер. — Так что достань мою лютню, милая.

— Они идут, — произнес странный, лишенный тонов голос.

Посредине библиотеки стояло темное существо. Слишком высокое и худое для человека, оно было окружено черным туманом, который клубился, словно от невидимого ветра. Оно казалось совершенно неуместным, как будто должно было не стоять на виду, а укрываться в углах, где собираются тени.

Форан сделал шаг вперед, встав между существом и остальными, и Сэра поняла, что это его Память. Она выглядела более материальной, чем накануне, как будто теперь она ближе к живым, чем к мертвым.

И тут послышался глухой удар, который эхом отразился от стен и заставил Джеса заворчать.

— Сэра, — сказал Таер, — мне кажется, лютня нужна как можно скорее.

Сэра открыла рот и закрыла. Таер знает, в каком состоянии его орден. Знает, что конвульсии чаще происходят, когда он поет. Ему не нужно напоминать об этом.

Она наклонила голову и закрыла глаза.

Она никогда раньше, до того, как отобрала камень Таера, не делала этого и не знала, как найти лютню Таера, если волшебный канат не показывает дорогу. Но сегодня многое по-новому, и она призвала свою магию и объяснила, что ей нужно.

Лютня почти такая же часть его, как карие глаза и ямочки на щеках. Найти и призвать лютню оказалось легче, чем она думала, потому что лютня хотела быть с ним. Сэра подозревала, что Таер способен призвать ее и сам. Она открыла глаза и увидела инструмент на полированном полу у ног мужа.

Таер наклонился и поднял лютню. Поморщился и распрямился медленнее, чем наклонялся. Снаружи послышался еще один удар в дверь.

— Я становлюсь слишком стар для таких приключений, — сказал Таер. — Спасибо за лютню, любимая. — Он осмотрелся. — Пусть все соберутся вокруг.

Сам он сел на стул и устроился поудобнее.

— Садитесь, — велел он всем. — Я хочу, чтобы они смотрели на меня, а не на вас. Это включает и тебя, — обратился он к Памяти.

К удивлению Сэры, та опустилась на пол. Когда Таер что-нибудь говорит таким тоном, очевидно, его слушают даже

такие существа, как Память. Сама Сэра села на скамью рядом с Таером, который принялся настраивать лютню.

Форан сел на пол, и его охранники расположились вокруг. Джес и Хенна сидели с одной стороны группы, Лер — с другой, хотя оказался рядом с Памятью. Впрочем, между ними устроился Хиннум.

— Ринни, садись рядом со мной, — пригласил Форан. — Думаю, до конца этой ночи твоя мама будет очень занята.

Так самый уязвимый ребенок оказался в середине, а Форан ухватил Гуру за ошейник, прежде чем Сэра его об этом попросила.

Таер продолжал настраивать лютню, когда дверь подавалась. Послышался треск, скрип вырываемых гвоздей, и Сэра поняла, что деревянная дверь раскололась. Все посмотрели на лестницу, но там ничего не было видно. И не слышно, кроме звуков настраиваемых струн.

Волна ужаса прокатилась по залу, гораздо хуже того, что вызывал у окружающих Джес.

Таер сыграл быстрый аккорд и продолжал настройку.

— Слишком долго не касался ее, — сказал он. — Струны не хотят звучать верно.

— Папа, — сказал Лер, глядя на лестницу. — Играй.

На верху лестницы показалась пятнистая серая рука и потащила за собой тело.

— Бежим!

Иелиан вскочил, но Руфорт и Кисел схватили его за руки и снова усадили.

Существо, появившееся на верху лестницы, выглядело более человекоподобно, чем Память, но это сходство делало его еще ужасней. У него была пара глаз и то, что когда-то могло быть носом. С головы свисали несколько прядей волос. Существо посмотрело на них и щелкнуло челюстями.

— Сиди! — прошипел Тоарсен Иелиану, который снова попытался встать. — Бегство не поможет.

— Не поможет, — подтвердила Память голосом, подобным шелесту листьев на ветру. — По ночам по улицам Колосса ходит смерть.

— Спасибо! — рывкнул Форан Памяти, когда Иелиан сделал еще одну попытку убежать. — Это очень помогло. Лучше помолчи. Иелиан, сядь! Гуру, лежать!

Гура и Иелиан одинаково неохотно опустили на пол. Ринни свернулась и прижалась лицом к боку собаки, а Форан свободной рукой — другой он удерживал за ошейник собаку — неловко потрепал девочку по спине.

— Мама, Защитник хочет выйти, — сказал Джес. — Но я думаю, все и так испуганы.

— Пусть выходит, — ответила Сэра; у нее пересохло во рту, и голос звучал хрипло. — Вряд ли он может ухудшить положение.

Кто-то, должно быть Иелиан, закричал, когда Джес превратился в черного волка, чуть меньше Гуры. Защитник бросил на Иелиана взгляд и оскалил зубы, прежде чем посмотреть на тварь на лестнице. Его низкое рычание глухо отразилось от высокого потолка.

Руфорт дернулся и чуть отодвинулся, прежде чем остановиться.

— Что-то коснулось меня, — негромко сказал он.

— Таер, неужели эта проклятая штука еще не настроена? — спросил Форан, глядя, как тварь втащила на верх лестницы вялые ноги и поползла вперед.

Присутствие мертвых давило на Сэру, сгибало ее плечи. Их много, не только та тварь, которую они видят, и одно из них коснулось Руфорта. Она сама чувствовала их вокруг себя.

— Таер, — повторил Форан, когда тварь оказалась уже почти рядом с прижавшимися друг к другу людьми.

Джес прошел вперед и остановился между тварью и своими спутниками. Он зарычал громче, и библиотеку заполнило зловоние гниющей плоти.

Таер свирепо улыбнулся, и его пальцы легли на струны.

При первой же ноте тварь хныкнула и начала рассеиваться; зловоние тоже уменьшилось.

Вначале Таер играл печальную песню о девушке, которая вышла замуж за моряка. Моряк уплыл и не вернулся. Песня была мелодичная и медленная, и пальцы Таера ни разу не ошиблись. Голос тоже.

Тоарсен однажды шумно втянул воздух, но Сэра, посмотрев на него, не увидела ничего необычного. Тоарсен пригнулся, наклонил голову, но непохоже, что он может убежать.

Музыка Таера как будто сдержала неизбежный кризис. Сэра составляла заклятие, позволявшее ей снова увидеть

мертвецов, и библиотека показалась зимним полем с множеством костров. Мертвые окружили их кольцом, они состояли из духа и чего-то еще, что она не могла определить. Это была красная дымка, перемежавшаяся золотом. Сэра оторвала от них взгляд, чтобы убедиться, что орден Таера держится, потом снова принялась наблюдать за мертвыми. Она хотела убедиться, что они не приближаются.

Закончив первую песню, Таер осмотрел аудиторию — ту, что мог видеть. И начал солдатский марш, который Сэра раньше никогда не слышала. Мелодия захватывала, и, начиная второй куплет, Таер сказал:

— Подпевайте, если хотите.

Подхватили Лер и Джес, и Ринни запела сопрано. Сэра обнаружила, что и сама негромко подпевает. В четвертом куплете вместо имени, которое должно было там быть, он произнес ее имя, и Сэра поняла, что он сражается.

— Сэра, — повторил Таер.

Она оторвала взгляд от мертвых и увидела, что орден почти совершенно спал с него, осталось лишь несколько прядей его духа и ее магии. Она ухватила канат, соединявший Таера с его камнем, и с силой потянула.

— Так лучше, — сказал Таер и снова присоединился к хору.

Она продолжала держать канат. Ей было бы легче помогать Таеру, если бы она знала, как взаимодействуют орден и дух у здорового носителя. Но она слишком внимательно наблюдала за мертвыми, прежде чем Таер не отвлек ее.

Теперь Сэра решила понаблюдать за Лером, но взгляд ее сначала упал на Память. Она видела фигуру Памяти, но своим магическим зрением в глубине этой фигуры видела не черное, а пурпурное. Внутри, под защитой ордена, скрывался Странник, мягко светившийся голубым светом духа. Он встретил ее взгляд, удивился, но потом в голове она услышала шепот: *«Пусть сыграет «Падение Черного», как пел мне».*

— Таер, — прошептала она так, чтобы не помешать пению. — Память говорит, что ты должен спеть «Падение Черного», как пел ей.

Таер удивленно взглянул на нее, но кивнул. Он запел, и Сэра заметила, что дух Таера стал заметнее и прочнее, особенно там, где к нему присоединялись обрывки его ордена.

И Сэра подумала, не поможет ли музыка Таера преодолеть заклятие Черного.

Таер закончил песню, потом, настроив минорную струну, начал мощное арпеджио, музыку печальную и жалобную. Его искусные пальцы летали над струнами лютни, и вот он менее тревожным тоном начал историю Падения Тени.

— Так это случилось.

Сэра десятки раз слышала эту историю, поэтому почти не вслушивалась в слова. Она смотрела на мертвых: по-видимому, музыка их удовлетворяла, потому что они оставались на месте. Струны лютни сплетали героические баллады и праздничные песни в единую мелодию, которая приобретала ритм сердцебиения.

— Этот молодой человек был хорошим королем, то есть поддерживал порядок среди дворян, способствовал их процветанию и не давал остальным умереть с голоду.

Голос Таера сливался с музыкой.

Убедившись, что мертвые удовлетворены рассказом Таера, Сэра снова принялась на примере Лера рассматривать, как выглядят отношения ордена и духа у здорового носителя.

Запах вначале ее не удивил, хотя, если бы она была внимательна, то могла бы понять, что в библиотеке не может пахнуть лошадьми.

— Я чувствую аромат цветов, — прошептал Лер.

И как только он это сказал, Сэра тоже уловила этот запах. Она огляделась, но мертвые не приближались.

«Ага, — подумала она, возвращаясь к своим наблюдениям за Лером, — неудивительно, что мастера Пути с таким трудом отрывали орден, им требовались месяцы, чтобы отделить орден от духа: дух неразрывно переплетается с прядями ордена».

Она слышала удары мечей о мечи, но когда посмотрела, не увидела ничего, что могло бы объяснить эти звуки — или неожиданный запах пота бойцов.

— Никто из стражников или дворян не мог устоять против его меча или посоха, — говорил Таер.

Сэра недоверчиво посмотрела на него. Она поняла: как она двадцать лет — все время, что они женаты, — сдерживала магию, то же самое делал и он.

— В каждой деревне он открыл библиотеки, — произнес Таер, и запах пыли и плесени перекрыл истинный запах биб-

лиотеки: здесь пахло только кожей, пергаментом и сберегающим заклятием. — А в своей столице он собрал больше книг, чем когда-либо собирали раньше или позже. Возможно, это и была причина того, что с ним случилось.

Она была так зачарована тем, что он делает, что не сразу поняла, что канат магии Черного, который она прочно держит, тот самый канат, что привязывает орден Таера к камню, вырывается, — и она, не успев потянуть его назад, поняла, что он тянет не туда. Он тянулся к Таеру. И Сэра выпустила его.

— Шло время, и король старел и седел, а сыновья его становились сильными и мудрыми. Народ без тревоги ждал смерти старого короля, зная, что престол перейдет к его старшему сыну.

Таер на мгновение замер, так что тишина ждала так же, как ждали люди смерти короля.

Два мгновения тишины, три... и он начал минорную ноту, поддерживающую печальную мелодию, с какой начал рассказ.

— Однажды вечером старший сын короля лег в постель, жалуясь на головную боль. На следующий день он ослеп и покрылся язвами; к вечеру он умер. Чума обрушилась на дворец, и, прежде чем она ушла, королева и все члены семьи мужского пола умерли.

Знакомая мелодия извивалась под тяжестью горя. Отдельные возгласы звучали, как плач вдов.

И тут удивленный возглас Лера заставил Сэру оторвать взгляд от Таера: она была совершенно захвачена магией его слов и музыки.

Она увидела Хиннума и Память, так отличающихся от остальных, которые жались к Таеру. Увидела мертвых. Увидела своих детей, Форана и его охранников. Увидела Гуру. Увидела их всех в блеске духа, ордена и темной сердцевины, которая, как она решила, должна быть душой.

Перед ними, неподвластная магическому зрению Сэры, стояла дочь Безымянного короля Лориель. Сэра не понимала, откуда она знает, кто это: перед ними стояла женщина, которую ее муж вызвал звуками своей музыки. Он привел ее сюда, реальную, как в жизни, привел своей силой. Сэра зачарованно смотрела, как Лориель бежала от чудовищ, захвативших замок ее отца.

Музыка стала воинственной, резкие удары по лютне порождали барабанный бой и топот марширующих войск: Таер

рассказывал, как Лориель создала армию, которая будет сражаться до конца. Резкие, диссонансные, немзыкальные струны замолкли, но за ними последовала какофония резких воплей и криков — Таер рассказывал о смерти Лориель. И все время, сквозь все звуки, слышался ритм ударов сердца Безымянного короля.

Трудно было сосредоточивать внимание на реальности заклятия Черного, когда невозможно оторваться от богатого баритона Таера. Тем не менее она продолжала наблюдать, как сила музыки медленно заставляла заклятие Черного отпускать добычу. Сэра достала камень из сумки на поясе, куда его положила, и камень согрел ее руку.

Крик снова привлек ее внимание к полю битвы, в которое превратилась библиотека. Она не могла бы сказать, кто кричал: ее мальчики, мертвые или это какая-то причуда магии Таера.

Сэра узнала широкое поле, по которому они ехали несколько дней назад, но теперь здесь повсюду лежали тела, и от запаха разложения тянуло на рвоту.

Медные звуки лютни продолжали создавать мерный ритм Черного, но мелодия дрогнула, стала тише. Она увидела Эрнава Рыжего, сражающегося с Безымянным королем, который был страшно испуган. Мелодия под пальцами Таера начала запинаться, стихать, словно слишком устала, чтобы продолжаться, гордые звуки воинственной музыки стали болезненно медленными.

Со своей рыжей бородой Эрнав немного походил на Таера, и Сэра подумала, что, наверно, поэтому она заплакала, когда Эрнав погиб в конце битвы. А может, потому, что гранат в ее руке разлетелся на мелкие осколки, и Таера с ног до головы окутала ткань его ордена.

Глава 18

— Что ж, — сказал Таер, продолжая наигрывать мелодию, которая всю ночь не подпускала к ним мертвых, — на этот раз прошло лучше.

Он посмотрел на Сэру.

— Что-то изменилось. Что ты сделала?

— Мне следовало бы задать этот вопрос тебе, — ответила Сэра. — Ты сказал, что кое-чему научился в темнице Пути, но это нечто необыкновенное. Я знаю, Барды могут сделать так, что их рассказы кажутся реальными. Но я никогда не понимала, что это значит.

— Я знала нескольких Бардов, которые своей силой умели создавать картины, зрелища, звуки, — сказала Хенна. — Но я никогда не слышала, чтобы они воссоздавали реальность своими рассказами.

Таер улыбнулся.

— Я не очень много знаю о том, как все происходило в действительности. Но приводит в замешательство, верно? Когда я впервые понял, что в этой истории верно рассказываю подробности смерти Эрнава Рыжего, у меня сердце едва не остановилось. Вероятно, следовало предупредить вас. Но с того первого раза я больше никогда не пытался. И не был уверен, что работает. — Он взглянул на Память. — А ты что думаешь?

— Ты лучше себя контролируешь, — ответила Память. — Твоя сила больше не растекается по сторонам, чтобы ею мог кормиться кто угодно.

— И меня не нужно было подхватывать и спасать. — Пальцы его начали новую мелодию, легкую и воздушную, которая словно расчищала атмосферу, сгустившуюся после смерти Рыжего Эрнава. — Я добавил немного музыки в наше положение.

— Кисел, ты куда? — спросил Тоарсен.

Действительно, Кисел встал и медленно пошел к полкам.

— Мы нужны ей, — сказал он. — Разве вы не слышите ее плач?

Джес метнулся вперед и встал на пути Кисела, ворча на что-то перед ними.

И тут Сэра тоже услышала. Душераздирающий женский плач.

Она перелезла через стол Таера, так как это был кратчайший путь, взмахом руки отсылая остальных: все тоже начали вставать.

— Играй, Бард, — предложила Хенна. — Спой что-нибудь. Что-нибудь веселое.

Таер начал известную песню пьяниц.

Джес мешал ему пройти, поэтому Кисел остановился, но по щекам его бежали слезы.

— Ей так печально, — сказал он Джесу. — Прочему мы не можем помочь ей?

Черная шерсть на спине волка стояла дыбом. Сэра медленно подошла к Киселу, она не хотела, чтобы он от неожиданности сделал что-нибудь неразумное. Он борется с наваждением, иначе и Джес его не остановил бы.

Своим духовным зрением она видела мертвеца, стоящего в нескольких шагах перед Киселом. Джес как будто тоже его видел, потому что все его внимание было направлено на это же место. Либо мертвеца сдерживает музыка Таера, либо, чтобы он мог кормиться, жертва должна прийти к нему сама. Сэра мало знала о таких вещах: возможно и то и другое.

Она схватила Кисела за руку.

— Это как картина, — негромко заговорила она. — Печалит тебя или трогает, но ты не можешь ее изменить. Женщина, которая здесь плачет, давно умерла. Ты ничем не можешь ей помочь.

— Если никто ей не поможет, она будет плакать вечно, — ответил он, но теперь его слова звучали не так напряженно, более обычно.

— Никто не может помочь ей, Кисел, — повторила Сэра и потянула его за руку. — Вернись и сядь.

Он повернулся и, спотыкаясь, пошел к своему месту. Сэра вела его, а Джес охранял их спины.

— Она была так прекрасна, — прошептал Кисел, садясь. — И так печальна.

— Знаю, — сказал Джес.

Тоарсен обнял Кисела и на мгновение сжал, прежде чем отпустить. Он коротко кивнул Сэре: то ли благодарил, то ли обещал присмотреть за ним, а может, и то и другое — она не знала.

Сэра со вздохом облегчения отказалась от магического зрения: от него у нее начинала болеть голова. Она посмотрела на Джеса.

— Ты ее видел?

Он кивнул, садясь рядом с Хенной, положил морду ей на колени.

— Она была прекрасна.

Сэра наклонилась и почесала его за ушами, одновременно осматривая остальных. Все выглядели потрясенными, но буйная песня Таера, смешная и слегка неприличная, делала свое дело. Лер и Форан подпевали, и спустя несколько строк к ним присоединился и Тоарсен.

Сэра пробралась назад к столу Таера. Проходя мимо Иелиана и Форана, она потрепала их по плечу: они выглядели так, что явно в этом нуждались. Потом села на скамью, снова прислонилась к колену Таера и позволила звукам старой побитой лютни проникать, успокаивая: Таер в безопасности.

Теперь она хорошо представляла себе, как можно освободить ордены от камней Пути; Хенна сможет это сделать. Они знают, кто такой Черный. Знают, что он ждет их в Редерне. Хиннум и Хенна, несмотря на непрерывные споры, были уверены, что найдут способ уничтожить Черного и тем самым освободить Форана от его Памяти. Им теперь нужно только отыскать Жаворонка, и Хенна знала молодого человека, который охотно поможет, хотя на поиски его может уйти несколько месяцев.

— Сэра, — сказал Таер, когда его умные пальцы кончили очередную мелодию и начали проигрыш между песнями, — я чувствую себя лучше. Расскажи, как ты сумела освободить меня.

Она улыбнулась ему.

— Вороны высокомерны. Когда возникает проблема, мы верим, что только мы способны разрешить ее. — Она разжала ладонь, в которой все еще держала остатки граната. — Ты сам уничтожил заклятие, когда рассказывал о Безымянном короле.

— Неужто? — Он удивленно поднял брови. — Все равно, думаю, весь остаток ночи уйдет на веселую музыку.

Его прозаический ответ не соответствовал облегчению, которое она увидела в его взгляде.

Он начал красивую балладу, написанную молодым человеком для возлюбленной, которая должна была выйти за другого. Баллада соответствовала диапазону его голоса, мелодия действовала успокаивающе — прекрасная поддержка в преодолении страха перед мертвыми.

Сэра встала и прошла к Ринни. По пути посмотрела на Память, но без магического зрения она выглядела точно так же, как в тот момент, когда вошла в библиотеку.

Ринни, свернувшись, спала рядом с Гурой; собака по-прежнему смотрела на мертвых, которых Сэра не видела. Но Гура не казалась встревоженной, только настороженной. В такой же позе рядом с Хенной сидел волк. Сэра зевнула и легла рядом с Ринни, нашла что-то мягкое, на что положить голову, и закрыла глаза. Музыка Таера продолжала беречь ее от беды.

Форан уснул, должно быть, вскоре после Сэры. Он проснулся от запаха чего-то дикого и сладкого, раскрыл глаза, увидел волосы Сэры и понял, что удары, которые он слышал, это ее сердцебиение. Он торопливо распрямился и оглянулся: не заметил ли кто-нибудь.

Конечно, проснуться рядом с чужой женой — для него знакомое дело, а этот случай гораздо невиннее, чем другие. Тем не менее в комнате ее муж и дети.

Джес, в человеческом облике, лежавший рядом с Хенной, дружелюбно улыбнулся ему и поднес палец к губам. Он единственный не спал.

— Ты не спал всю ночь? — хриплым шепотом спросил Форан.

Джес кивнул, хотя и не выглядел уставшим. Форан приподнялся, медленно отодвинулся от Сэры. Встал и потянулся, разминая спину.

Таер спал на столе, лютия лежала на нем. Форан улыбнулся, но потом понял, что среди спящих не все. Он помнил, как после невероятной песни Таера исчезла Память. Иелиан и Лер, должно быть, уже проснулись. Хиннум, решил он, его не касается.

Он помахал Джесу и вышел. Судя по высоте солнца, еще только середина утра. *Кто бы мог подумать, что мы переживем эту ночь?*

— Доброе утро, — сказал Лер, прислонившийся к стене у разбитой двери. — Я слышал, как встал Иелиан, но когда вышел, его уже не было.

Форан кивнул.

— Наверно, пошел в лагерь. Он единственный, кто пытался убежать.

— Кроме собаки, — сказал Лер.

Форан улыбнулся.

— Глупый пес не бежал, он попытался напасть.

Вскоре начали шевелиться остальные. Когда все проснулись, Джес разбудил родителей, и все направились в лагерь.

Форан ночью ничего не заметил, но при свете дня стало заметно, что оба Ворона осунулись, да и Таер выглядел не лучше. Сэра уловила озабоченный взгляд Форана и улыбнулась ему.

— Все в порядке, просто слишком много магии вчера и мало сна.

— Два дня здесь, и мы нашли почти все, за чем пришли, — сказал Форан. — По правде говоря, я не думал, что мы найдем что-нибудь после Падения Тени. Ни Колосс, ни Хиннума, не узнаем, кто такой Черный.

Она улыбнулась, и все ее лицо осветилось: он никогда не видел, чтобы она так улыбалась. На мгновение она стала прекрасна.

— По правде говоря, Форан, — ответила она, — я тоже иногда не надеялась на это.

— Спасибо за то, что поговорил с мамой, — сказала Ринни, одной рукой держась за спину Гуры, другой — за его руку.

— Готов в любое время, — ответил он.

Они оставили лагерь чуть раньше, чем планировала Сэра. Хенна подошла к нему после завтрака и спросила, готов ли он выйти раньше намеченного.

— Таер, Сэра и Джес должны еще поспать, — сказала она. — Но если все в лагере, они не смогут уснуть.

Поэтому Форан собрал всех, включая Ринни и Гуру, и направился к храму Совы. Иелиан, которого они, вернувшись после ночи, застали в лагере, сумел преодолеть смущение из-за своего поведения ночью. Он предложил прихватить с собой завтрак и осмотреться, раз уж есть немного времени.

Лер уже запомнил карту города, и Форан решил, если они выживут — а сейчас начинало казаться, что это им удастся, — попросить Лера составить карту дворца в Таэле. Может, Лер сумеет найти путь к южной башне, где никто не бывал уже лет тридцать, потому что не знал, как добраться до нее.

Поскольку вчера они осмотрели Университетский район, сейчас прошли его и обнаружили рампу, ведущую в нижний город.

* * *

— Интересно, — сказала Ринни.

Форан был согласен с нею. Они с час бродили по Торговому району и видели только дома, закрытые и недоступные. Но вот улица, по которой они шли и которая, извиваясь, огибала подножие холма, вдруг резко повернула и вышла на торговую площадь, как и пообещал Лер.

— Я бы хотел привести Лера в Таэлу и запустить его в лабиринт, — сказал Иелиан, хлопая Лера по спине. — Я бы поставил на тебя несколько золотых.

Площадь была вымощена не булыжником, а плитками. Плитками ярких цветов, призванных поднять настроение, подумал Форан, судя по собственному восприятию. Он предположил, что когда-то вся обширная площадь была уставлена киосками и палатками, в которых продавали продукты и разные товары. На ночь их, наверное, убирали, а может, день, когда умер Колосс, не был рыночным.

— Я выиграл несколько ставок в лабиринте, — говорил Тоарсен. — Хотя это не так интересно, как то, что я нашел в лабиринте в последний раз.

— Что же ты нашел? — невинно спросила Ринни.

Тоарсен перестал улыбаться. Он кашлянул.

— Фонтан. Гм. С птичками.

В середине самого известного — по крайней мере среди молодых дворян Таэлы — лабиринта находилась «Белая Птица», знаменитый публичный дом, обслуживавший богатых и скучающих. Внутри лабиринта, в большом парке, проходили оргии, но можно было организовать свидание и в более укромных местах. Форан тоже бывал там несколько раз.

— Никогда не видела лабиринт, — печально сказала Ринни.

— Приезжай в Таэлу, Ринни, и я отведу тебя в лабиринт. — Конечно, не в «Белую Птицу». — Если Лер согласится приехать в Таэлу, я найму его для исследования дворца — для меня. Вот это настоящий лабиринт.

— Я побывал во многих лабиринтах, — сказал Кисел. — В последний раз, чтобы выйти, мне пришлось прорубаться сквозь деревья.

— Это был ты? — удивленно спросил Форан. — Я слышал, «Белой Птице» пришлось нанимать колдуна, чтобы ликвидировать ущерб.

Кисел улыбнулся — не слишком приятной улыбкой.

— Мне не нравится быть в заточении. Они считали забавным, что я не могу найти выход. Ну я его и нашел.

Форан заметил, что Ринни разглядывает Кисела, словно он стал ей гораздо интереснее.

— Так сделали бы мои братья, — сказала она.

Кисел неожиданно улыбнулся.

— Спасибо за комплимент, Ринни, дочь Таерагана.

Ринни покачала головой.

— Нет, мальчиков называют по отцам, а девочек — по матерям.

— Ага, — сказал Кисел. — Я не знал этого.

— Мама говорит, что это глупо, потому что Странники так не делают, — сказала Ринни. — Но мне кажется забавным быть названной по маме. Люди боятся моей мамы. Они не знают, что опасаться стоит скорее папы.

— Смотрите, — сказал Иелиан, вглядываясь через занавес ближайшей двери. — Игрушки.

После того как мальчики и Ринни ушли, в лагере стало тихо. Таер спал или дремал, положив голову Сэре на колени. Джес исчез — вероятно, спал где-нибудь за пределами лагеря. Хенна сидела у костра скрестив ноги и медитировала.

Сэра давно этим не занималась, ей вообще это было трудно: мирное состояние без мыслей — не ее стихия. Тем не менее она решила, что это неплохая идея: она все равно слишком напряжена, чтобы уснуть. Поэтому она выпрямила спину и расслабила плечи.

Она не медитировала по-настоящему, только закрыла глаза и блокировала чувства, чтобы привести в порядок мысли. За короткое время они узнали очень много, и теперь ей нужно было в этом разобраться. Таер в безопасности, Хенна когда-то была богиней магии. Хиннум жив и здоров. Таер в безопасности. Хиннум поможет освободить другие ордены от камней. Хенна была богиней магии. Таер в безопасности.

— Ты слишком напряженно думаешь, — сказал Таер с ее коленей.

— Таер, — ответила она, не открывая глаз. — Как по-твоему, чего хочет Сталкер?

— Зачем спрашивать меня? — ответил он ленивым теплым тоном, как кошка на солнце. — До вчерашнего дня я даже не знал, кто такой Сталкер.

Вчера мы говорили с Хиннумом, и ты сказал, что в истории было три персонажа. Хиннум, Виллон и Сталкер. У тебя случился последний приступ, прежде чем ты сказал нам, каковы мотивы Сталкера.

Она слышала, как он набрал в грудь воздуха и устало выпустил его.

— Хиннум научил Виллона обращаться с орденами, Сэра. Но Хиннум не думал, что сообщил достаточно, чтобы Виллон мог их украсть.

— Я не учил его видеть дух, — сказал Хиннум. — Мне казалось, что это необходимо, чтобы украсть орден.

Сэра открыла глаза и увидела старого колдуна, стоящего перед ними. Они не слышали, как он подошел. Даже Джес не слышал — значит, Хиннум воспользовался магией. Таер даже глаза не открыл.

Хиннум продолжал:

— Я провел все утро — и половину прошлой ночи, когда убедился, что музыка Таера умиротворит мертвых, — пытаюсь понять, как он с помощью того, чему я научил его, смог украсть ордены у Странников.

Сэра заметила, что Хенна открыла глаза, но осталась на месте.

— И я не понял, как он это сделал, — говорил Хиннум. — Сам я знал, потому что видел, что эти глупцы сделали с Орлом. И потому что помогал Ворону создавать ордены. Виллон не Ворон, он не может взять историю орденов и понять, как они сотворены. У него не было доступа к силе Ворона, до того как он узнал, как украсть ордены. Ему нужны были подробности. Ритуалы, слова, руны — все. Но я не сообщал ему этого.

— Хиннум, — сказала Хенна.

Он повернулся к ней и, на взгляд Сэры, чуть съезжил. Но спохватился, распрямился и посмотрел ей в глаза.

— Я не мог убить тебя, Ворон. Много столетий я был верен тебе, и это было единственное, что я не смог сделать, когда ты попросила. Просто не мог.

Когда Хиннум это говорил, Таер открыл глаза, посмотрел на Сэру и вопросительно поднял бровь. *Столений? Ворон? Значит, Хенна богиня Ворон? Это говорит Хиннум?*

Двадцать лет брака позволили ей все это прочесть у него на лице.

Она кивнула.

— Какая история, — пробормотал он. — Я знал, что она старая.

Она улыбнулась и поднесла палец к губам.

— Расскажу потом, — неслышно произнесла Сэра.

Он улыбнулся и снова закрыл глаза. И она не знала, уснул ли он.

— Даже сейчас я большую часть не помню, — говорила Хенна Хиннуму; на лице ее застыла маска Ворона. — Кое-что, — медленно продолжала она, — ясно, словно произошло вчера. Вижу лицо Орла и слышу его голос, но не помню ни Ястреба, ни Баклана. Когда Сэра посмотрела на дух Таера, когда вернула камень, я подумала: «Я знаю, как это сделать». Но многое из того, что я должна знать, пусто, затемнено временем. Сомневаюсь, чтобы я еще что-нибудь вспомнила.

Она встала и отошла от костра, чтобы видеть лицо Хиннума.

— Но тебя я помню. Ты был рядом со мной в черные дни конца Колосса. Помню, я находила опору в сознании того, что умру, когда умрет Колосс, — потому что ты обещал убить меня. А ты всегда выполнял свои обещания.

Хиннум произнес негромкий звук и отвернулся.

— Четыре с половиной столетия, Хиннум, ты был человеком слова. — Она коснулась его плеча, и он съезжился под ее прикосновением. — И в это прекрасное утро я могу быть лишь благодарна тебе за то, что единственный раз ты не сдержал обещание.

Таер сел, зевнул, потер глаза и посмотрел на Хиннума. Снова потер глаза и снова посмотрел.

— Теперь я понимаю, почему ты решил остаться здесь, — сказал он.

Сэра тоже взглянула, но не увидела в Хиннуме никаких перемен. И это странно, показалось ей, потому что он сказал ей, что с его телом произошло что-то такое, что не давало ему возможности уйти из Колосса с другими колдунами. Должно быть, он по-прежнему пользуется иллюзией, хотя сегодня использует собственное тело.

Хиннум опустил голову и посмотрел на Таера.

— Я люблю музыку, — тяжело сказал он. — Прошлой ночью ты рассказал историю Падения Тени с такой силой, что я плакал о смерти человека, которого никогда не знал. И все равно. Все равно Барды — проклятие моей жизни. Я мастер иллюзий, а Бард видит истину.

Таер покачал головой. Должно быть, то, что он увидел, было ужасно, потому что он ответил без обычного юмора:

— Прости меня, Хиннум. Я никому не расскажу о том, что ты хочешь оставить тайным.

Если Таер сказал, что никому не расскажет, так оно и будет. Если бы Сэра не знала, что произошло с Хиннумом, она бы поговорила о других проблемах.

— Если ты не научил Виллона, как красть ордены, как он мог научиться? — спросила она.

— У Сталкера, — сказал Таер.

— У Сталкера? — переспросила Хенна.

— А у кого еще? Я много думал об этом.

— Сталкер — это не зло, — сказал Хиннум.

— Я и не говорил, что Он зло. Ты нам сказал, что сила Старших богов постоянна и проявляется почти произвольно. И если в завесе, отделяющей Старших богов от мира, есть бреши, я думаю, колдун может воспользоваться силой Сталкера без Его согласия. Ты ведь сам сказал Сэре, что Сталкер заключен за завесой вопреки своему желанию.

Хенна села рядом с Таером.

— Ткач говорил мне, что мир слишком стар и хрупок для сил, которые Он и Его брат приносят в него. Их сила уничтожит мир.

— Ткач сказал мне, что Его брату все равно, что будет с миром. Но Ткач любит свое творение — и поэтому Он нашел способ ограничить Их силу, чтобы мир смог уцелеть.

Она похлопала по земле рядом с собой. Хиннум сел, а она продолжила.

— Субстанция завесы есть сила обоих богов: что еще могло бы сдержать Их? Если бы Сталкер согласился, Он и Ткач могли бы сами воссоздать завесу после смерти моего супруга. Напротив, смерть Колосса послужила замещением силы Сталкера — она была взята у Него вопреки Его желанию. Вторую половину завесы соткал сам Ткач.

— Сталкер стремится на свободу, — сказала Сэра.

— Так говорил мне Ткач в ту ночь, когда мы решили, что Колосс и его боги умрут.

— Но почему... — Сэра неожиданно замолчала: она увидела то, что Таер увидел вчера. — Сталкер не мог помешать Черному пользоваться силой, поэтому Он решил использовать его. Виллон был мастером иллюзий, он был недоволен ограниченными возможностями своей магии. И Сталкер предложил показать ему, как украсть силу Странников. Но почему он не сказал ему об ордене Защитника?

— Многие камни орденов не действуют, — медленно заговорила Хенна. — Если бы Старшие боги показали Виллону, как красть ордены, он бы делал это успешнее.

— Нет, — сказал Таер. — Сталкеру все равно, полезны ордены или нет. Он только хочет привязать их не к носителям орденов, а к предметам. Потому что ордены служат определенной цели.

— Они поддерживают равновесие, — подтвердил Хиннум. — Без этого равновесия завеса спадет и Старшие боги освободятся.

— Вот что, — задумчиво сказала Хенна. — Пользуясь орденами, Виллон может питаться силой обоих богов, а не только Сталкера. И Сталкер постарался, чтобы у Черного не было всех шести орденов. Многие камни не действуют — Жаворонок не единственный, насколько нам известно. А об ордене Защитника Черный вообще не знает.

— Умные были люди, эти жители Колосса, — сказал Тоарсен, когда они выходили из храма Совы.

Было уже поздно, потому что они несколько часов провели в Торговом районе, где вход в лавки преграждали не двери, а занавесы. И под большинством занавесов оставалось достаточно места, чтобы проползти внутрь.

Некоторые лавки походили на магазины Таэлы, другие нет. Форана особенно поразили лавки, в которых продавали ткани, каких он никогда не видел. Тут была парча, был бархат, но была и какая-то блестящая ткань, похожая на шелк; она меняла цвета от золотого к зеленому, в зависимости от угла, под которым на нее смотришь.

Тоарсен подсмеивался над Фораном из-за его интереса к тканям, но Форан всегда интересовался модой и не считал нужным менять свою манеру одеваться только потому, что стал более уважаемым. Он сожалел только, что из-за заклятия, окутавшего Колосс, все ткани были жесткими, как дерево, и невозможно было сказать, какими они были на ощупь.

— Их знания были слишком опасны, — продолжал Тоарсен, и Форан оторвался от своих мечтаний. Некоторые мужчины мечтают о женщинах, с самоиронией думал он; он же мечтал о тканях.

— Произносить истинные имена богов опасно, — продолжал Тоарсен, принявший на себя обязанности самозваного лектора, — но не иметь возможности позвать их, когда тебе нужна помощь, не менее плохо. Поэтому они выгравировали имена богов на обратной стороне помоста Совы и покрасили, так что увидеть их нелегко. И вот приходим мы с белой рубашкой...

— Моей белой рубашкой, — подхватил Руфорт совсем не торжествующим тоном. — Надеюсь, уголь сойдет, потому что у меня только еще одна запасная.

— Я могу постирать ее, — сказала покорно Ринни. — Мама тоже может, но она такие работы оставляет мне. Она не любит стирать или шить.

— Она, по крайней мере, не заставляет тебя резать свиней, — сказал Лер.

— Но благодаря белой рубашке Руфорта, — со смехом добавил Тоарсен, — и куску древесного угля мы получили имена богов.

Он поднял рубашку, чтобы все могли разглядеть имена.

— Иелиан, — сказал Лер, — ты идешь не туда.

Форан оторвал взгляд от рубашки и увидел Иелиана впереди. Он, должно быть, продолжал идти, пока Тоарсен остановился, разглядывая рубашку. Наверно, он не услышал оклик Лера, потому что свернул на какую-то улицу и исчез.

— Напомните мне не ставить на Иелиана, когда он в следующий раз попадет в лабиринт, — с отвращением сказал Кисел. — Пожалуй, нужно его догнать. — Он огляделся. — Пойдем, Ринни, дочь Таерагана, спасем Иелиана.

— Надо говорить «дочь Сэры», — терпеливо поправила Ринни.

Кисел кивнул.

— Но, думаю, беспокоиться на самом деле нужно о Таере. И подозреваю, скоро многие молодые люди будут беспокоиться о тебе, юная леди.

Ринни выглядела довольной.

Они подошли к улице, на которую свернул Иелиан, и увидели его разглядывающим сложную резьбу на двери дома в соседнем переулке.

— Иелиан, — окликнул Форан. — Лер говорит, что ты свернул не туда.

— Идите сюда, — ответил тот. — Никогда ничего подобного не видел.

Они были в нескольких ярдах от Иелиана, который по-прежнему разглядывал то, что привлекло его внимание, когда Форан заметил, что Лер напрягся, пригнувшись.

— Что случилось, Лер? — спросил Форан.

— Бегите! — крикнул Лер.

— Стойте, — послышался другой, знакомый голос.

Форан, который готов был последовать совету Лера, обнаружил, что не может ничего делать, только исполнять второй приказ. Тело отказывалось ему повиноваться.

— Начнем с самого легкого.

Сэра разложила камни орденов на одеяле из своего спального мешка и начала быстро сортировать их на кучки в соответствии с орденами. Хенна, сидя по другую сторону одеяла, помогала ей.

— Я хотела спросить, — говорила Сэра, откладывая рубиновое ожерелье в грудку Ястреба. — Почему Жаворонков гораздо меньше, чем, скажем, Воронов?

— Чтобы магия действовала, — ответила Хенна, — орден должен быть очень малой частью силы Ворона. Это способность творить магию, а не сама магия. Поэтому есть много

Воронов, и у каждого малая часть магии одного из богов, и Воронов легче всего привязать к камню. А Жаворонков всегда было мало, потому что у них малый дар не действует.

— Итак, камни с Жаворонками не действуют, — сказала Сэра. — Как и предполагалось.

Она использовала свое магическое зрение, чтобы снова увидеть дух. Маленькая грудa камней Жаворонка вспыхнула ярче остальных.

— Их орден теснее привязан к духу, — сказала она Хенне. — И поэтому кольца ведут себя так, словно наделены духом. — Она взяла тигровый глаз, которые казался теплым на ощупь. — Может, это орден моей дочери?

Таер обнял ее за плечи, а Хиннум сказал:

— Не думаю, чтобы это можно было определить.

— Начнем с Воронов, — сказала Хенна. Она взяла брошь со светло-зеленым оливином, у которого были лишь еле заметные нити духа.

Некоторые камни были в оправе, другие — в тяжелых браслетах и других украшениях, и их трудно было спрятать. Хенна, Брюидд и Сэра вынули камни из самых больших оправ.

Сэра наблюдала, как Хенна поглаживает камень с фиолетовым орденом.

— Есть немного еще, — сказал Хиннум, вглядываясь в брошь. — Да, вот здесь.

— А теперь, — сказала Хенна, — как вы думаете, достаточно ли разбить камень или нам придется снимать заклятие, привязывающее орден к камню?

— Снять заклятие безопаснее, — ответила Сэра, кладя тигровый глаз в грудa камней его ордена. Хиннум прав: невозможно определить, есть ли в камне орден Мехиллы или часть ее духа.

Теперь она понимала, как это произошло. У Виллона прямо под носом оказался Жаворонок, ребенок. Виллон был раздражен: когда колдунам Пути удавалось захватить Жаворонка, использовать его орден они не могли. Может, с ребенком будет легче.

Девочка заболела весной. Какие бы травы ни давал ей Карадок, что бы ни делала Сэра, Мехилла продолжала таять. В конце у нее начались приступы.

Сэра почти забыла об этом. К тому времени Мехилла уже была очень слаба. Она только застывала ненадолго, глаза ее закатывались. Это было не так драматично, как приступы Таера, но ведь Мехилла только еще начинала ходить, она была совсем маленькая, не то что взрослый мужчина.

— Да, если существует магия, способная привязать орден, надо позаботиться о безопасности, — сказал Хиннум. — Я... — Он резко вскинул голову. — Вы чувствуете? — спросил он.

Форан услышал, что к ним приближаются шаги, и решил, что неизвестный прячется за углом. Посмотреть он не мог, потому что не мог двигаться.

— Дышите, — сказал голос.

Только набрав полную грудь воздуха, Форан понял, что не дышал. Он был почти уверен, что голос принадлежит Виллону, но звучал он как-то не так. Он слышал, как стоящий рядом Лер тоже резко и шумно вдохнул воздух.

Гура жалобно завывала, и он почувствовал, как собака трется о его ноги. Казалось, заклятие, сделавшее Форана и остальных неподвижными, на нее не действует.

Шаги замерли прямо перед Фораном.

— Можешь пошевелить глазами, — сказал человек. — И мигать. Я не жесток, что бы обо мне ни думали. Я могу вас убить, но пытка ничего мне не даст.

Форан мигнул — и скосил глаза. Он смог увидеть только Руфорта, стоящего перед ним, и колдуна. На мгновение ему показалось, что он ошибся и колдун, захвативший их, совершенно ему не знаком. Темные волосы и гибкое мускулистое тело не принадлежат тому Виллону, которого он знал. Но вот колдун слегка повернулся, и Форан увидел его лицо. Это был Виллон, но Виллон заметно помолодевший.

Когда Виллон пришел в Колосс, он был мастером иллюзий, подумал Форан. Конечно, он мог защититься тем, что казался постепенно стареющим.

— Что это? — спросил Виллон.

— Надпись из храма Совы. Имена Старших богов.

Голос Иелиана доносился откуда-то из-за Форана.

— Ага. Не думаю, что их следовало бы оставить, чтобы любой мог прочесть.

Форан почувствовал запах горелой ткани.

— Иелиан, ты хорошо поработал, — сказал Виллон, исчезая из поля зрения Форана. — Собрал всех, но без Таера, который видит сквозь мои иллюзии, и Воронов, которые могут их снять. Ты уверен, что Хиннум научил Сэру использовать камни орденов?

— Да, — ответил Иелиан откуда-то из-за Форана. — Я не понимаю, как это действует, хозяин. Но я знаю: Сэра уверена, что может очистить их. Она сама так сказала.

— Хорошая работа, мой мальчик, — сказал Виллон. — Если она сумеет, это стоит всех неприятностей, которые они мне причинили, уничтожив Путь. Я отдал им все камни, за исключением камня самого Таера, в надежде, что пара Воронов и Жаворонок смогут сделать то, что не получалось у меня.

— Но они не сделали, — сказал Иелиан. — Не смогли.

Виллон улыбнулся.

— Конечно, нет. Только Хиннум знает как, но он не захотел научить меня, и у него нет камней, которым я мог бы угрожать. Нет никого, кто был бы ему дорог.

— Поэтому ты дал им карты и послал сюда.

— Нет, — сказал Виллон. — только оставил карты на месте — куда положил их Волис, когда украл у меня. Я знал, что, когда Сэра поймет, что не может вылечить Таера, она придет сюда в поисках ответов — и найдет Хиннума. Я только удивлен тем, что они сумели расположить к себе Хиннума за такое короткое время. Ведь этот ублюдок не расстается со своими тайнами. Они пробыли здесь два дня, и Хиннум украл у меня камень Таера.

— Это сделала Сэра, хозяин, а не Хиннум. А потом Таер совсем разорвал завет, когда пел «Падение Черного».

Виллон нахмурился.

— Таер освободился сам? Ты, должно быть, ошибся. Бард может видеть сквозь иллюзию, но завет не иллюзия.

Иелиан сказал:

— Я не колдун, хозяин. Могу сказать только то, что они мне сказали.

— Возможно, Хиннум позволил им думать, что это был Таер, — размышлял Виллон. — Неважно. — Он посмотрел Форану в глаза. — Не волнуйся, Форан. Я у тебя в долгу за то, что ты прихватил с собой моего Воробышка и он смог шпио-

нить для меня. Как иначе смог бы я найти орден Защитника? О нем нет записей, не существует никаких рассказов. Никто из пленников Пути не говорил о нем. Когда Волис начал болтать об Орле, я подумал, что он спятил. Представь себе мое удивление, когда я понял, что Джес медлителен не потому, что умственно отстал, а потому, что он Защитник. Какая неожиданность — найти носителя ордена, так плохо подготовленного. Если бы Хиннум говорил со мной, я бы посмеялся над ним.

Он посмотрел на Лера.

— Никто из вас не умрет, если вы сделаете, как я скажу. Скажи матери, парень, что Сэра должна очистить все кольца, которые у нее есть. — Он помолчал. — И показать мне, как это делается. Ни один из ее детей не умрет. Скажи, что тебе и твоей семье нечего меня бояться, если она сделает то, о чем я прошу.

— Если же нет...

Он прошел мимо Форана и прошептал что-то, что Форан не расслышал.

— Папа убьет тебя, а мама сварит в масле, — сказала Ринни, и сердце Форана сжалось от страха.

Он понял, что она сопротивляется, потому что ощутил резкий удар.

— Не думаю, — промурлыкал Виллон. — Думаю, она сделает все, о чем я прошу, иначе платить придется тебе.

Она ребенок, а Форан ничего не мог сделать. Капля пота попала в глаз и вызвала жжение, но как Форан ни старался, он мог двигать только глазами.

— Принеси ее, — сказал Виллон. — Жди меня на верху той башни. Я загляну в храм Совы и сделаю так, что больше ни один предприимчивый исследователь не увидит имени богов. — Он прошел мимо Форана, но без Ринни. Должно быть, отдал ее Иелиану. Виллон наклонился, чтобы видеть глаза Лера. — Лер, сын Таерагана, скажи матери, что мы будем на верху той башни ждать ее ответа. Ее дочь и я.

— В этом городе призраки и еще кто-то, — сказал Иелиан. — Может, лучше подыскать место снаружи?

— Заверяю тебя, я знаю, как с ними справиться, — ответил Виллон, распрямляясь. — Когда-то я прожил здесь пять лет. И научился управляться с призраками. Отнеси ее в башню.

Только что перед Фораном стоял Виллон, в следующее мгновение на его месте оказался золотистый сокол. Сокол присел, взмахнул крыльями и полетел.

Все знают, что колдуны не могут менять форму, но, как понял Форан, очевидно, Черного это не касается.

— Предатель, *клятвопреступник*, — сказала Ринни. Гнев почти скрывал страх, но голос ее дрожал.

Иелиан рассмеялся.

— Нет, это они нарушили клятву: Тоарсен, Кисел и Руфорт. Я дал клятву мастерам Пути и не нарушил ее.

— Но он Черный, — сказала Ринни. — Как ты можешь служить Черному?

— Могу, — сказал Иелиан голодным напряженным голосом, — потому что он позволяет мне убивать.

Гура, чувствуя страх Ринни, снова завывла, но ведь предполагается, что Иелиан друг.

— Ринни, Ринни, — усмехнулся Иелиан. — Думаешь, я не вижу эти собирающиеся тучи? Ты Баклан, Чародейка Погоды. Но, находясь в обществе твоей семьи, я кое-что заметил. Хочешь знать что? Если ты не фермер, Баклан совершенно бесполезен. — Голос его стал насмешливо сочувственным. — Так много времени нужно, чтобы вызвать бурю. А чтобы остановить тебя...

Послышался глухой удар плоти о плоть, а Форан преждемудро не мог шевельнуться.

Зато могла Гура.

Форан услышал грозное рычание и звуки схватки. Резкий звук — собачий или человеческий, он не мог сказать. Раздражение Форана выросло до небес. Тело упало на землю.

— Боже, как приятно, — сказал Иелиан.

Он появился в поле зрения Форана, забрызганный собачьей кровью, с охотничьим ножом в руке.

Повернул голову — сначала в одну сторону, потом в другую, как борец, разминающий шею перед схваткой.

— Я забыл, как это приятно. — Лицо его горело от возбуждения, руки дрожали от сдерживаемого чувства. Говорил он быстро, почти неразборчиво. — Я не могу убить Лера. Хозяин прав. Сэра не будет покладистой, если пострадает ее сын. А император может оказаться полезен. Я не могу убить императора.

Движением, стремительным, как прыжок змеи, Иелиан перерезал горло Руфарту. Брызнула кровь, и Иелиан отскочил с возбужденным смехом. Руфарт какое-то время стоял, истекая кровью. Потом упал лицом вперед в лужу собственной крови на булыжники.

Иелиан склонился к телу.

— Каково это, Руфарт? Чувствуешь себя беспомощным? Чувствуешь, как смерть идет к тебе? Или не можешь поверить? — Он поднял голову и встретился со взглядом Форана. — Я тысячу раз мог убить тебя, император. Это делает меня очень могущественным человеком. — Он опустил руку и провел пальцами по волосам Руфарта. — Никто не может любить его больше, чем я в момент его смерти. Разве можно не любить того, кто доставляет такое удовольствие? Видел, как он стоял — по-солдатски прямо, пока смерть не забрала его?

Он задрожал от удовольствия при этом воспоминании, как человек, вспоминающий что-то особенно приятное.

Потом встал, сбросил выражение необычного напряжения и снова стал спокойным и уверенным.

— Мне пора идти. Хозяин ждет меня. — Он прошел мимо Форана. — Вот, — сказал он. — Подержи это за меня. Оставлю в ране, чтобы замедлить кровотечение. Может, заклятие хозяина рассеется до того, как ты истечешь кровью.

«Кисел или Тоарсен», — подумал Форан. Иелиан ударил кого-то из них. Форан напрягся, как не напрягался никогда в жизни, но даже кончиком пальца пошевелить не смог.

Иелиан показался снова, рубашка его была в крови. На плече он нес потерявшую сознание Ринни, и на лице его было блаженное, мирное выражение. Уходя, он насвистывал одну из песен, которые пел накануне Таера.

Глава 19

— Нет, — сказала Сэра. — Я ничего не чувствую. А что случилось?

— Черный здесь, — сказал Хиннум. — Я узнаю магию своего ученика.

Руки Таера напряглись на плечах Сэры.

— Здесь? В Колоссе?

Хиннум кивнул и посмотрел на Хенну.

— Я не справлюсь с силой Разрушителя: ведь он владеет ею больше двухсот лет. Могу лишь выиграть время, чтобы ты могла бежать, моя леди, но бежать нужно быстро и далеко. Собери шесть носителей ордена и уничтожь чудовище, которое я помогал создать.

— Мы не можем уйти без Ринни и мальчиков, — сказала Сэра.

Хиннум посмотрел на нее и кивком указал на город, над которым собирались тучи.

— Они в его власти, — мягко сказал он. — Ты ничего не сможешь сделать. Ястреб и Баклан не имеют против него ни одного шанса. Не больше их у двух Воронов, Барда и Орла. Даже если одна из вас была богиней, даже если я помогу вам всем, чем смогу. Я вам говорил, что уже видел силу Черного. Если бы Безымянный король не был безумен, Рыжий Эрнав и Керин не смогли бы убить его. Наш Черный не Безымянный король. Я сделаю, что могу, задерживая его, но вы должны бежать.

Рука Сэры легла на тигровый глаз.

— Нам нужен Жаворонок, — сказала она. — Один у меня есть. Моя дочь или тот, кому принадлежал когда-то этот орден, отдали бы жизнь, чтобы уничтожить Черного. Если ты сможешь помочь моим детям, мы уничтожим его.

Форан стоял в беспомощном, безнадежном гневе. Он пообещал Сэре, что с ее дочерью ничего не случится. Император должен держать свое слово — но заклятие Виллона продолжало удерживать его.

Виллон мастер иллюзий. Что он сказал? Таер может видеть сквозь иллюзии. Значит ли это, что заклятие Виллона не действует на Таера? Может, это заклятие — тоже иллюзия?

Форан вырос при дворе, при котором всегда было множество различных магов. Иллюзии, которые он видел, относились к малой магии, если не были простыми фокусами, а вовсе не магией. Общеизвестно, что неверие разрушает иллюзию — и в этом одна из причин того, что иллюзионистов считают магами второго сорта.

Форан попытался убедить себя, что это заклятие — всего лишь иллюзия, которую можно уничтожить. *Конечно, я могу*

двигаться — я делал это всю жизнь. Как маг может остановить меня одним словом?

Но проблема в том, что все же Виллону удалось очень эффективно остановить его одним словом — трудно поверить в то, что это не так. Будет о чем рассказывать детям — чье существование сейчас оказалось под серьезной угрозой: рассказывать о том, как колдун низкого рода одним словом одолел императора, потому что император оказался так слаб, что позволил это.

Ожил гнев, и Форан приветствовал его. Он император, и ни один колдун не имеет права навязывать ему свою волю. Форан постарался забыть то, что совсем недавно начал понимать: как, в сущности, мало различий между фермером и императором. Он не Бард. И дело не в правде, а в том, что купец-иллюзионист крестьянского рода решил, что имеет право командовать императором.

Никто им не командует. Разве не убил он тринадцать септов, решивших, что у них силы больше, чем у императора?

Форан закрыл глаза, вспомнил то, во что верил, будучи пьяницей и бездельником, и постарался снова от всей души поверить в это. Император выше любого колдуна. Он император Форан, двадцать седьмой носитель этого имени. Никто не смеет отдавать ему приказы!

Он сделал шаг вперед, абсолютно уверенный в том, что его левая нога поднимется и тяжесть тела переместится. Споткнулся и открыл глаза. Он сделал это.

Перевернул Руфорта, но тело было вялым, безжизненным, глаза открыты и залиты кровью, в которой он лежал. Форан закрыл ему глаза.

— Спи спокойно, друг мой, — сказал он и занялся другими жертвами Иелиана.

У Кисела из груди торчала рукоять ножа, покрытая кровью.

Форан торопливо извлек собственный нож.

— Не бойся, — сказал он Киселу, глаза которого расширились. — Я не собираюсь положить конец твоим страданиям. Мне нужно отрезать материал для перевязки, прежде чем вытаскивать нож.

Он снял свою рубашку и разрезал ее на полосы. В этом году в моде широкие длинные рукава, и он поблагодарил за

это портных, сворачивая рукава в тампоны. Быстрый взгляд на спину Кисела не обнаружил там крови. Значит, нож не прошел насквозь и придется беспокоиться только об одной ране. Он старался не думать о повреждениях внутренних органов, связывая полоски вместе, так что получился длинный бинт. Потом разрезал рубашку Кисела, чтобы лучше видеть рану.

«Останови кровотечение», — сказал он себе. Об остальном позаботятся другие.

— Я собираюсь вытащить нож, — сказал он Киселу. — Подготовься.

Он сделал это так, чтобы капитан, если потеряет равновесие, упал бы на него. Потянул как можно стремительнее и поморщился, услышав звук ножа о кость. Вытащив нож, он бросил его на землю и как можно плотнее прижимал к ране тампон из рукава, пока перевязывал рану полоской ткани.

Перевязав как можно плотнее, он прислонил Кисела к себе. Кисел не легок, но хотя он тяжелей Форана, Форан сумел уложить его на землю достаточно осторожно.

Потом сразу перешел к Гуре. Большой черный пес еще дышал, но глаза его были закрыты, и на камнях было слишком много крови.

— Мне надо идти за Ринни, — сказал Форан собаке, потом поколебался и с ножом подошел к Тоарсену.

— Мне нужна твоя рубашка.

Перевязка собаки заняла много времени, но Форан был удовлетворен: он сделал, что мог.

— Не идите за мной, — сказал он. — Требую вашего повиновения как император. Если и когда заклятие рассеется, отправляйтесь к Таеру и Сэре и расскажите, что случилось. Я выручу Ринни, если смогу. Если нет, сомневаюсь, чтобы Виллон убил ее: ведь он хочет, чтобы Сэра работала на него.

Он пошел за Ринни, потом остановился и повернулся. Он не может уйти, не рассказав о том, что узнал.

— Заклятие — это иллюзия, — быстро заговорил он. — Как только вы поверите, на самом деле поверите, что можете двигаться, заклятие перестанет действовать.

Он шел, еще продолжая говорить. А когда закончил, повернулся и побежал.

Форан не Лер, но в данном случае это неважно. Он видел башню, на которую указывал Виллон: она поднималась на

вершине холма над ними. Иелиан был залит кровью Руфорта и Гуры, и хотя кровь капнула лишь в нескольких местах, Форану больше следов не понадобилось. Он свернул в переулок, который как будто шел в нужном направлении.

Переулок узкий — лишь два человека могут в нем разойтись, — и кончился он у отвесной стены утеса; в камне была вырублена крутая извилистая лестница. Заслонив глаза, Форан увидел сверху на лестнице поднимающуюся фигуру.

Он извлек меч и тоже начал подниматься. Перил по обе стороны лестницы не было, а сама лестница даже уже переулка. К тому времени как Форан одолел третий пролет, он уже поднялся так высоко, что ошибка в выборе опоры станет смертельной. Он смотрел на ступеньки перед собой, стараясь не смотреть по сторонам.

Прошедшие месяцы убрали жирок с его тела, но даже в своей лучшей форме Форан никогда не был хорошим бегуном. Его телосложение напоминает фигуру Кисела: говорит о силе, но не о выносливости. Но ставка — жизнь Ринни, и поэтому он поднимался как мог быстро. Недостаток воздуха вызывал головокружение и заставил в конце концов замедлить подъем. Болели ноги и бок, и, сосредоточившись на подъеме, он, может, и не заметил бы Память, если бы та не схватила его за руку, заставив остановиться.

Он хотел что-то сказать, она рукой зажала ему рот. Холодное прикосновение заставило Форана рефлекторно откинуть голову. Но, услышав шаги над собой, он понял, что пытается сказать ему Память. Кто-то спускается по лестнице.

Форан ждал, стараясь успокоить дыхание. Как только он остановился, Память исчезла.

Одежда Иелиана окровавлена, на ноге рваная рана: должно быть, Гура укусила, но улыбка на лице радостная.

— Мой император, — сказал, — не нужно было утруждать себя подъемом. Хозяин посла меня освободить вас всех. — В свободной руке — в другой был меч — он держал амулет. — Это разрушает заклятие. Я отдам его тебе. И тогда ты сможешь вернуться и освободить остальных.

Форан ничего не ответил. При таком расположении на лестнице у Иелиана преимущество. Форан знал, что на тренировках императорской гвардии Иелиан считался лучшим фех-

товальщиком. И все же, признавая преимущества Иелиана, Форан отшел все тревоги.

Он не собирался брать амулет и покорно возвращаться. Пусть Иелиан говорит правду, но остальные взрослые люди и непосредственная опасность им не грозит. А он дал слово защищать Ринни.

Память появилась в нескольких шагах за Иелианом.

— Нет, — сказал Форан, делая выпад. — Он мой.

Он не стал рубить мечом, как ожидал Иелиан. Нырнул под лезвие противника и плечом ударил его в колено. Иелиан, более легкий, чем он, отлетел в сторону. Закричав, он упал с лестницы.

К тому времени как Иелиан умер, Форан возобновил подъем.

— Черный здесь, — сказала Память, поднимаясь за ним. — Но я не могу убить его, он слишком силен.

Форан оглянулся.

— Тогда зачем ты?

— Тот, кто убил предыдущего Черного, имел за спиной армию, Ворона рядом и охранялся силой мертвого колдуна, — ответила Память. — Чтобы убить Черного, мало императора и призрака. Мало нас всех.

— Ты умеешь подбодрить, — сухо сказал Форан. — Кстати, я с тобой согласен. — Он надеялся перехватить Иелиана до того, как тот доставит Ринни, но слишком задержался, освобождаясь от заклятия. — Может, нам удастся отвлечь его, чтобы Ринни могла бежать.

Наконец они оказались на вершине утеса. Сторожевая башня находилась от края дальше, чем казалось снизу. Снаружи по ней вилась лестница, но она была шире той, по которой они поднялись. И что еще лучше, у нее были перила. Верхушка башни была закрыта только наполовину, со стороны утеса, а вторая, открытая, часть была обращена к городу, и тот, кто там находился, видел всю нижнюю часть Колосса и примыкающую долину.

— Он, там наверху, — сказал Форан.

— Да, — согласилась Память, — он там.

— Наверно, ты не согласишься отнести сообщение Таеру? — спросил Форан и не удивился ответу.

— Нет, это не входит в мою цель. Я существую, чтобы уничтожить тех, кто меня убил.

— Ты спасла меня от убийц, — сказал Форан. Дыхание его восстанавливалось.

— Ты моя связь с жизнью, и без тебя я перестану существовать, следовательно, не отомщу.

— Если приведешь Таера и Воронов, это может спасти мне жизнь, — предположил Форан.

— Не прямо, — ответила Память. — Если бы я могла испытывать сожаление или печаль, то испытала бы из-за этого отказа. Но я приду к тебе и спасу, если это будет возможно.

— Лучше, чем ничего, — сказал Форан. Он положил руку на перила лестницы, уходящей на верх башни. — Идем.

Башня футов пятидесяти или шестидесяти в высоту, и на полпути он замедлил темп. Хотел быть отдохнувшим, когда достигнет верха. Память не пошла за ним, но он верил в ее слово: она поможет и даст ему другое оружие против Черного.

У самого верха он пошел еще медленнее, держа меч в руке. Он не думал, что меч будет ему необходим в борьбе с колдуном, который может одним словом лишить его способности двигаться, но ощущение знакомой рукояти в руке успокаивало.

Он остановился перед тем, как стала видна верхняя площадка, присел и прислушался. Со своего места Форан видел не только весь город, но и реку, через которую они переправились, когда вышли в долину Колосса.

— Выпей чаю, дитя, тебе станет лучше.

— Нет, спасибо, — вежливо, но решительно ответила Ринни.

Виллон рассмеялся. Форан закрыл глаза: этот смех напомнил ему, как любил он старика, два-три раза в год приезжавшего в Таэлу навестить мастера Имтарига; он всегда готов был рассказать что-нибудь интересное, и у него всегда находилась какая-нибудь экзотическая сладость для одинокого мальчика-императора. Именно Виллон помог Форану перенести похороны его дяди. Он взял Форана за руку и негромко сказал:

— Твой дядя любил тебя, мальчик, хотя трудно так сказать о таком человеке. Он мне говорил, что ты станешь великим императором.

И тем не менее именно деяния Виллона привели дядю к смерти — и они же погубили отца Форана, которого он пом-

нил очень смутно: помнил запах свежего воздуха и лошади и сильные руки, лежавшие на его плечах. В картинной галерее дворца висит портрет отца Форана, но на нем чужой человек с носом Форана и красивыми светло-каштановыми волосами.

— Мой отец позаботится, чтобы ты умер, — сказала Ринни. «Не самые мудрые слова, учитывая ситуацию», — подумал Форан.

— Ты так уже говорила, и это становится скучно. Важно то, что Таер — Бард. Он отличный Бард. За долгие годы я слышал пение многих Бардов, но ни один не был так хорош, как твой отец. — Голос Виллона прозвучал низко и жестко. — Но никакой Бард мне не ровня. Он не может запеть меня на смерть, Ринни. Не может тронуть меня. А пока у меня ты, не может меня тронуть и твоя мать, и другой Ворон.

— О моей матери заботятся, — сказала Ринни. Она говорила не как десятилетний ребенок, а как взрослый. — И не зря. Мама говорит, что моего папу недооценивают. В нем видят певца, человека, способного развлечь, веселого и жизнерадостного. Но они не понимают, что за этим скрывается нечто совсем другое. Когда мама была девочкой, весь ее клан умер, уцелели только она и ее брат. Потом умер и брат. Она мне говорила, что после этого безопасность могла найти только под защитой моего отца. Запомни, запомни: Ворон искал безопасности у моего отца.

Форан заметил, что поднялся ветер, спине стало холодно.

— Помню, — небрежно ответил Виллон. — Я был там и помню женщину, почти ребенка, искавшую взрослого мужчину, который бы позаботился о ней. Бард — хранитель прошлого, дитя. Его долг в клане — хранить его тайны и напоминать всем, кем они когда-то были. А Таер — Бард.

— Да, мой отец Бард, — негромко согласилась Ринни. — Но он не только Бард.

Послышался звук удара, Форан вскочил и начал двигаться.

— Не играй со мной, дитя, — сказал Виллон. — Сиди спокойно.

Форан двигался как можно неслышнее и был вознагражден, увидев спину Виллона всего в четырех футах от себя. Ринни лежала на земле, лицо ее было в синяках от ударов Иелиана. Форан приобрел большой опыт в кабацких драках, и на его взгляд у Ринни была рассечена губа, из нее капала кровь.

Но Виллон повернулся, прежде чем Форан смог напасть, и улыбнулся.

— Я так и думал, что тебе пора появиться. А кстати, где мой Иелиан?

Если ложь могла бы чем-нибудь помочь, Форан солгал бы.

— Мертв, — ответил он.

Лицо Виллона затвердело.

— Жаль. Он был мне полезен.

— Как тебе удалось спрятать его от Джеса и Лера? — спросил Форан. — Они чувствуют, если кто-то запятнан тенью.

«Пусть говорит, — думал Форан, — и пусть Ринни призовет свою бурю». После первого тревожного взгляда он не смотрел на Ринни. Хотел, чтобы все внимание Виллона было сосредоточено на нем.

— Он не был тронут тенью, — ответил Виллон. — Мне ничего не потребовалось делать, чтобы он стал моим. Он из числа тех, кто питается силой Сталкера, силой разрушения. У меня есть и другие, но он был перспективным мальчиком и заслуживал награды, которую сейчас я мог бы ему дать.

Форан фыркнул и вышел на открытую половину, к парашету по пояс высотой — теперь только он отделяет от пропасти и камней у подножия утеса.

— Он был плохим слугой для такого человека, как я, или даже как ты. Он не послушался приказа: убил собаку и Руфорта. Если бы он этого не сделал, вероятно, я бы не смог разрушить твою иллюзию.

— Смерть всегда служит Сталкеру, — сказал Виллон, следуя примеру Форана. — Возможно, он был слишком ревностным, но зато верным.

Форан позволил себе скривить губы.

— Ему нравилось убивать. Он служил тебе, потому что ты позволял ему это делать. Но если бы у него была возможность, он убил бы и тебя.

Он вынудил Виллона занять такое положение, что колдун больше не находился между Ринни и лестницей.

— Но ведь гораздо интереснее работать с тиграми, чем с овцами, верно, Форан?

— Ты смерд, — холодно сказал Форан, отходя еще дальше от лестницы, чтобы показать, что он нисколько не боится колдуна. — Мы не давали тебе разрешения обращаться к Нам так

фамильярно. Безымянный король правил миром, Виллон. Потребовались усилия всего человечества и смерть великого колдуна и великого воина, чтобы нанести ему поражение. Он был королем. У тебя было вдвое больше времени, чем у него, но кем ты правил? Безумным мальчишкой, который мертвым лежит у подножия этого утеса? Тайным обществом глупцов, которые заботились только о себе и не выстояли перед Бардом, оказавшимся у них в плену? — На лице Виллона появилась краска гнева, а Форан тем же голосом сказал: — Беги, Ринни. — И продолжил: — Где страшные твари, ответившие на призыв Безымянного короля? Ты неудачник, слабоумный, не обладающий силой.

— А ты император пустоты, Форан. Ты всего лишь пьяница, возомнивший себя правителем. У тебя нет власти, иначе ты бы не оказался здесь.

Он красноречиво взмахнул руками.

Форан не слышал шагов Ринни и не мог посмотреть, воспользовалась ли она тем небольшим преимуществом, которое он ей дал.

— Я устал от тебя, император, — сказал Виллон. — Умри.

И как только он произнес последнее слово, Форан почувствовал, что не может дышать.

— Нет! — закричала Ринни. — Прекрати!

Ниоткуда возник порыв ветра и ударил Черного, сбил его с ног — и Форан снова смог дышать.

Он побежал, подхватил Ринни и толкнул ее к лестнице.

— Беги! — крикнул он, поворачивая назад, к колдуну.

Может, если бы он не отвлекся на Ринни, то успел бы, но теперь он смог преодолеть только половину расстояния, когда колдун встал, сделал жест и произнес что-то мрачное и отвратительное.

Что-то ударило Форана в грудь с силой копыта боевого коня. Он пошатнулся и спиной упал на парашет. Если бы колдун перестал давить на него своей силой, Форан удержался бы, но сила не ослабевала, он перевалился через край и упал.

— Мы не можем бежать, — сказал Таер Хиннуму и сам удивился своему спокойствию. Сэра у него под рукой дрожала. Таер засвистел — таким свистом он созывал детей на обед или на работу. Даже если Джес спит, он отзовется.

— Вы не можете победить, — сказал Хиннум. — Кольцо не заменит Жаворонка, даже если этот орден принадлежал вашей дочери.

— Тем не менее, — ответил Таер, подбирая меч и лютню, — а лютня постоянно нужна Барду, — мои дети нуждаются во мне.

— Вы единственная надежда мира, — говорил Хиннум. — Вы не можете принести мир в жертву ради своих детей. — Он помолчал. — У меня были внуки. Они умерли в Колоссе.

Сэра надела на палец кольцо с тигровым глазом.

— Иногда жертвы необходимы, — сказала она. — Иногда. Но не всегда требуется одинаковая жертва, Хиннум. Смерть Колосса была единственным способом спасти мир. Если бы не умерли твои дети, сегодня все были бы мертвы. А смерть моих детей позволит только оттянуть конец. — Она повернулась и посмотрела на собирающиеся грозовые тучи. — Вы с Хенной считаете, что единственное средство победить Черного — имена Старших богов, но у нас их нет.

На ее лице видно было напряжение прошедшего дня. Щеки впали, словно она месяцами голодала, вокруг глаз темные круги, а волосы растрепаны. Таеру она показалась прекрасной.

— Искушение битвы, — сказал Таер Хиннуму, — перенять победоносную тактику противника. — Он открыл загородку загона, вывел Скью и начал седлать его. — Виллон мог схватиться с нами в ту ночь, когда мы разгромили Путь, но он предпочел бежать и выбрать более подходящее место и время. Возможно, он слишком старательно скрывался все эти годы — и потому бежал. Не знаю. Если мы последуем его тактике, нам придется оставить своих солдат на поле битвы и бежать, пока не будем лучше готовы для встречи с ним.

— Да, — подтвердил Хиннум.

Сэра и Хенна предоставили им разговаривать, а сами тем временем седлали лошадей.

Затягивая подпругу Скью, Таер покачал головой.

— Так мы не победим, Хиннум. Играть на пользу врагу — так победы не достигнешь. Виллон не стареет: он может и подождать. Ты говоришь, что он сейчас здесь. Если мы уедем, чтобы подготовиться к верной победе, мы его никогда не найдем. Он прятался много лет, еще пятьдесят для него никакой разницы. — Он перевел дыхание. — Возможно, нам не удаст-

ся уничтожить его. Может, такая возможность исчезла годы назад, когда Виллон убил Мехиллу. А может, она исчезла сегодня утром, когда мы разрешили Леру, Ринни и остальным идти за именами. Но если мы уйдем по своей воле, победы над Черным не будет. Ты пожертвовал детьми ради мира. Я готов сделать то же самое — но не ради хрупкого шанса спасти мир.

Появился Джес.

— Папа? — Он напрягся, посмотрел на Сэру, и Защитник спросил: — Что случилось?

— Здесь Виллон, — сказал Таер. — Похоже, он захватил Лера и остальных.

Защитник сделал глубокий вдох.

— Я пойду за ними.

— Нет, — сказал Хиннум. — В одиночку у тебя нет ни шанса.

— Иди, — сказал Таер, прекрасно понимая, что, возможно, посылает сына на смерть. — Мы пойдем за тобой быстро, как сможем. Направимся прямо в храм Совы.

Защитник принял волчий облик, встряхнулся и побежал.

Хиннум развел руки.

— Ты скормишь детей Черному одного за другим.

— Нет, — сказала Сэра. Она испытывала такой сильный гнев, что у нее дрожал голос. — Джес почти невосприимчив к магии. Он выиграет время, чтобы мы успели добраться.

— Я готова, — сказал Хенна, садясь верхом.

— Подождите, — сказал Хиннум. Он какое-то время смотрел себе под ноги, потом встал на колени перед Хенной. — Я подвел тебя однажды. Но больше не подведу. Как Защитник, я отправляюсь к Черному и буду сдерживать его, пока вы не появитесь, или умру в этой попытке. Я считаю это глупостью. Я не верю, что это поможет. Но я иду.

— Ты никогда не подводил меня, — нежным голосом сказала Хенна. — Ни разу.

Хиннум, как Джес, сменил облик. Вместо фигуры юноши появилась сорока с черными крыльями и глазами. Она поднялась в воздух.

— Колдуны не могут менять форму, — сказал Таер. — Даже Вороны не могут.

— Хиннум может, — отозвалась Хенна. — Хиннум может много такого, что другим колдунам и не снилось.

* * *

Ринни в ужасе смотрела, как Форан падает со стены. Она была так рада его видеть, хотя понимала, что он не сможет ее спасти.

Что-то холодное ухватило ее за плечо и подняло на ноги.

— Лети, Баклан! — прошелестела Память у самого ее уха. — Лети!

И она сбросила ее с башни, а Черный в гневе кричал ей вслед.

Ветры, которые утешали ее с того мгновения, как Иелиан бросил ее на пол сторожевой башни, подхватили ее руки и ноги.

«Верь нам, — сказали они, а потом, как Память Форана: — Лети, Баклан, лети!»

И она полетела.

— Помогите Форану, — приказала она ветрам, которые плавно опускали ее вдоль крутой стены, так что она не упускала Форана из виду. Она приземлилась и постаралась сохранить равновесие, не упасть. Она стояла на коленях в десяти футах от тела Форана. И даже не вставая, поползла к нему.

Крови нет, подумала она. Если бы ветры ее не послушались, кровь была бы. Если он мертв, должна быть кровь. Но если он не мертв, он должен дышать.

— Форан? — сказала она.

Его глаза распахнулись в почти комическом удивленном выражении. Он как будто все еще не дышал, но перевернулся и сел. Глаза у него слезились, он сделал небольшой вдох — и Ринни ослабла от облегчения. Она узнавала эти признаки: ведь она и сама пару раз падала с чердака или с крыши амбара.

— У тебя просто перебило дыхание, — сказала она. — Все будет в порядке.

— Черный идет, — сказала Память откуда-то из-за нее.

Форан, который все еще не мог нормально дышать, встал. Ринни, увидев, что лежит перед ними, схватила его за руку.

Иелиан больше никого не ударит ножом.

Девочка отвернулась, но Форан удержал ее за руку.

— Подожди. У него амулет... нет, не смотри.

Он оставил ее на мгновение и тут же вернулся, разочарованно качая головой.

— Бесполезно.

Взял ее за руку, и они побежали.

— Что ты искал? — спросила Ринни.

— Амулет, который может развеять заклятие Черного.

— А ты как освободился?

Он улыбнулся ей, хотя в глазах его была усталость.

— Никто не приказывает императору, — объяснил он. —

Это невозможно и невероятно.

Ринни попыталась связать его ответ со своим вопросом, но не смогла.

— Его заклятие — иллюзия, — подсказал Форан. — И когда я перестал в нее верить, смог двигаться.

— Он ранил кого-то до того, как забрал меня, — сказала Ринни. — Я помню кровь и лай Гуры.

Форан крепче сжал ее руку.

— Руфорт мертв. С Киселом, думаю, все будет в порядке. Гуру я перевязал, но она потеряла много крови.

— Смотри, вот Лер, — добавил Форан.

Ринни посмотрела вперед и увидела бегущего к ним брата. Форан слегка распрямился, и они побежали быстрее. Лер добежал до них и побежал с ними.

— Черный идет за нами, — сказал Форан брату Ринни. — Надо убираться отсюда.

Способность снова дышать позволила Форану обращать внимание на окружающее, поэтому он увидел Тоарсена и Кисела раньше, чем они его. Тоарсен сумел более профессионально перевязать Кисела, и тот теперь был на ногах.

Кисел не выглядел умирающим. С другой стороны, он не был похож на человека, способного добежать до лагеря.

— Гура!

Ринни подбежала к косматой черной собаке, но та была зловеще неподвижна.

По пустым улицам разнесся крик сокола. Форан посмотрел на небо в сторону башни, но птицу не увидел.

— На крыше здания через улицу, — мрачно сказал Лер. — Это ведь он?

— Да. Придется пятиться. Тоарсен, следи за Киселом, — сказал Форан, не спуская глаз с наблюдающей за ними птицы. — Гура жива?

— Да, — неохотно ответил Лер. Он, как и Форан, знал, что самое правильное было бы перерезать собаке горло.

— Сможешь нести ее? — спросил Форан.

Виллон играл с ними. Ни один из них ему не пара. Только Ринни и Лер имеют в своем распоряжении какую-то магию. Лук Лера остался в лагере, а охотничий нож, единственное оружие Ястреба, против Виллона не годится.

— Да, могу, — негромко ответил Лер.

«Если нам предстоит умереть, — подумал Форан, — умер вместе».

— Собака была ранена, когда защищала Ринни, — сказал он вслух. — Мы заберем ее, если сможем.

— Это ведь Черный? — спросил Тоарсен. — Почему он просто смотрит на нас?

— Может, ждет, когда мы убьем собаку, — ответил Форан.

Глава 20

Лер крикнул, поднимая собаку. «Она должна весить 140 — 150 фунтов, — подумал Форан. — Он не сможет донести ее до лагеря. Да и Кисел не дойдет до него».

Форан оглянулся на сокола: тот по-прежнему смотрел на них. Вероятно, переноска собаки — самая легкая из их проблем.

— Форан, куда ты идешь? — спросил сокол. — Беги, Форан, беги. Тебе не поможет...

Что-то, чего Форан не видел, ударило птицу и сбilo ее с насеста.

Откуда-то сзади вылетела сорока, приземлилась и превратилась в Хиннума.

— Бегите, — сказал он, не отрывая взгляда от большой птицы, барахтающейся на земле перед ними. — Я не могу долго его удерживать.

— Пойдем, — облегченно сказал Форан.

— Сюда, — показал Лер и пошел вперед с Гурой на руках.

Путешествие стало кошмаром. Они шли не быстро, потому что Кисел был ранен, а Лер нес собаку. Форан шел сзади, часто поворачиваясь, чтобы видеть, что за ними.

Небо, еще утром такое яркое и голубое, теперь потемнело и стало грозным. Так как Ринни что-то говорила про себя и

часто спотыкалась, Форан был уверен, что она имеет отношение к надвигающейся буре. Он вспомнил рассказ Лера о молнии, которая ударила тролля, и решил, что Иелиан ошибался: Баклан может предложить не только хорошую погоду фермерам. Если у Ринни есть достаточно времени, она становится грозным противником.

С того места, где они оставили Хиннума и Черного, доносились какие-то звуки и вспышки света. Иногда такие звуки сопровождалось дрожанием земли под ногами.

Когда дошли до основания ramпы, Форан сказал:

— Лер, дай мне собаку и возьми мой меч. Присматривай за Киселом. Можешь иногда поддерживать его с другой стороны.

Он взял собаку и побежал по длинной ramпе. То, что в первый день прихода в мертвый город показалось Форану инженерным чудом, теперь превратилось в пытку.

Кисел очень старался, но он потерял много крови и двигался очень медленно. Лер подставил плечо под то, которое не поддерживал Тоарсен, прежде чем они оказались в десяти ярдах от основания.

— Дай мне меч, — сказал Джес, заставив всех вздрогнуть.

Форан не заметил, как он появился; судя по лицу Лера, никто этого не заметил.

— Не делай так, — раздраженно сказал Лер брату, который при свете дне появился словно ниоткуда.

— Не останавливайтесь, — сказал Форан.

— Мама, папа и Хенна на пути сюда, — сообщил Джес. — Хиннум почувствовал магию Черного и отправился помогать, чем сможет.

— Мы его видели, — ответил Форан. Он тяжело дышал: крутой подъем делал Гуру все тяжелее и тяжелее. — Он напал на Виллона, поэтому мы смогли уйти. Они там очень шумят.

— Слышу, — коротко подтвердил Джес. Форан всегда поражался, как разительно меняется Джес, обычно такой медлительный и молчаливый.

— А я ничего не слышал с того времени, как мы начали подниматься, — сказал Лер. — Надеюсь, это не плохая новость.

При этих его словах подлетела потрепанная сорока и села на плечо Ринни.

— Идите, — прохрипела она, неуверенно покачиваясь. — Идите.

Кисел покачнулся, и Тоарсен и Лер вынуждены были опуститься на колени.

— Джес, возьми собаку, — сказал Форан, передавая вяло свисающее животное в руки, прежде чем Джес сумел возразить. Потом наклонился и поднял Кисела на плечи.

— Тоарсен, обнажи меч. Лер, возьми мой меч у Джеса, пока он не бросил его или собаку. Ринни, поддерживай птицу: она тоже может упасть.

Кисел тяжелее Форана, но все же император крупней Тоарсена или Лера. Ноги Форана болели еще от подъема на сторожевую башню, а ребра ныли от падения, но Джес сказал, что Таер близко.

— Позволь мне взять Кисела, — сказал Тоарсен, когда рампа наконец кончилась. — Ты без сил.

Форан покачал головой. Тоарсен мускулист, но он слишком мало весит, чтобы долго нести Кисела.

— Как кровотечение?

Форан тяжело дышал, и ему трудно было говорить.

— Плохо, — ответил Тоарсен. — Он без сознания...

— Тише, — сказал Джес, опуская собаку на землю и оглядываясь. — Он идет.

И тут же сменил облик, превратившись в горную кошку. Такой огромной кошки Форан никогда не видел.

— Нет, — сказала сорока. — Нет. Им понадобятся все шесть орденов. Я остановлю его.

Она, неловко взмахнув крыльями, снялась с плеча Ринни, но уже второй взмах получился уверенней.

— Тоарсен, возьми Гуру, — сказал Форан. — Идем.

Он не знал, сколько еще они прошли. Мир Форана сузился: он знал только, что нужно переставить одну ногу, потом другую. И когда услышал топот копыт, наклонился и осторожно положил Кисела на булыжники.

— Теперь все будет в порядке, — сказал он раненому. — Таер здесь.

Скью приближался, скользя по булыжникам, и Таер соскочил и наклонился над Киселом, прежде чем лошадь успела остановиться.

Пальцы его ощутили пульс, слишком быстрый и слабый. Таер поднял голову и оглядел остальных членов группы.

— Где Руфорт и Иелиан? — спросил он.

Тоарсен осторожно положил Гуру рядом с Киселом.

— Руфорт мертв, — сказал он. — Мы с Киселом отобрали Иелиана из Воробышков как верного человека. Но мы ошиблись. Иелиан убил Руфорта.

Форан, бледный и вспотевший, поднял руку.

— Я знал, что здесь что-то не так. Он говорил Руфорту, что Путь платил ему, но я узнал об этом только вчера и не успел выяснить. Я тоже виноват.

— Иелиан был человеком Черного, папа, — сказала Ринни.

И когда Таер раскрыл объятия, она побежала к нему. Маленькое лицо в синяках, подбородок распух. Нижняя губа разбита и опухла. Таер перевел взгляд с нее на Форана.

— Тоже Иелиан, — сказал Форан. — Но разбитая губа — это вина Виллона.

— Рассказывайте, — сказала Сэра. Она начала осторожно осматривать Гуру, хотя Таер видел, что глаза ее гневно сверкают. — Садись, Форан. Если будешь продолжать покачиваться, упадешь. Что случилось, Лер?

— Иелиан заманил нас — наверно, они с Виллоном договорились. Прежде чем мы поняли, что что-то неладно, Виллон лишил нас возможности двигаться.

Он перевел дыхание.

— Папа, Виллон рассказал, почему убежал от нас с Джемсом той ночью в Таэле. Он пожертвовал своими людьми, чтобы мама могла получить камни всех орденов. Сам он не мог понять, почему у него не получается, но думал, что у мамы, Хенны и Брюидд может получиться. Он знал о картах Волиса. И когда мама и Хенна не смогли поправить камни, он захотел, чтобы они пришли сюда. Он напал на тебя, чтобы заставить нас прийти. Хиннум знал, как заставить камни действовать, но не хотел рассказывать Виллону. И Виллон послал маму, чтобы выведать это у Хиннума.

— Но что это дало бы ему? — спросила Хенна. — Мы бы тоже ему не рассказали.

— У мамы есть люди, которые ей дороги, — ответил Лер. — Виллон обещал не трогать никого из нас, если мама

сумеет заставить камни нормально действовать для него. Он взял Ринни в заложницы и оставил нас, чтобы мы, когда рассеется заклятие, все рассказали вам.

— Он захватил Ринни? — переспросила Хенна, склонившаяся к Киселу. — Так почему она здесь? Ее освободил Хиннум?

— Нет, — ответила Ринни. — Это был Форан. Он вырвался из заклятия Черного, пришел и спас меня.

— Форан спас тебя от Черного? — недоверчиво спросила Хенна.

— Не совсем, — сухо поправил Форан.

Таер крепче сжал плечо Ринни: он едва не потерял ее.

— Но что произошло?

— Он освободился от заклятия Черного и объяснил нам, как это сделать, — сказал Тоарсен, почтительно кивнув в направлении Форана.

— Это была иллюзия, — сказал Форан, смущенно улыбаясь Таеру. — У меня есть не очень хорошие черты характера. Мысль о том, что деревенский фокусник, преувеличенно жестикулирующий на своих представлениях, может командовать мной, императором, показалась мне нестерпимой. Я не верил, что его иллюзия подействует, — и она не подействовала. А к тому времени как мы с Ринни вернулись, остальные тоже освободились. Не знаю как.

Тоарсен рассмеялся, хотя в глазах его были слезы. Он сидел на дороге рядом с Киселом и теперь нагнулся к нему.

— Кисел освободился первым из нас. Он сказал: все, что не может удержать тебя, не удержит и его. И освободил всех нас.

Форан серьезно кивнул.

— Я побежал за Ринни. Там на стене утеса лестница, сразу под той сторожевой башней. — Он показал на вторую башню с юга. — Встретил Иелиана, который спускался с утеса. И сбросил его...

— Жаль, — негромко сказала Сэра.

— Он мертв, — объяснил ей Форан.

— Спасибо, — ответила она. — Но я сделала бы его смерть более мучительной.

Форан слегка поклонился ей.

— Следующего сберегу для тебя. Я не мог с ним задерживаться, потому что Ринни была у Виллона. — Он пожал

плечами. — Не очень-то я и помог. Мы обменялись несколькими словами, и он сбросил меня с башни.

Таер повернулся и взглянул на башню.

— С утеса тоже? Ты неплохо выглядишь для человека, упавшего с высоты в несколько сотен футов.

— Спасибо, — ответил Форан. — Я себя хорошо чувствую — относительно, конечно. — Император наклонил голову и с улыбкой посмотрел на Ринни. — Думаю, меня спасла Ринни, но мы были слишком заняты, чтобы остановиться и обменяться своими историями. Вместо того чтобы разбиться у основания, я просто лежал на земле — только дыхание перехватило, и Ринни была рядом.

— Меня вслед за тобой сбросила с башни Память, — сказала Ринни.

— *Что?* — Глаза Форана сверкнули, и он потянулся за мечом. — Она так сделала?

Таер тоже чувствовал, что готов убивать.

Ринни улыбнулась — сначала отцу, потом императору. Она вполне пришла в себя и выглядела как всегда.

— Я пряталась у лестницы, а она схватила меня, сказала: «Лети, Баклан!» — и бросила. Думаю, если бы она это не сказала, я бы упала прямо на тебя. Во всяком случае, я скоро оказалась возле тебя. Ты не дышал, и я подумала, что ты умер. Потом ты сел, выпучил глаза, из них текли слезы... я даже подумала, что ты ходячий мертвец, как те, что приходили прошлой ночью. Но нет, ты начал дышать и схватил меня, даже не поблагодарив.

Все на одном дыхании, подумал Таер. Ему стало смешно, и смех одолел ужас при мысли о том, что его дочь сбросили с башни. Помогло и то, что Ринни не пострадала.

Форан поклонился.

— Благодарю, миледи. Я допустил большую ошибку, не поблагодарив тебя сразу, но поверь, тогда я больше боялся за твою жизнь, и это было главное.

Ринни выглядела довольной. Она сказала:

— Не могу дождаться, когда вернусь домой и буду всем рассказывать, что спасла жизнь императора.

Лер улыбнулся ей.

— Тебе никто не поверит, надоеда.

— А где Хиннум? — спросила Хенна.

— Черный идет, — сказал Джес, снова сменивший облик волка на горную кошку. — Хиннум ранен, но не позволяет мне идти.

— Кстати, а не пойти ли нам? — спросил Форан.

— Нет, — ответила Хенна. — То, что мы можем сделать, сделаем здесь так же, как в любом другом месте. Сэра, сейчас самое подходящее время проверить, сработает ли для тебя кольцо. Форан, где имена из храма Совы?

— Виллон их сжег, — сказал Тоарсен. — Он сказал, что закрыл храм, и больше в него никто не войдет.

— Я помню одно из них, — сказал Форан.

Хенна удивленно посмотрела на него.

— Ты умеешь читать на языке Колосса?

Он улыбнулся ей.

— Я не просто пьяница, миледи. Я образованный пьяница. Карты я не могу разобрать, но алфавит тот же, что старый осландский, а я его я знаю. Если у Тоарсена сохранился кусок угля, я мог бы написать на камнях.

Тоарсен порылся в поясной сумке и протянул Форану обгоревшую палочку. И тот на земле начертил несколько необычных линий, которые могли бы быть буквами.

— Ты знаешь, кому какое имя принадлежит? — спросил Таер.

Хенна покачала головой.

— Не помню.

— Ну ничего, — сказал Таер. — Я думаю, любое сработает. Так что же нам делать?

— Мы вшестером — ты, Джес, Сэра, Лер, Ринни и я — должны взяться за руки. Потом ты произнесешь имя бога — я тебе скажу, как его произнести. — Хенна невесело вздохнула. — А в остальном придется импровизировать. Не знаю, что произойдет. Ордены не боги Колосса.

— Надо подождать, пока Виллон не окажется ближе? — спросил Таер.

Хенна кивнула.

— А я могу что-нибудь сделать? — спросил Тоарсен. — Он не выживет. — Он положил голову Кисела себе на колени и притронулся к его лбу. — Слишком много крови потерял. Я должен принять участие в гибели того, кто его убил.

Таер склонился к рослому охраннику и приложил ладонь к его слишком холодной щеке. Посмотрел на Сэру, та кивнула.

— Не списывай его, — сказал Таер Тоарсену. — Кисел и не такое выдерживал, а у нас есть Жаворонок, чтобы помочь ему.

— Я не допущу, чтобы Черный убил еще кого-нибудь из нас, — сказала Сэра.

— Вот и хорошо, — сказал Форан. — Сэра сказала, и Кисел не посмеет не послушаться ее.

На лице Кисела появилась слабая улыбка.

— Видите, — сказал Таер. — Ни один мужчина не устоит перед капризами моей жены. Выживешь, парень. — Он посмотрел на Тоарсена. — Думаю, битва будет вестись не сильно, но не возражаю, если твой меч будет наготове и ты сумеешь пустить его в ход.

Тоарсен серьезно кивнул.

— Сэра, — сказал Таер. — Если ты готова, Кисел, конечно, постарается продержаться, но помощь ему не мешает.

Сэра надела на палец кольцо с тигровым глазом, закрыла глаза и попыталась почувствовать какую-нибудь перемену. Однако все было как обычно. Как и несколько минут назад, когда она пыталась помочь Гуре.

Она взглянула на молодого человека, который сражался рядом с ней в ту ночь в Таэле. Когда она села рядом с Киселом, Тоарсен взглянул на нее с гостеприимством суки, охраняющей своих щенят от чужака.

— Я не причиню ему боли, — пообещала она, хотя сама не была в этом уверена.

— Мне сейчас мало что может причинить боль, — неожиданно прошептал Кисел с юмором, который всегда любил. Особенно ему нравилось, когда слушатели не могли понять, говорит ли он серьезно или шутит.

— Рада слышать, — ответила Сэра; она не знала, что он в сознании.

Она попыталась вспомнить, что делала Брюидд, когда лечила раны Таера, но тогда ее многое отвлекало и она не обращала особого внимания на действия Целительницы.

— Лер.

Он присел рядом с ней на корточки.

— Что нужно, мама?

— Ты когда-нибудь видел, как действовала Брюидд?

— Она Жаворонок, мама. Разве Вороны тоже могут лечить?

Сэра подняла руку, чтобы он увидел кольцо на ее пальце.

— Сегодня я тоже Жаворонок. Но мне нужна твоя помощь.

— Кольца Жаворонка не действуют, — сказал Джес. — Сначала вам с Хенной нужно его очистить.

Сэра повернулась и посмотрела на него.

— Виллон убил Мехиллу, чтобы украсть ее орден, Джес. Много лет назад. Что-то в этом кольце знает меня, и я верю, что этот орден когда-то принадлежал Мехилле. — Она помолчала. — Мне нужно сегодня быть Жаворонком, но даже если в кольце орден Жаворонка, я не могу использовать его, чтобы стать Жаворонком — как Волис не мог стать Вороном, когда у него был камень Ворона. Мне нужно знать, поможет ли тот, кто живет в этом кольце — Мехилла или кто-то другой, — помочь мне стать Жаворонком — только на сегодня.

— Попытайся приложить руку к его ране, — предложил Лер. — Нам придется снять повязку.

— Подождите, дайте мне это сделать, — сказал Таер. — Мне приходилось перевязывать раненых на поле боя.

Он сел рядом с Сэрой и разрезал повязку, державшую тампон на ране. Потом осторожно снял ее.

— Тампон присох, но не очень: Кисел по-прежнему теряет кровь. Было бы тяжело, если бы с нами не было Целительницы. — Он улыбнулся Сэре. — Так легче извлечь тампон, но ты должна зажать руками рану. Есть с нами Жаворонок или нет его, парню нужно сохранить хоть немного крови, чтобы он мог жить. Готова?

— Да.

Он снял тампон, и из раны сразу пошла кровь. Сэра наложила руки на рану и закрыла ее ладонью левой руки.

Все ждали, Сэра тоже, но ничего не происходило.

— Попробуй зрительно представить излечение, — предложила Хенна. — Думай о Киселе как о здоровом и невредимом.

Сэра попробовала и почувствовала, как шевельнулась магия, но магия не может лечить. Однако ее можно использовать для перевязки раны, и она так и сделает, если не сумеет излечить. Кисел так бледен, он потерял так много крови. И если она будет не лечить, а только использовать магию, скорее всего он умрет.

— Хенна отчасти права, — сказал Лер. — Но это не магия. Наблюдая за вами с Хенной, я думаю, что быть Вороном значит много думать. А для меня Охота — дело почти инстинктивное. Я смотрю и сразу вижу след. Я много об этом не думаю. Джес делается взволнованным, и температура вокруг него падает. Папа начинает петь, и все прекращают свои занятия и слушают. Надо позволить работать вашему телу.

Сэра закрыла глаза и попыталась расслабиться, но чем больше старалась не думать, тем больше думала.

Таер встал, но она не смотрела, что он делает. Немного погодя он вернулся и заиграл на лютне. Выбрал одну из своих любимых песен: ею он усыплял детей, когда они болели или у них резались зубы. Мягкие низкие звуки скользили по ней и уменьшали напряжение плеч и шеи. Она позволила голосу отвлечь ее от крови и опасности, вернуть домой, в вечера, когда дневная работа закончена и они с Таером сидят на крыльце. Жесткая шерсть Гуры щекочет босые ноги Сэры, а садящееся солнце золотит горы.

Сэра расслабилась, и что-то шевельнулось на концах ее пальцев. Вначале это был еле слышный шепот. Она раздувала его своим интересом, как раздувает искру, когда старается развести костер способом *солсенти*.

— Он не дышит.

Голос Тоарсена, хриплый от горя.

Но когда она отвлеклась на эти слова, песня Таера вернула ее к крошечной искорке... исцеления. Она уговаривала эту искорку, направляла ее себе в пальцы. *Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала.*

Огонь опалил ее плечи так неожиданно, что она дернулась и ахнула, но чьи-то руки держали ее за запястья и не давали оторвать ладони от Кисела. Сэра открыла глаза и поняла, что ущерб, причиненный ножом Иелиана, ликвидирован, хотя нож глубоко проник в тело.

Сила Жаворонка из пальцев Сэры переходила в тело Кисела, ликвидируя серьезные повреждения тканей, потом занялась более мелкими повреждениями. Сердце Кисела остановилось, но сила ударила его, и оно не могло противиться и снова забилось.

Недостаточно крови, мама. Он не выживет, если не получит новую кровь.

— Кто это сказал? — спросил Джес.

— Что сказал? — спросил Лер. — Молчи, Джес, ты ее отвлекаешь.

«Мехилла?» — спросила Сэра, не зная, реальным ли был этот голос или воображаемым. Ответа не было.

Но кто бы это ни сказал, он сказал правду. Киселу нужна кровь, а Жаворонок не может дать ее ему.

Но ведь Сэра не Жаворонок, по крайней мере не только Жаворонок. По-прежнему прикрывая правой рукой — рукой с кольцом — рану на груди Кисела, она поднесла левую, покрытую кровью Кисела, ко рту и коснулась ее языком.

А потом призвала к руке магию. «*Найди это*», — сказала она ей, показывая кровь Кисела. Магия взяла свернувшуюся кровь с повязки, с ее рук, с окровавленной одежды Кисела. Сэра снова коснулась языком. «*Сделай такой*». Свернувшаяся, засохшая кровь снова стала чистой и живой. «*Помести туда*». Та ее часть, что была Жаворонком, отыскала слипшиеся кровеносные сосуды и показала магии, где нужно действовать.

Сэра с дрожью вздохнула.

— Отпусти, — сказала она Леру, который сильно сжимал ее запястья. — Больше он во мне не нуждается.

Лер отпустил ее, и она отняла руки. Грудь Кисела выглядела так, словно ране несколько недель. Сэра была немного разочарована: все-таки след остался, но вспомнила слова Брюидд о том, что колени Таера должны немного и сами выздоравливать, и решила, что, может, это и к лучшему.

Кисел открыл глаза.

— Вряд ли я сегодня смогу сражаться, — сказал он Сэре. — А вот завтра... — Он попытался сесть, но не удержался. Тоарсен подхватил его, прежде чем он ударился головой о землю. — Ну, может, через неделю или две... — слабым голосом сказал Кисел.

— У тебя получилось, — сказал Таер, прерывая игру.

— Спасибо, — прошептал Тоарсен со слезами на глазах.

— Я сказала, что не позволю этому ублюдку убить еще кого-нибудь, — холодно ответила Сэра.

— Куда исчезла вся кровь? — спросила Ринни.

Сэра потрепала голое плечо Кисела.

— Назад, туда, где ее место, — сказала она. — Теперь попробуем Гуру.

Гуру лечить оказалось одновременно и проще, и труднее: легче, потому что теперь Сэра знала, как призывать кольцо, труднее — потому что она устала и раны были серьезнее. Иллиан сломал Гуре ребра и разрезал плечевую мышцу.

Сэра соединяла последние порванные связи, которые, как знал Жаворонок, позволят собаке пользоваться ногами, как раньше, когда кто-то заговорил с ней.

— Сэра.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы оторваться от лечения и понять, что это Таер.

— Сэра, Хиннум вернулся. — Голос Таера звучал мягко, но настойчиво. — Ты можешь ему помочь?

Сэра подняла голову и увидела стоящую на коленях Хенну; по ее щекам катились слезы, и она держала на руках неподвижную черно-белую птицу.

— Сэра, — сказала Хенна.

Сэра с трудом встала, и Таер поддерживал ее, пока она не обрела равновесие. Она склонилась к Хенне и поднесла руки к сороке.

Почувствовала, как сила Жаворонка устремилась к птице, но, как масло отталкивает воду, целительная сила перекатилась через птицу, не тронув ее. Сэра попробовала снова.

На это раз она увидела разницу между Хиннумом и Киселом. Тело Хиннума окутывали возраст и магия и не давали целительной силе приблизиться. Она поняла, что лечить мага *солсенти* трудно, потому что в его теле действует другая магия, не та, которой владеет Ворон. Она поняла, почему колдун *солсенти* способен прожить гораздо дольше обычного человека: эта магия придает сил его стареющей плоти, сухожилиям и костям.

— Он слишком стар и магия слишком укоренилась в нем, чтобы допустить лечение, — сказала потрясенная Сэра. — Я ничего не могу сделать.

Хенна пригладила перья птицы и что-то шептала ей. Яркие птичьи глаза потускнели, и Сэра точно ощутила момент, когда сердце Хиннума перестало биться.

Приближалась тьма, и Сэра в тревоге подняла голову, но это был только ее сын. Защитник присел и обнял плачущую Хенну.

— Джес не может быть здесь, — сказал он ей. — Но я могу.

Облик сороки исчез, и на коленях Хенны лежал ребенок не старше четырех лет.

— Бедный мой Хиннум, — прошептала Хенна. — Как это жестоко! Какую цену ты заплатил за магию, друг мой. — Она посмотрела на Сэру. — Когда ему исполнилось триста лет, он перестал стареть и стал молодеть. Когда я видела его в последний раз, он выглядел так, словно ему столько же лет, как Ринни, и он находил это унижительным. — Она посмотрела на ребенка у себя на руках. — Он бы возненавидел это.

— Он был великий колдун, и мир после его смерти стал беднее, — сказала Сэра.

— Это был величайший из когда-либо живших магов, — хриплым от горя голосом сказала Хенна. — Я была Вороном и не представляла себе, какой силой способен владеть мастер иллюзий. Он мог пользоваться и другими видами магии, но сутью его была иллюзия. Он создал заклятие, которое принесло в жертву Колосс, потому что у меня для этого уже не было сил. Пятьдесят колдунов не сравнились бы с ним по силе.

— Когда все закончится, — сказал Таер, — ты расскажешь мне эту историю, и я буду петь ее, чтобы пламя его славы никогда не погасло. Он умер, защищая моих детей, умер, пытаясь победить Черного. Такой человек заслуживает, чтобы его помнили.

— Я буду помнить его, — сказала Хенна. — Буду помнить.

— Он скоро будет здесь, — предупредил Лер.

— Если он так обошелся с Хиннумом, — сказал Хенна, — у нас нет ни шанса.

— Он может нас убить, а мы его даже не увидим, — сказал Форан. — Он остановил мое дыхание. Если бы Ринни не отвлекла его, я был бы мертв.

— Но он еще не получил то, что ему нужно, — напомнил Таер.

— Камни? — Сэра покачала головой. — Теперь, когда Хиннум не охраняет библиотеку, ему нужно только прочесть книги. Он найдет то, что ему нужно.

— Вы Вороны. — Таер встал. — Вам не нужно учиться, как колдунам, чтобы овладеть новой магией. Виллон, которого я знаю, очень дотошен. Он никогда не предпринимает ничего нового поспешно. Ведь он купец, и преуспевающий купец. Он сначала попробует поторговаться с нами, прежде чем пробовать самому. На его стороне преимущество. Конечно, для него было бы проще, если бы он не упустил Ринни. Но ему не обязательно действовать так.

Он прошел к лошадям и расседлал Скью. Снял попону, развернул ее, осторожно встряхнул и принес Хенне.

— Эта попона в поте и волосах верного и скромного слуги. Не шелк, какого заслуживает Хиннум, но думаю, это приемлемо.

Кто, кроме Таера, мог бы сделать старую конскую попону достойным саваном для Хиннума из Колосса? Сэра смахнула с глаз слезы. Она недолго знала Хиннума — но слышала о нем всю жизнь. Ее лицо стало мокрым, она подняла голову и увидела небо, затянутое тяжелыми дождевыми тучами, как будто они тоже оплакивают смерть старого мага.

Таер расстелил попону на камнях и взял из рук Хенны тело Хиннума. Положил маленькое тело посреди яркого одеяла и завернул в него. Поднял и отнес в сторону от дороги. Здесь стоял небольшой дом с маленьким двором и кустом. Таер положил тело под куст.

— Спрячем его, — сказал он. — Пусть Виллон гадает, не придет ли Хиннум нам на помощь. Хенна, я думаю, Лер прав. Виллон немного отдохнет, но скоро он придет. Ты должна научить меня произносить имя Старшего бога.

— Надо торопиться. — Сэра встала. — Хенна, Хиннум отдал свою жизнь за этот наш шанс.

Она ждала, пока Хенна учила Таера — отдельно, по словам, чтобы преждевременно не привлечь внимание бога. Потом подошла к Форану. Он, Тоарсен и Кисел сидели, прислонясь к одному из небольших зданий, выходящих на извилистую улицу. Как обычно, рядом с императором сидела Ринни. Все они выглядели сонными.

Лер сидел перед Фораном на корточках и о чем-то говорил с ним. Увидев мать, он замолчал.

— Тебя тоже можно использовать против нас, — сказала она Форану. — А ты беззащитен против Черного. Я хочу, чтобы ты оставался на месте. Если можешь, не привлекай к себе внимание. Не знаю, сможем ли мы защитить тебя... и не хотела бы узнавать.

Форан покачал головой.

— Виллон не знает тебя.

Она ожидала возражений — по опыту знала, что мужчины не любят, когда им показывают, что они беспомощны.

Реплика Форана как будто не имела отношения к его словам.

— Конечно, знает, — возразила она. — Мы двадцать лет прожили в одном поселке.

Форан улыбнулся — такая улыбка выручала его из неприятностей довольно часто.

— Да, и все же он не знает тебя. Он знает спокойную хладнокровную женщину, властную и сильную, которую интересует только безопасность Таера и ее семьи.

— И что?

— Женщина, которую он знает, никогда не подвергнет свою семью опасности. Ни ради императора, ни, тем более, ради его охранников. — Улыбка стала шире, и усталые глаза загорелись. — И он прав — только ты видишь в нас не императора и его охранников. Я видел твое лицо, когда мы рассказали, что Руфорт мертв, а Виллон не видел. Он не подумает, что мы тебе дороги, потому что ему самому не дорог никто. Он не будет пытаться использовать нас в качестве заложников.

Затем он сделал нечто совершенно неожиданное. Встал, отряхнул одежду, сделал два шага вперед, низко поклонился, так что его рот оказался на уровне ее лица, и поцеловал ее в обе щеки.

— Он считает Таера мягким, а тебя — жесткой, но в обоих случаях он ошибается.

Она почувствовала, что покраснела.

— Мы тебя знаем, — сказал Форан. — А он нет.

— Ну... — начала она, польщенная, и почти обрадовалась, услышав низкое предупреждающее рычание Джеса.

— Он идет, — сказал Лер вставая. — Я тоже это чувствую, Джес. Он не пытается спрятаться от нас.

— Держитесь незаметно, — сказала всем Сэра. Она протянула руку Ринни. — Ты нам нужна. Идем, Лер.

По указаниям Хенны они встали полукругом с Таером в центре. Когда показался Виллон, Сэра крепче сжала руки Ринни и Лера. Она видела, как Джес взял руку Хенны и как наконец соединили руки Хенна и Таер. И как только они это сделали, Сэра почувствовала, что что-то началось. Как и обещала Хенна, между нею и пятью носителями орденов, стоявшими перед Черным, установилась связь. И пока кольцо позволяло ей представлять недостающий орден Жаворонка.

— Я не хочу вам зла, — сказал Виллон, останавливаясь в десяти шагах перед ними.

Он был совсем молодой, заметила Сэра, с завязанными сзади длинными черными волосами. На лбу у него синяк, и движется он неловко; Сэра с удовлетворением поняла, что из битвы с Хиннумом он не вышел невредимым.

— Таер, — сказал он. — Ты Бард, ты знаешь, что я говорю правду. Я никогда не хотел вам зла. Твоей жене нужно только наладить камни с орденами, чтобы они работали на меня — или, еще лучше, отдать их мне и показать, как они действуют. Я оставлю вас в мире до конца дней детей ваших детей, даю вам слово.

— Мы Странники, — сказал Лер, и его рычание могло бы исходить и от его брата. — Мы не можем позволить Черному оставаться свободным.

Виллон поднял руки.

— Черный, Черный. Черный умер пятьсот лет назад — придурок, который стремился только оставаться живым и потому отовсюду вытягивал жизнь. Убивал тех, кто был ему дорог, лишь бы сохранить то, что без них теряло смысл. Я не таков. Таер, ты меня знаешь. Я ничего подобного не сделаю. Мне нравятся вызовы, Таер, я наслаждаюсь песней по вечерам. Я не такой, как Черный король.

— Может, еще нет, — сказала Хенна. — Но и он не всегда был Безымянным королем. Он был хорошим человеком и заботился о своих людях. Он видел способ обеспечить процветание своего царства.

— Он убил их, — сказал Виллон. — Уничтожил свое царство. А я никогда никому не причинял вреда.

— Скажи это Руфорту, — сказала Ринни.

Сэра сжала ее руку. Она не хотела, чтобы первое нападение было нацелено на дочь.

— Вашего охранника и собаку убил Иелиан. Я не приказывал их убивать.

— Колберн, — напомнил Джес мягким низким голосом, который в ушах Сэры раскатился далеким громом. — Целый город умер, чтобы накормить тебя.

— Они ничто, — ответил Виллон. — Я никого из них не знал. Да и вы тоже.

Сэра почувствовала, как у Лера перехватило дыхание, и на этот раз он получил предупреждающее пожатие.

— А как же Мехилла? — спросила Сэра. — Моя дочь, которую ты убил?

Дружелюбное выражение словно стерли с лица Виллона. На мгновение лицо его стало совершенно невыразительным. Он начал что-то говорить — ложь, потому что остановился и взглянул на Таера.

— Мехилла была ошибкой, — наконец сказал он.

— Не думаю. — Сэра говорила мягким приятным голосом. — Думаю, ты убил мою дочь, целый год наблюдал, как она умирает, а потом пришел ко мне в дом и сказал, как тебе жаль, что она умерла.

— Ты пожалеешь о ее смерти, — сказал Таер. — И о смерти всех тех, кого убил с тех пор, как стал Черным. Приняв силу Сталкера, Виллон, становишься злом.

— Нет, — возразил Виллон. — Становишься могущественным. Ты не понимаешь добро так, как его понимаю я, Таер. Получив камни, научившись работать с орденами, я смогу исцелять, строить, возводить города и империи.

— Сможешь, — сказала Сэра. — Но станешь ли? Смерть следует за тобой, как черви за разложением.

— Так что же, Таер, — сказал Виллон, — ты позволяешь твоей женщине думать за тебя? Женщина должна молчать, когда мужчина занят делом.

— Я никогда не скажу так, даже подумать не осмелюсь, — ответил Таер. — Это может рассердить мою Сэру. Если я так скажу. Но ее ты не рассердишь: ей неважно, что ты думаешь. Без Сталкера ты ничто.

Сэра ощутила силу, вложенную Таером в эти слова, и увидела, как Виллон отступил на шаг. Она также почувство-

вала, что овладела собой и подавила горячую инстинктивную реакцию на слова Виллона.

— Ты убил мою дочь, — сказал Таер. Сэра никогда не слышала, чтобы он говорил таким жестким и холодным голосом. — Я не стану торговаться с тобой.

— Я не хотел ее убивать, — сказал Виллон. — Она не должна была умереть.

— Не должна была, — согласилась Хенна. — Она должна была стоять с нами, чтобы мы смогли уничтожить то, во что ты превратился.

— Она с нами, — негромко сказала Сэра. — Она пришла, чтобы посмотреть на твою смерть. *Сюла-евра-килин-фаурат!*

Она произнесла слова, убившие тролля, и услышала, как эхо этих слов разносится по улицам Колосса.

Виллон пошатнулся, но ведь он был не тролль, привыкший к своему природному иммунитету к магии, а у Сэры не было больших запасов магии, таких, как в защите дома. Она причинила ущерб Виллону, но не убила его.

Виллон слизал кровь с губ.

— Тупая сука Странница, — сказал он, брызгая слюной изо рта. — Заткнись. Ты только молчи. Если ты будешь молчать, мы договоримся. Твоя семья будет в безопасности. Почему бы тебе просто не замолчать?

— Потому что ты недостойн, чтобы тебя слушали, — сказал Форан, и сказал зря. Сэра не могла оторвать взгляда от Виллона, но если Форан оставил свое безопасное место у дома... — а он его оставил, Тоарсен и Кисел рядом с ним. Он должен был исполнять ее просьбу, а не отвлекать ее, не давая сосредоточиться.

— Ты не смог даже удержать Ринни и меня, когда мы были в твоей власти. Что это за колдун, который не может справиться с ребенком и бывшим пьяницей?

Если бы Сэра не подготовила защиту, Форан мог бы не дожить до того, чтобы пожалеть о своих словах. Магия, нацеленная Виллоном на императора, была сильна, и Сэра чувствовала, как ее торопливо организованная защита поддается. Но тут присоединилась магия Хенны и отразила нападение Виллона.

— Пора, Таер, — услышала Сэра слова Хенны.

— *Линвите*, — произнес Таер.

* * *

— *Линвите*, — произнес он, надеясь, что что-нибудь произойдет.

Но этого он никак не ожидал. Как только слово слетело с его уст, руки Ринни и Хенны исчезли, исчез и Виллон. Исчезла знакомая тяжесть лютни. Таер был один.

Он стоял в длинном широком помещении со стенами, потолком и полом сизо-серого цвета, в комнате, лишенной конкретных черт, словно это не реальное помещение, а чья-то мысль о нем.

Инстинкт требовал возвращения назад, к семье, но Хенна и Хиннум оба считали, что только произнесение имени Старшего бога позволит победить Черного. Таер заставил себя успокоиться, осмотрелся и пошел вперед.

Его прочные сапоги не оставляли никаких следов на пустом полу; отпечатков не было, только легкие пятна там, где пола касались острые края подошв. Но мгновение он почувствовал смущение и замешательство: он, фермер, смеет шагать по священным залам и пачкать полы.

Он остановился и глубоко вздохнул.

— Да, мне здесь не место, — сказал он вежливо; ему не хотелось бы так говорить. — Я знаю это так же, как и Ты. Но не думаю, чтобы несколько пятен на полу причинили тебе беспокойство. Я Бард, сэр. Я знаю, как действовать на людей — и знаю, когда кто-то пытается воздействовать на меня. Прошу Тебя прекратить это.

Никто не ответил, но стремление согнуться и ползти дальше на четвереньках из-за своего несоответствия этому месту, исчезло. Однако сознание опасности, грозящей семье, осталось, и Таер быстро пошел вперед. И хотя в помещении он ничего не видел, знал, что идти нужно в этом направлении.

— Зачем ты произнес мое имя, Бард?

Голос был низкий и звучный.

Таер остановился и повернулся к богу, который появился рядом с ним без звука или какого-либо предупреждения, только прозвучали сказанные низким басом слова, и Таер не мог не захотеть хоть раз услышать пение этого голоса.

Ничего особенного в боге не было. Он казался мужчиной чуть ниже среднего роста и хрупкого телосложения. Волосы и глаза были такими же темными, как у Таера.

— Почему ты колеблешься, Бард? — Он произнес это с легкой улыбкой, от которой у Таера холодок пробежал по спине. Это не Ткач. — Сочиняешь ложь, которая могла бы понравиться мне?

— Нет, — правдиво ответил Таер. — Мне только сейчас пришло в голову, что я не знаю, в чем правда. Простой ответ таков: мы знаем только одно имя.

— Итак, вы вызвали меня, потому что не знали имени моего брата? Или есть другой ответ?

Таер решил довериться инстинкту.

— Я думаю, завеса, которую сотворил Ткач, ограничивает Его способность действовать в этом мире. Все, что Он мог сделать, Он уже сделал. Если бы у нас были оба имени, мы призвали бы Ткача. — Он сделал глубокий вдох. — И допустили бы ошибку. Ткач не может помочь нам.

Сталкер поднял руки.

— Ты думаешь, что я помогу? Теперь, когда мой слуга, мой раб ослабил путы, державшие меня? Ему не придется брать больше орденов, чтобы я мог делать все, что мне нравится.

— Он не Твой слуга, не Твой раб, — ответил Таер. — Он вор, пробравшийся в Твою тюрьму и укравший Твою силу, даже не спросив у Тебя разрешения.

— Как ты назвал мое имя, Бард, так и я должен ответить, как пес отвечает на приказ хозяина.

Слова были полны горечи и гнева, но никакие чувства не отразились ни на лице, ни в голосе Сталкера.

— Пока мы разговариваем, моя семья одна противостоит Черному, — сказал Таер и снова глубоко вздохнул. «Ты можешь говорить убедительнее», — подумал он. — Могу только извиниться за свою невежливость. Оскорбить Тебя — это самое последнее, что я мог бы захотеть. Нам нужна Твоя помощь, чтобы одолеть Черного.

— Поистине, — сказал бог. — А что ты дашь мне за помощь? Кого принесешь в жертву? Твою жену? Одного из твоих детей? А может, императора?

— Нет, — ответил Таер, и кровь заледенела в его венах. — Но я отдам тебе себя.

— Правда? — негромко спросил бог. Протянув руку, он обхватил подбородок Таера.

Боль прокатилась по телу Таера, и он слышал собственный крик. Ничто, даже молот Теллериджа, дробивший ему колени, не причиняло такой боли. Он упал, и бог склонился к нему, и его мягкое прикосновение рвало и терзало без физических ран.

— Отступи, Бард, — сказал Сталкер. — Отступи, и боль прекратится.

Таер закрыл глаза. Если он отступит, то потеряет всякий шанс на победу. Он не сделает этого, не может сделать.

Наконец бог сам отнял руку и встал.

— Если бы я мог что-то сделать с ворами, которые без спроса берут мою силу, я бы давно сделал. Но я ничего не могу.

— Я Бард, — прошептал Таер, свернувшийся потным клубком на чистом холодном полу. — Я могу определить, когда ты лжешь.

Впервые Таер увидел чувство на лице бога — чувство гнева.

— Ты переходишь границы, Бард. Я повелитель смерти, и ты в моем царстве.

— Привязывание орденов к камням не ослабило завесу, которая держит Тебя в заключении, — отчаянно сказал Таер. Ему это показалось правдой, и он даже находил причины этого. — Я думаю, что если бы завеса ослабла, Ты бы сам уничтожил Виллона. Хиннум говорил мне, что Ты не зло. То, что Черный делает с Твоей силой, оскорбляет Тебя.

Откуда-то он набрался сил, чтобы сесть, хотя мышцы его все еще дергались в ожидании новой боли.

— Если твоя жена уничтожит камни, не освободив орден, это ослабит завесу, — сказал Сталкер.

— Виллон хочет, чтобы моя жена разделила дух и камни, чтобы их использовать, — ответил Таер. — Он знает об ордене Защитника. Если моя жена не покажет ему, как это делать, он со временем научится сам. В его распоряжении все время мира, потому что смерть не имеет над ним власти. Со временем он захватит все камни и поглотит их силу — силу, принадлежащую Тебе и Ткачу. И тогда он уничтожит Вас обоих.

Он понял это намерение Виллона, когда узнал, что тому нужны не просто шесть очищенных камней разных орденов, а все камни, очищенные от духа.

Сталкер отвернулся, с трудом отвел взгляд, словно Таер имел над ним какую-то власть.

— Ты рассказал ему, как привязать ордены к камням, — сказал Таер. Он не был уверен, что сможет стоять, поэтому не вставал. — Если бы Ты не сделал этого, Странники со временем сами справились бы с ним. Именно такова их задача, они расплачиваются за свое несовершенное, неполное жертвоприношение. Жадность к знаниям, стремление сохранить библиотеки, *мермори* Хиннума — все это дало Черному возможность существовать. И Странники пытаются исправить это после гибели Колосса. Но из-за Виллона их теперь осталось совсем немного. Если бы Ты не объяснил Черному, как связать ордены, сейчас перед Тобой не было бы угрозы.

— Ты сам это сказал, Бард, — с горечью ответил Сталкер, — смерть не имеет над ним власти. Пока он владеет моей силой, я ничего не могу с ним сделать.

— Так что могу сделать я? — спросил Таер. — Как нам остановить его ради Тебя?

Бог вздохнул.

— Я могу помочь, — сказал он. — Я буду петь для тебя, и на это время мы отнимем у Виллона силу. Ты доказал, что способен выдержать боль, которую вызывает в тебе моя песнь. И пока мы сдерживаем нашу силу, Виллон должен быть убит.

— Лер? — спросил Таер.

— Только бог войны может убить бессмертного, — с сожалением сказал Сталкер. — Для того чтобы Черный погиб, нужна жертва, Таер.

— Защитник считает, что если он убьет кого-нибудь, это убьет Джеса, — сказал Таер.

— Защитник прав, — подтвердил Сталкер. — Хенна мое дитя, как и дитя моего брата, как Джес — твое. Я не стал бы причинять боль, если бы это было возможно.

— *Линвите*. — Таер слышал, как заканчивает произносить это слово, и понял, что весь эпизод совсем не занял времени.

Все молчали в ожидании каких-то изменений. Таер выпустил руку Ринни, потом — Хенны. Снял со спины лютню и начал подбирать мелодию.

Сталкер сказал ему, что неважно, какой будет песня, но Таер выбрал старую солдатскую, в которой на каждое двестише следовали восемь строк припева, а количество двестишей ограничивалось лишь тем, сколько рискованных шуток он помнит. Эту песню он мог бы петь до заката.

Он наклонил голову, настраивая струну, и сказал очень тихо:

— Джес, когда я начну второе двестишие, Защитник сможет убить Виллона.

— Ничего не выйдет, — сказал Виллон. — Сталкер не ответил тебе.

— Неужели ты думал, что Он ответит? — спросил Таер. Конечно, Виллон знает настоящее имя бога. Он должен знать оба имени, чтобы иметь возможность красть у богов силу. — Зачем Ему отвечать мне?

— Я могу это сделать, — сказал Лер, который тоже слышал слова Таера.

Таер покачал головой и запел.

— Что ты делаешь? — спросил Виллон, и Таер видел, что Сэра хотела задать тот же вопрос.

Он не мог им ответить, потому что сила бога огнем вспыхнула в его горле. Теперь он понял, почему Сталкер испытывал его: песня причиняла страшную боль; выдерживать силу Сталкера ему не легче, чем Черному, а Таер не хотел жертвовать жизнями, чтобы эта боль стала меньше.

— Что ты делаешь? — снова спросил Виллон, на этот раз в гневе, потому что был уверен, что Таер смеется над ним самим выбором песни: в песне говорится о солдате, который отправился в чужую деревню в поисках женщины, с которой можно было бы переспать.

— Он Бард, — неожиданно сказала Сэра. — Музыка его дар.

Краем глаза Таер видел, как Джес выпустил руку Хенны и исчез.

Виллон тоже заметил это.

— Двести двенадцать лет, — заговорил он, — я не знал о существовании шестого ордена. Я думал, Волис говорит о Сталкере, когда он говорил об Орле. И если бы не Иелиан, я бы так и не узнал, что одного ордена мне не хватает. Куда он пошел?

— Он здесь, — ответила Сэра. — Разве ты не чувствуешь его ледяное дыхание на своей шее?

«Будь она благословенна», — подумал Таер, заставляя свои онемевшие от боли пальцы правильно держать люнтю. Она не знает, что он делает, но знает, что что-то делает. И чем дольше она отвлекает Виллона, тем лучше.

— Я велел тебе молчать, женщина, — злобно сказал Виллон, отказываясь от своих вежливых купеческих манер, и Таер знал, что этот новый тон и есть для Виллона настоящий. Он сделал знак Сэре.

Ничего не произошло. Таер не маг, но у него, как у каждого жителя Редерна, было обостренное ощущение магии, и сейчас он не чувствовал концентрации магии.

— Сука! — рывкнул Виллон: очевидно, Сэру он считал виновницей своей неудачи. Но, успокоившись, он снова натянул маску торговца. — Но я не просто олицетворение Сталкера. Я еще и колдун, владеющий орденом Ворона.

Он разорвал ворот своей рубашки, и Таер увидел, что под рубашкой ожерелье из камней. Хенна слегка вскрикнула, и Таер догадался, что все эти камни связаны с орденами.

— Не могу, — сказал на ухо папе Защитник. — Не могу рисковать Джесом.

Джес почувствовал ужас Защитника до того, как чувство страха было погребено под лавиной гнева. Защитник оберегал то, что считал своим, а Джес принадлежал ему.

— Только ты можешь это сделать, — быстрым шепотом между строками ответил папа. — Сталкер сказал, что только Защитник может его убить.

Джес понимал это. Бог, к которому воззвал отец, дал папе музыку, способную сдержать Черного. Но эта способность давалась дорого: волны боли перекачивались через Джеса — слабое отражение того, что чувствовал отец.

Защитник не мог чувствовать боль Таера, как ее чувствовал Джес, но он видел пот, смочивший рубашку отца, и глубокие морщины боли, окружившие рот. И всю эту боль папа испытывает, чтобы дать им возможность убить Виллона.

«Нельзя, чтобы он страдал зря, — сказал Джес Защитнику. — Мы должны убить Виллона, пока можем. Неважно, умру ли я, если прихвачу с собой Черного».

<Нет>. — Джес чувствовал, что отказ окончательный, и под ним таятся воспоминания о многочисленных носителях ордена, сведенных с ума действиями Защитника. Защитник не может так потерять Джеса.

Джес чувствовал свою беспомощность: нежелание Защитника подвергать его риску держало Джеса в плену.

«Посмотри, — с растущим раздражением сказал Джес, — посмотри, как больно папе».

— Мы Вороны, — тем временем говорила его мать Виллону; голос ее был полон презрения, когда она кивком указала на ожерелье. — А ты ничто.

Она пыталась удержать внимание Черного, чтобы Джес мог сделать то, о чем просил папа. И делала это с помощью наиболее подходящего оружия — своего языка.

— Ты солсенти, — говорила она голосом, который, как знал папа, способен заставить человека оцепенеть в мгновение ока. — Простой фокусник, который способен лишь подражать более сильным и красть не принадлежащую ему магию.

Джес чувствовал действие этих слов, чувствовал, какую ярость вызвала у Виллона насмешка матери. Он попытался побудить Защитника действовать, но Черный ответил быстрее.

Колдун солсенти сделал жест, и Сэра отлетела назад и ударилась о дорогу. Она несколько раз перевернулась и застыла.

С беззвучным рычанием, все еще невидимый для окружающих, Защитник бросился к ней. И то, с каким облечением увидел он ее вздымающуюся грудную клетку, ослабило его решимость. Маму тоже нужно защищать.

— Ты всего лишь грязный мелкий воришка, — сказала Хенна, вставая между Черным и остальными.

Виллон по-прежнему в гневе произнес что-то нечленораздельное; и Джес и Защитник поняли, что это какое-то заклятие солсенти. Защитник, чувствуя себя беспомощным, смотрел, как Хенна подняла руки.

С ней ничего не случилось.

— Грязный мелкий воришка, — повторила она, отряхивая руки.

Из туч, собранных Ринни, пошел дождь. Когда холодные капли упали на ее лицо, мама открыла глаза. Немного погодя она медленно села. Защитник хотел коснуться ее, но его внимание отвлек Виллон, который неожиданно пошатнулся и упал.

Сначала Джес решил, что с ним что-то сделала Хенна, но потом увидел на земле нож и понял, что Лер метнул его с такой силой, что сбил Черного с ног. Но нож не вонзился в тело, он только разрезал одежду, и под ней стали видны звенья кольчуги.

Форан бросился вперед, Тоарсен — на полшага за ним, но было уже поздно: Виллон пришел в себя от неожиданности.

Хенна закричала, закричала без слов, и Джес чувствовал ее стремление защитить, но магия Виллона заставила всех троих отшатнуться. Хенна пошатнулась от боли: она отразила заклятие Черного, но оно задело и ее.

Мама попыталась встать, и Защитник помог ей.

— Папа хочет, чтобы я убил Черного, — сказал он ей, помогая стоять. — Но это убьет Джеса или сведет его с ума. Эмпат не может отнять жизнь — тем более такой сильный эмпат, как Джес.

Сэра дрожала, как от холода; ее вырывавшееся туманом дыхание свидетельствовало о степени расстройства Защитника. Не в силах преодолеть его стремление защитить Джеса, она сказала:

— Ты недооцениваешь Джеса. Он сильнее, чем ты думаешь.

«Да», — сказал Джес.

Папа, продолжая петь, прошел между Виллоном и императором и остановился перед Черным. Шел он хромя, и Джес понял, что старая рана коленей вызвала боль. Но эта боль ничто по сравнению с пыткой музыкой Сталкера. Он закрывал лютню телом, стараясь уберечь ее от дождя.

Виллон снова поднял руки, и Ринни с криком побежала к отцу.

— Нет!

Для Защитника это было уже слишком. За Ринни, за папу, за семью они оба с Джесом готовы умереть.

С оглушительным треском в Виллона ударила молния. Колдун пошатнулся и закричал, тело его задымилось.

Молния ударила снова, но Виллон не упал. Он бросился к Ринни.

Защитник оказался первым. Его нападение не было изящным и утонченным, но этого и не требовалось. Виллон не видел его, пока Защитник не нанес ему первый удар. Как только кулаки его коснулись тела противника, Защитника охватила боевая ярость, и колдун, полуошеломленный молниями Ринни, не мог сопротивляться, тем более что папа продолжал петь и не давал ему доступ к силе Сталкера.

— Подожди, — сказала Память Форана, хватая Защитника за руку и останавливая удар.

Как только он застыл, Память отпустила его.

— Подержи его для меня, — сказала она.

При звуках голоса Памяти Черный сделал шаг назад. Защитник перехватил его и прижал сопротивляющегося мага к земле.

Память села рядом и взяла голову Виллона в руки. Глаза колдуна закатились, от него поднялась волна страха. Память склонилась к нему.

Виллон закричал, и Джес укрылся за Защитником, позволяя тому принимать на себя то, что испытывал колдун. Крепкое мускулистое тело под Защитником начало съеживаться, мягкая плоть заменялась чем-то сухим и твердым. Когда наконец тварь, которую держал Защитник, перестала дергаться и Память отступила, Черный был совершенно не похож на Виллона, купца из Редерна.

Густые темные волосы сменились несколькими редкими белыми клочками, цеплявшимися за череп. Тело выглядело так, словно из него ушла вся жидкость. Кожа стала цвета промасленного дерева и напоминала бычью шкуру. Губы тоже съежились, вывернулись, обнажив зубы. Колдун выглядел как труп, оставленный на солнце, но Джес знал, что он жив.

Защитник ослабил хватку, прежде чем ужас, испытываемый Черным, смог повредить Джесу.

— Я не могу убить его, — сказала Память. — Это твоя задача, Защитник.

— Я это сделаю, — сказал Лер.

Защитник улыбнулся брату и на мгновение взглянул на Хенну.

— Нет, — ответил он. — Смерть — мой дар.

И сломал хрупкую шею.

Джес закричал, вырванный из кокона безопасности, которым пытался окружить его Защитник. Такой боли он никогда еще не испытывал, но это было не самое плохое.

Что-то в момент смерти Виллона отделилось от него и ухватило Джеса, обернулось вокруг него. И когда прикоснулось, с Джеса словно сорвали кожу и втиснули его в человека, каким когда-то был Виллон. Никто не мог знать в тот момент Виллона лучше, чем Джес. Он не мог скрыться, не мог отделиться от Черного.

Холодные руки коснулись его лица, и он почувствовал, как Виллон уходит: призрак Виллона словно не хотел соприкасаться с этими холодными руками.

— Его смерть принадлежит мне, — сказала Память. — Отдай ее.

— Да, — согласился Защитник и уступил место Джесу.

Холодные губы коснулись его губ, и Джес открыл рот, сопротивляясь объятию Памяти — не потому, что не хотел, а потому, что ничего не мог с собой сделать. У него не было слов, чтобы описать ощущение, сопровождавшее уход из него Виллона, — словно меч вытаскивали из ножен.

И только когда он очистился, Память выпустила его. Джес смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Память превратилась в плотную густую тьму, и на ее влажной поверхности блестели капли дождя.

— Я отомщена, — сказала Память и исчезла.

Папа на середине слова оборвал пение. Он подошел и положил руку Джесу на плечо. Даже такое легкое прикосновение вызывало боль, но Джес нуждался в поддержке больше, чем в освобождении от боли, и поэтому на мгновение прислонился к отцу.

А когда отстранился, рядом оказалась Хенна, она взяла его за руку и прижалась щекой к его плечу. Холодное изящество ее присутствия окутало его, смягчая боль, причиненную смертью Виллона. Джес облегченно вздохнул.

Подошла мама и осмотрела его с ног до головы.

— Справишься, — сказала она.

Он устало улыбнулся ей. А может, это улыбнулся Защитник.

— И так, — сказал папа хриплым голосом, с непроницаемым лицом, — и так погиб Черный, который некогда был Виллоном, купцом из Редерна.

Мама взяла руку папы и поднесла к губам.

— Отлично проделано, любовь моя.

Глава 21

Они унесли своих мертвых из города.

Пока Хенна и Сэра готовили еду, Таер достал походную лопату и начал копать. Несколько минут спустя к нему с другой лопатой присоединился Лер.

— Кого хороним? — спросил он.

— Виллона.

— Не придется закапывать его глубоко, — сказал Лер. — Не осталось ничего, что могло бы привлечь стервятников.

— Стервятники бывают разные, — заметил Форан, который подошел и успел услышать слова Лера. — Думаю, глубины в шесть футов будет достаточно. Сменю вас, когда устанете.

Когда подошел Джес — у него был мягкий и счастливый взгляд, — углубились уже наполовину, и копать пришлось по одному, потому что в могиле не было места для двоих. Джес присел так, что его голова оказалась на уровне головы Таера.

— Похороним Руфорта и Хиннума? — спросил он.

Таер вздохнул при мысли о новой могиле в такой твердой почве.

— Подождем. Сначала узнаем, каковы их обычаи. Хенна должна знать, как поступить с Хиннумом. Форан, ты не знаешь, каков обычай народа Форана?

— Нет, — покачал головой Форан. — Но Кисел знает. Сейчас он спит, но когда проснется, я его спрошу.

— Кисел проснулся, — сказал Джес. — Я слышу, как он жалуется. У него зудит плечо, а он не может проникнуть под повязку. Тоарсен...

— ...пришел помогать, — сказал Тоарсен. — Выбирайся оттуда, старик, теперь моя очередь. Не я его убил, но хочу принять участие в погребении. Не хочу, чтобы он выполз из могилы.

Таер знал, что этого не будет. Но когда все стараются сделать так, чтобы тело Виллона не могло двигаться, он готов присоединиться к ним.

Вспотевший Таер выбрался из ямы и отдал лопату Тоарсену.

— Копай, — сказал он. — И пусть это будет твоим наказанием за такую мысль.

Виллона похоронили глубоко. Когда засыпали могилу, Хенна что-то произнесла над ней про себя. Это было не надгробное слово; скорее пожелание: скатертью дорога и оставь в могиле, и это пожелание она подкрепила магией. Таер чувствовал, как эта магия окутывает могилу.

Никто не хотел ложиться спать, прежде чем не позаботятся о мертвых, а до темноты оставалось мало времени, чтобы собрать дрова. Поэтому Хиннум и Руфорт сгорели в погребальном костре, пламя которого больше подкармливали Вороны, чем небольшая грудa хвороста, которую собрали Форан и Тоарсен, после того как Кисел рассказал об обычаях народа Руфорта. Когда кончили, Хенна встала и произнесла слово о Хиннуме, последнем колдуне Колосса.

Почти весь следующий день Сэра и Хенна освобождали орденy от камней, но перед ужином остановились.

— Это займет много времени, — сказала Сэра Таеру; она ела жаркое, приготовленное Лером и Джесом из кролика. — Мы с Хенной работали весь день и освободили только четыре.

За освобождением первого камня, тигрового глаза Жаворонка, Таер сам наблюдал.

— Все в порядке, мама, — сказал Джес, отрываясь от кормления Гуры. Все по очереди ухаживали за раненой собакой, но Кисел позволял ухаживать за собой только Ринни. Таер со смехом наблюдал за ошеломленным Киселом, когда Ринни укладывала его и подтыкала по бокам одеяло.

— Нам некуда торопиться, — говорил Джес. — Хенна остается с нами.

«Осенью мы можем построить Джесу и Хенне дом, — думал Таер. — Джесу захочется жить где-нибудь поглубже в лесу, если не будет возражать лесной царь». Но он посмотрел на жену и ничего не сказал вслух. Теперь она полностью

Странница, волосы зачесала прядями и даже одежду поменяла.

Она на двадцать лет отказалась от своего народа, и он считал, что может на следующие двадцать-тридцать лет отказаться от своей фермы.

— Вы должны приехать ко мне в гости, — говорил Форан. Лесного кролика он ел, словно изысканное блюдо дворцовой кухни. — Дайте мне пять-шесть лет, чтобы обуздать септов, а потом я попрошу Лера составить план дворца. Не хочу, чтобы опять в помещениях, о которых никто не помнит, заводились тайные общества.

— Мы это сделаем, — пообещала Сэра. — Но и ты должен приехать к нам. — Она кивком показала на Тоарсена. — У него есть связи в Редерне. Когда Авар приедет в свои земли, приезжай с ним.

Это не приглашение, понял Таер. Форан усмехнулся. Не одна Ринни привыкла командовать императором.

— Поможешь мне полоть огород, — сказала Ринни.

Форан рассмеялся.

— Обязательно. Мы с Тоарсеном и Киселом проводим вас до Редерна и убедимся, что вы благополучно добрались. Потом я поеду в Герант и вернусь во дворец со всей своей гвардией.

— Будут и другие Иелианы, — предупредил его Таер.

— Знаю. — Форан перестал улыбаться. — Но пока со мной такие, как Тоарсен, Кисел и Руфорт, который был для меня бесценен, я могу принимать плохое вместе с хорошим. — Он кивнул Таеру. — Можешь приехать и помочь мне просеять их. Я прикажу, чтобы тебе заплатили.

— Нет, — ответил Таер. — Я больше не солдат. Я фермер. — Он колебался и посмотрел на Сэру. — А может, я отправлюсь путешествовать с моей женой Странницей.

Он хотел, чтобы это прозвучало небрежно, но жена слишком хорошо его знала.

Она замерла и отложила еду.

— Так вот что тебя тревожит? — горячо спросила она. — Говорю тебе, ничего подобного не будет. Я достаточно платила за грехи давно умерших людей, — она посмотрела на Хенну, — или за большинство умерших. И не хочу снова становиться бездомной. Если хочешь побродить, отправляйся. Я бу-

ду держать на окне зажженную свечу, чтобы ты смог найти дорогу домой, когда тебе надоест этот вздор.

Таер почувствовал, как *правда* ее слов снимает с его плеч огромную тяжесть, и улыбнулся.

— Думаю, Форан, — сказал он, — мы увидимся с тобой в Редерне.

Этой ночью в храме Хенны Бард пел о героических деяниях и об утраченной любви и оплакивал умерших. Иногда он пел один, иногда его дети, которые не были Бардами, но выросли в Редерне и обладали чистыми сильными голосами, подпевали ему. И когда взошло солнце, мертвые ушли из города.

Путники еще немного задержались, исследуя город, но когда первые признаки осени стали чувствоваться в воздухе, оставили старый город и закрыли его ворота, надеясь, что они сохранять его тайны еще одно-два столетия.

Таераган из Редерна повел свою семью домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 3	54
Глава 4	81
Глава 5	100
Глава 6	116
Глава 7	131
Глава 8	141
Глава 9	162
Глава 10	178
Глава 11	195
Глава 12	208
Глава 13	229
Глава 14	245
Глава 15	258
Глава 16	278
Глава 17	293
Глава 18	314
Глава 19	333
Глава 20	347
Глава 21	375

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ**

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бриггз Патриция
Удар Ворона

Редактор А.Т. Синицын
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

.

(

.

Говорят, некогда маги из Города, одержимые жаждой познания, вызвали из тьмы страшного Сталкера — и лишь чудом сумели обуздать его и заточить в городских стенах, сами же бежали и превратились в неприкаянных бродяг Странников.

Говорят, чтобы помешать Злу вырваться из Города-темницы, Странники основали пять магических орденов, каждый из которых носит имя птицы.

И еще говорят, ни один из тех, кто по праву рождения принадлежит к Странникам, не избегнет предначертанной ему судьбы...

И теперь судьба настигла целительницу Сэру из рода Ворона и ее троих детей, в каждом из которых в означенный час пробудились магические способности.

Им и их спутникам — таинственной красавице Хенне, не помнящей своего прошлого, и жалкой горетке отважных молодых воинов — предстоит вступить в схватку с порождением Зла — чернокнижником, задумавшим освободить из заточения Сталкера...

Тень Ворона
Удар Ворона

Бел
Дракона

ISBN 978-5-17-049246-6

9 785170 492466